

Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период

**Трансформация
этнической идентичности
в России и в Украине
в постсоветский
период**

**МОСКВА
2013**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

**Трансформация
этнической идентичности
в России и в Украине
в постсоветский период**

Москва
2013

Ряд исследований и публикация сборника подготовлены при финансовой поддержке проектов РГНФ «Проблемы национальной идентичности в России и в Украине в условиях глобализации» № 13-21-02003; РФФИ «Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период» № 11-06-90409 Укр-ф-а».

Рецензент: кандидат исторических наук *Л.В. Остапенко*

Ответственный редактор и составитель:
кандидат исторических наук *И.А. Снежкова*

Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 347 с.

ISBN 978-5-4211-0094-2

Сборник является результатом работы специалистов различных гуманитарных направлений: этнологов, историков, политологов, социологов, психологов России и Украины, изучающих особенности становления этнической идентичности в двух странах, ее структуру, способы формирования, символы и ценности. В коллективной работе на широком историческом и территориальном материале освещаются вопросы трансформации постсоветской идентичности, которая складывалась в условиях независимых государств.

Данное издание представляет интерес для широкого круга обществоведов, исследующих проблемы идентичности а также специалистов, занимающихся межэтническими отношениями.

ISBN 978-5-4211-0094-2

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

© Художественное оформление Е.В. Орлова, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Раздел 1. Особенности формирования этнической идентичности россиян в постсоветский период	8
<i>С.В. Рыжова.</i> Тенденции становления православной идентичности в гражданском пространстве постсоветской России	8
<i>А.А. Скоробогатая.</i> Особенности формирования этнической идентичности населения севера Башкортостана	20
<i>А.Д. Коростелев.</i> Этническая идентичность татарского и башкирского населения Южного Урала и ее фиксация в статистических источниках	51
<i>А.А. Ярлыкапов.</i> Кризис национальной идентичности в современном Дагестане: актуализация этнополитических проблем	85
<i>О.В. Калиниченко.</i> Тенденции трансформации этнической идентичности учащейся молодежи Приморского края России	103
<i>Л.А. Рыбакова.</i> Этническая идентичность первоклассников в условиях гетерогенной этноконтактной среды	115
<i>Д.А. Черниенко.</i> Украинцы на Южном Урале: история и современные этнокультурные процессы	131
<i>В.Я. Бабенко.</i> Быт и культура как фактор сохранения этнической идентичности украинцев Башкортостана	150
Раздел 2. Особенности формирования этнической идентичности украинцев в постсоветский период	196
<i>И.А. Снежкова.</i> Механизмы построения новой национальной идентичности в Украине	196
<i>И.А. Снежкова.</i> Трансформация этнической идентичности в Украине (Киев, Крым 2005–2011 гг.)	222
<i>В.Н. Павленко.</i> Отражение национальной идентичности в монументальном искусстве Украины	240
<i>В.А. Васютинский.</i> Выбор украинскими студентами языка общения как индикатор трансформации этнической идентичности	263
<i>Т.С. Воропаева.</i> Влияние Чемпионата Европы по футболу 2012 года на трансформацию национальной идентичности граждан Украины	289

<i>С.Л. Маховская.</i> К вопросу идентичности населения Слободской Украины (по материалам свадебной обрядности украинских и русских сел Луганской области)	304
<i>Г.А. Королев.</i> Украинские политические идентичности в контексте нациестроительства: от партикуляризма к соборности	314
<i>А.В. Ставицкий.</i> Проблема национальной идентичности Украины в контексте ее глобализации	328
Сведения об авторах	342

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга подготовлена учеными России и Украины, работающими в ведущих учреждениях Российской академии наук и Национальной академии Украины, а также в высших учебных заведениях этих стран.

После распада СССР прошло более двадцати лет. В России и Украине произошло становление независимых государств, а у их населения сформировались новые идентичности – этническая и национальная. Значение термина этническая идентичность предполагает осознание индивидуумами своей принадлежности к определенному этносу или этническому сообществу. Национальная идентичность авторами данного сборника трактуется как социологическая категория, отражающая этническую идентичность в документах, характеристиках, национальных символах. В некоторых научных трудах этническая и национальная идентичности отождествляются, что проявилось и в работах наших авторов. Категория гражданской идентичности тесно переплетена с указанными понятиями, она подразумевает осознание человеком принадлежности к определенному государству, которое может быть моно- или многонациональным образованием, объединенным единой территорией, чувством патриотизма и любви к Родине, принадлежности к единому сообществу.

Исследование этнической идентичности отличается особой актуальностью в период становления новых государств. Ситуация в России и Украине в этом отношении имеет сходство и различие. Россия до революции 1917 г. имела свою государственность, РСФСР в советский период была государствообразующей республикой. Тем не менее, распад Советского Союза для России оказался болезненным, т.к. она потеряла ряд исконных территорий, нарушились политические и экономические связи между республиками бывшего СССР. Однако Россия создала собственную государственность и стала преемницей Российской империи и Советского Союза.

В Украине построение нового государства происходило на волне роста национальной идентичности. Молодое государство создало новые символы и ценности, произошли изменения в языковой политике, поменялись исторические приоритеты. Единство с Россией сменилось ориентацией на Европейский союз.

В сборнике предпринята попытка осветить наиболее острые проблемы, связанные с идентичностью в различных регионах России и Украины. Первый раздел посвящен проблемам этнической идентичности в России.

Начинается он статьей С.В. Рыжовой, в которой исследуется православная идентичность в структуре национального и общегосударственного самосознания. Сложные проблемы множественной национальной идентичности в современном Дагестане подняты в статье А.А. Ярлыкапова. Проблемы идентичности башкир и татар в Северном Башкортостане рассматривают в своих работах А.Д. Коростелев и А.А. Скоробогатая.

Две этнопсихологические работы касаются изучения этнической идентичности на Дальнем Востоке и в Уральском регионе (О.В. Калиниченко и Л.В. Рыбакова). Авторы из Башкортостана (В.Я. Бабенко и Д.А. Черниенко) представили работы, посвященные сохранению в наши дни украинской идентичности на Южном Урале среди представителей украинской диаспоры, предки которых переселились на эти земли в XVIII в.

Во второй части книги рассматриваются процессы трансформации этнической идентичности в Украине. Авторы поднимают широкий круг вопросов, в контексте которых исследуется национальное самосознание. В частности, И.А. Снежкова описывает новые государственные символы независимой Украины, смену языковых приоритетов, переименование улиц, появление новых памятников и героев, трансформацию истории и т.д. Схожему сюжету посвящена статья В.Н. Павленко, в которой подробно исследуется монументальное искусство современной Украины как отражение национальной идентичности. Проблемы национальной идентичности и языковых предпочтений рассматриваются в работе В.А. Васютинского, где он подробно исследует функционирование украинского языка в современном украинском обществе. Интересны наблюдения Т.С. Воропаевой в статье о связи этнической идентичности и чемпионата Европы по футболу, проводившегося в Украине в 2012 г. и всколыхнувшего украинское национальное самосознание. Заслуживает внимания классическая этнографическая работа С.Л. Маховской, посвященная специфике свадебного обряда в этноконтактной зоне – на Луганщине, включающего элементы украинской и российской культуры как проявления этнической идентичности. В статье Г.А. Королева характеризуется украинская идентичность Галичины

и так называемой Большой Украины в контексте становления украинской государственности. Заключает сборник статья крымского автора А.В. Ставицкого, смысл которой заключается в поисках национальной идентичности не в рамках титульной нации, а среди всех народов Украины, что, по мнению автора, способствовало бы преодолению регионального самосознания и формированию общеукраинской идентичности.

Данное издание отражает очередной этап совместных исследований российских и украинских ученых различных гуманитарных направлений, и можно надеяться, что результаты научной работы, представленные в этом сборнике статей, вызовут живой интерес как у специалистов, так и у широкого круга читателей.

Раздел 1

Особенности формирования этнической идентичности россиян в постсоветский период

С.В. Рыжова

Тенденции становления православной идентичности в гражданском пространстве постсоветской России

Русская Православная Церковь (РПЦ) сегодня становится одним из активных институтов российского общества и представляет собой влиятельную силу. В ситуации усиления религиозности и роста русского этнического самосознания особую актуальность приобретает анализ процессов становления новой православной идентичности как этноконфессиональной идентичности и как идентичности, претендующей на гражданский статус и участие в процессе модернизации.

Функционирование в условиях гражданского общества, представляющего собой столкновение различных позиций и интересов – это новый опыт для РПЦ. Социальное служение церкви в современных условиях предполагает ее опосредованное влияние на общество, минуя рычаги прямого государственного управления, через широкое участие в социальных и политических проектах, включая оппонирование существующей власти. Все чаще из уст священнослужителей звучит призыв к формированию диалоговых отношений между церковью и обществом, церковью и государством. Диакон А. Кураев в интервью журналу «Фома» заметил, что главный вопрос XXI в. для верующих России состоит в том, «сможет ли Православная Церковь стать народной Церковью, не став государственной?»¹.

Зафиксированное Конституцией РФ отделение церкви от государства (ст. 14) означает, что церковь непосредственно не участвует в государственном управлении, и в правовом смысле, по мнению экспертов, предполагает, что «религиозные объединения *на общих с другими институтами гражданского общества* правах и основаниях (выделено мной – С.Р.) реализуют свое право на общественный контроль выполнения государством своих функций»². Гражданский потенциал современного российского православия во многом зависит от позиции, которую займет РПЦ МП во взаимоотношениях с государст-

вом, как определит собственное *общественное* участие в жизни страны, от той роли, какую будет играть новая православная идентичность в условиях идеологической и мировоззренческой свободы.

С одной стороны, Россия как страна, прошедшая стадию индустриализации и обладающая многими характеристиками современного общества, должна, по логике модернизационного развития, прийти к секулярному характеру общественного сознания. С другой стороны, этой тенденции противостоит усиление религиозной идентичности населения, активизация участия РПЦ в общественной жизни. Многие говорят даже об угрозе клерикализации страны. Религия в настоящее время во многом заполняет собой ценностный и идеологический вакуум, образовавшийся в период слома советской общественной системы. Но может ли православная идентичность успешно развиваться в гражданском обществе и стать одной из культурно-мировоззренческих опор для модернизации? Вопрос этот в настоящее время носит не только социально-психологический, но и политический характер.

Отделение церкви от государства, произошедшее в 1918 г., положило начало формированию подлинно гражданской позиции церкви, выражающейся в намерении осуществлять духовную миссию не с помощью государственного влияния, а через социальное служение; однако эта тенденция обретения церковью собственной гражданской позиции была прервана. Между тем, и в советский период «церковного пленения» развитие гражданской составляющей православной идентичности продолжалось, и происходило главным образом, на базе роста политического самосознания верующих³. Поэтому и в постсоветский период вопрос о мере политического участия РПЦ в жизни современной России остается очень актуальным.

Левада-Центр на протяжении последних двадцати лет в своих исследованиях отслеживает «социальный запрос» населения к церкви. Какая же функция церкви наиболее востребована? Наиболее широко поддерживаются те инициативы церкви, которые связаны с ее ролью нравственного и духовного авторитета. И эти тенденции стабильны на протяжении всего постсоветского развития страны⁴.

Таблица 1. Какую роль, по Вашему мнению, должны играть в общественной жизни России церковь, религиозные организации?

	1991	1998	2008	2012
Вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь	8	11	15	13
Поддерживать общественную мораль, нравственность	50	46	46	50
Способствовать общественному, национальному, политическому согласию	27	27	22	21
Удовлетворять духовные потребности верующих	38	36	37	49
Помогать сохранению культурных традиций	37	28	29	30
Поддерживать благотворительность и идеи милосердия	37	34	31	32
Помогать бедным и малообеспеченным слоям населения	32	39	30	37
Помогать развитию духовной литературы и искусства	11	14	13	19
Затруднились ответить	5	10	10	5

Большая часть россиян выражает сомнение в необходимости непосредственного влияния церкви на принятие государственных решений. При ответе на вопрос, «должна ли церковь оказывать влияние на принятие государственных решений?», свыше половины населения (65% в 2012 г.) не поддерживают идею тесного государственно-церковного сотрудничества в вопросах власти.

В гражданском обществе православная идентичность может развиваться как гражданская и как культурная идентичность. Как культурная идентичность она представляет собой отождествление с духовной традицией, скрепляющей социокультурное пространство России на протяжении многих веков. Многие исследователи постсоветской религиозности отмечают, что современная православная идентичность по своему происхождению – это преимущественно культурная идентичность⁵. В массовом восстановлении православной идентичности проявляется насущная потребность людей в историко-культурной идентификации с Россией, в обретении консолидирующих ценностей и символов, потребность в нравственном авторитете. В качестве культурной по содержанию, православная идентичность представляет со-

бой историческое наследие России и сегодня во многом приобретает черты этноконфессиональной идентичности.

Но сегодня, когда церковь пытается найти свое место в обществе как относительно независимый от государственной власти социальный институт, православная идентичность начинает развиваться и в «гражданском измерении», приобретая черты гражданской идентичности, для которой характерно восприятие церкви в качестве института, относительно независимого от государства, терпимость к культурному и мировоззренческому плюрализму, ориентация на преобладание в обществе горизонтальных, а не вертикальных социальных связей.

Гражданское измерение идентичности предполагает существенную долю интеллектуальной свободы и формирование соответствующих гражданскому обществу личностных черт⁶ – таких как индивидуальная ответственность, автономность, способность к межличностной и общественной кооперации на основе разделяемых интересов и ценностей.

Вопрос о соотношении и взаимном влиянии этнического/этноконфессионального и гражданского факторов в формировании современной ментальности россиян сегодня широко дискутируется в интеллектуальных кругах России. Исследования солидаризирующих и дифференцирующих основ новой российской ментальности не обходятся без обсуждения перспектив участия религиозного фактора и конфессиональной идентичности в процессах развития страны. Процесс восстановления православной идентичности в постсоветский период является своего рода «лакмусовой бумажкой», которая отражает поиски постсоветским человеком собственной идентичности в пространстве крушения СССР и возникновения нового государства в условиях экономической и культурной свободы и свободы совести. В числе факторов, способствовавших ее восстановлению, отметим идеологический вакуум, вызовы глобализации, кризис русского этнонационального самосознания, а также феномен исторической памяти. Православная идентичность возрождает и заново формирует в человеке глубокий пласт позитивных ценностных ориентаций, утерянных в годы атеистического режима и востребованных в период масштабного социального кризиса, крушения привычной идеологии и всеобщей борьбы за выживание 1990-х годов. Она является активным ресурсом и, одновременно, мотивационной и структурной опорой для государственных и церковных инициатив, направленных на развитие и поддержку интеграционных сил, которые проявили себя в важнейших областях социальной

жизни – в благотворительности и социальном служении, в стремлении ввести в государственных школах элементы духовно-нравственного образования; в усилиях, направленных на формирование в предпринимательских кругах христианских трудовых ценностей и мотиваций; в усилиях по построению правозащитной православной концепции и многих других.

В силу того, что гражданское общество не может функционировать без межэтнической и религиозной толерантности, перед православным человеком стоит задача действенного овладения всеми добродетелями христианского мировоззрения – отказ от насилия в урегулировании межэтнических и межконфессиональных споров и разногласий, умение вести диалог и поддерживать мир.

Как социологическая категория толерантность предполагает терпимость к культурному и религиозному разнообразию, признание и принятие существующих в обществе различий⁷. Согласно М. Уолцеру, толерантность к культурным и религиозным различиям можно рассматривать как шкалу, крайние полюса которой – от пассивного безразличия до той или иной меры одобрения (принятия) различий в равной мере имеют право на существование в условиях плюралистического общества⁸.

Православная идентичность современных россиян не единообразна. И дело не только в том, что она объединяет людей различного социального, демографического, образовательного или возрастного статуса, а в том, что, в конечном счете, не предъявляет к человеку иных требований, кроме стихийной веры, православной самоидентификации и хотя бы слабых попыток воцерковления. Сегодня (к счастью) нет жестких культурных, политических или государственных критериев причастности к православной традиции или принадлежности к православному духовному миру. Постсоветский человек свободен от жесткого социального контроля в вопросах веры и его выбор детерминирован, главным образом, собственными нравственными, духовными, социальными потребностями.

В общественно-политическом плане восстановление православной идентичности является значимым социальным ресурсом, который может быть направлен как на процессы гражданского строительства и поддержки модели многокультурного и многоконфессионального развития страны, так и на укрепление государственного влияния и усиления роли православия как государствообразующей религии и, следо-

вательно, поддержки национально-государственного вектора развития России. Выбор в данном случае обусловлен как государственной идеологией и поддержкой, так и той позицией, которую будет занимать церковь в вопросах собственного социального, политического, общественного участия в жизни России. Поэтому формирование собственной гражданской позиции, согласованной с богословскими основаниями православия⁹, адекватной современной социальной ситуации и отвечающей запросам православных граждан является важной задачей для церкви. По мнению экспертов (игумен Вениамин (Новик), К. Костюк, А. Кырлежев, М. Мчедлова, Л. Митрохин, С. Фирсов и др.) эта позиция церкви все еще остается неопределенной.

Самоопределение в условиях не только свободного, но и секуляризованного российского социума представляет для церкви определенную проблему. Программный документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятый в 2000 г., рассматривает обширный круг вопросов социального участия церкви в общественной жизни («церковь и нация», «церковь и государство», «церковь и политика»; отношение церкви к вопросам труда, здоровья, войны и мира, другим социальным вопросам), однако в нем не присутствует как *субъект деятельности* собственно современное российское общество, существующее без какой-либо идеологической базы, и не осмысливаются на глубоком уровне вопросы специфики православного участия в устройении общества,двигающегося в сторону плюрализма. Игумен Вениамин (Новик) справедливо отмечает, что такая позиция обусловлена в первую очередь тем, что религиозное осмысление земного благополучия «представляет значительную трудность в русском православии, в котором святость традиционно ассоциировалась с первоначальным смыслом евангельской нищеты». В православной религиозной традиции ощущается дефицит концептуального осмысления полноценной, с духовной точки зрения, жизни христианина «в миру», в том числе пока слабо репрезентирована «христиански осмысленная светская трудовая этика» и «богословски мотивированная концепция ответственности христианина перед обществом»¹⁰.

А. Кырлежев полагает, что основная проблема, которая сегодня встает перед РПЦ как социальным институтом, это умение взаимодействовать с секулярным российским обществом и государством, отделившим себя от церкви. Парадокс состоит в том, что, несмотря на повсеместное восстановление среди этнического большинства страны

православной идентичности, людей, стремящихся придерживаться церковного образа жизни (регулярное посещение храма, исповедь, причастие, пост, молитва, чтение религиозной литературы...), значительно меньше, чем православных по самоидентификации, и эта тенденция обнаруживает слабость мировоззренческих основ воссоздающейся в национальном масштабе православной идентичности.

В социальной доктрине РПЦ общество представлено в виде достаточно аморфного и пассивного субъекта – «миряне», «народ», «граждане государства». По мнению М. Мчедловой, в числе прочих причин, это может быть обусловлено еще и тем, что значительная часть приходов РПЦ МП находятся за пределами РФ. Поэтому авторы концепции стремились использовать обобщенные понятия, не привязанные жестко к современной российской реальности и позволяющие анализировать широкий круг явлений с духовных, исторических, культурных позиций. Тем не менее, в выступлениях патриарха Кирилла присутствует понимание новой роли церкви как института гражданского общества, призванного развиваться в ситуации плюрализма мнений, идей и интересов. В своей проповеди 4 декабря 2011 г. (день выборов депутатов Госдумы VI созыва) патриарх отметил: «Мы с вами добровольно избрали политическую систему, которая предполагает борьбу, конкуренцию людей, объединившихся в политические партии. Систему, которая предполагает некое разделение народа и общества. От того, как мы будем использовать эту систему, многое зависит. И пусть наши разделения, наши политические пристрастия, наши политические взгляды и убеждения никогда не разрушат единства народной жизни...»¹¹.

Размытость социальной концепции в вопросах гражданского участия церкви и верующих в жизни современного российского социума и определенные трудности с собственной идентификацией в качестве независимого от власти института, тем не менее, не мешают церкви предпринимать активные и успешные проекты в различных сферах социальной жизни. В конечном счете, эти проекты и являются тем вкладом, который вносит РПЦ в строительство именно *гражданского общества* и его дальнейшей интеграции.

Формирующаяся православная идентичность сегодня испытывается на прочность. С одной стороны, верующие (как члены церкви, так и те, кто стремится в той или иной мере к воцерковлению) объединены сильным чувством сопричастности и внутригрупповой категориальной

солидарностью. С другой стороны, функционирование РПЦ как самостоятельного института в открытом информационном пространстве сталкивается с необходимостью формирования толерантности к плюрализму мнений, к этническим и религиозным различиям, к многообразию культурных и духовных инициатив, не согласующихся с мировоззренческими основами православной идентичности.

Исследования и наблюдения дают основание считать, что наиболее востребованной со стороны разнообразных общественных и политических сил и самой доступной по механизму обретения сегодня оказывается групповая православная идентичность. *Групповая* по форме православная идентичность складывается в результате социализации в православном социуме через приобщение к нормам вероисповедания, жизни и поведения. Благодаря своим институциональным рамкам она поддерживает чувство психологической безопасности, давая возможность реализоваться многим социальным и экзистенциальным потребностям человека. Как правило, опытное (мистическое) переживание веры не является главным содержанием данной идентичности, хотя, безусловно, подразумевается ею. Однако акцент на социализации в ущерб опытному переживанию зачастую ведет к формированию группоцентристского сознания, огрублению критериев принадлежности к «нашим», выстраиванию системы психологических защит не только от «внешних», но и просто других. Это зачастую локальная идентичность, очерчиваемая кругом «своих».

Идентификационные мотивы людей, объединенных такой идентичностью, в значительной степени обусловлены потребностями в безопасности и групповой принадлежности, опосредованы мотивами сопричастности (как реальной, так и категориальной).

Поэтому когда мы говорим о широком, массовом участии религиозного сознания в процессах современного общества, то следует иметь в виду, что это будет преимущественно групповое религиозное сознание, подверженное всем правилам трансформации группового сознания – укрупнению критериев восприятия, формированию стереотипов, предубеждений и предрассудков, обретению (на основе легитимных символов) сильного чувства религиозной/этнонациональной солидарности.

Риски интолерантности, свойственные этому виду идентичности, обусловлены тем, что внутри группы, – как реальной (приход, единомышленники), так и категориальной группы, сформированной на осно-

ве сильной и общеразделяемой идентичности («мы – православные») – возможно возникновение феноменов социального усиления¹² присутствующих членам группы взглядов и установок. Помимо позитивного эффекта (переживание молитвенных чувств, единства, солидарности), такое усиление может иметь и негативные последствия – формирование предубеждений в отношении других, ужесточение межгрупповых барьеров. Социально-психологические исследования показывают, что сильная внутригрупповая идентичность подталкивает членов группы к отказу от разногласий¹³. В процессе внутреннего обсуждения и осмысления каких-либо актуальных проблем группа вырабатывает более радикальное мнение, в сравнении с усредненными индивидуальными мнениями ее членов. Поэтому в ситуации любого конфликта, трений, противоречий в отношениях с другими в результате действия этого механизма группа рискует вырабатывать ошибочные суждения, принимать ложные, далекие от реальности установки. Возникающий внутри группы «драйв единомыслия» по своему психологическому содержанию противоположен установкам позитивного (или хотя бы просто нейтрального) восприятия различий, он настойчиво подталкивает к критическому настрою в отношении многообразия и разномыслия в окружении. Подавляя разнообразие и нивелируя различия, этот социально-психологический феномен может укреплять групповой изоляционизм и создавать риски интолерантности.

Применительно к описанию мотивов верующего человека уместно использовать элементы гуманистической теории личности А. Маслоу. Согласно его концепции, личность человека по своей природе нацелена на самосовершенствование и развитие. Свободная воля и поиск высших ценностей – основные свойства человеческой природы. Одним из первых А. Маслоу заявил, что психология должна заниматься изучением «духовного измерения» человека и показал, что такие свойства личности, как сильная приверженность своим ценностям, стремление к любви, мистичность, глубокое чувство сопричастности с другими, когнитивные потребности, в числе которых потребность в различении духовно-нравственных категорий (добра и зла, целей и средств) являются неотъемлемыми свойствами человека¹⁴. А. Маслоу акцентировал внимание на «высших» потребностях человека, доказав своими исследованиями, что социальные, гуманистические, экзистенциальные потребности (в любви, безопасности и защите, сопричастности и принадлежности, уважении и самоуважении, самоактуализации) рождают

мотивацию того поведения, которое делает человека человеком, формирует его мировоззрение, поддерживает систему убеждений и ценностей.

Чем же обусловлен возможный дрейф религиозной идентичности в сторону возможной интолерантности и радикализма? Не претендуя на полное описание всех факторов и детерминант этого процесса, обратим внимание на то, что в основе такого дрейфа идентичности на психологическом уровне лежит инверсия идентификационных мотивов, обусловленная фрустрацией «высших» потребностей и сопряженной с этим подменной позитивной потребности своим негативным антиподом, который, становясь социальным мотиватором поведения верующего человека, толкает его поведение в сторону дезадаптивных моделей. Например, когда потребность в безопасности трансформируется в мотив изоляции, а потребность в принадлежности и сопричастности – в охранительную локальную идентичность за счет сужения «идентификационных» объектов, можно говорить о том, что произошла инверсия идентификационных мотивов групповой православной идентичности. Подобная инверсия в состоянии обеспечить этногрупповую мобилизацию православного сознания простыми и сиюминутными политическими лозунгами, «православное» обеспечение межэтнической интолерантности и радикализма.

Исторически русскому православному самосознанию удавалось быть объединяющим и веротерпимым фактором на территории полиэтничной и поликонфессиональной империи. И сегодня православие в качестве духовной силы российского общества может быть только миролюбивым, толерантным к социальному многообразию и веротерпимым. Экстремистские установки входят в противоречие с сутью христианского учения. Риски этнической и конфессиональной нетерпимости порождаются не верой, а трактовкой религиозным сознанием острых социальных противоречий и проблем, возникающих в условиях социального кризиса и падения нравственного авторитета светской власти. Поэтому для верующего человека наиболее важным сегодня условием формирования толерантной православной гражданской позиции является не только реальное отделение церкви от государства, но и наличие уважаемой, авторитетной светской власти. Отказ же церкви от государственных функций *легитимного насилия* и контроля позволит ей выступать с миссией социального посредничества во взаимоотношениях народа и власти, формировать и строить такую

идентичность своих прихожан, которая была бы терпима к плюрализму мнений, могла бы стать проводником идей социального компромисса, согласия и миролюбия. В условиях гражданского общества церковь призвана сформировать такие установки христианина, которые позволили бы верующим быть в диалоге, а не в «объятьях» с государством, сотрудничать с ним в делах милосердия и социального служения, и оппонировать ему в инициативах, связанных с осуществлением функций репрессий и насилия.

¹Право быть с Богом на «ты». Интервью диакона А. Кураева журналу «Фома» // Сайт журнала «Фома». <http://www.foma.ru/articles/423/> (дата обращения 15.10.2010).

²Понкин И. Отзыв на законопроект «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации», разработанный депутатом Государственной Думы А.В. Чувевым // Русский журнал – ежедневное сетевое издание. <http://religion.russ.ru/expert/20020702.html> (дата обращения: 12.10.2010).

³Костюк К.Н. Русская православная Церковь в гражданском обществе // Сайт On-line библиотека. <http://www.xserver.ru/user/ruszo/> (дата обращения 12.03.2012).

⁴Общественное мнение 2012. Ежегодный сборник. Электронный ресурс. <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2012>.

⁵См.: Мчедлова М.М. Религия и политические императивы. М., 2011; Синелюба Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социол. исслед. 2001. № 7; Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 100; Возьмитель А.А. Социология религии и образ жизни // Социологические исследования. 2007. № 2.

⁶Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. Т. 2. № 4. Осень 1997.

⁷Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. // Сайт Организации Объединенных Наций. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 1.07.2012).

⁸Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 25–26.

⁹О необходимости разработки богословских оснований гражданского общества и социального участия см.: К.Н. Костюк. Русская православная Церковь в гражданском обществе // Сайт On-line библиотека. <http://www.xserver.ru/user/ruszo/> (дата обращения 12.03.2012); Кырлежев А. Русская Православная

Церковь перед проблемой модернизации // Портал «Религия и СМИ». http://www.religare.ru/2_8380.html (дата обращения 14.07.2012); *Кырлежев А.* Церковь и мир в социальной концепции Русской Православной Церкви // *Власть Церкви. Публицистические статьи: 1994–2000. М., 2003.*

¹⁰ *Игумен Вениамин (Новик).* Об «Основах Социальной концепции Русской Православной Церкви». Критические замечания на первые пять глав // *Императив. Сетевое издание Институционального общества.* <http://www.imperativ.net/imp7/novick3.html> (дата обращения 10.01.2012).

¹¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы в Донском монастыре // *Официальный сайт Русской Православной Церкви.* <http://www.patriarchia.ru/db/text/1801162.html> (дата обращения 15.05.2012).

¹² *Irvin L. Janis* «Groupthink» // *Psychology Today.* Nov. 1971.

¹³ *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1997. С. 374–379.

¹⁴ *Maslow A.* *Motivation and Personality.* N.Y., 1979. P. 153–170.

Особенности формирования этнической идентичности населения севера Башкортостана

*«Северо-западная область,
отличающаяся особым типом башкир,
занимает северную часть Башкирии,
севернее параллели г. Уфы и к западу от
Уральского хребта»¹*

Длительное и интенсивное межкультурное взаимодействие является одной из характерных особенностей исследуемого региона. Северная Башкирия в течение нескольких столетий была зоной интенсивных межэтнических контактов, которые повлияли на национальное самосознание и на все стороны материальной и духовной культуры населяющих его народов – башкир, татар, удмуртов, марийцев, чувашей, русских. Эти контакты носили различный характер. Преимущественно они были мирными, проявлялись во взаимодействии в области хозяйства и материальной культуры, затрагивая нередко языковую сферу и духовную культуру в целом².

Согласно данным переписи населения 1989 г., население Республики Башкирия имеет следующий этнический состав: башкиры – 21,9% населения республики, русские – 39,3%, татары – 28,4%, чувашаи – 3,0%, марийцы – 2,7%, украинцы – 1,9%, мордва – 0,8%, удмурты – 0,6%, другие национальности – 1,4%³. На севере Башкирии процентное соотношение этнических групп отличается от соотношения по Башкирии в целом. Так, по той же переписи 1989 г. сельское население Янаульского района состоит на 39,7% из башкир, на 25,1% из татар, на 20,8% из удмуртов, марийцы составляют 10,1%, русские – 3,9%, другие национальности – 0,4%. В Аскинском районе башкиры составляют 42,5%, русские – 29,9%, татары – 26,0%, другие национальности – 1,6%. Особенностью севера Республики является то, что здесь находится основная территория расселения удмуртов и марийцев в Башкирии.

Заселение севера Башкирии было достаточно сложным процессом. На раннем этапе в формировании населения региона участвовали финно-угорские и тюркские народы. Во II–VII вв. на территории северной и северо-западной части Башкирии, в Южной части Пермской об-

ласти на средней Каме обитали племена бахмутинской культуры. Она сформировалась как культура угорских племен. Кроме того, некоторые исследователи допускают, что в формировании племен бахмутинской культуры V–VII вв. участвовало и пришлое, тюркское, население⁴. Древнее, угорское, население региона, несомненно, принимало участие и в этногенезе северных башкир, что подтверждается и тем, что в VIII–IX вв. в культуре населения края, которое исследователи определяют уже как башкирское, сохранились элементы, восходящие к культуре местных племен V–VII вв.⁵ Смешение их предков с аборигенным населением отразилось в различных этноисторических преданиях⁶.

Динамика численности населения севера Башкирии

Север Башкирии является одним из самых сложных районов республики по этническому составу. Вопрос об этнической идентичности населения, проживающего в этом регионе, в последнее время получил не только научную, но и политическую окраску.

До середины XVI в. территория севера и северо-запада Башкирии в основном была населена башкирами. Со второй половины XVI и вплоть до начала XX в. шло интенсивное заселение этой области тюркскими (казанские татары, мишари, чувашаи), финно-угорскими (удмурты, марийцы и мордва) и восточнославянскими (русские, украинцы, белорусы) народами, различными по культуре и происхождению. В результате за последние три-четыре столетия этническая картина данной территории изменилась полностью и уже в прошлом веке динамика численности населения выглядела иначе.

Таблица 1. Динамика численности населения севера Башкирии по основным национальностям за 1917–1989 гг.*

№	Население региона	1917 г.		1926 г.		1979 г.		1989 г.	
		Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
1.	Башкиры	208579	31,1	177812	33,2	213572	38,9	150718	27,8
2.	Татары	12507	1,9	71574	13,4	120688	22,0	183223	33,7
3.	Русские	170239	25,4	148536	27,7	108869	19,8	107215	19,8
4.	Удмурты	29277	4,4	21903	4,1	22442	4,1	20258	3,7
5.	Мишари	63945	9,5	41085	7,7	–	–	–	–
6.	Тептяри	81815	12,2	8579	1,6	–	–	–	–
7.	Мусульмане	14812	2,2	–	–	–	–	–	–
8.	Другие	88858	13,3	66157	12,3	83256	15,2	81622	15,0
9.	Всего	670032	100,0	535646	100,0	548827	100,0	543036	100,0

* Таблица составлена по следующим источникам: *Роднов М.И.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 119–120; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 4. С. 334–337; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990. С. 62–103. Численность населения северо-западной Башкирии дается на 1917 г. в границах Бирского уезда Уфимской губернии, на 1926 г. – в границах Бирского кантона Башкирской АССР, на 1979 и 1989 гг. – по районам, территория которых полностью или большей частью ранее входила в Бирский кантон (Аскинский, Балтачевский, Бирский, Бураевский, Дюртюлинский, Илишевский, Калтасинский, Караидельский, Краснокамский, Мишкинский, Татышлинский, Янаульский районы, г. Нефтекамск).

Из данных таблицы 1 видно, что численность русского и удмуртского населения в регионе со временем уменьшается, а такие группы населения, как мусульмане (имеется в виду самоназвание, а не просто религиозная принадлежность), тептяри и мишари вообще исчезают. Динамика численности башкир и татар имеет разнонаправленные тенденции – численность то уменьшается, то увеличивается практически в равных пропорциях: если татарское население численно увеличивается, то башкирское уменьшается, и наоборот. Это позволяет предположить, что численные изменения в этнических группах башкир и татар происходят за счет перехода части населения из одной этнической группы в другую. Исследователи отмечают такого рода изменения и до 1917 г., в XIX в.: «резкий спад численности татар и, напротив, повышение численности башкир с 1857 по 1897 г.»; в составе башкир специалистами было учтено «около 350–450 тыс. мишарей и тептярей»⁷, а затем произошел «обратный отлив значительной части “новобашкир” в соответствующие национальности»⁸.

Такого рода этнические процессы имеют исторические корни, и в разное время наблюдались разные тенденции в изменении этнической идентичности населения региона. «Уклоняясь от платежа, многие тептяри из христиан принимали магометанство и, вопреки запрещению, стали зваться – Башкирами, между тем как Башкиры – землевладельцы были хорошо известны правительству, – о них воеводы должны были každогодно подавать списки в Кабинет и Сенат»⁹. Впоследствии отмена кантонной системы в 1863–1864 гг. и тем самым упразднение как такового сословия тептярей способствовали восприятию самоназвания «башкиры» тюркским крестьянством северо-западной части Уфимской губернии. Название «башкир» так же вытеснило конкури-

рующее название «мишар», «мещеряк». В значительной мере этому способствовало происходившее размежевание земель между вотчинниками и всеми остальными крестьянами.

«Земельные и сословные привилегии башкир, сохранившиеся и после перевода их в общее гражданское состояние, память об историческом прошлом – среди всех народов Урала и Среднего Поволжья только они в феодальной России не попали в податное население, сберегли немалую внутреннюю автономию – также оказали воздействие»¹⁰. По мнению М.И. Роднова, «вопросы национальной, социальной психологии здесь сыграли особую роль»¹¹.

Одновременно нарастали противоположные процессы, которые резко активизировались в начале XX в. М.И. Роднов считает, что «за прошедшие полвека самоназвание “башкиры”, давно утратившее всякий административный, сословный, практический смысл, стало выглядеть как архаичное напоминание о днях минувших»¹². Для новых поколений крестьян – потомков бывших «припущенников» – оно уже ничего не значило. Резкое ускорение общественного развития в эпоху буржуазных преобразований, рост национального самосознания, вызванный прогрессом в деле народного просвещения, распространение грамотности, все нарастающий поток в деревню книг и газет, формирование кадров национальной интеллигенции неминуемо должны были положить конец подобному неопределенному положению. Кроме того, примерно к 1900 г. в Уфимской губернии завершилось размежевание земли между вотчинниками и «припущенниками», были определены и юридически закреплены точные границы земельных владений деревень (общин). Для первой стадии капитализма в России была характерна тенденция утраты реального значения сословной принадлежности в гражданской жизни, что, вероятно, в определенной степени также повлияло на «разбашкирование» крестьянства. Что и зафиксировали переписи XX в. – как уже отмечалось, численность башкир падает (см. табл. 1). Это был общий для Уфимской губернии процесс¹³.

Противоположная тенденция – «отток» из башкир или отказ от самоназвания «башкиры» в среде тюркского крестьянства Уфимской губернии приобрела своеобразные формы. Необходимо иметь в виду, что татарское этническое самосознание сложилось довольно поздно. Даже на территории нынешнего Татарстана татары долго не принимали этого этнонима, данного им русскими, и предпочитали называть себя мусульманами, булгарами, «казанлы» (казанские). Лишь в тече-

ние XVIII–XIX вв. термин «татар» стал для этого народа общепринятым самоназванием¹⁴. Сказанное особенно верно для периферии татарского этнического ареала, где этот этноним распространился еще позже. Если даже в Казанском Поволжье крестьянство с трудом воспринимало этноним «татары», то в глухих, удаленных от основных экономических и культурных центров татарского народа сельских районах Уфимской губернии самоназвание «татары» тем более не получило широкого распространения. В своих исследованиях М.И. Роднов приходит к выводу, что в этом отношении наиболее показательна перепись 1917 г., в которой весьма часто национальность у отдельных пришлых, недавно поселившихся посторонних крестьян-татар в подворных карточках записывалась не просто «татары», а с добавлением территориально-земляческой принадлежности – «казанские татары». Подчеркивалось нездешнее происхождение крестьянина.

Когда исследователи, как татарские, так и башкирские, пишут о миграциях татар на территорию северо-западной и западной Башкирии, начавшихся не позднее XVI в. и продолжившихся в последующие столетия¹⁵, они имеют в виду группы населения с татарским языком и татарской культурой, которое, скорее всего, еще не было татарским по самосознанию. До конца 1920-х годов этническая статистика фиксировала наличие в крае еще двух тюркоязычных этнических групп – мишарей и тептярей, которые затем влились в состав местных групп татар и башкир¹⁶.

По мнению А.Х. Халикова, С.Х. Алишева и других историков, к моменту покорения русскими Казанского ханства в середине XVI в. местное тюркское население называло себя казанцами, мусульманами или булгарами. Определение «татарин» было непопулярно. Современник отмечал, что «если их называют турками (татарами), они недовольны и считают это как бы бесчинством. Название же бессермяне (мусульмане) их радует»¹⁷. Этноним (экзоэтноним) «татары» постепенно утверждался под влиянием русских, которые так называли всех тюркоязычных жителей империи. В XIX в. татарская национальная буржуазия, интеллигенция, духовенство в своем стремлении к самоутверждению, сплочению перед русско-христианским миром, изучению собственного исторического прошлого, обращаясь к эпохам Чингисхана и Золотой Орды, также воспринимает этноним «татары» не как «воры», «бусурмане», а как нечто значительное. В народные массы, в особенности в сельское население, этноним «татары» проникал тяжело. Так, в 1880-е

годы Ш. Марджани ругал татар за то, что они не принимают названия «татары», а называют себя мусульманами и казанцами. В татарской печати шла оживленная дискуссия о названии народа, агитация за новый этноним. Но еще в конце XIX в., по свидетельству Г. Ибрагимова, «на человека, который называл казанского мусульманина татаринном, нападали с кулаками, считая такое название оскорбительным»¹⁸.

Академик В.В. Бартольд констатировал: «Перед революцией 1917 г. поволжские турки после нескольких споров приняли название “татары”. Татарская этническая общность имеет сложную внутреннюю структуру, которая в полной мере еще не проанализирована. Объясняется такое положение несколькими причинами. Известно, что в России и в Западной Европе длительное время татарами называли практически все тюркские (иногда и не тюркские) народы (за исключением турок), что создало историографическую традицию расширительного применения термина “татары”»¹⁹. Утверждение этнонима «татары» повлияло на динамику численности татарского населения, что связано с фиксацией в различных статистических документах нового самоназвания представителей данной этнической группы, прежде записанных башкирами (по языку или сословию). Идеи пантюркизма и панисламизма, звучавшие в период этнической консолидации и самоопределения татар, выражались в стремлении этноса к национально-культурной автономии²⁰.

М.И. Роднов, анализируя данные переписей 1912–1913 гг. и 1917 г., делает следующий вывод: «отказ от самоназвания “башкиры” не привел (и не мог привести) к массовому распространению этнонима “татары”. Более того, перепись 1917 г. по всем трем уездам (Бирскому, Белебеевскому и Стерлитамакскому. – А.С.) дает даже сокращение численности татар в сравнении с переписью 1912–1913 гг. Сопоставление данных двух этих переписей показывает нередкие примеры вытеснения названия “татары”»²¹. По его мнению, «смена самоназвания у крестьянства северо-западной части Уфимской губернии имела несколько вариантов. Во-первых, произошел естественный возврат к прежним этническим наименованиям (мишари, мари-черемисы). Следует отметить устойчивое состояние этнонима «мишар» в начале XX в., к которому вернулась основная часть «мещеряков». Во-вторых, принципиально новым явлением, зафиксированным переписью 1917 г., стало появление самоназвания «мусульмане (магометане)». Другим вариантом отказа от самоназвания «башкиры» явилась, говоря условно,

«тептяризация». Среди большого числа бывших поволжских тюрков, забывших, утративших свои прежние «племенные» наименования, а также среди отатарившихся угро-финнов и башкир широкое распространение получает вновь возродившийся, но уже в качестве этнического, а не сословного самоназвания термин «тептярь». При слабом проникновении этнонима «татары» и отсутствии иных наименований именно слово «тептярь» становится в начале XX в. самоназванием татар северо-западной части Уфимской губернии и отатарившихся групп населения. Вообще для тюркоязычных припущенников начала XX в. характерна неустойчивость этнических самоназваний. Перепись 1917 г. зафиксировала достаточно широкое распространение двойных (тептяри-татары), а то и тройных (башкир-тептярь-магометанин) самоназваний. Отсутствие единого общепризнанного устойчивого названия вело к частым изменениям самоназваний»²².

Этот регион, начиная примерно со второй половины XVI в., является зоной активных контактов местного башкирского населения с близкими к ним по языку и культуре татарами. Процесс миграции татар в силу исторических, хозяйственных и других причин с этого времени и до XIX в. был направлен в эти районы. По оценке Р.Г. Кузеева, в северо-западной Башкирии башкиры и татары расселены преимущественно на одних и тех же территориях, но отдельными деревнями, в западной Башкирии – часто в одних и тех же деревнях «концами». Смешанность башкирского и татарского населения в указанных районах высокая; нередко в одних и тех же семьях родные братья и сестры имеют разную этническую принадлежность, «относят себя к башкирам и татарам»²³.

Как отмечает А.З. Асфандияров, «царское правительство, боясь сближения и совместной борьбы народов против феодального гнета, всячески вмешивалось в личную жизнь своих подданных: запрещали национально смешанные браки (указы от 11 февраля 1736 г., 4 марта 1737 г., 1830 г.). Однако запреты правительства не всегда достигали цели, напротив, взаимодействия между западными башкирами и татарами-переселенцами из года в год усиливались в различных областях жизни»²⁴.

Анализируя источники XIX в., С.И. Руденко в своей работе «Башкиры. Историко-этнографические очерки» на вопрос «Существовала ли у башкир при экзогамии в отношении рода и эндогамия, т.е. обязательно ли башкир должен был жениться на башкирке?» отвечает следующим

образом: «Разумеется, башкиры брали в жены главным образом башкирок, но эндогамии, как правила, в указанном смысле, по-видимому, никогда не было. Известны факты, когда башкиры неоднократно во время былых набегов на казахов уводили к себе их жен. С падением Казанского царства и усилением миграции татар в страну башкир последние охотно роднились с ними. Насколько значительно было смешение башкир с татарами, можно видеть хотя бы по тому, что из опасения влияния татар на башкир, последним было запрещено указом от 11 февраля 1736 г. сватовство с казанскими татарами без челобития и без разрешения Казанского губернатора. За разрешение такого брака взыскивалось в казну по драгунской лошади с каждой свадьбы, с женившегося без разрешения бралось по три лошади, а за повторную вину нарушитель указа ссылался. В начале XX в. башкиры вступали в перекрестные браки, особенно на окраинах Башкирии, со своими соседями, исповедовавшими ислам: татарами, мишарями, тептярями»²⁵.

С XVII по XIX в. башкирами, в особенности в приуральской Башкирии и на севере ее, было ассимилировано значительное количество татар и мишарей, в меньшем числе мари и удмуртов, что не могло не отразиться как на местных отличиях физического типа, так и на бытовых особенностях башкир. Прежде всего, автор отмечает, что не может быть речи о едином типе, характерном для всех башкир. Этот народ образовался в результате смешения разнородных, как европеоидных, так и монголоидных племен. Взаимные перекрестные браки между башкирскими родами в пределах сравнительно ограниченных территорий, с одной стороны, содействовали сложению относительно единого физического типа, а с другой стороны, в результате заведомой примеси иноплеменных элементов выявились и местные особенности физического типа этого народа. В результате произведенного исследования представилась возможность выделить три области, с отдельными внутри их районами, с населением, отличающимся своими особыми антропологическими признаками²⁶.

«Нигде в Башкирии нет такого этнически пестрого состава населения, как в северо-западной области», – пишет С.И. Руденко. «Там между башкирскими деревнями, помимо русских селений, повсюду встречаются деревни тептярей, татар, мишарей, чувашей, мари, удмуртов. В этой области среди исследованных башкир особенно большой процент таких, матери которых не башкирки, а главным образом татарки, мишарки и тептярки»²⁷.

А.Р. Ганеева охарактеризовала эту ситуацию таким образом: «В этническом составе северо-западных башкир отложились компоненты различных эпох, свидетельства более чем тысячелетней истории. Сложившийся синтез культур трудно поддается анализу, хронологической и этнической дифференциации. Исследования осложняются и тем, что этнокультурные различия между татарами и башкирами в северо-западной Башкирии в целом ряде случаев четко не улавливаются»²⁸. «Суть проблемы заключается в том, что взаимодействие и взаимовлияние на протяжении длительного времени близкородственных по языку и культуре народов – башкир и татар – привело к сложению северо-западной этнографической группы башкир и уфимской (приуральской) группы татар»²⁹. По мнению А.Р. Ганеевой, «компоненты общности» в материальной и духовной культуре башкир и татар северо-западной Башкирии делают невозможным в ряде районов «проведение четких этнокультурных границ между татарами и башкирами. Высокий процент межнациональных башкирско-татарских браков зачастую вообще снимает вопрос об этнической принадлежности, который в глазах населения приобретает сугубо ретроспективно-историческое значение. В западных районах Башкирии татары и башкиры склонны не различать друг друга, хотя татароязычность обуславливает совершенно определенные отношения родителей к языку обучения их детей в школе»³⁰.

На размытость этнических границ между башкирами и татарами в начале XVII в. в этом районе уже указывает Д.М. Исхаков³¹. При комплексном анализе этнокультурной ситуации в Приуралье обнаружались серьезные трудности этнокультурной (в т.ч. и языковой) дифференциации татарского и башкирского населения северо-запада Приуралья. Общий вывод заключается в том, что ни в культурно-бытовом, ни в языковом отношениях между татарским и башкирским населением данной зоны различий нет; этническое самосознание также нечеткое³². В тоже время М.И. Роднов отмечает, что в начале XX в. отношения между православными этносами отличались близкими контактами, совместным проживанием и началом ассимиляции (аккультурации) мордвы, украинцев, белорусов. Внутримусульманские (у башкир и татар) процессы сохраняли, с одной стороны, традиционное единство, общность языка, культуры и религии, но, с другой стороны, в начале XX в. происходило нарастание противоречий вотчинников (башкир) и припущенников (главным образом татар) из-за растущего малоземе-

ля последних. Одновременно наблюдалось становление башкирской интеллигенции, прослойки предпринимателей (среднего класса), началось создание чисто башкирских структур сначала в сфере просвещения (периодическая печать, литература и т. д.), а затем и политики, все более отдаляя башкир от общемусульманского единства, фактически означавшего примат татарского этноса³³. Эти данные позволяют предположить наличие амбивалентной (двойственной) этнической идентичности у некоторых этнических групп Башкирии.

В настоящее время мнения по поводу самосознания, прежде всего башкир, населяющих северо-западную Башкирию, разделились. Д.М. Исхаков полагает, что родоплеменное образование «башкир» Восточного Закамья восходит, по меньшей мере, к XVI–XVII вв., и что эти «башкиры» даже к концу XIX в. не имели башкирского этнического самосознания, и поэтому их можно считать принадлежавшими к татарскому этносу³⁴. Противоположную точку зрения занимает М.М. Кульшарипов. Он считает, что западные башкиры всегда устойчиво сохраняли свое национальное самосознание, т.е. четко осознавали свою принадлежность именно к башкирскому этносу³⁵.

Р.Г. Кузеев отмечает, что «этническое самосознание всех этих образований было достаточно четким, что зафиксировано переписями конца XIX – начала XX вв. Самосознание является главным ориентиром при этнической идентификации и поэтому сегодняшние попытки усмотреть в Западной Башкирии под названием «башкиры», «татары», «тептяри» только единую общность, а именно татар, является научным анахронизмом»³⁶.

А.Д. Коростелев в работе «Динамика этнического состава сельских поселений Башкортостана (К проблеме татаро-башкирской межэтнической напряженности)» на основе сопоставления данных по сельским поселениям за 1870, 1913–1920, 1959, 1979 и 1989 гг. и компьютерной их обработки осуществил диахронный пространственный анализ. В качестве базового списка поселений был выбран перечень, насчитывающий около 5 тыс. поселений, расположенных в 24 административных районах западной и северо-западной Башкирии. Очертания этой территории относительно близки к границам Бирского и Белебеевского уездов Уфимской губернии по дореволюционному административному делению (Бирского и Белебеевского кантонов БАССР по делению 1920-х годов). По мнению автора, «ввиду невысокой мобильности сельского населения такие колебания в национальном составе насе-

ления, по всей видимости, связаны в большей степени с изменением этнической принадлежности постоянных жителей, чем с притоком мигрантов – представителей других этносов. В то же время следует иметь в виду, что фиксируемая статистическими органами этничность может отличаться от реального этнического самосознания некоторой части населения»³⁷.

Формирование этнической идентичности населения севера Башкирии

Наиболее интенсивными были процессы взаимодействия башкир с другими тюркско-мусульманскими группами, которые обычно фиксировались в источниках в соответствии с их сословной принадлежностью – тептярями, служилыми мещеряками, ясачными татарами. При этом необходимо заметить, что и само название «башкиры» одновременно имело два значения: сословное и этническое. По мнению Р.Г. Кузеева, этот процесс, по сути дела еще далекий от завершения, протекал настолько специфично, что его содержание и последствия требуют специального изучения³⁸.

«В западных и северо-западных районах Башкирии, где расселялись преимущественно тюркоязычные переселенцы, они численно стали преобладать над башкирами. Это придавало этническим процессам здесь определенную направленность: башкиры постепенно стали воспринимать язык и культуру пришлых родственных им этнических групп, хотя, с другой стороны, пришлое население (прежде всего тептяри) испытывали этнокультурное воздействие башкир. Своеобразие процесса заключалось в том, что эти изменения в языке и культуре не только не сопровождались разрушением национального самосознания башкир, но, наоборот, часть пришельцев – тептярей и мишарей – стала называть себя башкирами. Очевидно, объяснение этой особенности надо искать в условиях социально-экономической жизни общества. Башкиры, будучи служилым сословием, обладали в кантонный период некоторыми привилегиями: неся военную службу, они не платили подушной подати и кроме того имели традиционные вотчинные права на земли»³⁹.

Сложность проблемы обусловлена тесной языковой близостью двух тюркоязычных народов. Кроме того, существует обширная этнокультурная и языковая переходная зона (на северо-западе и западе Башкирии). На протяжении, по крайней мере, последних полутора сто-

леть статистика фиксировала массовые случаи изменения этнической принадлежности, когда часть татар при проведении очередной переписи записывалась башкирами, и наоборот, часть башкир – татарами⁴⁰. Так, по данным переписи 1989 г., в некоторых районах Башкортостана существенно снизилась численность башкир и соответственно возросло число татар, тогда как предыдущая перепись 1979 г. отмечала обратные явления.

Статистические материалы показывают, что, начиная с переписи 1926 г., большинство башкир, живущих в тех районах, где фиксировались эти колебания, называют своим родным языком татарский⁴¹. В этих же районах сосредоточена значительная часть татарского населения Башкортостана. При этом этническое развитие тех и других отклоняется от магистрального направления развития своих основных этнических массивов⁴², то есть этническая история татар Башкортостана существенно отличается от этнической истории татар Татарстана и также башкир западных от восточных.

Группы с неустойчивым самосознанием появились уже к середине XIX в., чему помимо языкового и культурного сближения способствовали и некоторые административные реформы, менявшие содержание терминов «башкир», «тептяр» и т.д.⁴³ Однако, если в то время наиболее привлекательным был переход в состав башкир, то в начале XX в., в условиях массового обезземеливания, затронувшего различные категории населения, термин «башкир» утратил престижное сословное значение, и часть тептярей и мишарей, ранее перешедших в состав башкир, снова возвращается к прежней идентификации⁴⁴. В то же время увеличивается влияние татарской буржуазии и татарской профессиональной культуры⁴⁵.

Вопрос об этнической и языковой идентичности населения западного и северо-западного районов Башкортостана в конце 1980-х и в 1990-е годы стал одним из ключевых в национальных татаро-башкирских отношениях. Особую актуальность вопрос о национальной принадлежности «северо-западных башкир» приобретает накануне предстоящих переписей⁴⁶.

Также учеными предпринимались попытки комплексного изучения этнических и этноязыковых процессов в северо-западной Башкирии⁴⁷.

В 1926 г. в Башкирской АССР из 625 845 башкир считали татарский язык родным около 280 тыс. башкир, в 1939 г. из 671 188 – около 306 тыс., в 1959 г. из 737 711 – около 309 тыс., в 1979 г. из 935 880 – около

300 тыс., в 1989 г. из 863 808 – около 216 тыс. человек⁴⁸. Заметное сокращение численности башкир в БАССР по переписи 1989 г. сопровождалось пропорциональным ростом татарского населения в одних и тех же районах. Если подобная тенденция сохранится, то по следующей переписи численность западных башкир может сократиться, по мнению Р.Г. Кузеева, «еще примерно на 100 тыс. человек или эта древняя этнографическая группа башкирской нации вовсе исчезнет, влившись в состав татарского этноса»⁴⁹. Следовательно, в ситуациях, когда языковая и этническая принадлежность не совпадают, было бы неверно абсолютизировать лингвистические данные. В этногенетических построениях это может привести к искаженной картине этнических процессов, а в национальной политике – к дисгармонизации межнациональных отношений. Представляется совершенно правильным заключение Н.В. Бикбулатова, который пишет: «От того, что разговорный язык северо-западных башкир в силу определенных обстоятельств стал отличаться от литературного языка, они никак не могли утратить единства со своим народом, связей со своими предками, исконными обычаями и традициями. Все это образует чувство национальности, национальное самосознание»⁵⁰.

Вместе с тем вопрос о разговорном языке северо-западных башкир остается проблемным, требует тщательной разработки и обсуждения. Сами западные и северо-западные башкиры называют свой язык татарским. Исследования Т.Г. Баишева в 1950-х годах привели его к заключению, что язык данной группы – самостоятельный западный диалект башкирского языка⁵¹. К этому мнению присоединились многие языковеды. С.Ф. Миржанова в своих работах по языку северо-западных и западных башкир пришла к выводу, что «данная языковая зона состоит из группы говоров (ею выделены караидельский, таныпский, нижнебельско-икский и гайнинский. – А.С.), которые в своих исторических истоках взаимосвязаны с говорами восточных и южных диалектов башкирского языка и территориально составляют неразрывный единый лингвистический ареал»⁵². Такой же точки зрения придерживался А.А. Юлдашев, который, однако, отмечал, что этот диалект «все больше сближается с татарским литературным языком»⁵³, что «все наиболее значительные особенности северо-западного диалекта объединяют его с территориально близкими к нему говорами среднего диалекта татарского языка, а отличаются они лишь частностями»⁵⁴. Дж. Г. Киекбаев, напротив, считал, что разговорный язык

западных башкир к XIX в. полностью татаризовался; башкирским его можно назвать лишь условно, в историческом плане⁵⁵. Татарские языковеды, в частности, А.Ш. Афлетунов, Л.Т. Махмутова, Д.Б. Рамазанова считают, что в разговорном языке северо-западных башкир черты башкирского языка исчезли⁵⁶. Все его звуковые, грамматические, фонетические и другие характеристики те же, что и у говоров среднего диалекта татарского языка: бардымского, гайнинского, бирского, мензелинского, байкибашевского. В то же время в недавнем исследовании М.З. Закиева говорится, что говоры башкир западной и северо-западной Башкирии, обладающие признаками и башкирского, и татарского языков, с одинаковым основанием могут быть отнесены как к башкирскому, так и татарскому языкам⁵⁷. Т.М. Гарипов писал о «смешанном, переходном характере» языка западных и северо-западных башкир⁵⁸.

Вопрос о схожести языков тюркских этносов, населяющих Башкирию, интересовал исследователей, начиная с XIX в. Н. Катанов в своей работе «Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1888 г. в Белебеевский уезд Уфимской губернии» делает следующие выводы: «Из приведенных примеров, характеризующих наречия казанских татар, уфимских татар, тептярей, мещеряков и башкир, можно видеть, что наречия первых трех племен во всех почти отношениях сходны друг с другом, что наречие мещеряков от первых трех отличается лишь в отношении фонетики, что морфология первых четырех наречий за немногими исключениями одна и та же и что башкирское наречие восточной части Уфимской и северной части Оренбургской губернии морфологически более сходно с киргизским (казахским. – А.С.) наречием, нежели с наречиями уфимско-татарским, казанско-татарским и тептярским. В дополнение к сему выводу нужно заметить, что башкиры западной части Уфимской губернии в отношении языка почти вполне ассимилировались с тептярями и татарами, и потому их наречие резких особенностей не представляет»⁵⁹.

Нужно отметить, что процессам «татаризации» были подвергнуты не только башкиры. В 1895 г. в «Этнографическом обозрении» была опубликована статья автора из г. Бирска П. Ерусланова «Родственный союз по понятиям восточных черемис», в которой он так характеризует ситуацию, сложившуюся на тот момент: «... для черемисского языка, с одной стороны, и народности, с другой, – представляется большая опасность быть поглощенными татарским языком и народностью, как

это случилось в Уфимской губернии с башкирами, совершенно слившимися с татарами-магометанами в один смешанный тип уфимских татар, и вотяками, наполовину уже омагометанившимися»⁶⁰.

С. Рыбаков в своей работе «Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии» отмечает следующее: «Еще в начале 70-х годов (XIX в. – А.С.) и раньше было известно о распространении мусульманства и среди Уфимских инородцев; так, было известно, что в Бирском уезде до 40 тысяч черемис, большею частью язычники, подвергались отатарению. То же самое явление оказалось и в других уездах Уфимской губернии <...> Мужчины между собой говорят исключительно по-татарски; употребление же черемисского языка между мужчинами считается признаком отсталости <...> Влияние магометан на вотяков отразилось в Уфимской губернии еще более, чем на черемисах. Есть деревни, где вотяки совсем отатарились и построили мечети <...> Следует отметить то характерное явление, что все обращающиеся в магометанство инородцы называют себя и слынут под именем татар»⁶¹. Автор отмечает «равнодушие русского населения к религиозно-просветительным интересам в среде окружающих инородцев» и предлагает: «Для устранения влияния магометан на норкинских черемисов было бы очень целесообразно образовать из черемисских селений и таких же селений соседних волостей особую волость. Тогда должностные лица могли бы быть избираемы из черемис-язычников, и дела в волостном суде решались бы на основании обычного права, а не по шариату, как это делается в настоящее время. Кстати сказать здесь о неравномерности прав магометанского и православного духовенства: первое имеет право решать дела о наследствах, а второе не имеет такого права»⁶².

Многочисленные работы конца XIX – начала XX вв., анализирующие состояние просвещения инородцев, позволяют говорить о борьбе за влияние на них между христианским и исламским миром, соответственно русским и татарским влиянием.

В XIX–XX вв. проходил процесс стирания локальных особенностей, формирования единых традиций. Среди различных групп этот процесс протекал неравномерно. С одной стороны, у части населения достаточно быстро происходило нивелирование традиций; с другой стороны, отдельные группы, наоборот, «консервировали» традиции мест выхода и противопоставляли себя соседям. Одной из особенностей башкирского пограничья были межэтнические взаимоотношения с со-

седами. Контакты с соседними народами повлияли на национальное самосознание и на все стороны материальной и духовной культуры⁶³.

Проследить динамику численности башкирского и татарского населения сложно еще и потому, что в XIX в. все тюркское население (кроме чувашей) зачастую подсчитывалось вместе. Например, в «Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии», в V томе, посвященном Бирскому уезду и составленном на основе оценочно-статистических материалов по данным местных исследований 1897 г., заведующий статистическим отделением Уфимской земской управы С.Н. Велецкий пишет, что «первое по численности место в Бирском уезде занимает группа слившихся в настоящее время народностей: башкир, мещеряков и татар: эта группа составляет свыше половины населения уезда. Благодаря своей многочисленности и присутствию в этой группе исконных владельцев всех земель уезда – вотчинников, представители этих народностей встречаются в большинстве волостей уезда (в 26 из 36), и во многих из волостей (в 15) они составляют подавляющее большинство населения. Русское население, занимающее по численности 2-е место, составляет 26,4% всего населения уезда. Вотяки (удмурты. – А.С.) составляют 4,6% всего населения уезда»⁶⁴.

Еще одна проблема заключается в том, что в переписях этническая дифференциация проводилась не на единой основе. В Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., показавшей резкое численное преобладание башкир над татарами, этническая дифференциация проводилась на основе «родного языка», хотя часть исследователей считает результаты переписи неточными. Самой точной из переписей, по мнению М.И. Роднова, является перепись 1917 г. Тогда национальная принадлежность определялась на основе этнического самосознания населения, и было отмечено наибольшее количество этнических и субэтнических групп: так, в этой переписи было зафиксировано достаточно широкое распространение двойных (тептяри-удмурты, тептяри-татары), а подчас и тройных (башкир-тептярмагометанин) самоназваний⁶⁵.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. учитывала народность, родной язык, возраст, грамотность. «При учете так называемых “тептярей”, представляющих неточное наименование народности»⁶⁶, ЦСУ СССР дало четкую инструкцию для счетчиков, в которой по данному вопросу было сказано: «Особенное внимание необходимо обратить на регистрацию татаро-башкирской части населения. Здесь нужно твердо

отграничить башкир от татар, мещеряков и тептярей. При этом нужно иметь в виду, что тептяри не являются народностью, а представляют из себя группу, образовавшуюся из смешения разных народностей. Поэтому когда опрашиваемый называет себя тептярем, счетчик задает ему дополнительные вопросы, выясняя, не является ли он башкиром, татарин, мещеряком, чувашин, марийцем, мордвой, вотяком. При получении определенного ответа в листке делается двойная запись: «тепляр-башкирин», «тепляр-вотьяк» и т.д. В случае же полной невозможности получить ответ, что может быть при полном отрыве от той народности, из которой происходит данное лицо, в листке делается только одна отметка – «тепляр»⁶⁷.

В соответствующих таблицах по Башкирской АССР в графе «тептяри» значится только та часть обозначивших свою народность наименованием «тепляр», которая не была разнесена по рубрикам точных наименований народности на основании добавочного определения.

В научной литературе данный факт получил различную оценку. Так, если Д.М. Исхаков, оценивая этот факт с точки зрения его роли в консолидации татарского этноса, считает требования инструкции в отношении тептярей совершенно правильными⁶⁸, то, по мнению Р.И. Якупова, в 1920–1930-е годы был прерван развивавшийся процесс консолидации тептярей в этнос⁶⁹.

Нужно также отметить, что на востоке Башкирии взаимодействие представителей двух народов зачастую носило совершенно иной характер. Исторические источники свидетельствуют об острых татаро-башкирских противоречиях, приводивших порой к конфликтным ситуациям. Мирсаид Султан-Галеев в одной из статей, опубликованной в декабре 1921 г., отмечает: «Как известно, избиение татарских мулл и учителей в башкирских деревнях одно время приняло хронический характер»⁷⁰. П.Н. Мостовенко, особоуполномоченный ВЦИКа и представитель ЦК при Башкирском правительстве, писал: «Лично я жил раньше на Урале; хотя и немного, но был осведомлен в кое-каких специфических сторонах жизни Башкирии, а кое-что восполнил из литературных источников, – и все-таки до того времени представлял себе существование в Башкирии только русского и башкирского вопроса, бессознательно относя за скобку последнего все магометанское население. Так, в сущности, дело обстояло и в отношении других наших товарищей. Если не ошибаюсь, в один из первых же дней работы съезда (I Всебашкирский съезд Советов в августе 1920 г. в Стерлита-

маке. – А.С.), один из немногих оставшихся на работе с нами башкир, т. Гирей Карамышев, отличнейший парень и подлинное “дитя народа”, – обратился ко мне с недоуменным вопросом: “Почему Вы не управляете нами сами, а действуете через татар – ведь отношения между башкирами и татарами куда хуже, чем между нами и русскими; к вам-то, как к власти, население издавна уже, по крайней мере, привыкло”.

Так оно и было в действительности. И не могло быть иначе, так как население татарских деревень коренным образом отличалось от башкир не только по национальности, но и по экономическим признакам, по формам хозяйствования, по культурным и всяким другим навыкам; по психологии своей, связанной, главным образом, опять-таки с земельными отношениями, оно куда ближе примыкало к русскому крестьянству и во всяком случае имело с башкирами свои не только не изжитые, но практикой старого режима достаточно запутанные счета. Понятно поэтому, что и наш круг работников, борясь с башкирским национализмом, объективно, независимо от воли и сознания представлял собой по существу не менее националистически искривленный блок русских и татар»⁷¹.

Р.М. Раимов, отмечая резкое отличие западной Башкирии от восточной по уровню социально-экономических отношений, объяснял это различие следующим образом: «Один район – это в основном Уфимская губерния – западная Башкирия, где башкирское население было сравнительно давно оседлым, где переход к земледелию совершился к началу XX в., где были сильнее развиты капиталистические отношения и, следовательно, более высокая дифференциация крестьянства. На развитие экономики, культуры и общественного движения среди башкир этого района огромное влияние оказывали русские (да и татары), давно поселившиеся здесь. Другой район – это в основном Оренбургская губ., ее северо-западные волости, населенные башкирами. Это горно-лесная восточная Башкирия, где только завершалось оседание, где еще к 1920 г. хлебопашеством занималась очень небольшая часть степных башкир, а основным занятием являлись скотоводство и лесные промыслы. Здесь еще держалось общинно-родовое землевладение, и байские элементы использовали родовую общину для порабощения масс, были слабее развиты капиталистические отношения, слабее и классовая дифференциация. Заводов было меньше, чем в западной Башкирии, если не считать не вошедший в территорию Башкирии Златоустовский округ. Имевшиеся небольшие заводы

были разбросаны по различным горным районам, причем русские рабочие поселения при них представляли лишь незначительные очаги культуры.

У башкирского населения этого района еще были свежи в памяти земельные захваты, совершавшиеся русскими кулацко-переселенческими элементами; поэтому в рассматриваемый период еще сильно давали себя знать национальные противоречия. Этим и объясняется, что в восточной Башкирии, по сравнению с западной, идеи башкирских буржуазных националистов нашли относительно благоприятную почву. Эти особенности районов Башкирии наложили существенный отпечаток на ход борьбы за землю и национальное самоопределение Башкирии»⁷².

Сравнивая размах крестьянского движения в 1917 г. в западной и восточной Башкирии, Р.М. Раимов отмечает, что в неземледельческом (горно-лесном, скотоводческом) районе движение было в несколько раз слабее⁷³. «При этом движение башкирских крестьян в земледельческих районах по характеру почти не отличается от движения крестьян других национальностей». «В горно-лесных, скотоводческих районах, т.е. в восточной Башкирии, движение крестьян носило несколько иной характер». Например, в лесной зоне «башкиры нападали на лесные стражи казенных и частных дач, объявляли эти леса собственностью башкирских волостных общин»⁷⁴. Кроме того, это движение «было направлено против крестьян других национальностей»⁷⁵.

Английский историк Эдвард Карр, упоминая о взглядах двух других западных историков – Ричарда Пайпса и Гейхарда фон Менде – на вопросы татарско-башкирских отношений, отмечает, что они оба пренебрегают «двумя важными факторами: во-первых, традиционной враждебностью крестьян к торговцу и ростовщику (из которых типичными представителями в этом регионе были татары) и, во-вторых, столкновением русских переселенцев, упорно сопротивлявшихся башкирской автономии, с центральными властями в Москве, которые к этой автономии благоволили»⁷⁶.

«Часть мусульманского населения Уфимской, Оренбургской и других восточных уральских губерний даже колебалась при выборе своей национальности, иногда называя себя башкирами, а иногда татарами»⁷⁷. «Антагонизм между башкирами и татарами имел главным образом социальную и культурную основы, а именно – давнюю напряженность в отношениях кочевников и крестьян. Татары считали башкир

всего лишь одним из кочевых и отсталых племен, что крайне оскорбляло башкирских политиков и вождей»⁷⁸.

Фридрих Бергдольт, немецкий исследователь биографии лидера башкирского национального движения Ахметзаки Валиди, даже приходит к выводу о том, что «объединение двух народов или интеграцию даже с частью татарского населения башкиры не могли не только осуществить, но и представить»⁷⁹. По-видимому, этот категоричный вывод относится к определенному историческому периоду, и по прошествии почти столетия ситуация в значительной степени сгладилась. Однако взаимовосприятие представителей двух народов на востоке и, прежде всего, на юго-востоке Башкирии все же значительно отличается от того, которое имеет место на западе этой республики, хотя бы в силу языкового и культурного различия татар и восточных башкир.

Выше уже шла речь о том, что С.И. Руденко при рассмотрении странственной вариативности антропологического и культурного типов башкир выделил три области, в том числе северо-западную. Кроме того, он подразделил эту область на два района – западный и восточный. Как явствует из приведенной им «Карты разделения башкир на области по физическому типу»⁸⁰, западный район включает Бирский уезд, больше половины территории Белебеевского уезда, а также некоторые местности Уфимского уезда (центральная часть Башкирии), Татарстана и Пермской области. Восточный район охватывает северо-восток Башкирии (Златоустовский уезд), некоторые местности Уфимского уезда к северо-востоку и востоку от Уфы, часть территории нынешнего Белорецкого района и отдельные местности Свердловской области. При этом западный район северо-западной области по Руденко, не говоря уже обо всей северо-западной области, занимает значительно более обширную территорию, чем упомянутые 12 районов (см. примеч. к табл. 1) северо-запада Башкортостана (бывший Бирский уезд).

Двойственная этническая идентичность как характерная особенность исследуемого региона

Двойственная этническая идентичность среди башкир наблюдается исследователями не только на севере и северо-западе Башкирии, но и, например, в Бардымском районе Пермской области. Бардымский район Пермской области расположен в ее южной части недалеко от северной границы с Башкортостаном, однако непосредственно с ним

не граничит. Селения района расположены вдоль среднего течения реки Тулва (приток Камы) и ее притоков⁸¹. По переписи 1989 г. 83,5% от числа всех сельских башкир Пермской области проживали в Бардымском районе. При этом башкиры составляли 85,1% населения района, русские – 8,3%, татары – 5,0%, другие – 1,6%⁸². Башкиры Бардымского района говорят на местном диалекте татарского языка, 98,2% из них владеют татарским. Хорошо знают они и русский язык – это отметили 61,7% местных башкир⁸³.

Официальная статистика фиксировала большинство населения Бардымского района как башкир с татарским родным языком, однако в настоящее время, по крайней мере среди части их, существует тенденция смены самоидентификации на татарскую. Жители района, идентифицирующие себя как башкиры и как татары, как правило, не различают друг друга на бытовом уровне по этническому признаку. Двойственность этнического самосознания, с одной стороны, является характерной этнокультурной особенностью группы, а с другой, – свидетельствует о незавершенности интеграционных и консолидационных процессов. Среди исследователей также нет единого мнения относительно принадлежности бардымцев к башкирам или татарам. Некоторые авторы называют их «татаро-башкирами»⁸⁴.

Пермские исследователи А.В. Черных и А.А. Плюхин татар и башкир Бардымского района предлагают называть «*тулвинскими татарами и башкирами*»⁸⁵ и характеризуют этническое самосознание тулвинских башкир и татар как двойственное и многоуровневое. Они отмечают как наличие крайних позиций («мы – башкиры» или «мы – татары»), так и случаи осознания принадлежности к обоим народам⁸⁶. У бардымцев также «сохраняется осознание своей принадлежности к особой этнокультурной группе, отличной от других этнографических групп татар и башкир»⁸⁷.

В настоящее время двойственное этническое самосознание у тулвинских татар и башкир представляет собой структуру с двумя полюсами самоидентичности: татарским и башкирским, и целым спектром промежуточных определений. Примером полюсной самоидентификации могут служить такие ответы на вопрос о национальном определении: «*Национальность написана башкиры, мы на башкир совсем не похожи, башкиры разговаривают по-другому, не знаю, зачем нас записали башкирами!?*» (Татарский полюс); или «*Мы башкиры, тут и до Башкирии ближе, чем до Татарии, и в паспорте мы записаны башки-*

рами. По паспорту я башкир. Пишут башкир, потому что Башкирия ближе» (Башкирский полюс). При этом главным фактором татарского самоопределения выступает язык, а башкирского – осознание исторической традиции и географической близости Башкирии⁸⁸.

Но реально этническое самосознание тулвинских татар и башкир находится между двумя полюсами и характеризуется двойственностью: осознание принадлежности и к башкирскому, и татарскому этносу. Наглядно сложную ситуацию этнической идентификации раскрывают многочисленные примеры. «Я по паспорту башкирка, отец тоже башкир. Я сама живу и не знаю: может татарка, может башкирка. По-нашему, и татары – татары и башкиры – татары». «Считаем себя татарами, хотя в паспорте записаны башкирами. Раз по-татарски говорим, значит, татары». «По паспорту башкирка. По языку – татарка...». «В документах башкиры записаны, а так чистые татары». «Мы по национальности башкиры, может быть татары». «Мы – башкиры, в паспорте татары». «Я башкирский татарин». «Я башкирка, а старшая сестра татаркой записана»⁸⁹.

Приведенные авторами примеры очень хорошо иллюстрируют строки об этническом самосознании населения северо-запада Башкирии, где «часто в одних и тех же семьях родные братья и сестры относят себя к башкирам или татарам»⁹⁰ и совпадают с полевым материалом, собранным на территории северо-запада Башкирии автором данного исследования.

Население Бардымского района представляет интерес помимо всего прочего еще и потому, что оно находится вне сферы юрисдикции властей Татарстана и Башкортостана, и, следовательно, на его этническое развитие не влияет непосредственно этническая политика, проводимая в этих республиках. В действительности процессы, которые происходят в республиках, особенно в Татарстане, все же оказывают какое-то влияние на ситуацию в Бардымском районе, но это влияние осуществляется по неформальным каналам, что существенно отличается от непосредственного управления местными процессами с помощью эффективно действующих «властных вертикалей»⁹¹.

В качестве варианта развития этнических процессов населения с двойственной этнической идентичностью хотелось бы привести такой исторический факт, зафиксированный статистикой в переписях начала прошлого века. В начале 1920 г. в ходе нового административного деления, связанного с образованием социалистических республик, Та-

тарской АССР отходит Мензелинский уезд, до этого входивший в состав Уфимской губернии. При прежнем административном делении этот уезд находился на западе Уфимской губернии и граничил с Бирским и Белебеевским уездами, в которых и по сей день проживает население с двойственной этнической идентичностью. Мензелинский уезд тоже был регионом, в котором проживали башкиры, в основном татароязычные. По данным переписи от 28 августа 1920 г. в Мензелинском кантоне Татарской АССР башкир насчитывается 121 343 чел. (26,4%), при этом татары составили 139 192 чел. (30,2%)⁹². А уже по данным переписи от 17 декабря 1926 г., через шесть лет в Татарской АССР по народности башкир насчитывалось 1574 чел., а по языку 34 чел.⁹³.

Возможно, в данном случае мы сталкиваемся с одной и той же группой населения, с так называемыми «татаро-башкирами», населяющими ареал, который в начале прошлого века был подвергнут новому административному делению. В результате этого население данной переходной зоны оказалось под влиянием разных административных субъектов (Татарстана, Башкирии, Пермской области), что и повлияло в дальнейшем на направление этнических процессов и, как следствие, на этническую идентичность населения.

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы, касающиеся проблем этнической идентичности населения севера и северо-запада Республики Башкирия.

Начиная со второй половины XVI в. и вплоть до начала XX в. шло интенсивное заселение этой области тюркскими, финно-угорскими и восточнославянскими народами, различными по культуре и происхождению. Соответственно, начиная примерно со второй половины XVI в., этот регион является зоной активных контактов местного башкирского населения с близкими к ним в языковом, культурном и религиозном плане татарами.

В первой половине XIX в. в связи с некоторыми специфическими для Башкирии моментами социально-экономического и политического развития, процесс этнического смешения башкир и тептярей стал протекать в активных формах, следствием которых явилось постепенное исчезновение к середине XIX в. отчетливых этнокультурных различий между некоторыми, преимущественно северо-западными, группами татар и башкир. Стирание этнических границ привело к появлению у части башкирского и тептярского населения неустойчивости в опреде-

лении своей национальности. В этих условиях сословно-административная принадлежность приобретает существенное значение при определении этнической принадлежности⁹⁴.

Сложность проблемы обусловлена тесной языковой близостью двух тюркоязычных народов. Среди множества факторов, воздействовавших на направленность и характер процессов идентификации, очень важное место принадлежит тем, которые связаны с языковыми аспектами сложившейся ситуации. Произошедшее в XVIII–XIX вв. стирание языковых различий на большей части рассматриваемой территории привело к тому, что язык татар и башкир в переходной зоне не различается. Башкирский язык лингвисты относят к кипчакской группе тюркских языков, среди которых ближе всех других к нему стоит татарский. Издавна в силу определенных исторических условий обучение детей в башкирском мектебе велось сначала на языке «тюрки», а затем на татарском, и распространение литературы на этом языке вели к приобретению ими основных черт татарской культуры.

Существует обширная этнокультурная и языковая переходная зона (на северо-западе и на западе Башкортостана). Для значительных групп населения этой зоны характерно отсутствие достаточно четкого этнического самосознания.

Сложность четкого разграничения башкир и татар в этой части Башкирии явилась причиной появления термина «татаро-башкиры», который в конце 1910-х – начале 1920-х годов употребляли некоторые авторы, причем в двух различных значениях: как общее название татар и башкир и как обозначение той части населения, отнесение которой к тем или другим варьирует в статистических источниках, научных работах и публицистике⁹⁵.

Также многие источники свидетельствуют о том, что русское население на бытовом уровне зачастую не различало исповедующих мусульманство, близких друг к другу по языку и культуре башкир и татар. «Недаром человек иного племени (например, русский – *Г.И. Комисаров*) любит называть всех их более известным ему именем “татары”»⁹⁶.

В XIX–XX вв. в регионе проходил процесс стирания локальных особенностей, формирования единых традиций. Среди различных групп населения этот процесс протекал неравномерно. С одной стороны, у части населения достаточно быстро происходило нивелирование традиций; с другой стороны, отдельные группы, наоборот, «консервиро-

вали» традиции мест выхода и противопоставляли себя соседям. Одной из особенностей этнической культуры населения башкирского пограничья были интенсивное межкультурное взаимодействие, контакты с соседними народами повлияли на национальное самосознание и на все стороны материальной и духовной культуры.

Специфика этнического состава западных и северо-западных районов Башкирии состоит в том, что там сосредоточена большая часть проживающих в Башкирии татар. Большинство башкир в этих районах считает своим родным языком татарский: «Сами западные и северо-западные башкиры называют свой язык татарским»⁹⁷. В основном живущие там татары и башкиры неотличимы ни по культуре, ни по языку. Их отличает лишь этническая идентичность. Однако имеется немало людей с двойственной, маргинальной, нечеткой или нестабильной идентичностью.

Многие исследователи конца XIX в. и начала XX в. отмечали протатарскую культурную и религиозную ориентацию у марийского и удмуртского населения в это время⁹⁸. Данный процесс выражался в переходе на татарский язык, а также в принятии мусульманства и получил название «татаризации» у исследователей того времени.

Анализ основных особенностей межэтнического взаимодействия, как в северной части Башкирии, так и в республике в целом показывает, что основа толерантного межэтнического взаимодействия в республике носит, безусловно, исторический характер и существует в виде близости культурных традиций населяющих ее этносов и межэтнической комплементарности. В то же время наличие групп населения с нечеткой и, возможно, негативной этнической идентичностью, потенциально несет угрозу этнической толерантности.

Вопрос об этнической и языковой идентичности населения северной и северо-западной Башкирии в конце XX – начале XXI в. стал одним из ключевых в национальных вообще, и татаро-башкирских отношениях, в частности. Попытки лидеров и активистов башкирского национального движения, а вслед за ними и руководства республики привить населению этих северо-западных районов башкирское самосознание и перевести на башкирский язык обслуживания встречает упорное сопротивление со стороны последних. Эта проблема сегодня стала краеугольным камнем в межэтнических отношениях в республике; для ее решения, видимо, потребуется много времени, так как местное население (татары и башкиры), несмотря на разные этнические

ориентации, является татароязычным, хотя в последнее время башкирскими учеными язык местных жителей считается северо-западным диалектом, обладающим общностью с другими говорами и диалектами башкирского литературного языка⁹⁹. С другой стороны, процесс изменения этнической идентичности продолжает развиваться, в основном, в одном определенном направлении; в литературе уже ставился вопрос о возможности полного исчезновения группы татароязычных башкир в случае, если все они перейдут в состав татарского этноса¹⁰⁰. Близость западных башкир к татарам в языковом, культурном, социально-экономическом отношениях, одинаковое вероисповедание, численное преобладание татар, перемещение последних в башкирскую среду, нарушение эндогамии из-за роста смешанных браков не могли не ускорить данный процесс.

¹ Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 38.

² Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

³ Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа, 1990. С. 62–103.

⁴ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968. С. 75–76.

⁵ Там же. С. 24–25.

⁶ Кузеев Р.Г. Урало-алтайские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971. С. 60–63.

⁷ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 163.

⁸ Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я., Моисеева Н.Н. Этнографические процессы и этнические группы в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 27.

⁹ Памятная книжка Уфимской губернии. 1873. Ч. III. С. 6.

¹⁰ Роднов М.И. Численность тюркского крестьянства Уфимской губернии в начале XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 126.

¹¹ Там же. С. 126.

¹² Там же.

¹³ Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я., Моисеева Н.Н. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 36–37.

¹⁵ Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я., Моисеева Н.Н. Указ. соч. С. 19.

-
- ¹⁶Коростелев А.Д. Динамика этнического состава сельских поселений Башкортостана (К проблеме татаро-башкирской межэтнической напряженности) // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994. С. 84–85.
- ¹⁷Роднов М.И. Указ. соч. С. 123.
- ¹⁸Там же. С. 126, 123–124.
- ¹⁹Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко / Сер. «Народы и культуры» / отв. ред. серии В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 2001.
- ²⁰Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX в.). Казань, 1993.
- ²¹Роднов М.И. Указ. соч. С. 126.
- ²²Там же. С. 126–129.
- ²³Кузеев Р.Г., Ганеева А.Р. Северо-западные башкиры: состояние изученности, задачи исследования // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 170–176.
- ²⁴Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Справочник. Кн. 5. Уфа, 1994. С. 163.
- ²⁵Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 260–261.
- ²⁶Там же. С. 330.
- ²⁷Там же. С. 339.
- ²⁸Ганеева А.Р. Проблемы этнокультурного взаимодействия башкир и татар в северо-западной Башкирии (состояние изученности) // Этнос и его подразделения. Ч. 2. М., 1992. С. 58.
- ²⁹Там же. С. 59.
- ³⁰Там же. С. 65.
- ³¹Исхаков Д.М. Этническое развитие Волго-Уральских татар в XV – начале XX вв. Дисс... докт. ист. наук. М., 2000.
- ³²Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX в.). Казань, 1993.
- ³³Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002.
- ³⁴Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 36–65.
- ³⁵Кульшарипов М.М. Трагическая демография. Уфа, 2002.
- ³⁶Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 39.
- ³⁷Коростелев А.Д. Указ. соч. С. 72.
- ³⁸Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 204.
- ³⁹Там же. С. 232–233.

-
- ⁴⁰ *Роднов М.И.* Численность тюркского крестьянства Уфимской губернии в начале XX в. // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 6. С. 121–131; *Коростелев А.Д.* Указ. соч. С. 67–92.
- ⁴¹ *Ганеева А.Р.* Проблемы этнокультурного взаимодействия башкир и татар в северо-западной Башкирии (состояние изученности) // *Этнос и его подразделения*. Ч. 2. М., 1992. С. 66.
- ⁴² Там же. С. 58.
- ⁴³ *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 235.
- ⁴⁴ Там же. С. 252–253.
- ⁴⁵ Там же. С. 244.
- ⁴⁶ *Губогло М.Н., Сафин Ф.Г.* Принудительный лингвизм. М., 2000.
- ⁴⁷ *Сафин Ф.Г.* Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М., 2000.
- ⁴⁸ *Гарипов Т.М.* Процесс языкового взаимодействия в Башкирии // *Языковые контакты в Башкирии*. Уфа, 1972. С. 38–39.
- ⁴⁹ *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 39.
- ⁵⁰ *Бикбулатов Н.В.* Есть повод для раздумий: Проблемы социально-культурного и этнического развития нации // *Сов. Башкирия*. 1989. 11 января.
- ⁵¹ *Баишев Т.Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955.
- ⁵² *Миржанова С.Ф.* Этнолингвистические процессы на северо-западе БАССР // *Развитие языков и культур в их взаимосвязи и взаимодействии*. Уфа, 1976; *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979.
- ⁵³ *Юлдашев А.А.* К проблеме формирования башкирского национального языка // *Вопросы башкирской филологии*. М., 1959. С. 118.
- ⁵⁴ Там же. С. 118–119.
- ⁵⁵ *Ганеева А.Р.* Проблемы этнокультурного взаимодействия башкир и татар в северо-западной Башкирии (состояние изученности) // *Этнос и его подразделения*. Ч. 2. М., 1992. С. 62.
- ⁵⁶ *Афлетунов А.* Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР: автореф. дисс... канд. филол. наук. Казань, 1960; *Махмутова Л.Т.* О татарских говорах северо-западных районов БАССР (по материалам экспедиций 1954–1957 гг.) // *Материалы по татарской диалектологии*. Т. 2. Казань, 1962. С. 57–86; *Рамазанова Д.М.* К вопросу об истории формирования татарских говоров северо-западной Башкирии // *Исследования по лексике и грамматике татарского языка*. Казань, 1986. С. 70–79.
- ⁵⁷ *Закиев М.З.* Из истории татар и татарского языка // *Сафиуллина С.Ф., Галиуллина К.Р.* Русско-татарский разговорник. Казань, 1986. С. 285–289.

-
- ⁵⁸ *Гарипов Т.М.* Об изучении разговорной речи западных башкир (К постановке проблемы) // Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959. С. 285–289.
- ⁵⁹ Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1888 г. в Белебеевский уезд Уфимской губернии (окончание) // Ученые записки Императорского Казанского Университета. Год LXVIII. Кн. 3. Март 1901. Унив. летопись. С. 75.
- ⁶⁰ *Ерусланов П.* Родственный союз по понятиям восточных черемис // Этнографическое обозрение. 1895. № 2. С. 35.
- ⁶¹ *Рыбаков С.* Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. СПб., 1900. С. 8–14.
- ⁶² Там же. С. 28.
- ⁶³ *Черных А.В.* Этнические особенности русских башкирского пограничья // Пермский край: прошлое и настоящее: (К 200-летию образования Перм. Губ.): материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 28–29 мая 1997 г. Пермь, 1997. С. 22–23.
- ⁶⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 5. Гл. II. 1899. С. 65.
- ⁶⁵ *Роднов М.И.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997.
- ⁶⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года..., 1928. С. 410.
- ⁶⁷ Там же. С. 410.
- ⁶⁸ *Исхаков Д.М.* Тетяри. Опыт этнотатистического изучения // Советская этнография. 1979. № 4. С. 35.
- ⁶⁹ *Якупов Р.И.* Тетяри: сословие или этнос? // Этнос и его подразделения. М., 1992. С. 167.
- ⁷⁰ *Султан-Галеев М.* Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман // Избранные труды. Казань, 1998. С. 372.
- ⁷¹ *Мостовенко П.Н.* О больших ошибках в «Малой Башкирии» (К одному из первых наших опытов в национальном вопросе) // Пролетарская революция. 1928. № 5 (76). С. 103–137.
- ⁷² *Раимов Р.М.* Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952. С. 63–64.
- ⁷³ Там же. С. 91.
- ⁷⁴ Там же. С. 92.
- ⁷⁵ Там же. С. 93.
- ⁷⁶ *Карр Э.Х.* Несколько заметок о советской Башкирии // Башкирское национальное движение 1917–1920 гг. и А. Валиди: Зарубежные исследования... Уфа, 1997. С. 61.
- ⁷⁷ *Зеньковский С.А.* Пантюркизм и ислам в России // Башкирское национальное движение 1917–1920 гг. и А. Валиди: Зарубежные исследования / Сост. и вступ. статья И.В. Кучумова. Уфа, 1997. С. 113.
- ⁷⁸ Там же. С. 113.

-
- ⁷⁹ Бергдольф Ф. Мировоззрение турецкого историка Ахмеда Заки Валиди Тогана на основе его мемуаров // Башкирское национальное движение 1917–1920 гг. и А. Валиди: Зарубежные исследования... Уфа, 1997. С. 195.
- ⁸⁰ Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955.
- ⁸¹ Коростелев А.Д. Диаспора или локальная общность? (По материалам этносоциологического исследования тюркского населения Бардымского района Пермской области) / Диаспоры Урало-Поволжья: Мат-лы Межрегиональн. науч.-практ. конф. (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.). Ижевск, 2005. С. 45–52.
- ⁸² Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., 1998. С. 230.
- ⁸³ Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1995. № 81. С. 14.
- ⁸⁴ Велецкий С.Н. Земская статистика. М., 1899. Ч. 1. С.79; Вишневский Б.Н. Следы угров на Западном Урале // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Т. 12. Вып. 1. Пермь, 1960. С. 253.
- ⁸⁵ Черных А.В., Плюхин А.А. Этническое самосознание тулвинских башкир и татар в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Материалы межрегиональной научной конференции. Уфа, 2001. С. 5.
- ⁸⁶ Черных А.В., Плюхин А.А. Этническое самосознание тулвинских башкир и татар... С. 140–141.
- ⁸⁷ Там же. С. 140–141.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Кузеев Р.Г., Ганеева А.Р. Северо-западные башкиры: состояние изученности, задачи исследования // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 171.
- ⁹¹ Коростелев А.Д. Диаспора или локальная общность? (По материалам этносоциологического исследования тюркского населения Бардымского района Пермской области)... Ижевск, 2005. С. 45–52.
- ⁹² Шибеев В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930. С. 202–203.
- ⁹³ Там же. С. 260–261.
- ⁹⁴ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 233.
- ⁹⁵ Велецкий С.Н. Земская статистика. М., 1899. Ч. 2.; Коростелев А.Д. Динамика этнического состава сельских поселений Башкортостана (К проблеме

татаро-башкирской межэтнической напряженности) // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994. С. 67–92; *Коростелев А.Д.* Диаспора или локальная общность? (По материалам этносоциологического исследования тюркского населения Бардымского района Пермской области)... С. 45–52.

⁹⁶ *Комиссаров Г.И.* Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник. № 1. Уфа, 1926. С. 17–30; *Роднов М.И.* Этническая толерантность в крестьянской среде Южного Урала в начале XX в. (на примере Уфимской губернии). Тез. докл. Конгресса «Толерантность и ненасилие в современной цивилизации». Екатеринбург, 15–17 августа 2002 г. (рукопись).

⁹⁷ *Ганеева А.Р.* Проблемы этнокультурного взаимодействия башкир и татар в северо-западной Башкирии (состояние изученности) // Этнос и его подразделения. Ч. 2. М., 1992. С. 62.

⁹⁸ *Ерусланов П.* Родственный союз по понятиям восточных черемис // Этнографическое обозрение. 1895. № 2. С. 35–49; *Рыбаков С.* Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. СПб., 1900.

⁹⁹ *Ганеева А.Р.* Проблемы этнокультурного взаимодействия башкир и татар в северо-западной Башкирии... С. 58–69.

¹⁰⁰*Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 44.

Этническая идентичность татарского и башкирского населения Южного Урала и ее фиксация в статистических источниках

Значение этностатистических источников при изучении полиэтнических регионов не нуждается в доказательствах. Однако во многих случаях содержащаяся в таких источниках информация принимается просто как факт, и сами источники не всегда становятся предметом специального анализа, который, на основании сведений о том, кем, когда, с какой целью и как был создан данный источник, позволил бы оценить характер и качество содержащейся в нем информации. Подобная оценка особенно важна в тех случаях,

– когда в составе населения изучаемого региона имеются близкие по языку и культуре этнические группы, идентификация которых «извне» может отличаться от идентификации «изнутри»;

– когда в ходе сложного межэтнического взаимодействия происходят изменения как эндо-, так и экзоэтнонимов;

– когда данные этностатистических источников существенным образом зависят не только от этнического состава населения, но и от практики и техники учета его статистическими органами;

– когда наряду с четкой и однозначной этнической идентичностью у значительной части населения имеет место множественная, маргинальная, нечеткая или нестабильная идентичность;

– когда система этнической категоризации на бытовом уровне отличается от официально принятой, причем употребляемые термины могут совпадать, но результаты приписывания этнической принадлежности в рамках этих двух систем оказываются неодинаковыми.

При этом для понимания происходящих в каждом конкретном регионе этнических процессов наряду с правильным представлением о характере этнической ситуации важное значение имеет учет особенностей фиксации этнических групп в источниках. Цель данной статьи, не претендующей на исчерпывающий источниковедческий анализ, – показать лишь некоторые особенности такой фиксации в этностатистических источниках, относящихся к территории, для которой актуальны все перечисленные выше «когда» – к территории Республики Башкортостан, в первую очередь к его северной и к западной части, а также к некоторым районам юга Пермской области.

Население Башкортостана, занимающего площадь 144 тыс. км², отличается чрезвычайной мозаичностью этнического состава. Чересполосное расселение представителей разных народов во многих районах республики является скорее правилом, чем исключением. Так, по данным переписи 1989 г. 21,9% здесь составляли башкиры, 39,3% – русские, 28,4% – татары¹. В республике есть районы, где относительно компактно проживают марийцы, чувашаи. Существуют многочисленные удмуртские, мордовские, украинские, белорусские, латышские, немецкие поселения. Такая картина расселения сформировалась исторически в результате различных процессов: миграции представителей многих народов на территорию края в течение последних четырех столетий, урбанизационных процессов XX в., а также процессов ассимиляции и межэтнического взаимодействия, в результате которых часть населения изменяла свою этническую принадлежность.

Зачастую имеют место значительные отличия в отношении этнического состава населения и характера протекающих процессов на уровне не только административных районов, но и сравнительно небольших групп селений, а также между отдельными селениями. Различия в характере межэтнического взаимодействия нередко связаны и с существенной гетерогенностью, неоднородностью тех групп населения, которые формально принадлежат к одному и тому же народу. Так, один из крупнейших исследователей башкирского народа, этнограф и антрополог С.И. Руденко отмечал, что «не может быть речи о едином типе, характерном для всех башкир. Народ этот образовался... в результате смешения разнородных, как европеоидных, так и монголоидных, племен. Взаимные перекрестные браки между башкирскими родами в пределах сравнительно ограниченных территорий, с одной стороны, содействовали сложению относительно единого физического их типа, а с другой стороны, в результате заведомой примеси иноплеменных элементов выявились и местные особенности физического типа этого народа». Проведенное исследование позволило С.И. Руденко «выделить три области, с отдельными внутри их районами, с населением, отличающимся своими особыми антропологическими признаками»². Сопоставляя географические ареалы распространения этих признаков с ареалами распространения выявленных им же культурно-бытовых особенностей, а также с ареалами диалектных различий, установленных языковедом Т.Г. Баишевым, С.И. Руденко конста-

тировал достаточно ясно выраженные совпадения областей, выделенных по рассматриваемым признакам³.

По поводу одной из этих трех областей, занимающей «северную часть Башкирии, севернее параллели г. Уфы и к западу от Уральского хребта»⁴. С.И. Руденко писал, что «нигде в Башкирии нет такого этнически пестрого состава населения, как в северо-западной области. Там между башкирскими деревнями, помимо русских селений, повсюду встречаются деревни тептярей, татар, мишарей, чувашей, мари, удмуртов»⁵. При этом «с XVII по XIX в. башкирами, в особенности в приуральской Башкирии и на севере ее, было ассимилировано значительное количество татар и мишарей, в меньшем числе мари и удмуртов, что не могло не отразиться как на местных отличиях физического типа, так и на бытовых особенностях башкир»⁶.

Татарско-башкирское взаимодействие

Наиболее интенсивными были процессы взаимодействия башкир с другими тюркско-мусульманскими группами, которые обычно фиксировались в источниках в соответствии с их сословной принадлежностью – тептярями, служилыми мещеряками, ясачными татарами. При этом необходимо заметить, что и само название «башкиры» одновременно имело два значения: сословное и этническое. По мнению Р.Г. Кузеева, этот процесс, по сути дела еще далекий от завершения, протекал настолько специфично, что его содержание и последствия требуют специального изучения⁷. «В западных и северо-западных районах Башкирии, где расселялись преимущественно тюркоязычные переселенцы, они численно стали преобладать над башкирами. Это придало этническим процессам здесь определенную направленность: башкиры постепенно стали воспринимать язык и культуру пришлых родственников им этнических групп, хотя, с другой стороны, пришлое население (прежде всего тептяри) испытывали этнокультурное воздействие башкир. Своеобразие процесса заключалось в том, что эти изменения в языке и культуре не только не сопровождались разрушением национального самосознания башкир, но, наоборот, часть пришельцев – тептярей и мишарей стала называть себя башкирами. Очевидно, объяснение этой особенности надо искать в условиях социально-экономической жизни общества. Башкиры, будучи служилым сословием, обладали в кантонный период некоторыми привилегиями: неся военную службу, они не

платили подушной подати и, кроме того, имели традиционные вотчинные права на земли»⁸.

Р.Г. Кузеев отмечает, что «в первой половине XIX в., в связи с некоторыми... специфическими для Башкирии моментами социально-экономического и политического развития, довольно резким изменением численного соотношения, процесс этнического смешения башкир и тептярей стал протекать в таких активных формах, следствием которых явилось постепенное исчезновение к середине XIX в. отчетливых этнокультурных различий между некоторыми, преимущественно северо-западными группами татар и башкир, стирание этнических границ, появление у части башкирского и тептярского населения неустойчивости в определении своей национальности. В этих условиях сословно-административная принадлежность приобретает существенное значение при определении национальной принадлежности»⁹.

Таким образом, с одной стороны, существовало массовое стремление тептярей и мещеряков перейти в число башкир как более престижную категорию. С другой стороны, во второй половине XIX в. первоначально появился в качестве административного, а затем получил распространение и среди населения термин «новобашкиры». Им обозначались те категории населения, которые прежде не относились к башкирскому сословию, но были включены в него в результате преобразования Башкиро-Мещеряцкого войска в Башкирское войско (1855 г.), т.е. мещеряки (мишари) и тептяри. В результате к концу XIX в. статистика фиксировала резкий рост численности башкир, что нашло отражение в результатах статистического исследования Уфимской губернии, проведенного губернским земством в 1895–1897 гг. В многотомном издании, представляющем собой труды этого детального исследования, не только многие селения, ранее известные как мишарские или тептярские, но даже ряд деревень, где жили ясачные татары (в частности, в западной части губернии – в Белебеевском уезде), были отмечены как башкирские¹⁰.

Та же ситуация нашла отражение и в итогах всероссийской переписи населения 1897 г. Хотя в ходе этой переписи в качестве этнического определителя задавался вопрос о родном языке, а не о национальной принадлежности, 98,3% из общего числа башкир, татар, тептярей и мишарей в Бирском уезде и 80,2% в Белебеевском уезде назвали свой родной язык башкирским¹¹.

При этом «несмотря на резкое изменение соотношения количества башкир и татар в 1897 г., динамика их общей численности на протяжении более чем столетия резких колебаний не показывает. Доля башкиро-татарского населения в крае... резко не менялась... Резкие колебания в численности и соотношении башкир и татар в Башкирии происходили за счет внутренних перегруппировок населения по национальностям»¹².

Другим результатом этих процессов стало появление у части башкирского и тептярского населения неустойчивости в определении своей этнической принадлежности. Возникновение этого явления Р.Г. Кузеев относит к первой половине XIX в., отмечая при этом, что во второй половине того же столетия «группа башкиро-тептярского населения с неустойчивым этническим самосознанием имела тенденцию к численному росту»¹³.

Характеризуя новые тенденции в изменении этнической самоидентификации, проявившиеся после столыпинской реформы, Р.Г. Кузеев пишет, что «большие социальные изменения в башкиро-татарской деревне, обезземеливание десятков тысяч башкирских и татарских крестьян до революции и т.д. создали условия, в которых этноним “башкир” постепенно утратил свое сословное значение. Теперь в западной и северо-западной Башкирии редко кто связывал понятие “башкир” с вотчинными правами или тем более с повышенными земельными наделами. Образовавшаяся в XIX в. неустойчивость национального самосознания части населения, так же, как существующая среди нее тенденция воспринимать этноним “башкир” как сословное наименование, соответствующим образом отреагировали на эти социально-экономические сдвиги. В этнической истории тептярей как бы начался обратный процесс. Часть тептярей и тем более мишари, по тем или иным причинам учтенные в 1897 г. или в другие более ранние годы в составе башкир, сейчас снова стали регистрироваться в соответствующих этнографических группах или отнесли себя к татарам. Это уже отразилось в результатах подворной крестьянской переписи 1912–1913 гг. ... и еще более отчетливо проявилось в переписи 1920 г.»¹⁴

Необходимо отметить, что названные процессы – «переход» в состав башкир во второй половине XIX в. и обратное движение, проявившееся в 1910-е и 1920-е годы, были наиболее распространенными тенденциями. Однако, во-первых, они несколько по-разному проявились в различных местностях Башкирии, а во-вторых, в ряде селе-

ний происходили процессы совершенно иной направленности. Так, в западных районах Уфимской губернии – на территории Белебеевского уезда в период между 1913 и 1920 гг. доля башкир в общей численности башкир, татар, тептярей и мишарей вновь выросла и лишь к 1926 г. резко сократилась. В то же время на северо-западе – в Бирском уезде – доля башкир снижалась как в 1913–1920, так и в 1920–1926 гг., но в целом оставалась более высокой, чем в Белебеевском. Что же касается доли татар, то в Белебеевском уезде она несколько увеличилась в 1913–1920 гг. и резко выросла в 1920–1926 гг. В Бирском же уезде она в первый период даже уменьшилась, а во второй выросла, но значительно меньше, чем в Белебеевском. Различалась по этим территориям и динамика доли мишарей (см. табл. 1). М.И. Роднов, анализируя материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Бирскому уезду, приводит примеры селений, в которых в это время еще продолжалась башкиризация припущенников¹⁵. Перепись 1926 г. показала радикальное изменение этноязыковой самоидентификации: и в Белебеевском, и в Бирском кантонах Башкирской АССР более 90% от общего числа башкир, татар, мишарей и тептярей назвали свой родной язык татарским¹⁶.

Таблица 1. Этнический состав башкирского и татарского населения Белебеевского и Бирского уездов (кантонов)¹⁷ (по данным переписей населения 1913, 1920 и 1926 гг., в процентах от общей численности башкир, татар, мишарей и тептярей)

	Белебеевский уезд			Бирский уезд		
	1913	1920	1926	1913	1920	1926
Башкиры	56,9	61,3	38,0	66,8	64,8	59,5
Татары	12,7	17,2	58,5	5,0	4,4	23,9
Мишари	6,0	4,3	2,9	12,9	16,4	13,7
Тептяри	24,4	17,2	0,6	15,3	14,4	2,9

Сложность четкого разграничения башкир и татар в этой части Башкирии явилась причиной появления термина «татаро-башкиры», который в конце 1910-х – начале 1920-х годов употребляли некоторые авторы, причем в двух различных значениях: как общее название татар и башкир и как обозначение той части населения, отнесение которой к тем или другим варьирует в статистических источниках, в научных работах и в публицистике. Так, например, известный татарский политический деятель Мирсаид Султан-Галиев в своей статье «К вопросу о Татаро-Башкирской Советской республике», опубликованной в

июле 1918 г., явно использует этот термин в первом значении¹⁸, тогда как в другом своем выступлении – докладе по татаро-башкирскому вопросу на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока в ноябре 1919 г. он употребляет понятие «татаро-башкиры» как в первом¹⁹, так и во втором значении, противопоставляя во втором случае «татаро-башкир» и татарам, и башкирам (восточным)²⁰.

Неустойчивость самоидентификации значительной части башкир и татар отмечалась и в дальнейшем. Так, если в 1926 г. доля башкир в общей сумме башкир, татар, мишарей и тептярей Башкирии составила 50,2%, то к 1939 г. доля башкир в общей сумме башкир и татар по республике снизилась до 46,3%. В какой-то степени, возможно, это было связано с передачей из состава Башкирской АССР в состав соседних административных образований ряда территорий, на которых число башкир превышало число татар²¹. (В конце 1930-х годов мишари и тептяри как отдельные этнические категории больше не фигурировали. По-видимому, подавляющее большинство тех, кто в 1926 г. был переписан в составе этих двух групп, позже фиксировались как татары.) В данных следующих переписей доля башкир в общей численности башкир и татар по республике при небольших колебаниях держится выше уровня 1939 г., но ниже уровня 1926 г.: 1959 г. – 49,0%, 1970 г. – 48,6%, 1979 г. – 49,9%. Однако перепись населения 1989 г. вновь фиксирует уменьшение этого показателя до 43,5%²².

Необходимо отметить, что приведенные цифры отражают не только изменения самоидентификации населения или особенности его учета статистическими органами. Нельзя забывать о том, что, во-первых, имела место миграция части населения за пределы республики, причем татары скорее всего проявляли более высокую миграционную активность, чем башкиры, а во-вторых, особенности самоидентификации населения и его фиксации статистиками в городах могли носить несколько иной характер, чем в селах. Если же рассматривать долю башкир в общей сумме башкир и татар только для сельского населения, то соответствующий ряд чисел будет выглядеть несколько иначе: 1926 г. – 50,9%, 1939 г. – 47,3%, 1959 г. – 54,7%, 1970 г. – 57,2%, 1979 г. – 61,3%, 1989 г. – 51,3%. Более высокий процент башкир по сравнению с тем рядом чисел, который приведен выше, особенно для послевоенного периода, отражает тот факт, что татары более активно, чем башкиры, мигрировали в города, но скачок 1989 г. на фоне посте-

пенного увеличения данного показателя в предыдущие десятилетия выглядит здесь еще более резким. Он позволяет задать вопрос: насколько фиксация этнической принадлежности отражает мнение самого населения, а насколько речь должна идти об особенностях организации опроса населения и последующего подведения итогов переписей населения. Во всяком случае, автору приходилось бывать в селениях, где этническая самоидентификация жителей совершенно не совпадала с тем, что сообщала официальная статистика.

Детализация неоднородности

В связи со сказанным, имеет смысл уточнить, что факты массовой смены этнической идентификации с башкирской на татарскую или с татарской на башкирскую фиксировались статистикой в основном в северо-западных и западных районах Башкортостана, а заодно обратить внимание на то обстоятельство, что понятия запад, северо-запад, север по отношению к Башкирии понимаются и употребляются разными авторами несколько по-разному, и остановиться на этом немного подробнее.

Прежде всего отметим, что на западе Республики Башкортостан в ее современных границах находятся 12 административных районов²³, территория которых до 1922 г. целиком или большей частью находилась в границах Белебеевского уезда Уфимской губернии, а в 1922–1930 гг., то есть до проведения районирования, в границах Белебеевского кантона Башкирской АССР. На северо-западе расположены 12 районов²⁴, которые целиком или большей частью относились к Бирскому уезду (затем Бирскому кантону). Северо-восточная часть Башкирии, большей частью относившаяся к Златоустовскому уезду (в 1920-е годы к Месягутовскому кантону), делится в административном отношении на 5 районов²⁵.

Выше уже шла речь о том, что С.И. Руденко при рассмотрении пространственной вариативности антропологического и культурного типов башкир выделил три области, в том числе северо-западную. Кроме того, он подразделил эту область на два района – западный и восточный. Как явствует из приведенной им «Карты разделения башкир на области по физическому типу»²⁶, западный район включает Бирский уезд, больше половины территории Белебеевского уезда, а также некоторые местности Уфимского уезда (центральная часть Башкирии), Татарстана и Пермской области²⁷. Восточный район охватывает се-

ро-восток Башкирии (Златоустовский уезд), некоторые местности Уфимского уезда к северо-востоку и востоку от Уфы, часть территории нынешнего Белорецкого района и отдельные местности Свердловской области. При этом западный район северо-западной области по Руденко, не говоря уже обо всей северо-западной области, занимает значительно более обширную территорию, чем упомянутые 12 районов северо-запада Башкортостана (бывший Бирский уезд).

Понятие север Башкортостана еще более неопределенно. Несмотря на общие черты в физическом облике и культуре башкир северо-запада (Бирский уезд) и северо-востока (Златоустовский уезд), позволившие С.И. Руденко включить эти территории соответственно в западный и восточный районы северо-западной области, между ними существуют весьма существенные различия по характеру этнической ситуации и происходящего на этих территориях межэтнического взаимодействия. Иное численное соотношение башкир и татар, возможно изначально большая культурная дистанция между ними на северо-востоке, отсутствие там марийского и удмуртского населения предопределили тот факт, что этнические процессы на земле бывшего Златоустовского уезда во многом шли иначе, чем в бывшем Бирском уезде. К тому же практически незаселенная лесная полоса шириной почти в сотню километров, которая разделяет эти две территории, сводила контакты между ними к минимуму.

В данной статье понятия запад (западная зона), северо-запад (северо-западная зона) и северо-восток (северо-восточная зона) Башкирии используются именно в отношении перечисленных выше районов. Понятие же север Башкирии предлагается использовать в более узком значении, которое объясняется ниже.

Результаты статистического учета этнической принадлежности башкирского и татарского населения на западе и северо-западе Башкирии отражены в табл. 2, где использован тот же показатель, что и выше – доля башкир в общей численности башкир и татар. Как видно из приведенных данных, существуют весьма значительные различия между районами по динамике этого показателя. Так, отмеченный выше скачок 1989 г. (резкое повышение доли татар и уменьшение доли башкир) отмечен не во всех районах. В западной части Башкирии он с наибольшей силой проявился в районах, расположенных в северной половине бывшего Белебеевского уезда и вдоль границы с Татарстаном. Из северо-западных районов он не отмечался вовсе или был

сравнительно небольшим в восточной части бывшего Бирского уезда. Интересно, что в одних районах ему предшествовало значительное увеличение официально зафиксированной доли башкир во время предыдущей переписи 1979 г. (например, в Шаранском районе на западе или в Янаульском на северо-западе). В других случаях этот скачок выглядит как возвращение к status quo, существовавшему до 1959 г. (скажем, в Благоварском районе на западе или Балтачевском на северо-западе). В некоторых случаях уменьшение фиксируемой статистическими органами доли башкир и рост доли татар отмечались как основная тенденция на протяжении всего периода 1939–1989 гг. (Калтасинский и Краснокамский районы на северо-западе), тогда как в других постоянно имела место противоположная тенденция (Давлекановский район на западе и в меньшей степени Караидельский на северо-западе). В ряде районов данный показатель в течение всего периода оставался почти стабильным (Альшеевский район на западе, Аскинский и Мишкинский на северо-западе). На фоне всего этого разнообразия любопытной представляется одна особенность, присущая районам, расположенным в северной части северо-западной зоны вдоль границы с Пермской областью (Аскинский, Татышлинский, Янаульский), в меньшей степени – двум районам, примыкающим к ним с юга (Бураевский, Караидельский). Эта особенность – процент башкирского населения, сохраняющийся относительно высоким, несмотря на рассмотренные колебания. Сказанное не означает, что этническая ситуация в данных районах везде одинакова, но является аргументом в пользу выделения территории этих пяти районов – севера Башкирии «в узком смысле» – как самостоятельного объекта этнологического изучения.

Что же касается остальных районов Башкирии, то там численное соотношение представителей башкир и татар относительно стабильно. Некоторые колебания относятся к данным за 1939 и 1959 гг. и отчасти связаны с изменениями административного деления. Скачок 1989 г. не прослеживается ни по одному району кроме Кушнаренковского, границы которого примыкают к обеим выделяемым нами зонам – западной и северо-западной. По этой причине данные по Кушнаренковскому району также представлены в таблице 2.

Таблица 2. Соотношение башкир и татар в составе сельского населения западных и северо-западных районов Башкортостана²⁸ (по данным Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., в процентах)

	Доля башкир среди башкирского и татарского населения					Доля в составе всего населения	
	1939	1959	1970	1979	1989	Татары (1989)	Башкиры (1989)
Западные районы							
Альшеевский	37,3	36,8	37,4	41,6	41,5	48,2	34,2
Бакалинский	22,9	21,5	18,7	25,2	11,9	62,2	8,4
Белебеевский	19,2	16,0	12,4	14,8	14,5	23,8	4,0
Бижбулякский	19,5	19,6	21,0	24,3	23,0	35,0	10,4
Благоварский	17,9	55,6	69,2	65,9	11,6	59,8	7,8
Буздякский	25,9	51,8	39,2	34,1	28,8	64,7	26,2
Давлекановский	45,8	53,7	57,5	60,5	63,5	24,1	41,9
Ермекеевский	41,3	46,7	39,4	62,0	17,2	54,4	11,3
Миякинский	42,1	41,5	37,0	42,2	31,5	55,3	25,5
Туймазинский	46,0	50,1	60,3	71,2	35,7	56,3	31,3
Чекмагушевский	32,8	40,4	33,0	37,7	19,8	75,6	18,7
Шаранский	28,0	25,8	25,7	48,8	11,1	51,0	6,4
В целом по западным районам	33,8	40,5	39,3	45,1	26,4	53,3	19,1
Северо-западные районы							
Аскинский	70,6	72,2	74,7	74,4	72,6	23,9	63,3
Балтачевский	30,9	78,6	93,0	92,5	27,2	59,2	22,1
Бирский	29,4	21,4	30,9	29,4	23,9	13,7	4,3
Бураевский	58,0	68,2	70,4	81,6	43,7	50,8	39,5
Дюртюлинский	39,8	46,1	50,8	60,5	27,5	58,4	22,2
Иглишевский	62,2	69,6	77,4	86,0	67,6	30,3	63,2

Калтасинский	48,0	30,9	47,4	22,2	9,8	16,7	1,8
Караидельский	39,5	39,2	45,0	46,9	48,6	36,8	34,8
Краснокамский	82,0	75,1	70,2	62,6	39,0	36,5	23,3
Мишкинский	18,9	20,9	19,2	29,7	22,3	18,5	5,3
Татышлинский	81,5	89,1	83,1	90,7	71,8	21,1	53,6
Янаульский	64,3	68,9	70,2	80,4	61,3	25,1	39,8
В целом по северо-западным районам	53,7	62,7	67,5	72,5	49,7	33,4	33,0
В целом по 24 районам	43,6	51,8	53,4	58,6	37,6	43,4	26,1
Кушнаренковский	21,5	31,6	35,5	46,4	6,6	78,0	5,5

Примечания к таблице 2.

1. В строке, относящейся к Туймазинскому району, за 1939 г. приведен показатель, относящийся в целом к Туймазинскому и Кандринскому районам. (Территория бывшего Кандринского района в границах 1939 г. в 1956 г. почти целиком вошла в состав Туймазинского района.)

2. В строке, относящейся к Караидельскому району, за 1939 г. приведен показатель, относящийся в целом к Караидельскому и Байкибашевскому районам. (Территория бывшего Байкибашевского района в границах 1939 г. в 1956 г. целиком вошла в состав Караидельского района.)

3. После 1959 г. значительная часть территории Краснокамского района была передана в состав Калтасинского района. Остальные различия в границах перечисленных здесь районов на моменты переписей были незначительными.

Взгляд из Уфы и из Казани

Специфика этнического состава западных и северо-западных районов Башкирии состоит в том, что там сосредоточена большая часть проживающих в Башкирии татар²⁹ и, кроме того, большинство башкир в этих районах считает своим родным языком татарский³⁰. Во многих случаях живущие там татары и башкиры неотличимы ни по культуре, ни по языку. Их отличает лишь этническая идентичность. Однако имеется немало людей с двойственной, маргинальной, нечеткой или не-

стабильной идентичностью. Исследователь из Уфы А.Р. Ганеева охарактеризовала эту ситуацию следующим образом.

«В этническом составе северо-западных башкир отложились компоненты различных эпох, свидетельства более чем тысячелетней истории. Сложившийся синтез культуры трудно поддается анализу, хронологической и этнической дифференциации. Исследования осложняются и тем, что этнокультурные различия между татарами и башкирами в северо-западной Башкирии в целом ряде случаев четко не улавливаются»³¹.

«Суть проблемы заключается в том, что взаимодействие и взаимовлияние на протяжении длительного времени близкородственных по языку и культуре народов – башкир и татар – привело к сложению северо-западной этнографической группы башкир и уфимской (приуральской) группы татар»³².

По мнению А.Р. Ганеевой, «компоненты общности» в материальной и духовной культуре башкир и татар северо-западной Башкирии делают невозможным в ряде районов «проведение четких этнокультурных границ между татарами и башкирами. Высокий процент межнациональных башкирско-татарских браков зачастую вообще снимает вопрос об этнической принадлежности, который в глазах населения приобретает сугубо ретроспективно-историческое значение. В западных районах Башкирии татары и башкиры склонны не различать друг друга, хотя татароязычность обуславливает совершенно определенные отношения родителей к языку обучения их детей в школе»³³.

Казанский этнолог Д.М. Исхаков отмечает, что «при комплексном анализе этнокультурной ситуации в Приуралье обнаружилось серьезные трудности этнокультурной (в т.ч. и языковой) дифференциации татарского и башкирского населения северо-запада Приуралья. Общий вывод заключается в том, что ни в культурно-бытовом, ни в языковом отношениях между татарским и башкирским населением данной зоны различий нет; этническое самосознание также не четкое. Однако рассматриваемый ареал носит не переходный характер, а образует локальный вариант татарской культуры»³⁴.

«Единые с татарами по культуре и языку так называемые северо-западные башкиры, при наличии собственного этнического самосознания не могут рассматриваться в системе этнической структуры татар Волго-Уральского региона; они могут входить лишь в этнокультурную и языковую общности волго-уральских татар. Однако конкретное “раз-

межевание” этих различающихся между собой структур сильно затрудняется запутанностью в ряде районов северо-западного Приуралья этнической идентификации»³⁵.

Иными словами, отмечая, как и его башкирские коллеги, что культура и язык татар и башкир данного региона неотличимы, Д.М. Исхаков все же характеризует их не как переходные, а как татарские.

Анализ причин скачка 1989 г. приводит к выводу, что процесс изменения башкирской этнической идентификации на татарскую складывается из двух составляющих. Одна из них – это восстановление прежней небашкирской идентичности (мишарской, тептярской и собственно татарской), либо продолжавшей функционировать на приватном или даже публичном уровне, несмотря не то, что она не совпадала с той идентичностью, которая фиксировалась статистическими органами, либо известной от родителей и дедов, и переосмысленной в том и в другом случае именно как татарская идентичность. Другая составляющая представляет собой процесс изменения самосознания некоторых групп башкир под влиянием окружающей этносоциальной, этноязыковой и этнокультурной среды и ситуации. Определенную роль могло сыграть также негативное отношение к проекту перевода школьного преподавания на башкирский язык в тех селах, где ранее большинство населения считалось башкирским. Таким образом, для какой-то части населения ценностная ориентация на татарский язык оказалась более важной, чем идентификация с «титულным» для данной республики этносом.

Тюркизация финно-угорского населения

Татарско-башкирское взаимодействие было не единственным процессом, наложившим отпечаток на характер этнической ситуации в крае. Не следует забывать и о другом процессе, о котором много писали до 1917 г., но заметно реже в советское время. Речь идет о тюркизации части финно-угорского населения (удмуртов, марийцев)³⁶. Финно-угорские группы участвовали в формировании всех тюркских народов Поволжья и Приуралья – татар, башкир, чувашей, но тюркизация финно-угров происходила не только в средние века. Она продолжалась вплоть до XX века. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что на протяжении XIX века рост численности татар и башкир на территории Среднего Поволжья и Южного Урала значительно превосходил рост финно-угорского населения³⁷.

В конце XIX – начале XX вв. о процессе тюркизации удмуртов и марийцев более всего писали авторы, связанные с миссионерскими структурами православной церкви, поскольку этот процесс был связан с исламизацией, то есть с обращением в ислам представителей финно-угорского населения, приверженных до этого времени традиционным языческим верованиям, либо тех из них, кто принял православие чисто формально. Татарский язык на северо-западе Башкирии среди нерусского населения на протяжении столетий являлся языком межэтнического общения, поэтому многие марийцы и удмурты его знали, даже оставаясь язычниками. Так, С. Рыбаков сообщает, что в некоторых марийских деревнях Бирского уезда даже языческие моления проводились на татарском языке, мужчины же между собой говорили исключительно по-татарски и даже считали признаком отсталости употребление марийского языка³⁸. При этом автор отмечает, что «все обращающиеся в магометанство инородцы называют себя и слынут под именем татар»³⁹ и перечисляет ряд селений, где происходят эти процессы. О том, что обращенные в ислам начинают считать себя татарами пишет и С.В. Чичерина⁴⁰. Что же касается удмуртов, то П. Ерусланов в 1895 г. считал их наполовину «омагометанившими»⁴¹, а С. Рыбаков отмечал, что в ряде деревень они в конце XIX в. построили мечети (причем некоторые названия перечислялись), а подготовка мулл из числа удмуртов происходила в медресе селения Бураево⁴². В статье И. Износкова описывается одна из деревень Караякуповской волости Уфимского уезда (ныне Чишминского района), жители которой, в прошлом марийцы, перешли на башкирский (повидимому, вероятнее, исходя из особенностей этноязыкового окружения, татарский) язык и стали считать себя башкирами, а так же приводится пример еще одной деревни на территории нынешнего Кармаскалинского района, где произошли сходные процессы⁴³. Вышедшее в 1912 г. издание «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама» содержит информацию о селениях, жители которых ранее считались православными, но «отпали в ислам»⁴⁴. Следует отметить, что тюркизация в некоторых случаях не сопровождалась исламизацией. Так, в деревне Князь-Илга Илишевского района живут татароязычные крещеные удмурты.

К сожалению, процесс тюркизации финно-угорского населения на территории Башкирии недостаточно изучен. Отчасти это объясняется

тем обстоятельством, что интерес к данному вопросу в дореволюционный период был во многом связан с защитой позиций христианства в крае, где распространение ислама среди язычников шло более быстрыми темпами, чем распространение православия. Изменившаяся после 1917 г. ситуация привела к тому, что этот сюжет на долгие десятилетия выпал из сферы внимания исследователей. Вопросы тюркизации финно-угров обычно рассматривались в контексте изучения этногенетических процессов в средние века, но не применительно к последним двум столетиям. Другая причина состоит в том, что сложилась практика исследования отдельных народов как самостоятельных объектов, тогда как многие проблемы истории этнических групп на самом деле возможно разрешить, только изучая соседние группы в их взаимодействии. При этом не всегда уделялось должное внимание процессам смены этнической идентичности. Третья причина слабой изученности данного вопроса связана с объективными трудностями исследования людей, которые не всегда склонны афишировать тот факт, что идентичность их предков отличалась от их теперешней идентичности⁴⁵. Автор этих строк не склонен чрезмерно преувеличивать значение процессов тюркизации финно-угров на территории Башкирии в последние столетия, но, как представляется, и игнорировать их более нельзя.

«Вхождение в башкирское имя»

Важнейший вопрос, возникающий при работе с этностатистическими источниками, – как следует понимать зафиксированные в них этнические названия – этнонимы. Насколько тождественны одни и те же этнонимы, зафиксированные в разных источниках или даже в разных местах в пределах одного и того же источника (то есть на страницах, относящихся к разным территориям)? Выше уже упоминалось, что термин «башкиры» употреблялся в двух значениях – этническом и сословном. При этом само население часто отличало «природных башкир» от тех, предки которых «вошли в башкирское имя», что находило отражение в официальных документах⁴⁶. Об этом достаточно часто упоминали еще дореволюционные авторы. Так, П. Небольсин в 1850-х годах в достаточно подробных заметках о Башкирии писал (орфография источника):

«Население собственно-башкирского войска состоит из людей разных племен, из настоящих Башкирцов и из мухаммедан, именующихся

Башкирцами только потому, что они записались в Башкирцы, в башкирское войско. Таким образом, между Башкирцами можно встретить: 1) Киргизов, вышедших из степи, добровольно-покинувших прежняя кочевья и пожелавших нести казачью службу; они находятся в седьмом и десятом башкирских кантонах; 2) Татар Оренбургских в десятом и бывших нагайских в десятом и тринадцатом башкирских кантонах; 3) Вотяков – вотяцкия физиономии, особенно у женщин, весьма-резко бросаются в глаза в северной части десятаго башкирскаго кантона; 4) омусульманенную Черемису, издавна-вышедшую с берегов Черемшана, Волги и Камы; предание об этом сохранилось между Башкирцами перваго кантона в Осинском Уезде Пермской Губернии; наконец, между Башкирцами же мы найдем и 5) омусульманенных Калмыков торгоутскаго племени, именно в шестом башкирском кантоне, в Челябинском Уезде, и 6) чистых Мещеряков, то-есть омусульманенную Мещеру, издавна-вышедших из-за Волги, приютившихся в Башкирии и, при благовидных обстоятельствах, превратившихся из припущенников в хозяев»⁴⁷.

В «Памятной книжке Уфимской губернии» за 1873 г. читаем: «Уклоняясь от платежа, многие тептяри из христиан принимали магометанство и вопреки запрещению, стали зваться – Башкирами, между тем как Башкиры – землевладельцы были хорошо известны правительству, – о них воеводы должны были ежегодно подавать списки в Кабинет и Сенат»⁴⁸.

В изданной в 1915 г. брошюре «Башкиры» В. Филоненко отмечает: «Иностранцы и азиатцы, как мухаммедане, самовольно “входили в башкирское имя” (называли себя башкирами), несмотря на строгое запрещение со стороны правительства, у которого владетельные уфимские башкиры были на счету. Служилые же люди и сходцы просто самовольно захватывали в свое владение башкирские земли»⁴⁹.

В последнее время не прекращается острая полемика по вопросу о том, насколько возможно было такое «вхождение в башкирское имя», если принадлежность к сословию башкир-вотчинников была связана с наличием жалованных грамот царского правительства на вотчинные земли. Противоположные точки зрения по этому вопросу представлены, как правило, с одной стороны, уфимскими⁵⁰, с другой, – казанскими авторами⁵¹. Не вдаваясь в детали споров, подробное изложение которых потребовало бы места, существенно превышающего объем настоящей статьи, обратим внимание лишь на то обстоятельство, что ответ на спорный вопрос может оказаться различным в зависимости от

того, о каком периоде идет речь. Во всяком случае, можно выделить по крайней мере пять различных периодов:

- а) период до частных переписей башкирских дворов в 1730-е годы (а по сути дела до III ревизии в 1760-е годы), когда статистического учета башкирского населения фактически еще не существовало;
- б) промежуточный период до создания кантонной системы;
- в) кантонный период – Башкиро-Мещерякское войско 1798–1855 гг.;
- г) кантонный период – Башкирское войско 1855–1865 гг.;
- д) период после ликвидации Башкирского войска.

При этом представляется, что возможности «вхождения в башкирское имя» могли не только быть различными в разное время, но и варьировать в зависимости от территории.

«Вхождение в мещерякское имя»

Если вопрос о «вхождении в башкирское имя» остается предметом жарких дискуссий, то вопрос о «вхождении в мещерякское имя», по-видимому, до сих пор практически не поднимался. Между тем существуют факты, дающие основание для постановки такой проблемы. В этнологической литературе, посвященной татарам-мишарям, основное внимание чаще всего уделяется тем группам, которые расселены на правом («горном») берегу Волги и являются носителями западного диалекта татарского языка. Однако, судя по всему, далеко не обо всех жителях Башкортостана, официально или неофициально считавшихся мишарями, можно говорить как о населении, ничем существенным не отличающемся от правобережных мишарей.

Прежде всего, как отмечает Д.М. Исхаков, ссылаясь на работы ряда языковедов, в некоторых районах Южного Приуралья мишари полностью или частично потеряли свои языковые (диалектные) особенности в результате сильного воздействия со стороны носителей среднего диалекта татарского языка⁵² и сблизились в языковом отношении с казанскими татарами⁵³.

В 1959 г. в ряде районов Башкирии работали этнографы Казанского филиала Академии наук СССР. Изучая группы татар-тептярей и татар-мишарей, они выделили в составе последних три этнографические группы. Одна из них – мишари-томан, что, по мнению исследователей, следует понимать как «темниковские». (Возможно, это название восходит к термину «тумен», обозначавшему такое подразделение в улусной системе монгольских государств, кочевые хозяйства которого

могли выставить десять тысяч воинов, а также саму войсковую единицу соответствующей численности⁵⁴). Другая, наиболее многочисленная группа – симбирские, или алатырские мишари. Кроме того, сообщают исследователи, «в левобережных районах (речь идет о левобережье р. Белой. – А.К.) имеется еще одна разновидность мишарей, которые сами себя называют мишарями в отличие от томан и симбирских, которые этого названия не признают. При этом, если томан и симбирские мишари знают откуда и приблизительно когда их предки переселились в Башкирию, а нередко в недалеком прошлом сохраняли с населением прежних мест даже родственные связи, то рассматриваемые мишари определенно считают, что они местные и ниоткуда не переселялись. Пользуются эти мишари тем же говором, что и тептяри, мало отличаются от них по быту, хотя имеют, видимо, больше финноугорских примесей. Сказать что-либо определенное о происхождении этих “местных мишарей” в настоящее время трудно. Необходимо провести детальное изучение их, но есть предположение, что они образовались из каких-то местных финноугорских элементов, усвоивших тюркский (татарский) язык и религию (ислам)»⁵⁵.

Мишари считаются частью (субэтносом) татарского народа. Однако на территории Башкирии они, как уже было сказано, до 1930-х годов в официальных статистических изданиях фиксировались как отдельная национальность. Более того, по свидетельству ряда этнографов, в некоторых местностях Башкортостана, в частности в ряде селений Караидельского района, мишари по крайней мере до 1980-х годов рассматривали себя как отдельный народ, отрицая свою принадлежность к татарам⁵⁶.

Существовала возможность проникновения в категорию служилых мещеряков лиц, которые не были переселенцами из мишарских районов правобережья Волги или потомками таких переселенцев. Как отмечает Д.М. Исхаков, «в сословие служилых “мещеряков” попасть было несложно: в XVIII в. для этого было достаточно показаний двух свидетелей, подтверждающих принадлежность челобитчиков к населению той или иной мишарской деревни Уфимского уезда»⁵⁷. Р.И. Якупов сообщает, что в Российском государственном военно-историческом архиве хранятся сведения о значительном количестве тептярей, включенных в мещерякское сословие⁵⁸.

Однако не только те, кто не имел никакого отношения к мишарям с правобережья Волги, могли попасть в сословие мещеряков, но и этни-

ческие мишари оказывались в других сословиях. Д.М. Исхаков, ссылаясь на ряд архивных документов, отмечает, что «не все мишари Приуралья относились к служилым, так называемым “военным” припущенникам»⁵⁹.

Наконец, понятие «мишари» имело на территории Башкирии еще одно значение. Башкиры, по свидетельству П. Небольсина, использовали этот термин для обозначения тех, кто вошел в состав башкирского сословия, не являясь башкиром по происхождению, причем не только «этнических мишарей». «Башкирцы сами себя, и то коренных только своих соплеменников, называют “Башкурт”, прочим же именующимся Башкирцами иноплеменникам они дают общее название “Мишарь”»⁶⁰.

Безусловно, большинство «мещеряков» по сословной принадлежности были все же мишарями в общеизвестном «этнографическом» смысле этого слова. Однако отмеченные факты заставляют более осторожно подходить к названиям «мишари», «мещеряки», встречающимся в этностатистических источниках. Распространенность таких явлений по территории Башкирии в настоящее время не изучена, но все же представляется, что они характерны прежде всего для северо-западных, а также возможно и северо-восточных районов республики.

Последний из приведенных примеров позволяет перейти к вопросу о соотношении этнонимов, зафиксированных в статистических источниках, и тех этнонимов или местных названий, которые само население употребляет для обозначения своей и соседних групп населения.

Кашкинский случай

Кашкинский сельсовет находится в восточной части Аскинского района РБ и включает пять деревень – Кашка (Кашкино), Амир, Бильгиш, Гумба, Новый Суюш. Исторически эта местность входила в состав Балыкчинской башкирской волости, и все расположенные в ее пределах селения, по сведениям подавляющего большинства этностатистических источников, всегда фиксировались как башкирские. Единственным исключением выступают «Списки населенных мест Российской империи» по Уфимской губернии, составленные на основании переписи населения 1865 г. и изданные в 1877 г.⁶¹ В них жители этих селений зафиксированы мещеряками, что обычно воспринимается историками как искажение⁶².

В июне 2001 г. в рамках экспедиционного исследования был проведен ряд нестандартизированных интервью с жителями селений Кашка и Амир. Информаторы – лица, известные в своих селениях как знатоки истории данной местности. Таким образом, полученная информация не репрезентирует мнение населения, а носит экспертный характер.

Информаторы имеют представление об отличии своей локальной группы населения в языковом и культурном отношении как от ближайших, так и от более географически отдаленных групп башкир и татар. При этом у локальной группы нет самоназвания. Термин «балыкчинцы» им известен, но в их представлениях, по-видимому, скорее связан с прошлым, с происхождением группы, чем с сегодняшними реалиями. В 1990-е годы в Аскинском районе и Кашкинском сельсовете проводились различные мероприятия (связанные с преподаванием башкирского языка и литературы, с годовщиной сеянтусовских событий⁶³ и др.), направленные, в частности, на укрепление башкирского самосознания местного населения. Тем не менее, часть информаторов старшего и среднего поколения уходила от прямого ответа на вопрос о том, кем они себя считают в большей степени – башкирами или татарами.

Местный говор информаторы воспринимают как нечто среднее между татарским и башкирским языком, отмечая, что в Татарстане их принимают за башкир, а в Уфе за татар. Как утверждают местные жители, речь старшего и среднего поколения в большей степени подвержена влиянию татарского литературного языка, а младшего – башкирского литературного языка. По-видимому, это связано с тем, что до середины 1970-х годов преподавание в местных школах велось на татарском языке, а с этого времени было переведено на башкирский язык. По мнению информаторов, кроме языка местное население отличается также некоторыми особенностями обрядов, фольклора, психологическими характеристиками.

Представление о географических границах локальной группы у разных информаторов несколько варьирует. В первую очередь это относится к ее западной границе. По мнению одних, жители всех селений на запад от исследуемой местности вплоть до районного центра Аскино (40 км от Кашкина к западу) не отличаются от них ни по говору, ни по обычаям (за исключением деревни Утяш – см. ниже), тогда как другие считают, что уже речь жителей селения Урмияз имеет специфические отличия от их собственной речи (Куст деревень, одна из которых – Урмияз, находится в 17 км от Кашкина по дороге в Аскино).

Характерно, что никто из информаторов не провел воображаемую границу своей локальной группы там, где на самом деле до революции проходила граница Балыкчинской волости, которая в действительности включала куст деревень, в составе которых находится Урмияз, но не включала следующие селения по той же дороге, находящиеся дальше от Кашкина и ближе к Аскину.

В отношении восточной границы у информаторов нет единодушного мнения относительно селения Муллакаева Караидельского района. Одни считают его балыкчинским (что справедливо, так как это селение возникло как выселок одной из балыкчинских деревень), другие отмечают, что в связи с хозяйственной специализацией Муллакаева (лесоразработки, лесосплав, пристань на Уфимке) его жители в большей степени связаны с Уфой, а их речь гораздо ближе к татарскому языку.

Как показал анализ сведений, которые содержатся в заявлениях о вступлении в брак, хранящихся в Кашкинской сельской администрации, значительное число браков по-прежнему заключается внутри данной локальной группы населения. Тем не менее, одним из важнейших факторов, влияющих на формирование и облик локальной группы, является «ротация» населения – обмен населением с соседними локальными группами башкир и татар как в результате заключения браков, так и через переселение отдельных людей и целых семей в данную местность. При этом разные селения в зависимости от их географического положения затронуты данным процессом не в одинаковой степени. Так, по мнению некоторых информаторов, селение Бильгиш, расположенное ближе всего к мишарским (по мнению жителей Кашкина) селениям Караидельского района, в значительной степени состоит из потомков переселившихся туда мишарей (по мнению других информаторов, казанских татар), тогда как жители селения Султанбек, находящегося в глубине лесного массива к востоку от Кашкина, подвергались смешению в наименьшей степени.

Существенную роль в формировании данной локальной группы могли сыграть мишари. Во-первых, как отмечает Р.Г. Кузеев, когда балыкчинцы переселились в долину Тюя, они смешались с местным населением, которое, по преданиям, могло быть как марийским, так и мишарским⁶⁴. Во-вторых, после башкирских восстаний XVIII в., когда этот край относительно обезлюдел, по мнению некоторых информаторов, мишари подселялись, по крайней мере, в некоторые селения и смешивались с оставшимся населением. В-третьих, сыграли роль

смешанные браки, особенно в последние десятилетия, о чем говорят информаторы, хотя и в различной степени в разных селениях, в зависимости от географического положения этих селений.

Отношение местного населения к мишарям характеризуется рядом обстоятельств. Во-первых, мишарей различают, прежде всего, по языку, причем это отличие признается более существенным, чем разница между местным говором и татарским литературным языком или между местным говором и башкирским литературным языком. Во-вторых, в сознании людей живет память об участии мишарей в составе отрядов, подавлявших в XVIII в. башкирские восстания, причем с данными событиями связываются названия некоторых урочищ. Тем не менее, как отмечено выше, мишари принимали и продолжают принимать существенное участие в формировании локальной группы населения. С точки зрения темы настоящей статьи представляет особый интерес тот факт, что ряд близлежащих селений Караидельского района, считающихся башкирскими и входивших в прошлом в Су-Унларскую (Байкинскую) башкирскую волость (в частности, Иске-Акбуляк), характеризуется некоторыми информаторами как мишарские, причем теми, чьи предки происходят из этих селений. Причина этого до конца не понятна и требует дополнительного изучения.

Информаторы особо выделяют два селения, жители которых заметно отличаются от них по особенностям языка, быта и их происхождения, – Кунгак и Утяш. Население Кунгака, расположенного более чем в 40 км на северо-восток от Кашкина, по прежней сословной принадлежности относилось к государственным татарам, однако информаторы отказываются считать их как татарами, так и башкирами и подчеркивают заметные отличия их от башкир и татар в речи и в манере поведения, употребляя для обозначения жителей Кунгака местное название (этноним?) «боток», происхождение которого неясно. Некоторые предположительно называют их «кунгурскими татарами» или отмечают, что речь жителей селений, расположенных еще севернее, в Октябрьском районе Пермской области (район станции Чад), похожа на речь обитателей Кунгака. Жителей деревни Утяш (21 км на запад от Кашкина по дороге в Аскино) в соответствии с их прежней сословной принадлежностью называют тептярями, однако при этом расходятся в определении их этнической принадлежности, считая их мишарями либо казанскими татарами.

Понятие «тептяри» информаторы употребляли в ходе интервью редко, причем в двух значениях: как категорию населения, принадлежавшую в прошлом к данному сословию, и как категорию людей, занимающих промежуточное (переходное) положение между башкирами и татарами.

В целом, как показали материалы бесед с информаторами, система этнических категорий, употребляемых жителями Кашкина, имеет заметные отличия от списка этнонимов, принятого статистическими органами, что отражается:

- в представлении об отличии собственной локальной группы от других групп башкир и татар при отсутствии местного самоназвания;
- в несовпадении границ территории, на которой, по мнению местных жителей, обитает эта локальная группа, с прежними границами башкирских волостей (родоплеменных групп);
- в использовании официально вышедших из употребления терминов «мишари» и «тептяри», причем понятие «мишари» иногда противопоставляется понятию «татары»;
- в «приписывании» такой этнической принадлежности жителям некоторых селений, которая отличается от официально фиксируемой;
- в употреблении в отношении жителей селения Кунгак местного названия (этнонима?) «боток».

Бардымский случай

Бардымский район Пермской области расположен в ее южной части недалеко от северной границы с Башкортостаном, однако непосредственно с ним не граничит. От районного центра – села Барда – до этой границы расстояние составляет около 100 км по трассе Уфа–Пермь и примерно вдвое меньше по другой дороге, качество которой оставляет желать лучшего. Селения района расположены вдоль среднего течения реки Тулва (приток Камы) и ее притоков. По переписи 1989 г. 83,5% от числа всех сельских башкир Пермской области проживали в Бардымском районе. При этом башкиры составляли 85,1% населения района, русские – 8,3%, татары – 5,0%, другие – 1,6%⁶⁵. Русские в Бардымском районе большей частью проживают на территории двух относительно отдаленных сельсоветов (Шабарского и Шермейского) в северо-восточной части района.

Население Бардымского района представляет интерес помимо всего прочего еще и потому, что оно находится вне сферы юрисдикции

властей Татарстана и Башкортостана, и следовательно, на его этническое развитие не влияет непосредственно этническая политика, проводимая в этих республиках. В действительности процессы, которые происходят в республиках, особенно в Татарстане, все же оказывают какое-то влияние на ситуацию в Бардымском районе, но это влияние осуществляется по неформальным каналам, что существенно отличается от непосредственного управления местными процессами с помощью эффективно действующих «властных вертикалей».

Происхождение данной локальной группы – чрезвычайно сложный и запутанный вопрос. Подавляющее большинство населения нынешнего Бардымского района фиксировалось ранее как башкиры Гайнинской башкирской волости. Существуют документы, свидетельствующие о проживании башкир-гайнинцев в районе Тулвы в период Казанского ханства⁶⁶. Р.Г. Кузеев отмечает, на основании своих экспедиционных материалов, что гайнинцы считают себя «выходцами из Булгар» или «коренными башкирами», переселившимися «с Мензелинских сторон»⁶⁷. О том, что они считают себя «переселенцами из древнего Булгара», писал П. Небольсин. Важной в данном случае деталью представляется тот факт, что «они приняли мухаммеданство около времен царя Иоанна IV от Татар, которыми были повсюду окружены»⁶⁸. Это позволяет предположить, что предки гайнинцев, по-видимому, были одной из периферийных групп Казанского ханства, в социальном, и скорее всего, в географическом смысле. Выше уже приводилась цитата из другой работы П. Небольсина, где речь идет об «омусульманенной Черемисе»⁶⁹, переселившейся с берегов Черемшана, Волги и Камы, причем имеются в виду как раз башкиры Первого кантона (то есть гайнинцы). Правда, вызывает сомнение факт проживания марийцев на Черемшане. Тем не менее, интересная параллель с этим сообщением прослеживается в преданиях, записанных Р.Г. Кузеевым у двух групп башкир – гайнинцев и таныпцев. Последние проживают, в основном, в Татышлинском, Аскинском и Балтачевском районе Башкортостана. С одной стороны, гайнинцы считают таныпцев своими родственниками, о чем свидетельствует и другое название гайнинцев – астанып (нижние таныпцы). С другой стороны, в сказаниях самих таныпцев говорится о происхождении их (таныпцев) от марийцев. Учитывая то, что марийцами башкиры часто называли не только собственно марийцев, но и вообще финно-угорское население, а также ряд других подробностей сказания, Р.Г. Кузеев приходит к выводу, что «в данном случае речь

идет об отражении в историческом фольклоре этнического взаимодействия и ассимиляции башкирами древнего (скорее всего угорского) населения среднего и верхнего Таныпа»⁷⁰. О сложном характере этнических процессов в южной части Пермского края, в том числе и на землях, где были расселены гайнинцы, говорит тот факт, что в источниках XVII в., относящихся к этим территориям, часто смешиваются понятия «башкиры», «татары» и «остяки»⁷¹. Аналогичные явления прослеживаются и по архивным документам, которые относятся к прилегающим территориям современного Башкортостана. В частности, в отношении Балыкчинской волости (см. предыдущий раздел), можно отметить приводимую Д.М. Исаковым цитату из «Памяти уфимскому толмачу Ф. Таганеву» от 1618 г., в которой говорится о приходе на реку Ирень «Балакчинских татар и остяков» торговать медом и воском⁷².

Еще одно предание рассказывает о приезде предков гайнинцев на Тулву на священном олене, причем в одних вариантах они спускаются с неба, а в других едут из снежных стран⁷³. По мнению А.Н. Киреева, это и ряд других материалов указывают на прямую связь гайнинцев с древними финно-угорскими племенами⁷⁴. Существует также предание, согласно которому основание по крайней мере некоторых деревень Бардымского района связывается с выходцами из Бухары⁷⁵. В свою очередь Н.А. Томилов не исключает участия сибирских татар в формировании данной группы⁷⁶. Д.Б. Рамазанова находит общие архаичные явления, связывающие говор местного населения с «восточно-тюркскими языками» (уйгурским, шорским, хакасским, алтайским)⁷⁷.

Современные жители Бардымского района используют татарский литературный язык, но осознают отличие от него своего разговорного языка. Заметные отличия от других групп башкир и татар наблюдаются в типе жилища. Физический облик немалого числа местных жителей отличает редкий для этой полосы довольно смуглый цвет кожи. Среди распространенных у них антропонимов часто встречаются редкие мусульманские имена, давно вышедшие из употребления в других локальных группах башкир и татар⁷⁸. На еще одну своеобразную культурно-языковую черту гайнинцев указывал в 1920-е годы известный тюрколог академик А.Н. Самойлович, отмечавший, что названия дней недели у них большей частью не совпадают с татарскими и башкирскими, но некоторые из этих названий находят параллели в чувашском языке⁷⁹.

Официальная статистика фиксировала большинство населения Бардымского района как башкир с татарским родным языком, однако в настоящее время по крайней мере среди части их существует тенденция смены самоидентификации на татарскую. Жители района, идентифицирующие себя как башкиры и как татары, как правило, не различают друг друга на бытовом уровне по этническому признаку (по крайней мере, местные уроженцы). Пермские исследователи А.В. Черных и А.А. Плюхин характеризуют этническое самосознание тулвинских башкир и татар как двойственное и многоуровневое. Они отмечают как наличие крайних позиций («мы – башкиры» или «мы – татары»), так и случаи осознания принадлежности к обоим народам⁸⁰. Встречается и такая самоидентификация как «башкирские татары»⁸¹. Среди исследователей также нет единого мнения относительно принадлежности бардымцев к башкирам или татарам. Некоторые авторы называют их «татаро-башкирами»⁸².

У бардымцев также «сохраняется осознание своей принадлежности к особой этнокультурной группе, отличной от других этнографических групп татар и башкир»⁸³. Как показали результаты этносоциологического исследования, проведенного в районе в августе 2003 г., примерно три пятых причисляет себя к этнографической группе гайнинцев⁸⁴. Среди опрошенных встречались люди, которые в качестве родного языка называли местный диалект. На региональном уровне самосознания функционируют также такие этнонимы как «гэйнэ», «бардымские татары», «бардымские башкиры», «пермские татары», «уральские татары», а также «кый татары» и «бутык татары»⁸⁵.

Последний термин весьма напоминает отмеченное в предыдущем разделе название «боток» и, по-видимому, является его вариантом или иной транскрипцией, однако им обозначается совсем иная локальная группа. По сообщению одного из информаторов, термин «боток» употребляется как обозначение населения Бардымского района жителями Октябрьского района, но, с точки зрения бардымцев, носит уничижительный характер. Впрочем, наибольшая проблема связана здесь не с тем, какой оттенок в него вкладывается, и не с неясностью его происхождения, а с противоречивостью его использования. Еще раз подчеркнем, что жители некоторых селений восточной части Аскинского района употребляют его для обозначения населения, живущего в одной из деревень. При этом они отмечают, что говор населения этой деревни сходен с говором, распространенном в соседнем – Октябрь-

ском районе Пермской области, тогда как жители самого Октябрьского района обозначают этим термином население другого района той же области. Однако если вспомнить упомянутую выше многовариантность употребления понятий «башкиры» и «мишари», то следует признать, что данное противоречие, по-видимому, носит закономерный характер и связано с особенностями использования этнонимов и местных названий людьми в повседневной практике, которое основано на неформальной этнической классификации в отличие от систематизированной классификации, разработанной статистическими или какими-либо другими официальными органами. Впрочем, возможно, что название «боток» вообще связано не с конкретной этнографической или локальной группой, а какой-либо ее особенностью, предположим, с тем, что она первоначально формировалась из людей совершенно различного происхождения. В таком случае употребление данного названия для разных групп окажется вполне объяснимым.

Заключение

Одной из важнейших проблем любого исследования представляется проблема соотнесения информации, полученной из разнородных источников. Это относится и к вопросу о соотношении данных, полученных в результате полевых этнографических исследований, с теми, которые можно почерпнуть из многочисленных статистических источников, опубликованных либо хранящихся в архивах.

Особый интерес по отношению к территории Южного Урала эта проблема представляет в связи с наличием в этом регионе обширной зоны (включающей север Башкортостана и прилегающие южные районы Пермской области), в пределах которой проживают различные тюркоязычные локальные группы, отличающие себя по языку и культуре как от «классических» башкир (башкир юго-востока Башкортостана), так и от «классических» татар (татар Закавказья). В отношении же этнической самоидентификации в этой зоне наряду с теми, кто четко и однозначно идентифицируют себя с татарами либо с башкирами, встречаются и люди с двойственной, маргинальной, нечеткой или нестабильной идентичностью. Эта ситуация сложилась в результате длительного взаимодействия различных тюркоязычных этнических групп, а также тюркизации какой-то части финно-угорского населения (удмуртов и марийцев).

Для выявления и исследования таких групп населения обычно используются два типа исследовательских подходов:

а) подходы, направленные на исследование современного состояния этих групп (а также их нынешнего представления о собственном происхождении как фактора, влияющего на идентичность) – этнографические, социологические, психологические подходы и методы;

б) подходы, направленные на изучение истории этих групп, – исторические методы, в том числе изучение статистических источников.

Неясность в определении точной пространственной локализации таких групп создает проблемы генерализации данных, которые получают специалисты, работающие с небольшим числом информаторов, (традиционные этнографы, психологи) и делает невозможным проектирование точной выборки для тех, кто работает на больших выборках (социологи, а также этнографы, использующие социологические методы). Обращение к статистическим источникам, с одной стороны, проясняет картину, однако, с другой, зачастую показывает значительные расхождения между информацией, добытой «в поле» и историко-статистическими сведениями. Примером тому служит, как показано выше, использование таких категорий учета, которые носили одновременно этнический и сословный характер. Так, фиксация отдельных групп под именем «башкир» и «мишарей», отражала важную, но отнюдь не исчерпывающую характеристику их этнической идентичности. Это приводит к убеждению, что достоверную и объективную информацию можно получить, только совмещая оба типа подходов.

Особую проблему представляет оценка качества информации, как той, которую сообщают исследователю информаторы, так и той, которая была записана много лет назад и сохранилась на страницах статистических справочников или в архивных фондах.

Материалы полевых исследований показывают, что этнические категории, которыми пользуется само население, могут не только отличаться от этнонимов, зафиксированных официальной этнической статистикой, но в некоторых случаях даже включать такие названия, которые вообще не фигурируют в исторических источниках. В том случае, когда сходные категории употребляются различными достаточно удаленными друг от друга группами для обозначения соседних общностей, это свидетельствует о необходимости более детального исследования процессов формирования локальных групп и ставит дополнительные проблемы. Приведенные выше факты говорят о том, что эт-

нические процессы на севере Башкирии и юге Пермской области могли носить более сложный характер, чем это представлялось до сих пор, и включать какие-то этнические группы, либо не зафиксированные в исторических источниках, либо, что скорее всего, не отличавшиеся авторами этих источников от соседних групп.

¹ Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 34.

² Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 330.

³ Там же. С. 350.

⁴ Там же. С. 338.

⁵ Там же. С. 339.

⁶ Там же. С. 330.

⁷ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 204.

⁸ Там же. С. 232–233.

⁹ Там же. С. 233.

¹⁰ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 7. Свод экономических данных по губернии. Ч. 2. Список земельных владений губернии. Уфа, 1901. С. 404 и др.

¹¹ Подсчитано по: Шибяев В.П. Этнический состав населения Европейской части СССР. Л., 1930. С. 106–107.

¹² Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 240–241.

¹³ Там же. С. 233, 246.

¹⁴ Там же. С. 252–253.

¹⁵ Роднов М.И. Численность тюркского крестьянства Уфимской губернии в начале XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 129.

¹⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. С. 340–343.

¹⁷ Подсчитано по: Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 29; Шибяев В.П. Этнический состав населения Европейской части СССР. Л., 1930. С. 208–209; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. С. 336–337.

¹⁸ Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань, 1998. С. 141–145.

¹⁹ Там же. С. 229.

²⁰ Там же. С. 230, 232.

²¹ Бывший Аргаяшский кантон к северу от Челябинска, район Кувандыка к востоку от Оренбурга и некоторые местности в юго-восточной части Башкирии.

-
- ²² Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. С. 312, 314; *Юлдашбаев Б.Х.* Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 31, 33.
- ²³ Альшеевский, Бакалинский, Белебеевский, Бижбулякский, Благоварский, Буздякский, Давлекановский, Ермакеевский, Миякинский, Туймазинский, Чекомагушевский, Шаранский районы.
- ²⁴ Аскинский, Балтачевский, Бирский, Бураевский, Дюртюлинский, Илишевский, Калтасинский, Караидельский, Краснокамский, Мишкинский, Татышлинский, Янаульский районы.
- ²⁵ Белокатайский, Дуванский, Кигинский, Мечетлинский, Салаватский районы.
- ²⁶ *Руденко С.И.* Указ. соч. Отд. вклейка.
- ²⁷ Выделенный С.И. Руденко западный район северо-западной области примерно соответствует той территории, на которой, по мнению башкирских языковедов, распространено северо-западное наречие башкирского языка, а по мнению татарских, – господствует татарский язык как среди татар, так и среди башкир.
- ²⁸ Подсчитано по: *Юлдашбаев Б.Х.* Указ. соч. С. 43–47; *Коростелев А.Д.* Динамика этнического состава сельских поселений Башкортостана (К проблеме татаро-башкирской межэтнической напряженности) // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994. С. 89.
- ²⁹ На территории 24 западных и северо-западных районов Башкирии проживает 57,0% сельских татар, живущих в республике, и только 32,6% сельских башкир.
- ³⁰ «Сами западные и северо-западные башкиры называют свой язык татарским» (*Ганеева А.Р.* Проблема этнокультурного взаимодействия башкир и татар в северо-западной Башкирии (состояние изученности) // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 2. С. 62).
- ³¹ *Ганеева А.Р.* Указ. соч. С. 58.
- ³² Там же. С. 59.
- ³³ Там же. С. 65.
- ³⁴ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (Принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993. С. 14–15.
- ³⁵ Там же. С. 18–19.
- ³⁶ Кроме того, следует обратить внимание также на татаризацию какой-то части чувашей, но на территории Башкирии она имела место в более южных районах – в Бирском уезде чувашей почти не было.
- ³⁷ *Кузеев Р.Г.* Миграции в Среднем Поволжье и на Южном Урале в XVI–XIX вв. и их влияние на расселение, численность, этнический состав и этнографиче-

скую структуру населения региона // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 36, 39.

³⁸ *Рыбаков С.* Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. СПб., 1900. С. 13.

³⁹ Там же. С. 14.

⁴⁰ *Чичерина С.В.* Положение просвещения у поволжских инородцев // Известия Императорского Русского географического общества. 1906. Т. 42. Вып. 2–3. С. 591–649.

⁴¹ *Ерусланов П.* Родственный союз по понятиям восточных черемис // Этнографическое обозрение. 1895. No 2. С. 35.

⁴² *Рыбаков С.* Указ. соч. С. 25.

⁴³ *Износков И.* Кара-Якуповская волость // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1893–1894. Т. 11. Вып. 2. С. 183–187.

⁴⁴ Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Под редакцией Епископа Андрея бывшего Мамадышского, ныне Сухумского и преподавателя этнографии Н.В. Никольского. Казань, 1912. С. 190, 192, 196, 198 и др.

⁴⁵ См., напр.: *Чичерина С.В.* Указ. соч. С. 611; Полвека полевой этнографии (с Е.П. Бусыгиным беседует В.А. Тишков) // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 119–120.

⁴⁶ См., напр.: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. М.; Л., 1949. С. 493.

⁴⁷ *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб, 1854. С. 240.

⁴⁸ Памятная книжка Уфимской губернии. Ч. II. Уфа, 1873. С. 6.

⁴⁹ *Филоненко В.* Башкиры. Уфа, 1915. С. 43.

⁵⁰ См., напр.: *Асфандияров А.З.* Мишари и татары в Башкортостане // *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн. 5. Уфа, 1994. С. 99–110; Он же. Вступительная статья // Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001. С. 4–39; *Томашевская Н.* От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского народа в новое время. Уфа, 2002; и др.

⁵¹ *Исхаков Д.М.* Этническое развитие волго-уральских татар в XV – начале XX вв. Дисс. в виде науч. докл. на соиск. ... д.и.н. М., 2000; *Габдуллин И.Р.* К вопросу об этнословной эволюции тюркского населения Уфимского уезда (губернии) в XVII–XIX вв. // Единство татарской нации. Мат-лы науч. конф. АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации» (Казань, 7–8 июня 2002 г.). Казань, 2002. С. 214–236 и др.

⁵² Средний (казанско-татарский) диалект является опорным диалектом татарского литературного языка.

-
- ⁵³ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона: (Принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993. С. 88.
- ⁵⁴ *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 48.
- ⁵⁵ *Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М., Юсупов Г.В.* Историко-этнографические исследования населения северо-западных районов Башкирии // Советская этнография. 1962. № 6. С. 126.
- ⁵⁶ Сведения сообщены мне йошкар-олинским этнографом В.Н. Петровым, принимавшим в 1986 г. участие в организации опроса в ходе проведения массового этнологического исследования «Современные этнические процессы в Башкирской АССР». Информацию подтвердил казанский исследователь Д.М. Исхаков.
- ⁵⁷ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар... С. 103.
- ⁵⁸ *Якупов Р.И.* Тептяри: историко-этнологические очерки. М., 2002. С. 187.
- ⁵⁹ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар... С. 103.
- ⁶⁰ *Небольсин П.* Рассказы проезжего. С. 240.
- ⁶¹ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. Т. 45. Уфимская губерния. СПб, 1877. С. 63, 64.
- ⁶² См., напр.: *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн. 4. Уфа, 1993. С. 189.
- ⁶³ Массовое уничтожение жителей селения Сеянтусы карательным отрядом А.И.Тевкелева при подавлении башкирского восстания в январе 1736 г.
- ⁶⁴ *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 352.
- ⁶⁵ *Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н.* Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., 1998. С. 230.
- ⁶⁶ *Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х.* 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957. С. 51; *Кузеев Р.Г.* Новые источники о присоединении Башкирии к Русскому государству // Мат-лы науч. сессии, посвящ. 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 16.
- ⁶⁷ *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 341.
- ⁶⁸ *Небольсин П.* Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник Императорского Русского географического общества. 1852. Ч. 4. Кн. 1. Отд. V. С. 18.
- ⁶⁹ *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб., 1854. С. 240.
- ⁷⁰ *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа... С. 346–348.

⁷¹ Подробнее см.: *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 114–132.

⁷² Там же. С. 120.

⁷³ *Киреев А.Н.* Этногенетические легенды и предания башкирского народа // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971. С. 61.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Приложение 2. Историческое предание об образовании пермских татар (на тат. яз.) // Пермские татары. Казань, 1983. С. 161–163.

⁷⁶ *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1981. С. 30–33.

⁷⁷ *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора пермских татар // Пермские татары. Казань, 1983. С. 142–146; *Она же.* К истории формирования говора пермских татар. Казань, 1996. С. 24.

⁷⁸ ПМА. Август 2003 г.

⁷⁹ См.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа... С. 343–345.

⁸⁰ *Черных А.В., Плюхин А.А.* Этническое самосознание тулвинских башкир и татар в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Мат-лы межрегиональн. науч. конф. Уфа, 2001. С. 140–141.

⁸¹ *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора пермских татар... Казань, 1983. С. 147.

⁸² *Вишневский Б.Н.* Следы угров на Западном Урале // Ученые записки Пермского университета. Т. 12. Пермь, 1960. С. 253.

⁸³ *Черных А.В., Плюхин А.А.* Указ. соч. С. 140–141.

⁸⁴ В ходе этносоциологического исследования по теме «Башкиры Пермской области: современный этносоциальный портрет», проведенного в августе 2003 г. Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, по выборке, репрезентативной для башкирского и татарского населения района (как единого целого), опрошено около 500 человек. Руководитель исследования Р.И. Якупов. Автор статьи принимал участие в составлении инструментария, выполнял проектировку выборки и статистическую обработку результатов опроса.

⁸⁵ *Черных А.В., Плюхин А.А.* Указ. соч. С. 141–142.

Кризис национальной идентичности в современном Дагестане: актуализация этнополитических проблем*

Республика Дагестан расположена на самом юге России, на территории Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Это без преувеличений ключевой регион СКФО, самый населенный и обладающий наиболее сложной структурой населения и экономики, природных условий, геополитического окружения. С одной стороны, он граничит с такими важными российскими регионами, как Ставропольский край, Калмыкия и Чеченская республика, с другой стороны, имеет сухопутную границу с не менее важными закавказскими странами – Грузией и Азербайджаном, имеет выход к Каспийскому морю, которое добавляет морские рубежи с Казахстаном, Туркменией и Ираном. В Дагестане расположен единственный незамерзающий морской порт России на Каспии – в Махачкале.

В советские годы Дагестан (в то время ДАССР) был регионотонором, обладавшим серьезным промышленным потенциалом. В то же время следует признать, что промышленная мощь республики основывалась в основном на предприятиях ВПК. После развала СССР и наступившего после этого глубокого кризиса экономика Дагестана рухнула. Последним гвоздем в гроб дагестанской экономики стала фактическая блокада, наступившая с началом чеченской войны: практически все коммуникации, связывавшие Дагестан с остальной Россией, проходили через территорию ставшей мятежной Чечни.

По сравнению с Чечней Дагестан остался относительно стабильной республикой, однако происходившие внутри дагестанского общества процессы носили поистине тектонический характер. В той или иной степени они затрагивали весьма чувствительную для полиэтнического Дагестана тему идентичности. Авторская гипотеза состоит в том, что сегодня дагестанцы столкнулись с серьезным кризисом идентичности, который еще более усложнил общественно-политическую ситуацию в республике и поставил проблему более глубокую, нежели определение самоидентификации. Речь, на мой взгляд, идет о том, утвердится

* Работа выполнена при финансовой поддержке проектов РГНФ «Проблемы национальной идентичности в России и в Украине в условиях глобализации» № 13-21-02003.

или нет в среде дагестанцев общероссийская идентичность как части общероссийской политической нации. Статья основана на полевом материале, который был собран автором в ходе многочисленных поездок в Республику Дагестан, однако львиная доля представленных здесь материалов была собрана осенью 2011 г.

Дагестан: общая характеристика

Дагестан – самый полиэтничный регион России¹. «Титульных» народов, языки которых поддерживаются на государственном уровне, насчитывается 14 (аварцы – 29,4% населения Дагестана, агулы – 0,9%, азербайджанцы – 4,3%, даргинцы – 16,5%, кумыки – 14,2%, лакцы – 5,4%, лезгины – 13,1%, таты – 0,004%, табасаранцы – 4,3%, ногайцы – 1,6%, рутульцы – 0,9%, русские – 4,7%, цахуры – 0,3%, чеченцы – 3,4%). Реальное число коренных народов гораздо больше, свыше тридцати. По данным на 01.01.2009 г. численность населения Дагестана составляла свыше 2,7 млн. человек². Сегодня численность населения республики наверняка превысила 3 млн. человек. Около 95% верующих – мусульмане (большинство сунниты, до 4% – шииты), около 5% – христиане (в основном православные), менее 1% – иудаисты. Дагестан расположен в северо-восточной части Кавказа, с востока омывается водами Каспийского моря. В Дагестане выделяют три зоны: горную (39,9% территории), предгорную (15,8%) и равнинную, или плоскостную (43,3%).

Согласно Конституции, Дагестан является демократической республикой в составе Российской Федерации. Политическую власть в республике осуществляют Глава Республики Дагестан, Народное Собрание Республики Дагестан, Правительство Республики Дагестан и Суды Республики Дагестан.

Фактор этничности для Дагестана всегда был и в обозримой перспективе останется ключевым в силу многонациональности этой республики. В наследие от советских времен дагестанцы получили высокую степень этнического самосознания, народы республики обладают большим уровнем этнической консолидации. Вопрос этнической принадлежности почти всегда всплывает между дагестанцами: они следят за продвижением «своих» во власти, в экономической сфере и даже в религиозных административных структурах.

Этническая идентичность в Дагестане – один из главных мобилизующих факторов. Республика лидирует по числу межэтнических кон-

фликтов, как явных, так и латентных. Однако, по мнению большинства экспертов, ни один из этих конфликтов не основан на чисто этнической неприязни: *«Любой межнациональный конфликт так или иначе связан или с земельным вопросом, или с вопросами управления, или с вопросами перераспределения ресурсов»*³. Этническая идентичность, тем не менее, имеет ограниченный ресурс, она не может быть общедагестанским объединяющим фактором. Этническое многообразие Дагестана при отсутствии безусловно доминирующей этнической группы создает ситуацию, когда этнические элиты вынуждены договариваться друг с другом, а относительные меньшинства объединяются против относительного большинства, чтобы не допускать чьего-либо доминирования. При этом представитель того этноса, который выдвинулся на вершину власти, вынужден учитывать интересы представителей других этнических групп, поддерживая систему этнического квотирования во власти. Даже назначенный в январе 2013 г. временно исполняющим обязанности Президента Дагестана Р.Г. Абдулатипов, формально призванный сформировать профессиональную команду, которая бы дистанцировалась от клановой системы, фактически был вынужден учитывать фактор этнической принадлежности кандидатов при формировании Правительства республики.

Не стоит думать, что это явление последних лет. Дело в том, что эффективная система этнического квотирования в Дагестане была заложена еще в советские годы. Именно с советских времен дагестанцы привыкли зорко следить за соблюдением пропорций в самых разных сферах, хотя главной остается, конечно, власть как самый важный ресурс. Менее явно этнический фактор проявляется в бизнесе. Эксперты, а также представители разных слоев населения на фокус-группах отмечали тяжелые экономические условия в республике. Если по России уровень регистрируемой безработицы составляет 5%, то по Дагестану – 12%, на деле, скорее всего, больше 20% (экономисты говорят о 300 тыс. безработных)⁴. В сельских Цунтинском и Цумадинском районах процент безработных доходил до 75–80%. Обычно руководитель предприятия при приеме на работу обращает внимание на национальность претендента. Связи, в том числе клановые и родственные, играют большую роль при трудоустройстве. Иными словами, этнический фактор практически всегда связан с политическими, экономическими интересами, проблемой распределения и использования ресурсов и т.д.

Очевидно, что в наши дни идет процесс постепенного складывания общедагестанской идентичности⁵, основанный на опыте совместного проживания в рамках одной административной единицы представителей разных этнических групп, наличии языка межэтнического общения – русского, комбинации кавказских и общероссийских культурных черт, которые и создают уникальную дагестанскую культурно-историческую общность. Общедагестанская идентичность имеет не только культурное, но и историческое основание. В разные исторические периоды народы, жившие на территории современного Дагестана, вырабатывали общий язык и общие культурные коды.

В дореволюционные годы у жителей Дагестана в качестве языка межнационального общения утвердился тюркский, причем на юге и севере это были разные варианты тюркского языка. Языком же интеллигенции, письменным языком коммуникации был арабский. После революции в связи с прошедшими крутыми изменениями и форсированной модернизацией произошли серьезные трансформации в культурной сфере. В советские годы в межэтническом общении дагестанцев выработался особый вариант русского языка, который характеризуется широким использованием общего для всех дагестанских языков и понятного для всех пласта арабо-персидских слов. Слова: «У него *хасият* такой», прозвучавшие в беседе одного дагестанца с другим, будут непонятны постороннему, но любой дагестанец поймет, что речь идет о характере. Перевести на литературный русский язык можно как: «У него нрав, характер такой». Тем не менее, складывается также и особый, дагестанский вариант русского языка, со своими словами и выражениями, смысл которых имеет местный колорит и понятен только дагестанцам без различия их этнической принадлежности⁶. Подчеркну, что общедагестанская идентичность еще не устоялась, она в процессе формирования. В первую очередь актуализируется она у дагестанцев, находящихся за пределами республики, где формируются довольно значительные их группы. Сложилось даже широко используемое за пределами Дагестана (само)название «даг».

Рост национализма в России и дагестанцы

Серьезные протесты у дагестанцев вызывает рост национализма в стране. Дагестанцы ассоциируют себя с Россией, многие гордятся тем, что они ее граждане. События, последовавшие после волнений на Манежной площади в декабре 2011 г., дагестанцы воспринимают как про-

тивопоставление России и Дагестана, видят в этих процессах угрозу лично для себя и своих близких. Вина за рост националистических настроений дагестанцами перекадывается на федеральный центр, который *«плохо владеет ситуацией в республике, не понимает Кавказ, не понимает Дагестан, не понимает его национальный компонент»*⁷.

Современное дагестанское общество весьма неоднородно. С одной стороны, культурно дагестанцы резко выделяются. Например, города республики все больше приобретают ближневосточный колорит, но это идет не через консервацию традиций. Традиции в значительной мере сохраняются в сельской местности, однако и там молодежь все менее вовлечена в структуру традиционных взаимоотношений. Нарушился их механизм. Прежняя схема, когда традиции действовали в рамках всего джамаата, объединяя сельскую общину, сломана. Происходит резкое ограничение сферы применения традиций рамками семьи или клана. За их пределами молодой человек ощущает себя свободным. Примерно так происходит с некоторой частью дагестанской молодежи, когда она выезжает за пределы своих джамаатов. Ограничения снимаются, и их поведение порой может вызывать конфликты с окружающими.

Молодежь в первую очередь переживает кризис идентичности. Дагестанский социолог Заид Абдулагатов говорит о парадоксальной двойственности сознания молодежи: в ходе проведенных им социологических опросов больше половины молодых дагестанцев заявляют о принадлежности к восточной, основанной на исламе, культуре⁸. На самом же деле, несмотря на процессы исламизации сознания и культуры, большинство дагестанских молодых людей разделяют общие ценности с другими гражданами России. В то же время происходящие в целом в России перемены, кавказофобия толкают молодых жителей республики к поиску себя в стороне от общероссийской общности, обостряя и без того серьезный кризис идентичности.

Земельный вопрос

Земля в Дагестане всегда была дефицитом. В условиях перенаселенности здесь были вынуждены развивать другие формы деятельности, кроме сельского хозяйства, широко было распространено отходничество. В советские годы к собственно Дагестану были присоединены равнинные территории бывшей Терской области, в 1959–1960-е

годы началось организованное переселение горцев на равнину⁹. К 1980-м годам, когда плановое переселение прекратилось, этот процесс стал неконтролируемым. Сегодня Дагестан переживает последствия переселений и различных связанных с ними нарушений. Основным вопросом и катализатором конфликта при этом становится земля, а поскольку переселенцы иноэтничны, то конфликты обретают форму межнациональных¹⁰.

Необходимо отметить, что разброс мнений относительно земли бывает самым широким. Исконные жители равнины часто апеллируют к тому, что у них отобрали земли, и требуют справедливости. Однако мало кто сейчас говорит о том, чтобы изгнать тех, кого переселили еще в советское время: к ним нет претензий, с ними установились добрососедские отношения. У старожилов есть претензии к тем, кто переселился, скажем так, «сверх квоты», и пытается обустроиться на равнине, минуя законные процедуры. В основном они обвиняют таких переселенцев в том, что они пользуются правовой неурегулированностью статуса земель отгонного животноводства. Возникающие на этих землях поселения незаконны, а попытки их узаконить разными способами вызывают протест жителей равнины.

В итоге проводившейся во второй половине XX в. политики прежние жители равнинных районов чувствуют себя ущемленными. Обеспеченность землей жителей горных районов, которым передавались участки земли на территории равнинных районов, оказалась значительно выше жителей последних. Обеспеченность жителей, например, Гунибского района, в 10 раз превышает обеспеченность землей жителя дагестанской равнины. В Кумторкалинском районе из 120 тыс. га земель в административных границах, 88 тыс. га находятся в пользовании горных районов, из них 44 тыс. – у Гунибского района¹¹.

Жители равнин считают, что необходимо навести порядок с самой системой отгонного животноводства, и определить статус этих земель. По их мнению, многие земли, отведенные для отгонного животноводства, давно используются не по назначению. Они считают, что земля эта рассматривается «не как агроресурсный потенциал, а как объект территориального приобретения»¹².

Не решая застарелые земельные споры и проблемы, власти затрудняют инвестиции в сельское хозяйство. В частности, жители Ногайского района категорически отказались от предложения американского инвестора построить сахарный завод с производством собствен-

ного сырья и созданием рабочих мест для 10 тыс. человек (при том, что в самом районе проживает около 15–20 тыс. человек). Ногайцы решили, что речь идет не о создании рабочих мест для них, поскольку оказалось, что рабочих будут на новое предприятие завозить, а о схеме отъема 100 тыс. га земли, которые планировалось отдать под производство. Ногайские фермеры ставят вопрос о том, что эти земли можно было бы отдать им, развивать их фермерские хозяйства. Причем фермеров возмущает то, что программы, работающие в соседнем Ставропольском крае, не работают в Дагестане. *«В соседнем Ставропольском крае помогают начинающим и мелким предпринимателям, а у нас – нет. Там, если ты покупаешь технику, 50% доплачивает государство, помогает механизации. А у нас такого нет. Законы не работают! У нас создается такое впечатление, что нас целенаправленно ущемляют».* Фермеры из этого делают политический вывод: *«Программа наша глобальная – отделиться от Дагестана. Пока мы в составе Дагестана, нам нет развития!»*¹³

Итак, за всеми конфликтами, связанными с землей и приобретающими этнополитический характер, стоят не вопросы этнических различий и невозможности совместного проживания представителей разных национальностей. В значительной мере виноваты власти разного уровня, не могущие или не желающие решить застарелые проблемы, связанные с землепользованием в республике. Это актуализирует этнический аспект и приводит к все большему связыванию «земли и крови». Все это сказывается на идентичности людей, которые теряют доверие к идеям дагестанского культурно-исторического единства, а также политической нации разного уровня: республиканского и федерального.

Религиозный фактор

Дагестан – самый исламизированный регион России, этим и определяется значение религиозного фактора для республики. Подавляющее большинство населения исповедует ислам – мировую религию, составляющую одну из основ идентичности дагестанцев.

Религиозное развитие Дагестана с начала 1990-х годов было далеким от мирных сценариев. Мусульманское возрождение началось здесь с конфликтного отделения от Духовного управления мусульман Северного Кавказа и продолжилось дальнейшим дроблением по этническому признаку. Время этнических муфтиятов прошло, однако еди-

ное теперь Духовное управление мусульман Дагестана не признается легитимным как минимум половиной мусульманских общин республики. Ключевые претензии – в узкой суфийской специфике республиканского муфтията, представленного мюридами одного шейха – Саида-афанди Чиркеевского (ныне уже покойного), и в клановости – как утверждают их противники, ключевые должности контролируют не просто аварцы, а представители «гумбетовского» клана.

Исламское поле Дагестана не ограничивается наличием двух толков суннитского ислама – шафиитского и ханафитского, шиизма и суфизма. Оно гораздо более мозаично, здесь представлены различные радикальные группы салафитского толка (так называемые «лесные», «ваххабиты», «Ахлю сунна»), разные школы и традиции суфизма, а также достаточно маргинальные и немногочисленные группы сторонников Хизб ут-Тахрир, Фетхуллага Гюлена и весьма своеобразная секта «крачковцев». Все это поле бурлит и непосредственно влияет на состояние дел в республике. В ситуации отсутствия единства ислам не может играть стабилизирующую роль, существенно снять напряженность и решить социальные вопросы. Напротив, часто религия становится выразителем протестных настроений, фактором дестабилизирующим.

Сложилось упрощенное представление о том, что в Дагестане протестную исламскую группу представляют только салафиты, «ваххабиты» и «лесные»¹⁴. Однако и среди «традиционных» и якобы поголовно лояльных суфиев находятся те, кто выражает протестные настроения. В частности, есть оппозиционные группы самого влиятельного шейха Саида-афанди¹⁵ суфийские деятели, которые всячески ограничивают контакты с государством и существующим режимом. К ним относятся хасавюртовские аварцы, последователи шейха Таджуддина (линия параульских шейхов), а также акушинские и левашинские алимы. Они обосновывают свою позицию тем, что власть находится в руках неверных. Поскольку изменить положение дел сейчас они не могут, то запретили своим последователям идти против власти с оружием в руках, но рекомендовали минимизировать контакты с ней.

Итак, салафиты – не единственные, кто представляет протестную линию в исламе. Они действительно хотят установить свою политическую систему. Однако в стане салафитов произошли серьезные изменения: за прошедшие двадцать лет они потеряли своих интеллектуалов, которые имели политическую платформу, знали, чего они хотят и

как этого добиться. Однако идеология не побеждена, что ведет к росту бессистемного насилия с их стороны, террору против силовиков и представителей власти. Еще один неприятный факт, с которым пришлось столкнуться властям республики – со стороны салафитов практически не осталось тех, с кем можно всерьез говорить и договариваться.

Последнее стало очевидно в связи с разворотом властей республики к попыткам способствовать внутриисламскому диалогу в республике. Возглавлявший республику с 2010 по начало 2013 г. Магомедсалам Магомедов инициировал дискуссии между разными исламскими группами в республике, в ходе которых умеренная часть салафитов («Ахлю сунна») оформилась в некоторое подобие политической силы, представляющей интересы оппозиционных мусульман. Было дано указание прекратить силовые действия против мирных салафитов, в результате в республике открыто действуют салафитские мечети в Шамхале, Губдене, Буйнакске, салафитские группы в Махачкале. Хотя почти все эксперты скептически оценивают результаты работы и перспективы созданной по инициативе Магомедсалама Магомедова Комиссии при Главе РД по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории республики, красноречив сам факт ее учреждения, свидетельствующий о желании наладить диалог с крайней оппозицией. Однако сами умеренные салафиты, приветствуя инициативы власти и осторожно участвуя в предлагаемых формах сотрудничества, готовы свернуть диалог: *«Мы открыты и вышли из подполья. Но мы в любой момент готовы вновь уйти, потому что мы не уверены в том, что новая политика всерьез и надолго»*¹⁶.

Светское/религиозное: проблемы взаимоотношений

Дагестанцы обладают весьма высокой степенью религиозности, что находит отражение в общественно-политической жизни республики. Религиозные деятели, чувствуя поддержку со стороны консервативно-религиозной части общества, активно включаются в полемику со светскими деятелями, пытаются вмешиваться в сферы, далекие от религии, в частности, в научные дискуссии, пытаются вести мониторинг литературы и влиять на круг чтения дагестанцев через запрет определенных книг. Вслед за инициативами РПЦ мусульманские дея-

тели Дагестана активно ставят вопрос необходимости введения уроков ислама в школах.

Все чаще встает вопрос допустимости исламской одежды в государственной школе, совместного обучения девочек и мальчиков и т.д. Чересчур принципиальные сторонники светскости становятся жертвами накала страстей, как директор школы в поселке Шамхал Патимат Магомедова, которая была убита в сентябре 2010 г., как считается, из-за ее непримиримой позиции по поводу ношения хиджаба в школе и уроков физкультуры для девочек¹⁷.

Однако в некоторых случаях, по мнению экспертов, не все однозначно. В частности, часто поднимается вопрос об исламском образовании, которое якобы пытается заменить светское. На деле в Дагестане немного общин, которые отдают предпочтение системе исламского образования. Престижность светского образования сегодня никем не ставится под сомнение. Кроме того, активно критикуемые исламские вузы Дагестана, по мнению экспертов и даже правительственных чиновников, играют очень важную социальную роль, занимая тех, кто не нашел денег для поступления в светские вузы. Эти молодые люди получают кров, еду, а также воспитываются в исламской морали суфийской направленности, запрещающей вооруженную борьбу и экстремизм¹⁸.

Проблема разницы поколений в Дагестане обострена до предела. Традиционное общество, регулировавшее межпоколенную коммуникацию и передачу знаний, умений, навыков и устоев, все больше размывается под влиянием глобализационных процессов, идущих в мире в целом, а также своеобразной «исламской глобализации», когда среди мусульман все шире распространяются представления о наличии некоего универсального ислама, который должен быть свободен от различий в плане направления, толка и течения. Мусульманская молодежь в мире, а в последнее время и в Дагестане, все активнее вовлекается в процесс создания экстерриториальных общин, когда вовсе не обязательно принадлежать к общине тех, кто посещает одну и ту же мечеть. Интернет открывает доступ к впечатляющим коллекциям фетв так называемых «электронных муфтиев», которые становятся новыми кумирами исламской молодежи. Не учитывающие контекст и локальные особенности, эти фетвы привлекают молодежь своей универсальностью. Официальные религиозные лидеры, цепляющиеся за старые традиции, все больше теряют авторитет в их глазах. Эти люди ассо-

цируются у молодежи с нынешним строем, а значит, с полной и безоговорочной поддержкой современного состояния дел.

Молодежь особенно остро реагирует на современные проблемы дагестанского общества. Молодые люди на своих плечах испытывают практически все его пороки, особенно коррупцию. Известно, что даже для того, чтобы поступить на бюджетное место с зарплатой в 5 тыс. руб. в месяц, потребуется вручить взятку в размере 20 тыс. руб. Наиболее опасной тенденцией следует признать закрепляющуюся «коррупцированность сознания» дагестанской молодежи. Студенты дагестанских вузов на фокус-группе выражали крайнюю степень пессимизма по поводу перспектив борьбы с коррупцией: *«Реальнее смириться с коррупцией. Надо думать о своем будущем: когда нарушим закон, а это неизбежно, у нас должны быть возможности избежать наказания»; «Когда нам удастся попасть во властные структуры, мы будем точно так же брать взятки. Невозможно отказаться от денег»*¹⁹.

Коррупция, отсутствие перспектив для собственного развития ведет к росту протестных настроений среди молодежи. Даже среди образованной молодежи распространены представления о том, что введение шариата – единственный способ решения проблем дагестанского общества (как один из вариантов решения – путем введения или тотальной смены системы – называется также и реформа сверху, из Москвы). Небольшая, но активная часть молодежи в итоге оказывается среди групп боевиков. Большая же часть молодежи предпочитает трудовую миграцию, поскольку Дагестан отличается не только высокой безработицей, что в условиях аграрной республики, все же не столь опасно, но и весьма низким уровнем заработной платы.

Но прежде, чем рассмотреть проблемы, связанные с миграцией, обратим внимание на бытование шариата: насколько эта проблема реальна и каковы масштабы и перспективы «шариатизации» дагестанского общества. Активная деятельность по учреждению шариатских судов в Дагестане началась примерно с конца 1980-х годов, когда ослабла, а затем и была прекращена антирелигиозная деятельность государства. По всей республике было создано несколько десятков такого рода институтов; в то же время, они так и не смогли составить серьезную конкуренцию государственным судам. Существующие шариатские суды рассматривают в основном дела, связанные с семейно-брачными делами, наследованием. Уголовных дел они практически не

рассматривают, за редкими исключениями. Кроме того, часто «шариатское» правосудие на самом деле является примером применения норм адата. Широко распространены и традиции медиаторства, также основанные скорее на нормах адата, пусть даже им занимаются авторитетные в местных общинах-джамаатах имамы. Иными словами, Дагестан все еще очень далек от той «повальной шариатизации», которая мерещится некоторым наблюдателям. Главными факторами, мешающими широкому распространению шариата в правоприменительной практике, являются низкий уровень исламского образования и нехватка грамотных кадров, а также высокая степень секуляризации населения.

Каковы перспективы шариата в регионе? Анализ происходящих в Дагестане процессов позволяет предположить, что здесь будет происходить дальнейшее «разрежение» российского правового поля, которое будет размываться в первую очередь в сфере наследственного и имущественного права, а также в целом в судебно-процессуальной области. Будет происходить пусть медленное, но дальнейшее усиление неформальных шариатских структур, таких как существующие во многих общинах де-факто шариатские суды *кади*. В целом будет расти значение шариата, который с течением времени скорее всего будет серьезно конкурировать не только со светским российским правом, но и с традиционным правом (*адатом*). Растущая конкуренция светского, традиционного и религиозного права будет, с одной стороны, создавать ситуацию «правовой чересполосицы», как территориальной (с шариатскими анклавами и районами, где светское право преобладает), так и ситуационной (в одних случаях будет преобладать светское право, в других – религиозное, в третьих – традиционное), а с другой стороны, это будет вести к дальнейшему размыванию правового сознания мусульман региона. Последнее будет вести к дальнейшему отходу мусульманского населения Северного Кавказа от ценностей гражданского правового общества.

В целом традиция («бытовой» и «правовой» адат) как нормативный регулятор общества будет и дальше терять свое значение. Однако это будет происходить не в результате дальнейшего развития модернизационных процессов, а в значительной мере как результат вытеснения религиозным правом в ходе конкуренции разных правовых систем. В то же время ряд укоренившихся в регионе обычно-правовых практик сохранит свое значение. В частности, сохранятся, а может быть, и бу-

дуг играть еще большую роль такие формы, как неформальное медиаторство и примирение по *маслахату* (согласию сторон) в случаях непреднамеренного нанесения имущественного и физического вреда; медиаторство с участием авторитетных духовных лидеров (имамов мечетей), женщин. Во всех этих случаях обычное право (адат) не составляет прямую конкуренцию мусульманскому праву и может с ним сосуществовать, тем более, что большую роль в этих обычно-правовых процедурах играют исламские служители культа.

Шариатское право будет относительно успешно конкурировать со светским правом в значительной мере из-за все большего ухода государства из разных сфер жизни дагестанского общества. В частности, большим вызовом является сохранение неопределенности с правовым статусом земельных угодий, захватами в обход российского законодательства земель под строительство и жилье. В связи с этим будет расти число земельных конфликтов, решение которых в условиях отсутствия четких законов, регулирующих земельные отношения, все чаще будет происходить на основе шариата и традиционного медиаторства, также принимающего исламскую окраску. В Дагестане растет число случаев, когда земельные конфликты между коренными жителями равнины и переселенцами решаются на основе консенсуальных соглашений джамаатов этих двух групп, заключаемых в мечети и закрепляемых договором, составленным на арабском языке²⁰. Такие соглашения заключаются при активном участии имамов джамаатов, даже если они достигаются на основе не шариата, а традиционного медиаторства. Привлекательность шариату и адату придают системные проблемы, не решаемые российским государством в регионе: тотальная коррупция и продажность судебной системы, уменьшение объема и качества государственных услуг (усугубляемое все той же коррупцией), неэффективность правотворческой деятельности государственной власти (в частности, затягивание решения проблемы статуса земель), отсутствие четкой национальной и религиозной политики (в частности, заигрывания с религиозными лидерами и организациями, сочетаемые с вопиющей исламофобией).

В то же время, в связи с ростом привлекательности «традиционных» обычно-правовых и шариатских практик, будет происходить их использование криминальными структурами в своих целях и для оправдания своей противоправной деятельности. В регионе криминальные структуры накопили огромный опыт использования общей неста-

бильности и привлекательных идей и лозунгов в своих целях. Так было во времена *de facto* независимости Чеченской республики Ичкерия, так происходит и в современном Дагестане и Ингушетии. Многие криминальные разборки и нечестная конкуренция с криминальными «наездами» маскируются под случаи *джихада* и борьбы с «неверными» и «лицемерами», согласно общепринятым нормам шариата²¹. Криминал будет все шире использовать псевдо-шариатские структуры и практики: вести криминальные разборки под видом «вооруженного джихада», заниматься банальным рэкетом и вымогательством под видом сбора *садаки* (добровольной милостыни) и *закята* (обязательного для верующих благотворительного религиозного налога), принимающих тем самым принудительную криминальную форму, использовать для достижения нужных решений «шариатские суды».

Очевидно, что на Северном Кавказе в целом будет расти роль шариата как идеологического фактора радикальных исламских группировок. В то же время терроризирование мирного населения под видом установления экстремистами шариатского правления приводит к тому, что многие группы населения разочаровываются в мусульманском праве и приходят к выводу, что шариатизация общества неизбежно приведет к ухудшению их положения. К таким группам в первую очередь относятся светская интеллигенция (врачи, учителя, преподаватели вузов, работники культуры и др.), представители мелкого и среднего бизнеса и т.д. Иными словами, апелляция экстремистов к шариату приводит к подрыву авторитетности мусульманского права среди многих слоев северокавказского общества.

Миграционные проблемы

Как уже отмечалось, в советское время Дагестан поддерживал внутриреспубликанскую миграцию путем планомерного переселения населения с гор на равнину. Поздние советские годы характеризовались также попытками наладить миграцию дагестанских специалистов во внутрироссийские регионы. Распад СССР привел к прекращению каких-либо форм контроля над миграционными потоками. В результате за последние двадцать лет все более возрастающими темпами идет внутриреспубликанская миграция с гор на равнину, из села в город. По сведениям экономистов, города Дагестана с 1990 г. выросли на 40–45%. Весь этот рост населения городов идет на фоне промышленного застоя (в республике до сих пор не достигнут даже уровень 1990 г. по

промышленному производству). Города растут за счет значительного притока сельских жителей, что создает колоссальное напряжение в городских поселениях.

В условиях переизбытка трудовых ресурсов Дагестан имеет отрицательный баланс трудовой миграции: ежегодно республику покидают 10 тыс. человек. Миграции постсоветских лет значительно отличаются от миграций советского времени. Постсоветские мигранты, сталкиваясь с настороженностью, а порой и враждебностью, создают на новом месте своеобразные дагестанские анклав. Дагестанцы жалуются на серьезные перемены, которые происходят в политике государственных органов как в целом по России, так и в соседних с Дагестаном регионах, особенно в Ставрополье. Политику ставропольских властей, направленную на ограничение прописки, приема на работу и вытеснения дагестанцев из земель отгонного животноводства, они называют «политикой выживания»²². Это усиливает ощущение отчуждения, толкает к все большей изоляции.

Информационное пространство

Дагестан на всем пространстве Северного Кавказа до сих пор обладает бесценным ресурсом, важным в деле налаживания диалога между народом и политическими институтами. Этот ресурс – достаточно свободные печатные СМИ, а также наличие профессионального и ответственного журналистского сообщества. Дагестанские газеты, среди них «Новое дело», «Молодежь Дагестана», «Свободная республика», «Настоящее дело», «Черновик» и др., публикуют достаточно острые репортажи, откликаются на самые животрепещущие проблемы общества и государства, публикуют обращения граждан к властям, мнения граждан о том, что творится в республике. Все это благоприятно сказывается на состоянии общественной дискуссии.

Тем не менее сами журналисты отмечают серьезные проблемы. По их мнению, свобода прессы ограничивается, на газеты оказывается все возрастающее давление, журналисты нередко слышат в свой адрес угрозы.

В целом же интервью и фокус-группы выявили колоссальный уровень недоверия в дагестанском сообществе. Наибольший уровень недоверия фиксируется в отношении власти: коррупция, неспособность проводить в жизнь принятые программы, закрытость – все это создает атмосферу недоверия. Вот что учителя и социальные работники гово-

рили на фокус-группе: *«Вот Вы нас спрашиваете про проблемы. Но мы даже не верим, что стоит об этом говорить, и что что-то изменится. Мы даже не интересуемся программами, потому что изначально знаем, что они не будут реализовываться в Дагестане!»*; *«Власть не способна нас защитить. Люди надеются только на себя»*; *«Наша власть, любого уровня, не живет проблемами народа»*²³. Политическая система дагестанцев не удовлетворяет. Что интересно, высокую степень политической сознательности проявили фермеры, которые самостоятельно подняли на фокус-группе вопрос выборов. По их мнению, выборы глав должны быть всенародными.

* * *

Таким образом, ситуация в Республике Дагестан характеризуется высокой степенью динамики. Чтобы понимать, что происходит в регионе, необходим постоянный мониторинг. Вопреки часто высказываемым оценкам ситуации в Республике Дагестан в категориях «гражданская война», «террористическая война» и т.д., мы должны отметить, что локальные вспышки насилия, пусть и довольно частые, все еще не достигают уровня, при котором можно оперировать термином «война». В то же время в республике сложился тревожный фон, который характерен почти ежедневным насилием. Общероссийские проблемы в Дагестане усилены в несколько раз. Серьезным вызовом для дагестанского общества является поразивший его системный кризис, выход из которого видится только в решительном проведении болезненных реформ и преобразований. Кроме того, полиэтничный Дагестан переводит многие проблемы в привычную межнациональную плоскость, что может отвлекать исследователей и власти от сути этих проблем.

Системный кризис, поразивший Дагестан, находит свое выражение также и в кризисе идентичности, принявшем затяжной и глубокий характер. Как мы отметили, происходящие в республике процессы зачастую имеют разнонаправленный характер, что не дает нам надежды на скорое разрешение упомянутого кризиса идентичности. А ведь культурно-цивилизационный и политический выбор дагестанцев во многом зависит от того, какой из многочисленных векторов развития окажется ведущим.

-
- 1 Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002. С. 36.
- 2 Дагестан. Материал из Википедии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дагестан>, дата обращения 01 октября 2011 г.
- 3 Полевые материалы автора (далее – ПМА). Интервью с Ш. Шихалиевым, зав. отделом восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 14 сентября 2011 г.
- 4 ПМА. Интервью с Абасом Шапиевичем Ахмедуевым, главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН, 16 сентября 2011 г.
- 5 ПМА. Интервью с Махачем Мусаевым, зав. отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 15 сентября 2011 г.
- 6 Этот вопрос еще ждет своего внимательного исследователя. Пока же можно сказать, что энтузиасты пытаются создавать онлайн «русско-дагестанские» словари. Один из подобных словарей можно найти по этому адресу: <http://www.dagestanclub.ru/publ/1-1-0-55>, дата обращения 18 февраля 2013 г.
- 7 ПМА. Интервью с дагестанским журналистом (аноним), 24 сентября 2011 г.
- 8 ПМА. Интервью с Заидом Магомедовичем Абдулагатовым, Зав. отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 14 сентября 2011 г. Более подробно об исламе в сознании дагестанцев см. его книгу: *Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев*. Махачкала, 2008.
- 9 *Адиев А.З.* Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. Ростов н/Д, 2011. С. 49.
- 10 Более подробно о переселениях горцев и возникших в связи с этим проблемах см.: *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.
- 11 ПМА. Интервью с Абселиддином Азимовичем Мурзаевым, исполнительным директором Некоммерческого партнерства «Толеранс», 15 сентября 2011 г.
- 12 ПМА. Там же.
- 13 ПМА. Фокус-группа с представителями фермеров (перевод с ногайского языка). Республика Дагестан, Ногайский район, с. Карагас, 16 сентября 2011 г. Речь здесь идет о требованиях автономии для ногайцев, очередной раз озвученных летом 2011 года в ходе протестов ногайцев против планов строительства сахарного завода на территории Ногайского района.
- 14 См., например: *Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007. С. 376–396.

¹⁵ Несмотря на то, что Саид-афанди Чиркеевский погиб в результате террористического акта 28 августа 2012 г., мы будем упоминать его как главу группы мюридов, поскольку до сих пор нет фигуры такого же масштаба, которую можно было бы назвать его преемником.

¹⁶ ПМА. Интервью с представителем салафитской общины города Махачкалы (аноним), 23 сентября 2011 г.

¹⁷ *Ионов О.* Директор школы в Махачкале стала жертвой наемных киллеров... Кавказский узел. Электронный ресурс. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174704/> (дата обращения 24 сентября 2010 г.).

¹⁸ ПМА. Интервью с Муртазали Гаджиявовичем Якубовым, главным специалистом Отдела взаимодействия с религиозными образовательными учреждениями и гуманитарного сотрудничества Управления по государственно-конфессиональным отношениям Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан, 23 сентября 2011 г.

¹⁹ ПМА. Фокус-группа со студентами вузов г. Махачкалы, 20 сентября 2011 г.

²⁰ См., например: *Казенин К.* Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М., 2012. С. 44–46.

²¹ *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003. С. 330.

²² ПМА. Фокус-группа с представителями НКО, Общественная палата Республики Дагестан, 23 сентября 2011 г.

²³ Фокус-группа с учителями и социальными работниками, с. Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан, 16 сентября 2011 г.

Тенденции трансформации этнической идентичности учащейся молодежи Приморского края России*

Как известно, в исторически стабильные периоды этническая принадлежность и связанная с ней этническая идентичность сильно не актуализируется. Но в периоды быстрых социальных изменений ее актуализация становится значительно выраженной.

Приморский край исторически является полиэтническим регионом, территорией напряженных этнокультурных контактов Востока и Запада. В нем в настоящее время проживает 128 различных этносов (по данным переписи 2002 г.). Наиболее крупными являются украинская и корейская диаспоры. Кроме этого, происходит усиление нелегальной миграции китайцев в Приморский край. Возрастает численность «иностранный рабочей силы» из Узбекистана, Таджикистана и других Среднеазиатских республик СНГ. Как известно, проблема межэтнических отношений особенно остро встает там, где происходит пересечение, наложение друг на друга различных этнических ментальностей. В настоящее время, к сожалению, проявления этноцентризма и ксенофобии, дискриминации по этническому признаку, межэтнической напряженности и открытых конфликтов среди молодежи Приморского края, не являются редкостью. В контексте социально-экономической и политической нестабильности это обстоятельство обуславливает характер межэтнического взаимодействия учащейся молодежи в поликультурном регионе.

Этническая идентичность большинством исследователей понимается как разновидность социальной идентичности личности и проявляется в осознании своей принадлежности к определенной этнической общности. При этом указывается, что этническая идентичность – это результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления с ним и обособления от других этносов¹.

В структуре этнической идентичности чаще всего выделяется два основных компонента – когнитивный (знания, представления об осо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №11-06-00249 «Динамика этнического самосознания и этнической идентичности русской студенческой молодежи Приморского края России».

бенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства) ².

Л.М. Дробижева предлагает выделять также поведенческий компонент, который понимается как механизм проявления себя как члена этнической группы, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях³.

Эмпирические исследования межэтнических процессов учащейся молодежи Приморского края, взаимодействующей в едином поликультурном образовательном пространстве вуза, проводятся с 2000 г., что позволяет исследовать их в динамике.

Цель исследования – выявить тенденции трансформации этнического самосознания и этнической идентичности учащейся молодежи Приморского края России.

Участниками эмпирического исследования явились 175 человек, из них в 2000 г. исследовано 55 человек (30 девушек, 25 юношей) в 2010–2011 гг. исследовано 125 человек (85 девушек, 40 юношей) возрасте от 17 до 21 года (средний возраст – 19 лет), русских студентов Дальневосточного федерального университета (ДФУ) Школы педагоги филиала в г. Уссурийске.

Методики исследования:

1. «Типы этнической идентичности» – методика Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой⁴, направленная на определение тенденций трансформации этнической идентичности. Данная методика, по мнению авторов, позволяет выявить рост межэтнической нетерпимости (интолерантности).

2. Этнопсихологическая анкета, составленная автором (Калиниченко О.В., 2004), включающая вопрос, направленный на исследование аффективного компонента этнической идентичности (этнических чувств) «*Что вы чувствуете, называя себя русским?*».

3. Методика Куна-Макпортленда «Кто Я?» с целью выявления представленности этнической самоидентификации в общей структуре самосознания, уровня осознания себя представителем этноса и уровня этнополитической мобилизации русской учащейся молодежи.

4. Методика «Этническая аффилиация» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (1998).

Для анализа результатов исследования применялись методы математической статистики, в частности, использовались χ^2 -критерий Пирсона и ϕ -критерий Фишера для выявления различий в распределении признаков.

Результаты исследования:

Трансформации этнического самосознания начинаются, как пишет Г.У. Солдатова, с его ядра – этнической идентичности. Они проявляются в изменениях относительно позитивной этнической идентичности, которая, по мнению автора, может проявляться в трех видах: во-первых, в виде размывания этнической идентичности, проявляющееся в ее неактуальности; во-вторых, в виде отхода от собственной этнической группы; в-третьих, в виде гиперболизации этнической идентичности до дискриминационных форм ее проявления⁵.

Согласно полученным данным по методике «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) в самосознании исследуемой молодежи преобладают два типа этнической идентичности: «норма» и национальный фанатизм.

Таблица 1. Средние значения выраженности типов этнической идентичности у русской учащейся молодежи

типы этнической идентичности	этнотерпимость	индифферентность	норма	этноэгоизм	этноизоляционизм	национальный фанатизм
средние	11,26	12,33	17,89	12,69	12,29	13,21
критерий- χ^2	1172 ($p \leq 0,01$)					

Как пишет Г.У. Солдатова, *позитивная идентичность* характерна для большинства людей и представляет собой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам и поэтому считается «нормой». При этом «норма» представляют собой идеальную конструкцию, и поэтому имеет высокую социальную желательность. По мере ее роста, у респондентов менее благополучных респондент позиция «нормы» чаще сочеталась с гиперидентичностью⁶.

В нашем исследовании, как видно из таблицы, выявлено именно такое сочетание, свидетельствующее о наличии тенденций трансформации этнического самосознания по типу гиперидентичности, в основе которой лежит гипертрофированное стремление к позитивной этнической идентичности, к этническому доминированию, и которое в межэтническом общении может проявляться в различных формах этнической нетерпимости, и является проявлением этноцентризма.

Эмоциональный компонент этнической идентичности, по мнению многих исследователей, является доминирующим в структуре этничности. Как справедливо отмечает Г.У. Солдатова, «достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида»⁷. Аффективный компонент этнической идентичности отражает отношение к собственной этнической общности. Его мы исследовали с помощью вопроса анкеты «*Что вы чувствуете, называя себя русским?*» Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Показатели динамики эффективного компонента этнической идентичности русских с 2000 по 2010 гг. (в %)

группа	Этнические чувства					
	Гордость	Родство	Ответственность	Жалость	Стыд	Ничего
2000 г. (N=55)	53	21	11	–	19	11
2011 год (N=125)	69	37	21	2	3	–
Критерий Фишера	2,03 $p \leq 0,02$	2,2 $p \leq 0,03$	1,71 $p \leq 0,04$		3,4 $p \leq 0,001$	

Сравнительные результаты исследования показали, что русские молодые люди в 2000 г. испытывали противоречивые чувства по поводу своей этнической принадлежности: наряду с «чувством гордости» (53%), «ответственности» (11%) и «необъяснимого чувства родства, близости со своим народом» (21%), нейтральные (11%), но также и чувство «стыда» (19%). Это свидетельствует об имевшихся у русской молодежи признаках конфликтной идентичности, признаках нарушения этнической самоидентификации.

Сравнительный статистический анализ (по критерию Фишера) показал, что за последние 10 лет у исследуемой молодежи выраженность гиперпозитивных переживаний значительно возросла: так «гордость» за свой народ стали испытывать 69% опрошенных ($p \leq 0,02$), «чувство ответственности» – 21% ($p \leq 0,04$) и «родства со своим народом» – 37% ($p \leq 0,03$), а доля негативных этнических переживаний существенно

снизилась, так чувство «стыда» переживают лишь 3% опрошенных ($p \leq 0,001$).

Таким образом, мы видим, что в динамике у русской молодежи происходит актуализация этнической идентичности, проявляющаяся в демонстрации в отношении нее гиперпозитивных чувств.

Как известно, *национальная гордость* – это патриотические чувства любви к своей родине и народу, осознание своей принадлежности к определенной нации, выражающееся в понимании общности интересов, национальной культуры, языка и религии. В то же время гипертрофированное чувство национальной гордости ведет к возникновению национализма и шовинизма⁸.

Н.М. Лебедева также указывает на то, что гиперидентичность со «своим» этносом в полиэтническом обществе сопровождается этноцентристскими стереотипами, предубеждениями по отношению к представителям других этнических групп и уклонению от тесного взаимодействия с ними⁹.

Динамика межнациональных отношений находится в тесной связи с этническими стереотипами и образами отдельных этносов, которые формируются при активном участии их этносознания. Следовательно, можно предположить, что повышение гиперпозитивных этнических чувств у русской студенческой молодежи может отразиться на их межэтнических установках и поведении. Для проверки предположения мы изучили социально-психологическую дистанцию и содержание гетеростереотипов русских студентов по отношению к одной из самой заметной и многочисленной этнической группы в Приморском крае – корейской – и сравнили с данными 2000 г.

Для исследования трансформаций *поведенческого компонента* этнической идентичности русских студентов мы использовали Шкалу Э. Богардуса, включенную в этнопсихологическую анкету, и сравнили полученные результаты с результатами предыдущих исследований.

Таблица 3. Средние показатели социально-психологической дистанции

Русские (2000 г.)		Русские (2011 г.)	
Русские	Корейцы	Русские	Корейцы
6,96	5,41	6,75	4,88

Из таблицы видно, что по результатам 2000 г. среднегрупповой показатель социально-психологической дистанции по группе русских к русским – 6,96 баллов; по группе русских к корейцам 5,41 баллов, при

максимуме 7 баллов. Различия по критерию хи-квадрат значимы ($p < 0,01$).

Выявленные результаты свидетельствуют о выраженной социально-психологической дистанции, явлении этноцентризма, отдалении русских по отношению к корейцам. Возможно, это связано с тем, что русские являются титульной нацией на данной территории, этническим большинством.

Наибольшая удаленность дистанции у русских по отношению к корейцам наблюдалась в сфере установления брачно-семейных отношений (59% русских не допускали возможность вступления в брак с партнерами корейской национальности) и деловых отношений (для ролей «начальник» таких респондентов было 32 %).

Низкий уровень этнотерпимости в семейно-брачных отношениях вполне понятен и обусловлен, прежде всего, этнокультурными мотивами: действительно, именно в семейных отношениях актуализируются чужие обычаи, манера самовыражения, традиции, и их благоприятный социально-психологический фон напрямую зависит от общности стиля жизни и форм поведения отдельных членов семьи.

Пристрастное отношение к этнической принадлежности «начальника», на наш взгляд, связано с неприятием лиц другой национальности как претендентов на более высокие статусные позиции.

По результатам 2011 г. среднегрупповой показатель социально-психологической дистанции по группе русских к русским почти не изменился и составил 6,75 баллов; а по группе русских к корейцам наблюдается увеличение дистанции, показатель уменьшился и составил 4,88 баллов, при максимуме 7 баллов. Различия по критерию хи-квадрат значимы ($p < 0,001$).

По сравнению с 2000 годом увеличилась доля русских, не желающих вступать в брачно-семейные ($p \leq 0,05$) (72% и 59%) и деловые ($p \leq 0,001$) (63% и 32%) отношения с корейцами.

Следовательно, наблюдается негативная трансформация этнической идентичности, проявляющаяся в увеличении социально-психологической дистанции русской молодежи по отношению к представителям интруппы (корейцам).

Когнитивный компонент этнической идентичности (авто- и гетеростереотипы) исследовались с помощью метода *субъективной рефлексии* – «Достоинства и недостатки представителей моего (другого)

этноса» (В.С. Мухина), использованного нами в этнопсихологической анкете.

В результате анализа достоинств и недостатков «другого» этноса мы проследили динамику выраженности положительных и отрицательных оценок, представленную в таблице 4.

Таблица 4. Динамика соотношения позитивных и негативных оценок в гетеростереотипах русских студентов (по отношению к корейцам)

Группа	Количество категорий (частота)	
	Достоинства	Недостатки
Русские (2000 г.)	38 (70%)	16 (30%)
Русские (2011 г.)	203 (63%)	120 (37%)

При анализе результатов мы видим, что в гетеростереотипах русских доминируют *достоинства*, то есть в целом гетеростереотип имеет позитивный характер. Но при этом наблюдается негативная динамика: в содержании гетеростереотипов частота положительных характеристик у представителей другой (корейской) нации у современных русских студентов несколько уменьшается, а частота выделения недостатков несколько увеличивается. Выявленная тенденция не является статистически значимой, но частично подтверждает выдвинутое предположение, и данный факт, безусловно, не способствует повышению межэтнической толерантности современных русских молодых людей в исследуемом полиэтническом регионе. Результаты сравнения выраженности достоинств и недостатков в автостереотипах русских студентов представлены в таблице 5.

Таблица 5. Динамика соотношения позитивных и негативных оценок в автостереотипах русских студентов

Группа	Количество категорий (частота)	
	Достоинства	Недостатки
Русские (2000 г.)	44(60%)	29 (40%)
Русские (2011 г.)	307 (57%)	231 (43%)

В этнических автостереотипах русских студентов мы видим преобладание достоинств, но в динамике также наблюдается статистически незначимое снижение частоты положительных характеристик и увеличение количества недостатков.

Таким образом, наблюдается амбивалентность этнической идентичности русских студентов, с одной стороны, в аффективном компоненте этнической идентичности наблюдается значительное повыше-

ние позитивных этнических чувств, а с другой стороны – на когнитивном уровне – некоторое снижение позитивных этнических самохарактеристик и увеличение негативных. Выявленный факт, на наш взгляд, подтверждает гиперпозитивность этнической идентичности русской молодежи как проявление этнической психологической защиты.

Современные этнопсихологические исследования в России актуализируют проблему национализма у русской молодежи. Так, этнопсихолог О.Е. Хухлаев, изучающий этнонациональные установки современной российской молодежи, определяет национализм как «использование категории “нация” (“национальность”) как значимой при восприятии себя и окружающего мира»¹⁰. Интересно было выявить, насколько значима выраженность категории «национальность» в самосознании современных русских студентов, и какова динамика в сравнении с 2000-ми годами.

Для этой цели использовался тест Куна-Макпортленда «Кто Я?», с помощью которого исследовался групповой «Я-образ» русских студентов на основе обобщения их самохарактеристик. В результате выявлены идентификационные матрицы респондентов, составляющие множество идентичностей (общечеловеческая, гендерная, религиозная, этническая, профессиональная и др.).

На основе полученных данных исследовалась представленность этнопсихологических категорий, «религия», «территория проживания», «гражданственность» и особенно категории «национальность» в идентификационных матрицах студентов.

Все ответы были отнесены к объективным или субъективным характеристикам. Объективные были разделены на *базовые* (категории частной жизни), включающие общечеловеческую, гендерную, возрастную и семейную самоидентификации и *этнополитические*, включающие этническую, религиозную, гражданскую и региональную самоидентификации. Субъективные характеристики включали личностные признаки, умственные самооценки и значимость любви. Полученные данные представлены в таблице 6.

Таблица 6. Групповые идентификационные характеристики русских студентов по тесту Куна-Макпортленда (в %)

Категории	Русские 2000 г.		Русские 2011 г.	
	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши
1. Объективные характеристики				

Категории частной жизни (базовые)				
Человек	47	51	84	98
Пол	59	38	56	68
Возраст	9	9	3	8
Семья	88	40	90	84
Профессия и Социаль- ный статус	35	38	42	65
Этнополитические категории				
Нацио- нальность	3	38	14	20
Религия	3	4	1	3
Гражданин России	6	15	30	23
Территория	3	4	2	2
2. Субъективные характеристики				
Характер и личностные признаки	76	77	100	100
Умствен- ные спо- собности	24	15	52	53
Любовь	38	4	68	23

Анализ результатов показывает, что у современных студентов, как и раньше, в идентификационных матрицах, отражающих их «Я-образы», наиболее выраженными являются *общечеловеческая, семейная и личностная* идентичности. Доминирование категорий частной жизни в самоописаниях людей отражает большую озабоченность повседневными проблемами. Настоящая публикация посвящена анализу этнической идентичности, поэтому подробный анализ этих категорий не предполагается.

Выраженность *этнополитических категорий* в целом в групповых «Я-образах» русских студентов представлена незначительно. Среди них наименее выражены *религиозная и территориальная* идентичности, наиболее выражены *гражданская и этническая* идентичности. Интерес представляют заметные изменения выраженности некоторых этнополитических категорий: так, у современных юношей в идентификационных матрицах снизилась ($p \leq 0,05$), а у девушек возросла ($p \leq 0,05$) представленность *этнической* идентичности, и у девушек

существенно возросла ($p \leq 0,01$) выраженность *гражданской* идентичности.

Следовательно, можно утверждать, что за последнее десятилетие, несмотря на возрастание национальной гордости у русских студентов, не происходит усиления национализма, так как этническая идентичность в самосознании русских юношей и девушек выражена незначительно, у юношей ее выраженность даже снизилась.

При этом наблюдается значительный рост этнической и гражданской идентичностей у русских девушек (выраженность гражданской идентичности у девушек даже несколько превосходит ее выраженность у юношей), наблюдается рост их гражданского и национального самосознания.

Таким образом, можно предположить, что у современных русских студентов наблюдаются признаки так называемой «*демонстративной*» или «*факультативной*» этнической идентичности, для которой характерно проявление повышенной национальной гордости при ослаблении этнонациональных проявлений в структуре социальной идентичности и низкий уровень этноаффилиативных потребностей.

Для проверки выдвинутого предположения, с помощью методики «Этническая аффилиация» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой исследовали выраженность мотива этноаффилиации у современных русских студентов. Авторами методики в качестве эмпирических оснований изучения выраженности мотива этнической аффилиации использовались три критерия, выделенные Г. Триандисом: подчинение индивидуальных целей групповым целям; выраженная идентификация со своей этнической группой; восприятие себя как части группы, а группы как продолжения самого себя ¹¹.

Таблица 7. Выраженность этнической аффилиации у студентов педагогического ВУЗа (девушки и юноши)

	Низкая потребность	Средняя потребность	Высокая потребность
Общий показатель	57 %	12 %	31 %
Девушки	60 %	12 %	28 %
Юноши	51 %	9 %	40 %

В результате исследования было выявлено, что у современных студентов преобладает ($p \leq 0,01$) низкая потребность в этнической аф-

филиации, у 57% респондентов доминируют «анти-этноаффилиативные тенденции», таким образом, большинство исследуемых студентов можно отнести к идеоцентрическим личностям, у которых наиболее выражены индивидуалистические установки, а не группоцентрические ориентации на ассоциацию со своим этносом, проблема этноконсолидации для них не значима.

Только у 31% исследуемых студентов выражена высокая потребность в этнической аффилиации, их можно отнести к аллоцентрическим личностям, для которых важна ассоциация со своим этносом. У 12% исследуемых студентов степень этноаффилиации выражена в средней степени.

Выявлены гендерные различия, которые не являются статистически значимыми, но интересными для прогноза развития; они проявились в том, что низкий уровень этноаффилиации у девушек выше, чем у юношей (60% и 51%). Средняя выраженность потребности в этнической принадлежности у девушек и юношей представлена практически одинаково (12% и 9%). А высокая потребность в этнической принадлежности, то есть «этноаффилиативные тенденции», более выражены у юношей, чем у девушек (40% и 28%), то есть студенты-юноши возможно более склонны к этнической консолидации, а, следовательно, и к этнической мобилизации в случае этнических конфликтов.

* * *

Трансформации этнической идентичности современной русской учащейся молодежи, проживающей в Приморском крае России, проявляется в следующем:

1. в структуре этнической идентичности на аффективном уровне происходит значимое повышение выраженности этнических чувств – гордости, родства со своим народом;

2. на когнитивном уровне происходит некоторое снижение позитивных этнических самохарактеристик, и увеличение негативных, что, на наш взгляд, подтверждает гиперпозитивность этнической идентичности русской молодежи, возможно, как проявление этнической психологической защиты;

3. в увеличении социально-психологической дистанции по отношению к представителям ингруппы (корейцам);

4. снижение значимости этнонациональных категорий в структуре социальной идентичности;

5. низкая степень выраженности этноаффилятивной потребности.

Таким образом, у современной русской учащейся молодежи, проживающей в поликультурном регионе – Приморском крае России, выявлена амбивалентность этнической идентичности, проявляющаяся в рассогласовании аффективного и когнитивного ее компонентов, признаки так называемой «демонстративной» или «факультативной» этнической идентичности, для которой характерно проявление повышенной национальной гордости при ослаблении этнонациональных проявлений в структуре социальной идентичности и низком уровне этноаффилятивных потребностей.

Полученные данные делают особенно актуальными этнопсихологические исследования в Приморском крае в связи с возможностью дать объективную оценку происходящим этническим процессам в поликультурном регионе, оценить развитость этнокультурной толерантности, межэтнических установок молодежи поликультурного региона для своевременного осуществления учета и профилактики межэтнической напряженности.

¹ Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: понятие, формирование, модели измерений // Этническая социализация подростка. М.; Воронеж, 2000. С. 75–107.

² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

³ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996.

⁴ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Крисько В. Этническая психология. Электронная библиотека психологии. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/krusko/02.php.

⁹ Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество / под ред. Н.М. Лебедевой. М., 1997. С. 104.

¹⁰ Хухлаев О.Е. Этнонациональные установки современной Российской молодежи // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 49.

¹¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. С. 193–195.

Этническая идентичность первоклассников в условиях гетерогенной этноконтактной среды

Этническая идентичность как сложное многоуровневое образование рассматривается в этнопсихологии с точки зрения разных подходов: как часть общей социальной идентичности¹; принятие определенных групповых представлений, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях; составная часть идентичности личности, осознание, восприятие, эмоциональное оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности²; уровень (наиболее зрелый) этнического самосознания³. В процессе онтогенетического развития этнического самосознания ребенок усваивает способы взаимоотношений с этническим миром, с помощью которых присваивает этнические значения и смыслы этнокультурной среды.

Одной из задач гуманистического образования является обеспечение возможности обучающемуся самоидентифицироваться как представителю того или иного народа, определенной национальной культуры и вступить в равноправный диалог с иными культурами. Межкультурный подход к адаптации в новой культурной среде определяется на основе осознания ценности и значимости собственной культуры и собственной личности.

В связи с миграционными процессами в городах Свердловской области увеличился приток граждан из стран СНГ. По результатам этнографических исследований, в области проживают представители более 18 этносов. В российских государственных общеобразовательных средних школах обучаются дети мигрантов разных национальностей, поэтому в условиях многонациональной школы возникает необходимость изучения этнической идентичности учащихся.

Нами предпринята попытка применения *контекстного подхода* (разработчик – А.А. Вербицкий) к исследованию этнической идентичности первоклассников. Социальная ситуация как вся система отношений ребенка с действительностью является системно-средовым кросскультурным контекстом, в рамках которого разворачивается личностное развитие субъекта. По утверждению А.А. Вербицкого, ребенок с рождения вбирает в себя и реализует в поведении образцы той социокультурной «матрицы», которая его окружает с первых дней появления на свет. Приходя в первый класс школы, каждый ребенок уже облада-

ет вполне определенным образом мира (культуры), эмпирически сложившимся в совершенно различных национальных, семейных, интеллектуальных, религиозных и иных условиях, составляющих внутренний контекст его жизни⁴.

Е.П. Белинская выделяет ряд существенных факторов, влияющих на формирование этнической идентичности: особенности этнической социализации в семье, школе и ближайшем социальном окружении; особенности этноконтактной среды (гетерогенность/гомогенность); статусные отношения между этническими группами⁵.

Семья как социальная этническая группа закладывает основу личности, являясь первичным источником формирования самосознания; прививает нравственные устои и принципы; выполняет функции проводника этнических обычаев и традиций. По мнению В.А. Болдышева, в образе мира интегрируются качества общего (социального, «мы») и единичного (личного, «я»). Вслед за В.П. Ясменом, мы понимаем *этническую картину мира* как систему представлений (не обязательно осознанных), касающихся человеческого действия и взаимодействия⁶.

Присвоение ребенком культурных ценностей, освоение присущих культуре миропонимания и поведения осуществляются в процессе инкультурации (понятие, введенное М. Херковицем), в результате чего формируются его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с представителями данной культуры и отличие от носителей других культур. Культура, обеспечивая формирование социально значимых ценностей, способствует успешному развитию этнокультурной идентичности у представителей данного народа.

В процессе этнической социализации через поведение родителей, стиль привязанности, организацию сна и другие конкретные механизмы культуры у детей формируется поведение, восприятие, ценности, свойственные одной из этнических общностей, и они начинают рассматривать себя и других людей членами подобных групп.

К одному из наглядных признаков этнической культуры относят *этноним* (самоназвание народа). Его наличие свидетельствует об осознанности индивидом своей этнической определенности. Традиционно определение своей принадлежности к этносу осуществляется принятием этнонима родителей, одного из родителей (в случае межэтнического брака) либо зависит от «случайных факторов»⁷. Условием формирования этнической определенности В.Ю. Хотинец считает овладение человеком системой ценностей этнической культуры своей общности⁸.

Этническая самоидентификация, по утверждению Н.М. Лебедевой, как древняя и устойчивая форма удовлетворяет фундаментальную потребность человека в его человеческой состоятельности, реализует желание быть принятым в референтной группе. В стабильном обществе потребность в этнической самоидентификации находится как бы в свернутом состоянии. Актуализируется данная потребность в ситуации межэтнического конфликта в обществе. Итогом данного процесса является формирование индивидуальной этнической Я-концепции («Я-русский», «Я-армянин») и формирование Мы-концепции, осознание того, что индивидуальное этническое «я» является частью «мы». Ю.Г. Платонов и Л.П. Почебут рассматривают три варианта включения индивидом в «Я-концепцию» своей этнической принадлежности: на базе подражания (человек осознанно и неосознанно копирует образцы поведения своей этнической общности); на базе принуждения (например, в традициях казахского народа принято определять свою национальность по национальности отца) и на основе свободного, осознанного выбора. Если родители принадлежат к одной и той же этнической группе и жизненный путь человека проходит внутри нее, то он легко идентифицирует себя со своей этнической общностью. Установлено, что индивид тем легче идентифицирует себя с определенной группой, чем больше связей замыкается внутри нее. Трудности в определении этнической принадлежности у индивида возникают тогда, когда у родителей разная национальность либо когда человек родился в чужой этнической среде, к которой его родители не принадлежат⁹.

Семья, оказывая влияние на формирование этнической идентичности ребенка, в свою очередь находится под влиянием контекстов, обусловленных мировой образовательной средой, образовательной средой страны, коммуникативной и информационной культурой¹⁰.

В современных этнических общностях многие элементы культуры размываются, интернационализируется хозяйственная деятельность, жилище, пища, искусство. Этносы в значительной степени оторваны от традиций, поведение предков не рассматривается как модель. Но всегда остаются слои культуры, позволяющие осознавать свою принадлежность к этнической общности: язык, религия, миф об общих предках, историческая память, богатая подвигами героев или общими страданиями. П. Бергер пишет о том, что глобализация позволяет увидеть широкую возможность выбора моделей поведения и социальных образцов по собственному усмотрению¹¹.

Наше исследование, посвященное проблеме становления этнической идентичности первоклассников, проводилось автором в 2010–2011 гг. в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле. Объектом исследования были учащиеся первых классов общеобразовательных школ (95 человек). Одной из задач исследования и целью данной статьи является рассмотрение типов формирующейся этнической идентичности детей 7–8-летнего возраста и факторов ее формирования.

В нашем исследовании были поставлены и решены следующие задачи:

- определить критерии выборки испытуемых;
- подобрать методы, выявляющие тип формирующейся этнической идентичности;
- определить компоненты этнической идентичности;
- диагностировать типы формирующейся этнической идентичности первоклассников и выявить связь типов этнической идентичности с этническими семейными группами;
- выявить и проанализировать проявления этнотипических особенностей учащихся.

Критерием выборки детей была национальность, определяемая по национальности родителей методом анкетирования. Необходимо было выбрать первоклассников разной этнической принадлежности с учетом неоднородности составов классов по национальности (т.е. разных социально-психологических условий), поэтому в выборку вошли дети из семей вынужденных мигрантов г. Екатеринбурга (70% учеников школы – представители разных национальностей: киргизы, таджики, азербайджанцы и др.); «русские» дети и дети с «нерусскими» фамилиями из школ г. Нижнего Тагила, в которых обучается большинство представителей доминирующего этноса. Всего было опрошено 95 человек. Мы предположили что, возможно, фамилия указывает на существование этнических корней, влияющих на определение этнической идентичности.

Сложностью подбора методик явилось ограничение в возрасте и выявление этнической принадлежности учащихся большого спектра национальностей. В подборе метода определения этнической принадлежности мы опирались на исследование этнических и национальных идентификаций и представлений у украинских детей и подростков (В.Н. Павленко, И.В. Кряж, М. Баррет), в котором использовался метод самоидентификации со свободным выбором (предлагался набор кар-

точек с категориями этнонационального уровня «украинец/украинка», «русский/русская» и т.д.)¹². Мы модифицировали данный вариант. Ребенку предлагалась таблица со списком самоназваний народов (21 название), составленная с учетом национальностей Свердловской области. Инструкция: «Я буду тебе читать названия народов, проживающих в нашей области. Поставь в графе “знаю” знак “+”, если слышал это название, знаешь этот народ или знак “-”, если не слышал, не знаешь» (1-ый выбор). «Выбери из отмеченных знаком “+” те самоназвания, какие есть в твоей семье (к какому народу принадлежит мама, папа, бабушки, дедушки?)» (2-ой выбор). Данное задание позволило определить осведомленность ребенка в этнической принадлежности близких родственников, этнические корни семьи. «Выбери название народа, к которому ты принадлежишь» (3-ий выбор) – данный выбор отражал самоидентификацию ребенка.

Дополнительный вопрос: «К какому народу ты хотел бы принадлежать? (если этого названия нет в списке, то запиши в свободную клетку)» (4-ый выбор) выявлял эмоциональное неосознанное отношение к своей этнической идентичности, степень определенности. Положительный ответ показывает чувство удовлетворения от принадлежности к этносу, принятие своего этноса.

Для решения третьей задачи мы проанализировали существующие в кросскультурной психологии модели этнической идентичности. С целью выявления неосознаваемого эмоционально-оценочного (аффективного) компонента этнической идентичности (эмоционального отношения к выбранным категориям народов и дополнительно к доминирующему этносу – «русские») использовался цветовой тест отношений (ЦТО) в интерпретации Н.Я. и М.М. Семаго.

Модифицированный тест «Кто я?» (пять слов-характеристик) (М. Кун, Т. Макпартленд, 1954) выявлял выраженность этнической идентичности. Использование этнической категории в актуальном самоопределении говорит об актуализированной этнической идентичности.

Дополнительный метод – анкетирование родителей – использовался для определения соответствия этнической самоидентификации ребенка со своей (либо чужой) этнической группой. Первый вопрос анкеты «Перечислите, пожалуйста, национальности членов Вашей семьи» выявлял национальную идентичность двух поколений (матери, отца, бабушек, дедушек), этнические корни семьи. На основании ответов родителей мы

разделили всю выборку на три группы: группа «Русские» (Р) – 27 человек, группа «Русские с этническими корнями» (Рэк) – 24 человека и группа «Другие этнические общности» (Др) – 44 человека.

Последующие вопросы выявляли этническую принадлежность родителей и ребенка по признаку «родного языка, уровня владения родным языком»; эмоциональный компонент этнической идентичности (чувство гордости за свой народ), когнитивный и поведенческий компонент (знание и соблюдение традиций и обычаев народа, чтение ребенку народных сказок); место ребенка в семье (участие в семейных торжествах). На основании ответов на данные вопросы определялась идентификация ребенка со «своей» или с «чужой» группой.

Проанализировав существующие в кросскультурной психологии модели этнической идентичности, мы выделили следующие компоненты, адекватные задачам исследования и проявляющиеся в данном возрасте: когнитивные компоненты – этническая семейная группа, актуализированность этнической идентичности, самоидентификация; эмоциональные компоненты – эмоциональное отношение к своей семейной группе / к доминирующей группе (отвергаемое, привлекательное, нейтральное), отношение к своей идентичности (определенность, устойчивость). По совокупности показателей мы определили типы формирующейся этнической идентичности: позитивная, негативная, неопределенная.

Обсуждение результатов. По данным психологической диагностики были выявлены разные варианты типов этнической идентичности (см. табл. 1).

Таблица 1. Соотношение типов этнической идентичности первоклассников в разных этнических семейных группах, %

Параметры		Этнические семейные группы		
		Русские	Русские с этническими корнями	Другие национальности
Типы ЭИ	Позитивная	22,11	7,37	32,63
	Негативная	0,00	6,32	6,32
	Неопределенная	6,32	11,58	7,38

Всего: 95 человек (27 – «Русские», 24 – «Русские с этническими корнями», 44 – «Другие национальности»).

Позитивная этническая идентичность отражает отнесение ребенком себя к данному этносу на основе позитивной оценки его культуры. В плане диагностических параметров это выразилось в самоидентификации со своей семейной группой, в так называемом привлекательном отношении к своей этнической семейной группе и к доминирующему этносу, в устойчивом определенном отношении к своей идентичности. Например: национальность родителей – азербайджанцы совпадает с самоидентификацией ребенка («Я – азербайджанец»), выбор цвета соответствует привлекательному отношению к своему народу, определенность идентичности выражена в ответе «Хотел бы принадлежать к своему народу». Этническая определенность, по мнению В.Ю. Хотинец, всегда осознанна, это отражение в самосознании компонентов этнической культуры и взаимосвязей с ними.

Формирование этнической идентичности по типу «нормы» (позитивная этническая идентичность) предполагает соотношение в структуре идентичности позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам, сопровождается адекватно высокой самооценкой, чувством собственного достоинства.

Позитивная идентичность может проявляться в многочисленных уровнях интенсивности и в своей крайней форме – этнической гиперидентичности, которая сопровождается этноцентристскими стереотипами, предрассудками по отношению к представителям других этнических групп (на неосознаваемом уровне это выразилось в так называемом отвергаемом эмоциональном отношении к доминирующей группе «русских» у некоторых детей-мигрантов).

Негативный тип идентичности характеризовал первоклассников, выразивших «отвергаемое» отношение (на неосознанном уровне) по тесту ЦТО к своей семейной этнической группе.

Под неопределенностью (нечеткостью, амбивалентностью) этнической идентичности мы понимаем *потенциальную маргинальность* (Иванова, 2002), возможно, сопровождающуюся тревогой, неуверенностью, беспомощностью. К *неопределенному типу* идентичности мы отнесли затрудняющихся в этническом самоопределении («Я – не знаю»), сделавших выбор на основе субъективных признаков («Хотела бы быть узбечкой. Бабушка меня так называет за то, что я люблю плов», «Хотел бы быть белорусом, потому что слово понравилось»). Случаи мотивировки детьми своего выбора аффилиативными тенден-

циями («Хочу быть индианкой, нравится», «Хотел бы принадлежать к русским. В России много парков, где можно гулять») говорят об определенной степени вариативности при этнической самоидентификации, «конструировании» некоторыми детьми своей этнической принадлежности.

С расширением социального пространства (поступлением в школу) первокласснику необходимо принять социальную роль ученика, что предполагает идентификацию с группой сверстников, учащихся школы. В варианте, осложненном несовпадением этноса семьи и доминирующей национальности (например: дети-мигранты), наступает кризис идентичности, преодоление которого может идти по пути становления позитивной этнической идентичности, обретения новой идентичности либо дезориентации. Так в нашем исследовании было обнаружено, что часть детей недоминирующего этноса идентифицируют себя с русскими. В процессе социально-психологической адаптации происходит осознание своего отношения к социальным ролям, осознание своего отношения к этнической семейной группе.

Для выявления связи типов этнической идентичности с семейными группами мы осуществили математико-статистическую обработку с помощью непараметрических методов анализа: критерия хи-квадрат – Фридмана и критерия Н – Краскала-Уоллеса. При обработке данных использовали программу Statistika 6.0. Выявлена значимая связь между типами этнической идентичности и семейными этническими группами (при значении хи-критерия = 17,7492; $p = 0,0014 < 0,05$). Обнаружены значимые различия типов идентичности в группе русских и в группе русских с этническими корнями по критерию Н – Краскала-Уоллеса; $H(2, N = 95)$; $p = 0,0423$. В группе русских выявлены значения позитивного и неопределенного типа идентичности, причем значения позитивного типа доминируют. Негативного типа не обнаружено. В группе других этнических общностей обнаружены все типы этнической идентичности, но большее значение имеет позитивный тип. В группе русских с этническими корнями выявлено наибольшее значение типов негативной и неопределенной этнической идентичности по сравнению с другими группами.

Таким образом, дети русской национальности в однородной семейной группе и в своей этнической среде обнаруживают в большинстве случаев позитивный тип этнической идентичности. Дети русской национальности с этническими корнями обнаруживают большие значе-

ния типов негативной и неопределенной этнической идентичности, что говорит о трудностях идентификации в этой группе, связанных с разными образцами этнического поведения, приводящего к внутренним неосознаваемым конфликтам. У детей недоминирующих национальностей в чужой этнической среде (русской) преобладает тип позитивной этнической идентичности, что говорит о влиянии традиционной культуры. Но в то же время в семейной группе «Другие этнические общности» выявлены типы негативной и неопределенной идентичности, что обусловлено влиянием доминирующего этноса на формирование этнической идентичности детей-мигрантов. Можно предположить, что в условиях проживания в стране русского этноса, обучаясь в российском образовательном пространстве, ориентиром успешности для детей данной группы служат образцы русской этнической культуры.

Обнаружена связь между компонентами этнической идентичности: отношением к своей группе и этнической семейной группой (значение хи-критерия = 22,89; $p = 0,01 < 0,05$). В группах «Русские с этническими корнями» и «Другие этнические общности» отвергаемое отношение к своей семейной группе проявляется чаще, чем в группе «Русские». В группе «Русские с этническими корнями» привлекательное отношение к своей семейной группе проявляется реже, чем в других группах. Выявлены значимые различия по компоненту этнической идентичности «определенность-неопределенность» в разных семейных группах (значение хи-критерия = 7,54; $p = 0,02 < 0,05$). Неопределенность этнической идентичности в группе русских с этническими корнями больше, чем в других группах. Данные подтверждают трудности идентификации детей в группе «Русские с этническими корнями». В группе «Другие этнические общности» определенность связана с тем, что процесс самоидентификации у детей других национальностей в чужой этнической среде происходит осознаннее, т.к. им невольно приходится сравнивать себя и других (чужих).

Доказательством того, что на процесс этнической самоидентификации ребенка оказывает доминирующе влияние расширенная семья, является выявленная значимая связь компонента этнической идентичности «самоидентификация» с разными семейными группами (значении хи-критерия = 106; $p = 0,00 < 0,05$).

Этническая идентичность как характеристика этнической индивидуальности человека проявляется в этнотипических особенностях поведения.

Этнотипические особенности первоклассников выявлялись с помощью методики – Сказочный проективный тест (СПТ) Карины Колакоглу (Греция), направленной на изучение детских потребностей, конфликтов и защитных механизмов (тест адаптирован и стандартизирован Е.А. Савиной)¹³. Стимульный материал теста представляет собой семь наборов карточек (по три карточки в каждом) с изображением известных героев из детских сказок: Красной Шапочки, Волка, Гнома, Великана, Колдуньи, которые имеют архетипические черты, а также сцен из сказок «Красная Шапочка» и «Белоснежка и семь гномов». Согласно психоаналитической интерпретации, характер героев сказки рассматривается как выражение роли значимых людей в жизни ребенка, чаще всего родителей, как отражение опыта личности. Данный тест использовался нами как средство кросскультурного исследования.

Качественный анализ ответов по СПТ с позиций индивидуального подхода обнаружил, что этнотипические проявления (установки и стереотипы) наиболее ярко выражены в группе детей с позитивной актуализированной этнической принадлежностью. Такой тип выявлен у большинства исследуемых в группе детей из семей мигрантов.

Приведем примеры качественного анализа ответов испытуемых. Этнические стереотипы семейного воспитания отражаются в следующих ответах. В ответах девочек-киргизок на вопросы Сказочного проективного теста проявляются родительские установки: «Слушайся отца и мать», «Не обижайся на мать», «Не делай зла», «Спроси у отца и матери», «Кто опозорит колдунью, того она будет бить», «Красная Шапочка долго шла к бабушке, маму опозорила». Во время беседы мальчик-азербайджанец, сохраняя строгое выражение лица, признается, что боится отца: «Когда маленьким был, родители не наказывали, а сейчас наказывают» (говорит с чувством смущения). Мальчик-таджик: «Я таджик, мужчина. Кто обижает, то его тоже надо обижать. Если смеются, то надо давать сдачи».

А.Л. Налчаджян говорит о том, что в различных культурах преобладают различные чувства в процессе социального контроля над поведением людей (стыда, вины, страха, совести). В культурах стыда, где стыд – основной механизм социального контроля, люди ориентированы на оценки других (личность зависима от группы)¹⁴.

Ответы на вопрос «Кем ты хочешь стать в будущем?» (мамой, помогать маме, милиционером, адвокатом и т.д.) отражают традиционные ориентации детей из группы недоминирующих народов. Большин-

ство девочек свое будущее связывают с ролью жены и матери, а мальчики часто выбирают «защищающие» профессии. Мальчик-таджик: «В будущем хочу работать милиционером. У нас две машины. Если кто нарушает правила, то сразу буду останавливать. В Армии буду полковником. Он всем работу дает». Рассказывает о том, что занимается боксом самостоятельно. В многодетных азиатских семьях, как правило, одного из сыновей стремятся отправить работать в милицию или на таможню с целью обеспечения благополучия всей семье, поэтому данные профессии среди мальчиков престижны. Ответ мальчика-киргиза: «Хочу стать президентом Киргизии. Буду справедливым, хорошим». Описание по карте СПТ: «Белоснежка разговаривает с папой. Папа пришел с войны, не раненый. Победил. Как дела? Хорошо. Зачем ходил на войну? Чтобы Родину защищать». Ответ ребенка убедителен, эмоционально окрашен.

В группе русских детей образ будущей профессии разнообразен (буду певицей, работать в ГАИ, художницей, «из дерева фигурки вырезать», зубным врачом, археологом, парикмахером). Наличие жизненных планов является показателем позитивного образа будущего. Восприятие своего места в мире, эмоциональное проживание жизненных ситуаций в семье формирует ценности личности, обусловленные этнической культурой.

В традиционных культурах существуют четкие различия в половозрастных стереотипах. Примером дифференцированного отношения к детям по возрасту и полу может служить описание девочкой-азербайджанкой сцены «Белоснежка и отец»: «Папа не разрешает Белоснежке пойти на улицу, боится потерять доченьку. Папа хочет, чтобы она стала большой, обед готовила». Проекция любящего, нежного отношения отца к дочери, характерное для восточных отцов.

У детей, воспитывающихся в традиционной культуре, проявляется сильный страх перед родителями. Нормой уважения к взрослым, например в киргизских семьях, служит обращение детей к родителям на «Вы».

Русские дети в большинстве своем не боятся родителей, данный вопрос вызывает у них удивление и усмешку. Пример отражения образа русских отцов в сознании детей – проекции на Великана: «Злой. Не хочет идти на работу. Строитель машин. Мечтает бездельничать, играть в “войнушки” на компьютере (у меня папа так каждый день играет)»; «Думает о том, чтобы каждый день сидеть дома и смотреть

телевизор. Смешной, полный бак [толстый живот. – Л.Р.] себе налил, ничего не хочет». Изменения в образе жизни, происходящие на уровне нации, оказывают влияние и на содержание внутренней картины мира ребенка.

Во многих ответах группы русских детей выражены ассоциации героев и ситуаций из зарубежных мультфильмов: «Колдунья некрасивая. Шепчет заклинание как в “мультфильме”, хочет убить всех фей, забрать имущество себе, весь мир победить»; «Гном думает полететь в космос, найти странных существ»; «Гном желает сказать своим сыновьям, чтобы они пошли и нашли серебряный камень из “мультфильма”. Из него можно что-нибудь сделать». Появление таких ассоциаций обусловлено влиянием на детское сознание информационной культуры, что характерно для типов постфигуративных культур¹⁵.

В проблемно-конфликтных ситуациях выбора, принятия решения «этнический человек» руководствуется стандартными установками своего этноса и проявляет типичные приемы и способы поведения. Приведем пример варианта этнической установки (поведенческой реакции, не дозволенной в своей этнической среде, но дозволенной в чужой этнической среде). Цыганские законы строго запрещают цыгану украсть у цыгана лошадь или увести любимую девушку. Похожая вообразаемая реакция проявилась в ответах мальчика-цыгана: «Колдунья злая, у нее нет настроения. Ее гномы обидели, украли ее палочки». Уточняющий вопрос исследователя: «Они плохо сделали?». «Они считают, что хорошо сделали». «Великан злой, ломает все, потому что ему натворили. Сидел на диване, встал, видит – дивана нет, рассердился». Чувство собственного достоинства проявляется как чувство собственности. Тема кражи у злого героя (у чужого дозволено) характеризует проявление автостереотипа. Другая установка характеризует цыганский этнос в ответах брата мальчика-цыгана: «Гном думает построить много домов, замков, чтобы везде путешествовать и везде были дома. Гном пойдет в другое место, и еще больший дом построит». Стремление вести кочевую жизнь, отсутствие постоянного места жительства является этнической особенностью данного народа.

Пример этнической установки в ответе девочки-киргизки: «На картинке – Белоснежка и ее муж. На танец приглашает. Ей нравится принц». «А тебе?» – уточняющий вопрос исследователя. Девочка смутилась, покачала головой, скривила губы: «Он некрасивый. У него одежда некрасивая». Исследователь спрашивает: «А ты кого бы вы-

брала из Гномов?» Выбор девочки – Гном с восточной внешностью. Данный выбор означает предпочтение лиц своего этноса. Несогласие с тем, чтобы представитель другой национальности занимал позицию близкого родственника (по браку) даже в воображении, выражает социальную установку, оценивающую уровень толерантности к представителям другой национальности (объясняется по шкале социальной дистанции Е. Богардуса). По мнению Ю.П. Платонова, этнические стереотипы довольно жестко закрепляются в онтогенезе.

Характерной чертой многих народов является гостеприимство, отражаемое в проекциях детей: «Гном добрый. Хочет, чтобы к нему пришли гости, угощает конфетами, салатами, хочет ребенка воспитывать у гостей»; «Великан мечтает иметь много друзей» и т.д.

Благодаря установкам, а затем и стереотипам, создаются представления как о «чужой», так и о «своей» национальной общности. Основными механизмами формирования этнических установок и стереотипов поведения служит подражание, идентификация со своей этнической общностью.

В исследуемой группе детей недоминирующей национальности семейные ценности проявляются в переживаниях, связанных с семейными отношениями. При описании «Что думает, чувствует герой?» дети-киргизы описывали желание персонажей (Гнома, Великана, Белоснежки) работать, иметь семью и детей. «Здесь у Белоснежки уже дети. Она делает им добро: кормит, одевает, читает им сказки»; «Белоснежка и принц разговаривают, чтобы дети были»; «Великан хороший, дом строит, с детьми играет»; «Гном добрый, семью содержит, взрослый».

Типичными особенностями национального характера киргизов, по результатам исследований К.С. Кокомбаева¹⁶, являются: коллективистский дух, ориентация на взаимную поддержку в семейной группе; патриархальная культура взаимоотношений поколений (мужчина владеет основными правами в семье), беспрекословное подчинение детей родителям (в первую очередь – отцу), функции киргизской женщины – воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, уход за мужем (кормильцем всей семьи). Традиционное этническое общество, реализующееся в хозяйственной и культурной деятельности, укладе жизни, в характере социальной организации и социальной среды, содействует формированию типологических черт личности, ее ценностных ориентаций.

Согласно концепции С.К. Бондыревой, благодаря традиционному воспитанию с первых лет жизни у ребенка на неосознаваемом уровне формируются архетипы социальной ориентации (можно–нельзя, свой–чужой, хорошо–плохо), проявляющие себя во взаимоотношениях и деятельности. Традиции структурируют и стабилизируют жизнь, канализируя активность индивидов общепринятыми для данного сообщества способами¹⁷.

Опыт переживания в семье чувства «Мы» формирует у ребенка определенные стереотипы восприятия, мышления и поведения. Дети-мигранты характеризуются, по мнению учителей, уважением к старшим, доброжелательностью к людям, взаимопомощью («девочки – покорны, мальчики – активны»), эмоциональной устойчивостью, терпением. Перечисленные личностные качества обусловлены восточной традиционной культурой, во многом основанной на религии. Вера как иррациональная установка «впитывается» ребенком, играя роль адаптивного механизма. Религиозные ценности обнаруживают себя в системе правил поведения и запретов, наказаний, рекомендаций в сфере человеческих взаимоотношений. Семья как этническая группа – то место, то социальное пространство, которое переживается ребенком, в котором он получает положительный опыт выстраивания социальных отношений – предопределяет систему ценностей индивида. Человек, воспитываясь в этнической среде, усваивает данные стереотипы и руководствуется ими при взаимодействии со своими и чужими этносами¹⁸.

Таким образом, этнотипические особенности первоклассников в группе детей с позитивной этнической идентичностью проявляются в форме этнических установок и стереотипов, что свидетельствует о принятии ими системы ценностей этнической культуры.

* * *

В результате теоретического анализа и эмпирического исследования установлено, что на процесс этнической самоидентификации ребенка оказывает доминирующее влияние гомогенность/гетерогенность этноконтактной среды. Семья (этническая семейная группа) и школа являются основными факторами формирования этнической идентичности первоклассников. В процессе социально-психологической адаптации происходит осознание своего отношения к социальным ролям, осознание своего отношения к этнической семейной группе. Полученные результаты отражают различные варианты этни-

ческой идентичности. В случае сохранения семьей связи с традиционной культурой в формировании этнической идентичности ребенка решающее значение приобретает этническая принадлежность родителей. Формирование этнической идентичности по типу «нормы» (позитивная этническая идентичность) включает в себя когнитивные и эмоциональные компоненты: соответствие самоидентификации ребенка этнониму семейной группы, привлекательное отношение к своей семейной группе и к доминирующему этносу, определенное, устойчивое отношение к своей идентичности. Социальная ситуация развития первоклассника в современной полиэтничной среде актуализирует потребность в этнической самоидентификации и приводит к «конструированию» некоторыми детьми своей этнической принадлежности. В группе детей с негативным и неопределенным типом идентичности происходит размывание традиционных ценностей, обусловленное влиянием коммуникативной и информационной среды.

¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

³ Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. М., 2000.

⁴ Вербицкий А.А. Кросс-культурные контексты в контекстном обучении // Контексты в образовании субъекта: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. А.А. Вербицкого, Н.В. Жуковой. М., 2005. С. 3–36.

⁵ Белинская Е.П. Этническая идентичность: понятие, формирование, модели измерений // Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая психология: хрестоматия. СПб., 2003. С. 175–181.

⁶ Яссман В.П. Образ мира личности: этническая картина мира. Хабаровск, 2005.

⁷ Левкович В.П., Панкова Н.Г. Социальная психология и общественная практика. М., 1985.

⁸ Хотинец В.Ю. Культурное опосредствование этнотипического поведения личности // Журнал прикладной психологии. 2003. № 6. С. 25–28.

⁹ Платонов Ю.П., Почебут Л.Г. Этническая социальная психология. Учебное пособие. СПб., 1993.

¹⁰ Жукова Н.В. Контексты становления личной культуры субъекта познания. Автореф. дис. ... д. психол. н. М., 2006.

¹¹ Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004.

¹² Павленко В.Н. Этнические и национальные идентификации и представления у украинских детей и подростков // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 5. С. 60–71.

¹³ Колакоглуу К. Сказочный проективный тест: Для исследования личности детей: Руководство / пер. с англ. М., 2003.

¹⁴ Налчаджян А.Л. Этническая характерология. Ереван, 2001.

¹⁵ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

¹⁶ Кокомбаев К.С. Этнические особенности социальной среды и формирование личности: (На примере кыргызского народа): Автореф. дис. ... к.соц.н. СПб., 1995.

¹⁷ Бондырева С.К., Колесов Д.В. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества. Учеб. пособие. М.; Воронеж, 2004.

¹⁸ Платонов Ю.П., Почебут Л.Г. Этническая социальная психология. Учебное пособие. СПб., 1993.

Украинцы на Южном Урале: история и современные этнокультурные процессы*

Расселение украинского этноса на территории современной России, активно проходившее во второй половине XIX – первой половине XX в., в наибольшей степени охватило несколько регионов, которые можно отнести к традиционным областям переселенческого движения – Кубань («Малиновый клин»¹), Нижнее Поволжье («Желтый клин»), Южный Урал, Юг Западной Сибири («Серый клин»), Дальний Восток («Зеленый клин»). Общими чертами для них являются: 1) начало массовых и организованных миграционных процессов в дореволюционный (досоветский) период; 2) схожие географические и природно-климатические условия – степная и лесостепная зоны; 3) преобладающий крестьянский состав переселенцев и появление крупных ареалов многочисленных сельских поселений различного типа; 4) складывание относительно устойчивых этнокультурных комплексов, подвергшихся значительной трансформации уже во второй половине XX в.

Южный Урал (в границах современных Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей), как и другие области, обладает рядом историко-культурных особенностей, среди которых специфическая этноязыковая (тюрко-славянская) среда, где украинцы не являлись доминирующим этносом; транзитный характер миграций; переселенцы не занимали здесь сплошных территорий, расселяясь отдельными компактными анклавами; отсутствие процессов украинизации и т.п. Большая численность украинского населения в регионе, его заметная роль в хозяйственной, общественно-политической и культурной сферах обусловили высокий и стабильный научный интерес к данной этнической группе, который прослеживается с середины XVIII в. до настоящего времени.

В научных трудах второй половины XVIII – начала XX вв. (В.Н. Витевского, И.Л. Дебу, В.Э. Дена, П.С. Ефименко, В.А. Новикова, Г.И. Перетятковича, П.И. Рычкова, Ф.М. Старикова, Н.А. Фирсова и др.) и литературных произведениях П.П. Свиньина, Т.Г. Шевченко,

* Работа выполнена при финансовой поддержке проектов РГНФ «Проблемы национальной идентичности в России и в Украине в условиях глобализации» № 13-21-02003.

Г.И. Успенского, Ф.Д. Нефедова были показаны причины, ход и результаты переселенческого движения; дана информация об основных местах исхода переселенцев из Украины; приведены важные статистические сведения, динамика демографических изменений; указаны старейшие населенные пункты – крепости, слободы, села; отмечены особенности быта, хозяйства, нравов, языка переселенцев на новых землях.

В советский период в контексте развития краеведческой работы украинцы Южного Урала постепенно становятся отдельным исследовательским объектом. Наиболее содержательные статьи 1920–1930-х годов принадлежат местным краеведам и ученым – Г.И. Комиссарову, М. Никитину, Н.Н. Барсову. Уникальную в своем роде работу по анализу этнического состава Приуральяского региона в 1926 г. подготовил петербургский ученый Ф.А. Фиельструп. В 1929–1930 гг. в составе комплексной научной экспедиции АН СССР на территории Башкирии работал ленинградский этнограф А.С. Бежкович, который обследовал, в том числе, несколько населенных пунктов с преобладающим украинским населением и в ряде статей оставил подробное описание его хозяйственной деятельности и материальной культуры. В 1939 г. увидел свет коллективный труд оренбургских писателей и ученых «Т.Г. Шевченко в ссылке» – первое региональное научное издание по шевченковедению.

В июле 1941 г. – августе 1943 г. в Уфе в эвакуации находилась большая часть учреждений Академии наук УССР, в том числе Институт народного творчества и искусств (ныне – Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рильского НАН Украины), работавший среди прочих над темой «Язык и фольклор украинского населения в Башкирии». До марта 1943 г. было организовано семь поездок по местам компактного проживания украинцев. В экспедициях приняли участие ведущие сотрудники АН УССР: филологи П.С. Лысенко, В.С. Ильин, фольклорист М.М. Плисецкий, этнограф В.П. Петров, музыковед М.Я. Береговский, писатели П. Панч, А.И. Копыленко, а также местные исследователи. Главным результатом стала подготовка издания «Украинское народное творчество за пределами УССР. Украинцы в Башкирии». По разным причинам в свое время материалы экспедиций не были опубликованы и попали в институтский архив. Издание сборника «Украинцы в Башкирии» в том виде, в котором он был подготовлен к печати в 1943 г., дополненное экспедиционными дневниками,

рецензиями, очерками, иллюстрациями, примечаниями, осуществлено в 2011 г. к 70-летию эвакуации АН УССР в Уфу и 90-летию Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рыльского².

В 1950–1980-е годы происходило наращивание промышленно-технического, социального и культурного сотрудничества между Южным Уралом и Украиной. На этом фоне постепенно формируется и научно-познавательный интерес к различным сюжетам, связанным с пребыванием украинцев в южноуральском регионе: 1) история переселенческого движения (С.А. Попов, Х.Ф. Усманов); 2) устное народное творчество (Л.И. Брянцева, И.Е. Карпухин); 3) этнографическое изучение украинского населения (Е.П. Бусыгин, В.Я. Бабенко); 4) украинско-южноуральское сотрудничество (П.Е. Матвиевский, А.Н. Киреев, Г.Р. Мухаметдинов и др.); 5) южноуральское (оренбургское) шевченковедение (Н.Е. Прянишников, А.Н. Ведмицкий, Л.Н. Большаков). В 1960-е годы начинается подготовка собственных научных кадров в вузах Башкирии, что приводит к формированию научных школ в разных областях знания. В Башкирском государственном университете сложилась научная школа фольклористики профессора Л.Г. Барага, в Башкирском филиале АН СССР – научная школа этнографии академика Р.Г. Кузеева. Ранее поднимавшиеся вопросы истории переселенчества и песенного фольклора украинцев в процессе экспедиционной и архивной работы получают дополнительные источники. Этнограф В.Я. Бабенко явился первым исследователем на Южном Урале и в России, который развернул системное и комплексное изучение истории, расселения, материальной культуры, этносоциальных процессов, механизмов адаптации переселенцев и их потомков в полиэтничной и поликультурной среде на материалах отдельного региона – Башкирии, нашедшее отражение в серии статей и диссертации³. Регулярные полевые исследования В.Я. Бабенко проходили с 1974 г., объектами изучения стали десятки населенных пунктов, где проводились наблюдения за бытом местных жителей, фиксировались рассказы старожилов, обычаи и обряды, собирались образцы декоративно-прикладного искусства, устного творчества. Фотоматериалы и фонозаписи легли в основу уникального личного архива ученого. Значительный вклад в изучение песенного фольклора украинцев Башкортостана и сравнительные исследования восточнославянских традиций внесла Ф.Г. Ахатова.

В 1990–2010-е годы наличие богатого исследовательского опыта, организационных основ и кадрового потенциала подготовили необходимые условия для формирования региональной украинистики как самостоятельного научного направления, представленного двумя исторически, географически и научно взаимосвязанными центрами – Уфой и Оренбургом. Южноуральская украинистика в настоящее время развивается как междисциплинарная область научного знания, обеспеченная обширной источниковой и историографической базой, включающая исторические, этнографические, фольклорные, лингвистические, педагогические, музееведческие аспекты.

В Уфе в 1993–1999 гг. на общественных началах работал «Научный центр украинистики В. Бабенко», в рамках которого проведено немало крупных научных, в том числе, международных мероприятий, издавалась научная литература об украинцах Башкортостана, Урало-Поволжья, России, устанавливались связи с ведущими научно-образовательными учреждениями Украины. С 1999 г. научная работа в области украинистики проводится в Уфимском филиале Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Образовательное учреждение стало признанным центром украиноведческих исследований не только в Урало-Поволжском регионе, но и в Российской Федерации, местом проведения круглых столов, семинаров, курсов повышения квалификации, международных конференций совместно с учеными Украины. Регулярно издаются материалы научных мероприятий, а также книги, сборники, справочники по различным аспектам региональной украинистики. В 2010 г. в Уфе создана межрегиональная общественная организация «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко», объединяющая исследователей из разных регионов России⁴. В Оренбурге с 1993 по 2004 г. действовал организованный известным литературоведом Л.Н. Большаковым НИИ «Институт Тараса Шевченко» (ИТШ), на базе которого постепенно сформировалась региональная научная школа шевченковедения. В последние годы изучение украинцев края проводится Научно-исследовательским центром истории народов Южного Урала Оренбургского аграрного университета (А.В. Федорова), НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского госуниверситета (В.В. Амелин). С 1991 г. по настоящее время в Уфе и Оренбурге прошло более 15 крупных форумов межрегионального, всероссийского и международного уровней⁵; подготовлено несколько тематических сборников⁶, диссертаций⁷, научных

монографий⁸ по украиноведческой проблематике и смежным вопросам. Значительным историографическим событием стало появление первого обобщающего исследования, посвященного истории переселенческого движения⁹.

Результаты научно-исследовательской работы представлены в постоянно действующих экспозициях украинской культуры и быта. Например, в Башкортостане существует пять музейных экспозиций с украинскими коллекциями – в Национальном музее Республики Башкортостан (г. Уфа), Музее археологии и этнографии Института этнологических исследований УНЦ РАН, Юматовском этнографическом музее Уфимского района (ранее – народный музей этнографии супругов С.А. и Н.С. Зыряновых), музее с. Золотоношка Стерлитамакского района, музее украинского искусства при украинской национальной воскресной школе им. Т.Г. Шевченко г. Уфы. В 2007 г. в Оренбурге открыт культурно-этнографический комплекс «Национальная деревня», в том числе «Украинское подворье», частью которого являются кафе, гостиница, библиотека, дом-музей украинской народной архитектуры и быта с тематической экспозицией «Украинцы и Оренбуржье». Содержательные материалы по истории и культуре украинцев Южного Урала неоднократно включены в региональные энциклопедии, атласы, словари, справочники¹⁰. Длительные традиции изучения истории и культуры украинского населения в регионе, значительный корпус разнообразных источников, системная и организованная научная деятельность, наличие ряда проблемно-тематических исследовательских направлений позволяют рассматривать Южный Урал как один из центров современного российского украиноведения.

СOLIDНАЯ источниковая база и историографический опыт региональной украинистики позволяют достаточно точно реконструировать основные этапы и закономерности переселенческого движения. Первые сведения о появлении украинцев на Южном Урале относятся к 1620–1630-м годам, когда в составе боярских свит на военную службу в Уфимскую крепость регулярно направлялось по несколько «черкас»¹¹. С середины 1730-х годов разворачивается активная военно-колонизационная политика Российского государства на восточных границах. Особое внимание уделялось строительству крепостей на Оренбургской оборонительной линии, что требовало привлечения нового населения для несения службы в гарнизонах и хозяйственного освоения целинных земель. Указы императрицы Анны Иоанновны от 20 ав-

густа 1739 г. и 23 января 1740 г. запрещали принимать на поселение в Оренбургском крае «великороссов» и разрешали привлекать в крепости выходцев из «Малой России»¹². Правительственные инициативы положили начало организованному заселению Оренбургского края украинцами из юго-западных губерний Российской империи, преимущественно это были казаки из восточной части Украины и крестьяне, в том числе, беглые. Первые украинские селения в Оренбургском крае возникли в 1737–1742 гг. К началу 1740-х годов в южноуральских крепостях военную службу несли уже несколько сотен «черкас», а всего во второй половине XVIII в. украинцев насчитывалось здесь от 2 до 3,5 тыс. человек¹³. В 1750-е годы доля украинских казаков в составе Оренбургского казачьего войска составляла более 30% и оставалась на уровне 10% вплоть до 1880-х годов¹⁴. Некоторую часть поселенцев в XIX в. составляли также ссыльные участники восстаний на территории Украины и Польши. Но, несмотря на финансовую и продовольственную помощь и определенные льготы со стороны местных властей, тяжелые природно-климатические условия для земледелия, голод и постоянные пограничные набеги со стороны кочевников привели к возвращению большинства «малороссов» на родину или переселению в другие районы Заволжья.

В первой четверти XIX в. процесс переселения части «малороссийского» казачества в восточные районы Российской империи, в том числе на Урал, возобновился. В 1820–1830-е годы вдоль оборонительных линий возникает до 50 населенных пунктов с преимущественно украинским населением¹⁵. К середине XIX в. численность украинского населения в регионе увеличивается, по разным подсчетам, от 20,5 до 35–45 тыс. человек¹⁶. В 1865 г. образована Уфимская губерния, но большая часть украинцев проживала в пределах Оренбургской губернии. После отмены крепостного права в 1861 г. открывается новый этап переселенческого движения, связанный с процессом обезземеливания большого количества крестьян в Украине, сохранением в юго-западных губерниях тяжелых форм повинностей.

Всего во второй половине XIX – начале XX в. численность прибывших на Южный Урал достигала 30–40 тыс. человек. По первой официальной переписи населения 1897 г. в Оренбургской губернии зафиксировано 41 541, в Уфимской губернии – 4996, в Тургайской области – 4588 украинцев («малороссов», так как отмечалась принадлежность по языку), всего – 51 125 человек. Большинство украинских сел на Южном

Урале появляется именно на рубеже XIX–XX вв., по уездам и волостям складываются компактные историко-географические ареалы с преобладающим украинским населением, которые в значительной степени сохраняют свои очертания до сих пор. Среди старинных украинских населенных пунктов Оренбуржья – Илекский городок (Соль-Илецк), Нежинка, Островное, Кардаилово, Краснохолм, Дедуровка, Слоновка, Буланово, Черный Отрог; Башкирии – Степановка, Байдаковка, Софиполь, Хотомля, Санжаровка, Гоголевка, Золотоношка и другие.

Большое значение для темпов переселенческого движения имел ввод в эксплуатацию участков Самаро-Златоустовской железной дороги в конце 1880-х – начале 1890-х годов. С 1891 г. началось строительство Транссибирской магистрали на восток от г. Миасс, и в 1893 г. открылся переселенческий пункт в Челябинске. В 1885 г. через Оренбург проследовало 10 тыс. человек, из них 64% – уже по железной дороге¹⁷. Южноуральский регион стал своеобразным коридором для тех, кто «пробирался» дальше на восток. Однако в конце XIX в. этот транзитный поток был еще не столь велик, факты дальнейшего переезда в Сибирь немногочисленны, многие вынужденно оседали на землях Южного Урала, не имея средств для дальнейших переездов. Известны случаи, когда крестьяне, переселявшиеся в Сибирь, не сумев устроиться там, возвращались на Южный Урал. Компактные группы украинского населения формируются, например, в Челябинском, Троицком, Верхнеуральском уездах, где на войсковых территориях оставалось еще достаточно целинных земель и пустошей.

Наибольших масштабов крестьянское переселение из Украины приобретает в ходе Столыпинской аграрной реформы 1906–1916 гг. Основной поток переселенцев на южноуральские земли составили крестьяне из Полтавской, Киевской, Харьковской, Подольской, Екатеринославской, Черниговской, Таврической губерний, а также украинцы из русских Курской и Воронежской губерний, белорусской Гродненской губернии. В это же время существенно увеличивается численность переселяющихся из Украины через Южный Урал в Сибирь (более 1 млн чел. за период с 1893 по 1913 гг.)¹⁸. В период Первой мировой войны на Южном Урале появляются беженцы из Волынской губернии и Австро-Венгерской Галиции, однако большая их часть вернулась после окончания войны домой.

Переезжая на Южный Урал, украинцы принесли в регион высокую культуру земледелия, усовершенствованные орудия труда, передовые

приемы обработки земли, что способствовало распространению в крае различных сельскохозяйственных культур: пшеницы, бахчевых, масляных и т.д. Выходцы из разных историко-этнографических районов Украины, крестьяне были носителями разного агротехнического опыта со своими локальными особенностями, но в целом традиционный хозяйственно-культурный тип украинцев не изменился¹⁹. Украинские поселения на территории Южного Урала возникали в разных природно-географических, социально-экономических и этноконтактных условиях, что обусловило появление особенностей в их планировке и застройке. В память о своей родине украинцы сохраняли прежние названия в наименованиях вновь основанных поселений. Например, такие названия как Днепровка, Харьковка, Киевка, Черниговка, Полтавка, Черкассы, Тавричанка и другие встречаются на Южном Урале неоднократно. Внешний облик украинских сел долгое время сохранял традиционные черты, о чем красочно писал Т.Г. Шевченко, находившийся в 1847–1850 гг. в ссылке в Оренбургском крае: «Подъезжая ближе к селу, ему, действительно, представилась малороссийская слобода: те же вербы зеленые, и те же беленькие в зелени хаты, и та же девочка в плахте и полевых цветах гонит корову. Он заплакал при взгляде на картину, так живо напомнившую ему его прекрасную родину»²⁰.

В советский период в связи с задачами коллективизации и индустриализации, стоявшими в 1920–1930-е годы, переселенческое движение продолжалось, но постепенно утрачивало исключительно крестьянский характер, преобразуясь в широкую трудовую миграцию. В некоторых районах Южного Урала расселялся «спецконтингент» – раскулаченные крестьяне и беженцы, спасавшиеся от голода. Например, в Челябинской области компактные группы украинцев в Чесменском, Варненском, Карталинском районах складываются именно в этот период. В совокупности с естественным приростом населения эти тенденции привели к поступательному увеличению численности украинцев на Южном Урале в 1920–1930-е годы, когда большое количество их переехало на опустевшие земли бывшего Оренбургского казачьего войска, большая часть населения – свыше 80% – проживала в сельской местности²¹.

Значительная часть эвакуированных из Украины в годы Великой Отечественной войны прибыла на Южный Урал и по окончании войны осталась здесь на постоянное проживание. Важное значение для формирования украинского населения на Южном Урале имела госу-

дарственная политика по освоению целинных земель в 1950–1960-е годы, куда приезжали представители почти всех регионов Украины. Важно отметить, что в 1940–1950-е годы, когда численность украинцев в Башкирии и Оренбуржье начала необратимо сокращаться, в Челябинской области, наоборот, наблюдается мощный миграционный приток. Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала в южноуральском регионе наивысший показатель украинского населения – 346 470 человек. Таким образом, процесс переселения украинцев на Южный Урал в XVIII – первой половине XX в. носил поступательный, поэтапный, но неравномерный характер.

С середины XX в. под влиянием ряда факторов, в том числе, активного переселения из села в город, роста количества смешанных браков, унификации и интернационализации общественной жизни, начинается процесс ассимиляции украинского населения Южного Урала, утраты этнических особенностей культуры, народных традиций, языка. Ассимиляционные потери отчасти компенсировались в советское время постоянным притоком украинских рабочих и инженеров на заводы и оборонные предприятия, научно-технической интеллигенции в исследовательские учреждения и высшие учебные заведения региона, но доля украинцев в составе населения Южного Урала в 1950–1980-е годы необратимо уменьшалась. Во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х годов заметным был приток украинских мигрантов из Казахстана и Средней Азии в пограничные Оренбургскую и Челябинскую области. Но особенно стремительные темпы ассимиляция приняла в постсоветский период 1990–2000-х годов, численность украинцев региона сократилась за двадцать лет в два раза. Сокращалась не только абсолютная численность украинцев, но и их доля в национальной структуре населения (табл. 1, тыс. чел., % от общей численности населения).

Таблица 1. Абсолютная и относительная численность украинцев на Южном Урале в XX–XXI вв. по переписям населения

Субъект РФ*	1926 (%)	1939 (%)	1959 (%)	1970 (%)	1979 (%)	1989 (%)	2002 (%)	2010 (%)
Республика Башкортостан	76 710 (2,8)	92 289 (2,9)	83 594 (2,5)	76 005 (2,0)	75 571 (2,0)	74 990 (1,9)	55 249 (1,3)	39 875 (1,0)
Оренбургская обл.	112 108 (14,4)	152 146 (9,0)	128 541 (7,0)	113 064 (5,5)	104 971 (5,0)	102 017 (4,7)	76 921 (3,5)	49 610 (2,4)

Челябинская область	27 063 (3,5)	82 846 (2,9)	134 335 (4,5)	115 390 (3,5)	111 910 (3,3)	109 615 (3,0)	76 994 (2,1)	50 081 (1,4)
Всего по региону	215 881 (4,8)	327 281 (4,2)	346 470 (4,2)	304 459 (3,3)	292 452 (3,1)	286 622 (2,9)	209 164 (2,1)	139 566 (1,4)

*Республика Башкортостан до 2002 г. учтена в границах Башкирской АССР; Оренбургская область с 1938 по 1957 г. называлась Чкаловская область; Челябинская область до 1934 г. учтена как Златоустовский, Троицкий, Челябинский округа Уральской области.

Этноязыковая ассимиляция особенно активно протекала в условиях урбанизации, ставшей важным фактором социальной жизни украинского населения Южного Урала во второй половине XX – начале XXI в. Так, если в 1939 г. городское население среди украинцев в Башкирии составляло 16,3%, то в 2010 г. – 74,1%; в Оренбургской области – 17,0% и 54,4%, в Челябинской области – 51,9% и 79,7% соответственно. Следует отметить, что в Челябинской области украинское население изначально формировалось как преимущественно городское, что связано с процессом промышленной индустриализации Зауралья в довоенный и послевоенный периоды.

По данным последних переписей, в Республике Башкортостан большинство украинцев проживают в городах Уфа, Стерлитамак, Салават, Октябрьский, в Чишминском, Альшеевском, Стерлитамакском, Иглинском, Аургазинском районах. В Оренбургской области – в городах Оренбург, Орск, Новотроицк, Соль-Илецк, в Акбулакском, Гайском, Ташлинском, Домбаровском, Адамовском, Беляевском районах. В Челябинской области – в городах Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Троицк, Еманжелинск, в Агаповском, Верхнеуральском, Октябрьском, Троицком, Чесменском, Варненском районах.

Украинцы, переселявшиеся на Южный Урал на разных исторических этапах, приносили с собой сложившиеся комплексы материальной и духовной культуры, элементы которых отчасти сохраняются до настоящего времени. Среди наиболее выразительных этнографических черт украинцев на Южном Урале – поселения и жилища, хозяйственные занятия и промыслы, пища, особенности семейно-брачных отношений, обряды и обычаи, фольклор, народные праздники, язык.

По вероисповеданию большинство украинцев-переселенцев XIX – первой половины XX в. являлись православными. Во время Первой мировой войны среди беженцев из Западной Украины преобладали

греко-католики, но почти все они вернулись на родину. Уровень религиозности среди переселенцев до 1917 г. был достаточно высоким, уже в первые годы жизни на новых землях крестьяне возводили, как правило, за собственный счет сельские церкви и часовни. Непременной частью интерьера хаты были иконы, особенно ценились привезенные из Украины. В советскую эпоху из-за гонений на церковь и господство атеистической идеологии количество верующих значительно уменьшилось. В Башкирии, например, во всех украинских селах, кроме с. Константино-Александровка Стерлитамакского района, церкви были или уничтожены, или приспособлены под хозяйственные потребности. Сегодня в некоторых селах (например, с. Золотоношка Стерлитамакского района РБ, с. Казанка Альшеевского района РБ и др.) старинные церкви возрождаются или воссоздаются.

Языковые процессы в среде украинского населения Южного Урала в целом соответствуют общероссийским тенденциям. Начиная с первых этапов переселенческого движения, украинские крестьяне селились, как правило, компактными группами, создавая отдельные ареалы и преимущественно моноэтнические населенные пункты (в Башкирии в 1926 г. – 528²², в Оренбуржье к 1930 г. – 617²³, по Челябинской области подобные подсчеты не проводились), поэтому этнокультурные контакты с представителями других народов были минимальными, что способствовало длительному сохранению традиционного уклада жизни, в том числе языка. В первой переписи 1897 г. национальность, как известно, фиксировалась именно по языковому принципу, поэтому можно утверждать, что люди, записавшиеся в Оренбургской и Уфимской губерниях «малороссами» (более 46 тыс. чел.) владели украинским языком как родным²⁴. До середины XX в. внутри украинских ареалов в сельской местности общение происходило преимущественно на родном языке.

Начиная с 1920–1930-х годов, в процессе унификации всех сфер общественной жизни, украинский этнокультурный комплекс начал подвергаться значительным трансформациям. В 1960–1970-е годы в результате политики оптимизации «неперспективных» хозяйств значительная часть старинных населенных пунктов исчезла, широкий размах получила практика подселения или расселения местного населения, межэтнические и межкультурные контакты активизировались. Сравнительный анализ переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг. показывает, что за прошедшее время уровень владения украинским язы-

ком как родным продолжал снижаться: Башкортостан – 48,7%, 44,5%, 41,0%; Оренбургская область – 45,7%, 37,0%, 32,9%; Челябинская область – 45,7%, 35,7%, 36,0% соответственно. При этом утрата национального языка была одинаково присуща как городскому, так и сельскому населению (табл. 2, чел.).

Таблица 2. Владение украинским языком как родным среди городского и сельского населения Южного Урала (на 1000 лиц данной национальности)²⁵

Субъект РФ \ Год переписи	1959		1979		1989	
	город	село	город	село	город	село
Республика Башкортостан	396	532	401	581	381	540
Оренбургская область	379	457	361	461	321	406
Челябинская область	446	454	346	416	359	371

Если в 1960–1980-е годы доля украинцев, владеющих украинским языком как родным или вторым, колебалась от 30 до 50%, то в 1990–2000-е годы языковая ассимиляция приобрела галопирующий характер (табл. 3, тыс. чел.). По данным переписи 2010 г., в Башкортостане в той или иной степени украинским языком владеют 29,7%, в Челябинской области – 21,5%, в Оренбургской области – 15,8% (в среднем по России – 34,7%)²⁶.

Таблица 3. Владение украинским языком среди украинцев Южного Урала

Субъект России \ Год переписи	1989		2002 ²⁷	2010	
	как родной (%)	как второй (%)	владение украинским языком (%)	как родной (%)	владение украинским языком (%)
Республика Башкортостан	30 802 (41,1)	6598 (8,8)	19 726 (35,7)	9191 (23,0)	11 865 (29,7)
Оренбургская область	33 633 (32,9)	9540 (9,3)	23 011*	7140 (14,4)	7868 (15,8)
Челябинская область	39 571 (36,0)	11290 (10,2)	18 016*	7221 (14,4)	10 817 (21,5)

*В Оренбургской и Челябинской областях указана общая численность населения соответствующих субъектов, владеющих украинским языком.

Одновременно наблюдается динамика увеличения численности украинцев, признающих родным языком русский, по региону – 82,3% (табл. 4, в тыс. чел.):

Таблица 4. Владение русским языком среди украинцев Южного Урала

Субъект России \ Год переписи	1989		2002	2010	
	как родной (%)	как второй (%)	владение русским языком (%)	как родной (%)	владение русским языком (%)
Республика Башкортостан	43 947 (58,6)	25 818 (34,4)	54 974 (99,5)	30 450 (76,3)	39 857 (99,9)
Оренбургская область	68 306 (66,9)	29 377 (28,8)	76 833 (99,8)	42 409 (85,4)	49 518 (99,8)
Челябинская область	69 934 (63,7)	35 405 (32,2)	76 919 (99,9)	42 764 (85,3)	50 002 (99,8)

В настоящее время в этноязыковом ландшафте Южного Урала украинцы занимают различное положение: в Оренбургской области – четвертое место после русских, татар, казахов (49 610 чел., доля в населении – 2,5%), в Челябинской области – четвертое место после русских, татар, башкир (50 081 чел. – 1,4%), в Республике Башкортостан – шестое место после русских, башкир, татар, чувашей, марийцев (39 875 чел. – 1,0%)²⁸.

Для национальных республик, в данном случае Башкортостана, важное значение имеет вопрос о языковых контактах украинского населения с представителями титульной нации. Динамика владения украинцами башкирским языком выглядит здесь следующим образом: 1970 г. – 93 чел., 1979 г. – 90, 1989 г. – 205, 2002 г. – 556, 2010 г. – 396²⁹. Уровень владения украинцами языками других национальностей в Оренбургской и Челябинской областях в 1950–1980-е годы был не таким высоким, но также постепенно возрастал от 0,1 до 0,3% соответственно. Выраженной особенностью южноуральского региона является поступательное увеличение численности украинцев, владеющих языками местных тюркских народов – татар, башкир, казахов. Этноязыковое взаимодействие происходит, прежде всего, в результате межнациональных браков с представителями соответствующих национальностей. Приведенные тенденции свидетельствуют о дальнейшем межэтническом сближении украинцев с другими народами Южного Урала, прежде

всего, русскими, как форме этнокультурных адаптационных механизмов.

Во второй половине XX в. под воздействием общих процессов унификации и стандартизации во всех сферах жизни многие черты украинской национальной культуры постепенно исчезали. Результаты исследований показывают, что более длительное время этнические особенности сохраняются, прежде всего, в традициях питания и фольклоре, другие формы культуры стремительнее подвергаются трансформации. Данные процессы на рубеже 1980–1990-х годов предопределили подъем национально-культурного движения украинцев Южного Урала, ставшего одним из самых ранних и активных в стране. В Башкортостане истоки организованного украинского движения восходят к весне 1989 г. и связаны с подготовкой праздника к 175-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко. Еще в советскую эпоху, 13 января 1990 г., в Уфе было создано «Товарищество почитателей украинской культуры «Кобзарь»» (с 1992 г. – Республиканский национально-культурный центр украинцев Башкортостана «Кобзарь»). За период с 1992 г. по 2010 г. состоялось шесть съездов украинцев Башкортостана, в нескольких редакциях приняты и реализованы программы национально-культурного возрождения и развития. В настоящее время в республике существует 20 коллективов творческой самодеятельности, некоторые имеют статус народных: «Барвінок», «Червона Калина», «Дніпро», «Чарівниці», «Хуторок», «Вербиченька». Старейший народный хор «Кобзарь» (г. Уфа), основанный в 1992 г., стал визитной карточкой украинцев Башкортостана. В 1993–1995 гг. преимущественно за счет частных пожертвований издавалась региональная газета украинцев Волго-Уральского региона «Криниця». С марта 1994 по май 1997 г. на республиканском радио периодически выходила в эфир передача на украинском языке «Обрій». С 1995 г. начал работать Союз украинок Башкортостана «Берегиня», на рубеже 1990–2000-х годов имел место опыт создания Союза украинской молодежи. Ежегодно РНКЦУБ «Кобзарь» проводит конкурс на лучшее исполнение произведений Т.Г. Шевченко, традиционными для республики стали фестивали и народные праздники «Ой, радуйся, Земле!», «Червона Калина», Ивана Купала. В 1999 г. создан республиканский историко-культурный центр украинцев Башкортостана «Село Золотоношка» Стерлитамакского района, где украинцы составляют более 60% населения. Центр вклю-

чает в себя музей, библиотеку, сельскую церковь, дом культуры, школы, ведет активную культурно-просветительскую работу.

В Республике Башкортостан с 1993 г. функционирует наиболее развитая в России система национального украинского образования. Задача по ее созданию была поставлена в марте 1992 г. на I съезде украинцев РБ. Педагогические кадры набирались путем приглашения специалистов из Украины или через стажировки своих учителей в профильных вузах Украины. В 1994 г. создан республиканский Союз профессиональных украинских учителей, который координирует учебно-методическую и воспитательную работу в образовательных учреждениях. Сегодня в Башкортостане существует шесть школ с преподаванием предметов украиноведческого цикла (язык, история, культура, фольклор, декоративно-прикладное искусство) – три общеобразовательные школы в селах с компактным проживанием украинцев (с. Степановка Аургазинского района, с. Золотоношка Стерлитамакского района, с. Троицкое Благоварского района), три муниципальных воскресные школы (две в г. Уфе, одна в г. Салавате). С 1997 по 2004 г. украинский язык преподавался в Уфимском педагогическом колледже, с 1998 по 2010 г. – в Уфимском филиале МГГУ им. М.А. Шолохова. В 2002 и 2008 гг. в Уфе проходили международные семинары по проблемам совершенствования преподавания предметов украиноведческого цикла для образовательных учреждений различного типа Российской Федерации, подготовлен ряд научно-методических изданий, ежегодно для учащихся разных возрастов проводятся языковые «летние школы».

В Оренбурге областное украинское культурно-просветительское общество им. Т.Г. Шевченко создано 24 июля 1992 г. В городах и районах области действуют 15 местных организаций – филиалов областного общества. Широкий размах получила организация фольклорных коллективов, которых сейчас около тридцати, во многих сельских населенных пунктах созданы музеи национальной украинской культуры, библиотеки им. Т.Г. Шевченко в Оренбурге и Орске, а также в ряде районных центров имеют значительный фонд книг на украинском языке. В 1959 г. в Орске открыт памятник Т.Г. Шевченко – один из немногих в России. С 1977 г. без перерывов ведет свою историю знаменитый оренбургский праздник «Шевченковский март» – цикл разноплановых мероприятий в городах и районах области, проходящий в течение всего месяца. Благодаря усилиям писателя, литературоведа, краеведа

Л.Н. Большакова (1924–2004) в Оренбурге сложился всемирно признанный научный центр шевченковедения, в 1993 г. создан единственный в своем роде Научно-исследовательский «Институт Тараса Шевченко», издано значительное количество научной и научно-популярной литературы³⁰. С 2005 г. на русском и украинском языках выходит ежемесячная газета «Оренбурзька криниця». Оренбургская область также имеет опыт организации обучения украинскому языку: в 1990-е годы занятия для желающих проводились при музее-гауптвахте Т.Г. Шевченко, в средней школе № 47 г. Оренбурга, областном дворце детского творчества, на областном радио на украинском языке ежемесячно выходила получасовая передача «Кобзарь»³¹.

Общество украинцев Челябинской области «Троянда» было создано 15 марта 1994 г. В 2000 г. состоялся I Областной фестиваль украинской культуры. В настоящее время в ряде городов и сел области активную культурно-просветительскую работу ведут самостоятельные творческие коллективы и ансамбли «Смерека», «Лелеки», «Квітка», «Ластівка», «Уральские кобзари», «Верба», «Зоряна криниця» и др.

Таким образом, украинцы сыграли заметную роль в истории и культуре Южного Урала. В XVII–XVIII вв. украинские казаки выполняли задачи по обороне восточных границ Российской империи, в XIX – первой половине XX в. украинские крестьяне принимали активное участие в хозяйственном освоении и аграрной колонизации края; во второй половине XX – начале XXI в. рабочие, инженеры, ученые из Украины укрепляли военно-промышленный, научный и культурный потенциал региона. Потомки переселенцев разных периодов представляют сегодня важную часть этнокультурного пространства Южного Урала, сохраняя национальные традиции и выстраивая добрососедские отношения с другими народами.

¹ Здесь и далее приведены неофициальные названия регионов компактного проживания украинцев в России, появившиеся в публицистике, СМИ и научной литературе в разное время.

² Українці Башкирії. Т. 1. Дослідження і документи. К.; Уфа, 2011.

³ Бабенко В.Я. Материальная культура украинцев Башкирии: Историко-этнографическое исследование. Дис. ... к.и.н. Л., 1985.

⁴ Бабенко В.Я., Черниенко Д.А. Украинистика в Башкортостане: опыт – проблемы – перспективы // Украинистика в России: история, состояние, тенден-

ции развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Киев; М.; Уфа, 2010. С. 50–58.

⁵ Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. Уфа, 1993; Украинцы в Оренбургском крае. Оренбург, 1997; Помнят степи певца Украины. Оренбург, 2000; Украина – Башкортостан: связь времен. Уфа, 2001; Развитие социально-экономического и культурного сотрудничества Башкортостана и Украины. Уфа, 2003; Совершенствование преподавания предметов украиноведческого цикла в школах РФ. Уфа, 2003; Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития. Оренбург, 2004; М. Грушевский – историк, общественный и политический деятель, человек. Уфа, 2005; Кобзарь и Оренбуржье. Оренбург, 2006; Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития. Киев; М.; Уфа, 2010; Украинская этничность в социокультурном пространстве России. Уфа, 2011; Башкортостан – Украина: наука, образование и культура в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 2011.

⁶ Песенный фольклор украинцев переселенцев в Башкирии. Київ; Уфа, 1995; История Украины: Учебное пособие. Уфа, 1996; Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану. Уфа, 1999.

⁷ *Ахатова Ф.Г.* Песенный фольклор украинцев Башкортостана (историко-этнографическое исследование). Уфа, 1997; *Крамарчук Т.Д.* Українська діаспора Республіки Башкортостан: історія формування та особливості існування в іншоетнічному середовищі. Черкаси, 2000; *Баранова Н.А.* Экономические и культурно-духовные связи Башкортостана и Украины (XX век). Уфа, 2003; *Молощенков А.Н.* Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития. М., 2010; *Хабибуллина А.Р.* Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан. Ижевск, 2010.

⁸ *Бабенко В.Я.* Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992; *Ахатова Ф.Г.* Украинские песни в Башкортостане (историко-этнографическое исследование). Уфа, 2000; *Черниенко Д.А., Пилипак М.А.* Село Казанка и украинцы Альшеевского района. Уфа, 2012; *Черниенко Д.А.* Украинистика Южного Приуралья. Ижевск, 2013.

⁹ *Амелин В.В., Молощенков А.Н.* Украинцы на Южном Урале. Оренбург, 2012.

¹⁰ Народы Южного Урала: Этнический взгляд на историю. Оренбург, 2001; Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002. С. 261–294; Этнокультурная мозаика Оренбуржья. Оренбург, 2003. С. 55–64; Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М., 2007. С. 444–447; Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург, 2007. С. 92–113; Башкирская Энциклопедия. Т. 6. Уфа, 2010. С. 412–413.

-
- ¹¹ *Ефремов В.А.* Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII в. // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 4. Отд. оттиск. С. 8.
- ¹² *Перетяткович Г.И.* Малороссияне в Оренбургском крае при начале его заселения (По рукописным документам архива Министерства Юстиции) // Труды VI Археологического съезда. Т. 2. Одесса, 1888. С. 373–397.
- ¹³ *Бабенко В.Я.* Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992. С. 21.
- ¹⁴ *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 75.
- ¹⁵ *Попов С.А.* Из истории поселения украинцев в Чкаловской области // Великая дружба. Чкалов, 1954. С. 60–84.
- ¹⁶ *Бабенко В.Я.* Указ. соч. С. 22.
- ¹⁷ *Зобов Ю.С.* Украинцы // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. Оренбург, 2003. С. 58.
- ¹⁸ *Кабузан В.М.* Украинцы в мире. Динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII в. – 1989 год. М., 2006. С. 242.
- ¹⁹ *Панина Т.С., Ким Г.П.* Украинцы // Мы – Оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург, 2007. С. 92–113.
- ²⁰ *Шевченко Т.Г.* Близнецы // Собр. соч. в 5 тт. Т. 4. М., 1949. С. 100.
- ²¹ *Бабенко В.Я.* Украинцы // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002. С. 262.
- ²² *Бабенко В.Я.* Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992. С. 98.
- ²³ *Попов С.А.* Материалы к очерку «Из истории поселения украинцев в Чкаловской области» // Оренбургский губернский историко-краеведческий музей. Личное дело С.А. Попова. Оп. 1. Д. 18. Л. 40–41.
- ²⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Электронный ресурс. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php.
- ²⁵ *Сумачева М.В.* Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург, 2009. С. 223, 225, 237, 239, 242–243.
- ²⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Электронный ресурс. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
- ²⁷ Вопрос о совпадении родного языка с национальностью не был включен во Всероссийскую перепись населения 2002 г.
- ²⁸ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Электронный ресурс. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi_1612.htm.

²⁹ Всероссийская перепись населения 2002 года. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономным областям и автономным округам Российской Федерации. Электронный ресурс. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Электронный ресурс. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 512, 519.

³⁰ Институту Тараса Шевченко – 10 лет / ред.-сост. Л.Н. Большаков. Оренбург: ИПК ОГУ, 2003.

³¹ *Амелин В.В., Молощенков А.Н.* Украинцы на Южном Урале. Оренбург, 2012. С. 155.

Быт и культура как фактор сохранения этнической идентичности украинцев Башкортостана

Так сложилась судьба украинского народа, что он живет сегодня не только в пределах своей исторической родины, но и далеко за ее границами. Наиболее многочисленная группа украинцев за пределами Украины сегодня проживает в России. Согласно переписи 2002 г. в РФ насчитывается 2 942 961 украинцев, 55 249 человек из них зафиксировано в Башкортостане¹. Перепись 2010 г. показывает, что в республике проживает 39 875 украинцев².

История их проживания в Южном Приуралье насчитывает почти четыре века. Первые упоминания об украинцах на территории Башкирии в письменных источниках появляются в начале XVII в. В 1574 г. в месте, где река Сутолока (башк. – Суколок) впадает в реку Белую (башк. – Агизель), была основана крепость (с 1586 г. – город) Уфа. Здесь впервые украинские казаки и упоминаются: в 1625–1626 гг. в крепости служили два «черкаса», в 1634 г. на службе в Уфимском остроге находились тринадцать «черкас», а в 1636 г. их было трое³.

После этого в течение ста лет об украинцах больше нет ни одного упоминания. Постоянные в пределах исторической Башкирии украинские поселения возникли после сооружения новой Закамской (1731), а несколькими годами позже – Яицкой или Оренбургской (1734) крепостных линий. Строительство крепостей и караульная служба в них требовали значительного количества людей⁴. С этой целью 20 августа 1739 г. был издан указ, который позволял переселять в Оренбургскую губернию «черкас», или украинцев, которые охотно приняли такое предложение⁵.

В конце XVIII – начале XIX вв. социально-экономическая и политическая ситуация в Украине повлекла новую волну переселений украинцев в восточные регионы, где феодально-крепостнический гнет был значительно слабее. С 1815 по 1858 г. численность украинцев в Оренбургской губернии, в которую в то время входила и Башкирия, а также часть Челябинской области в современных границах, выросла с 3,4 до 20,5 тыс. человек, то есть более чем в 6 раз⁶.

После буржуазных реформ второй половины XIX в. приток украинцев в Башкирию, особенно в годы столыпинской аграрной реформы (1906–1916), заметно увеличился. Согласно данным Подворной пере-

писи крестьянских хозяйств 1912–1913 г., в Уфимской губернии численность украинцев достигла 56 923 чел. За пятнадцать лет (в 1897 г. – 4 996 чел.) их число в губернии увеличилось более чем в 11 раз⁷.

В целом в Башкирии сформировались три основных ареала расселения украинцев: на юго-западе – в Белебеевском уезде (здесь проживало 52,8% от общего количества украинцев в Уфимской губернии), на юге – в Стерлитамакском (21,29%), в центре – в Уфимском (21,38%)⁸.

Небольшие группы украинцев расселились в Бирском уезде на севере (4,24%) и Златоустовском уезде на северо-востоке (0,29%) Уфимской губернии. Расселение украинцев в регионе предопределено как историческими, так и экологическими факторами. В частности к прибытию основного количества украинских мигрантов северо-западные и северо-восточные районы Башкирии были достаточно плотно заселены русскими крестьянами. Имело значение и то, что южные, юго-западные и центральные районы по природно-климатическим условиям напоминали переселенцам родные места, содействовали развитию сельского хозяйства, особенно земледелия. Привлекала украинцев и относительно небольшая плотность населения в упомянутых уездах.

После революции переселение украинцев в Башкирию приобрело качественно новый характер, что связано с промышленным развитием восточных районов страны. Согласно переписи 1939 г., в республике проживало 92 289 человек украинской национальности. Это наиболее высокое число украинцев за все годы их обитания в регионе. Однако в послевоенный период численность украинцев постепенно снижалась и в 1989 г. составляла 74 990 чел.⁹ Особенно резко их количество сократилось за последние годы – до 39 875.

Падение численности украинцев предопределено снижением рождаемости в военный и послевоенный периоды, усилением процессов ассимиляции (особенно в городах), возвращением их в Украину, переселением в промышленно развитые районы страны. Основным фактором уменьшения численности украинцев являются межнациональные браки, в которые вступают украинцы, их удельный вес в настоящее время составляет около 90% от всех браков. Не последнюю роль в этом играют политические факторы, как внутренние, так и внешние. Особенно наглядно это проявилось в последнее десятилетие.

За пятьдесят лет, с 1939 по 1989 г. абсолютная численность украинцев уменьшилась на 17 299 человек (18,74%), а за тринадцать лет после переписи 1989 г. их количество снизилось на 19 741 человека

(26,32%), то есть за год – на 2,02%. Если сравнить с общероссийскими показателями данные по Башкортостану, то процент сокращения числа украинцев в республике ниже, чем по России. В период с 1989 по 2002 г. количество украинцев в РФ уменьшилось с 4,4 до 2,9 млн. чел (в РБ с 74 990 до 55 259 чел.), а с 2002 по 2010 г. с 2,9 млн. до 1 927 988 человек (в РБ с 55 259 до 39 875 чел.). Объяснить такое резкое сокращение численности украинцев в РБ только естественной ассимиляцией и ремиграцией их в Украину и другие регионы России невозможно. Это ставит перед исследователями проблему объективности материалов переписи.

До конца 1950-х – начала 1960-х годов украинское население традиционно оставалось сельским. По материалам переписи 1959 г. количество городских и сельских жителей почти уравнилось: 49,94% – в городах, 51,06 % – в селах. Согласно переписи 1979 г. уже 75% украинцев проживало в городах¹⁰. К сожалению переписные материалы 2010 г. полностью пока не опубликованы. О характере расселения на современном этапе можно судить по материалам переписи 2002 г. Среди городских жителей украинцев насчитывалось 80,14%, и только каждый 5-й украинец жил в селе¹¹. Сегодня украинцы представлены почти во всех городах и районах республики. Наиболее многочисленными группы сосредоточены в городах: Уфе – 17 772, Стерлитамаке – 6661, Салавате – 3069, Белебее – 1978, Кумертау – 1827, Октябрьском – 1807, Давлеканово – 1430, Мелеузе – 1062, Туймазах – 918, Ишимбае – 760 человек, а также в Благоварском – 995, Давлекановском – 505, Чишминском – 1780, Стерлитамакском – 1393, Альшеевском – 1774, Аургазинском – 586, Мелеузовском – 294, Белебеевском – 376, Иглинском – 1063, Уфимском – 916 и некоторых других районах. В целом, исторические ареалы в расселении украинцев сохранились. Вместе с тем, украинцы зафиксированы в тех городах и районах республики, где до 1940-х годов они не проживали или были малочисленны: Белорецк (486), Дюртюли (108), Межгорье (598), Нефтекамск (847), Сибай (583), Учалы (263), а также Абзелиловский (128), Архангельский (66), Бакалинский (99), Белокатайский (82), Бирский (99), Благовещенский (113), Дуванский (116), Зианчуринский (78), Калтасинский (64), Краснокамский (81), Кугарчинский (399) районы и т.д.

Как известно, Башкортостан и Украину связывают исторические, экономические, культурные, научные, этногенетические и другие связи, которые больше всего проявились в годы Великой Отечественной

войны. В это время из Украины в Башкирию было эвакуировано более 100 тысяч человек, 20 крупных промышленных предприятий. Эвакуация коснулась сферы образования, науки, культуры, искусства, общественно-политической жизни¹².

В 1941–1943 гг. здесь в эвакуации находилась Академия наук УССР в составе 18 научных институтов, а также союзы композиторов, художников, писателей Украины, мемориальные музеи Т.Г. Шевченко, М.М. Коцюбинского. В Уфу были перевезены многочисленные национальные реликвии – рукописи классиков украинской литературы – Н. Гоголя, И. Франко, Леси Украинки, библиотека Киевского Софийского собора, редкие книги XVI–XVIII вв. и, в первую очередь, Пересопницкое Евангелие, на котором ныне в независимой Украине президенты дают клятву на верность государству и народу.

Уфа стала центром научной, культурной и литературной жизни Украины. В Уфе в это время жили и плодотворно творили П. Тычина, М. Рыльский, В. Сосюра, Ю. Яновский, П. Панч, Н. Рыбак и многие другие украинские мастера слова. Также в Башкирию были эвакуированы Днепропетровский музыкально-драматический театр, Киевский театр оперы и балета им. Т.Г. Шевченко, Киевский театр музыкальной комедии, Киевский драматический театр, Мелитопольский театр музыкальной драмы, Николаевский кукольный театр.

Театральные сцены Уфы слышали голоса З. Гайдай, И. Паторжинского и других певцов. В Уфе были созданы классические произведения знаменитых композиторов Ф. Козицкого, М. Вериковского, Г. Веревки. Последний организовал здесь всемирно известный хор украинской песни, который сегодня гордо носит имя своего основателя. В Уфе в это время творили такие классики XX в. в области изобразительного искусства как А.А. Шовкуненко, К.Д. Трохименко и другие.

Находясь в Уфе, украинские научные работники, писатели, актеры, певцы, художники сыграли огромную роль в развитии науки и культуры Башкирии. Состоялось взаимное сближение культур двух народов. Украинские ученые пробудили исследовательский интерес к своей национальной культуре у башкирских мастеров – писателя Г. Амири, композитора Х. Ахметова и других. Писатели и литературоведы интересовались творчеством друг друга, организовывали совместные заседания, вечера, лекции, академические сессии, пленумы, радиопередачи, осуществляли взаимные переводы, печатались газеты, выходили совместные сборники, десятки книг. П. Тычина в 1942 г. подготовил

монографию «Патриотизм в творчестве Мажита Гафури», которая сначала была напечатана на башкирском языке. На украинский язык переводились произведения С. Кудаша, Р. Нигмати и других башкирских поэтов и писателей. Стихотворения П. Тычины переводили на башкирский язык Б. Бикбай, С. Кудаш, М. Тажи. О Башкирии писали в своих произведениях В. Сосюра, Н. Рыбак, М. Рыльский, П. Тычина и другие.

Тема Украины освещена в творчестве многих башкирских поэтов и писателей – С. Кудаша, Р. Нигмати, М. Карима, А. Бикчентаева, Б. Бикбая, Г. Рамазанова и других.

Язык

При исследовании этнокультурных и этноязыковых процессов важно проанализировать уровень владения родным и другими языками. Сегодня трудно прийти к выводу об уровне знания родного языка украинцами, которые переселились на новые земли. В дореволюционных переписях знание родного языка не фиксировалось, а перепись 1897 г. определила главным этническим индикатором национальной принадлежности язык, тем самым внося неточность в материалы переписи. Однако можно допустить, что переселенцы тех лет все или почти все владели украинским языком как родным. По переписи 1926 г. из 76 710 украинцев республики родным языком назвали украинский 59 335 (77,35%), русский – 19 260 человек (22,57%)¹³. Таким образом, уже в первой четверти XX в. шел процесс языковой ассимиляции украинцев¹⁴. Вместе с тем, на этом этапе этноязыковые процессы протекали противоречиво. Они отражались, с одной стороны, в нивелировании этноязыковых расхождений внутри украинской этнической группы: постепенно шло стирание диалектных особенностей языка переселенцев из разных регионов Украины, вырабатывался общий местный диалект украинского языка, в котором можно было выделить локальные говоры. Их особенностью является превалирование, в зависимости от места выселения из Украины, того или другого украинского диалекта: подольского, киевского, черниговского, полтавского или какого-то иного. С другой стороны, шел процесс вытеснения из всех сфер, в том числе и из семейной жизни, украинского языка русским. Современная этноязыковая ситуация у потомков украинских переселенцев характеризуется снижением удельного веса людей, которые считают родным язык своих предков, и, соответственно, ростом числа украинцев, которые признают родным русский и другие языки народов Башкирии.

Так, как уже упоминалось, из 74 990 украинцев, которые проживали в Башкирии в 1989 г., родным языком назвали украинский 30 802 человек (41,08%), русский – 43 947 (58,6%). Вместе с тем, родным языком считают башкирский – 56 (0,07%), татарский – 119 (0,16%), другие – 66 (0,09%) человек. В качестве второго языка свободно владели украинским – 6598 (8,8%), русским – 25 818 (34,43%), башкирским – 149 (0,2%), татарским – 536 (0,71%), другими – 212 украинцев (0,28%).

Таким образом, украинский язык воспринимали как родной или второй 37 400 человек (49,87%), русский – 69 765 (93,03%), башкирский – 205 (0,27%), татарский – 655 (0,87%), другие языки – 278 человек (0,37%)¹⁵. Из 55 249 украинцев, зафиксированных переписью 2002 г., 54 974 владеют русским языком (99,5% от общего количества украинцев). В сравнении с переписью 1989 г. процент украинцев, которые владеют русским, увеличился на 6%. Тогда как знания украинского языка показали лишь 19 726 человек, что составляет около 35,7% от общего количества украинцев. В 1989 г. украинский язык родным или вторым назвали 37 400 человек или 49,87% от всего украинского населения, в 1979 г. украинским языком владели 40 364 украинцев или 53,41%, а в 1970 – 44 871 человек или 59,04% от общего количества украинцев республики. Если за девятнадцать лет между переписями 1970 и 1989 гг. процент украинцев, которые владеют украинским, снизился на 10,83%, то за тринадцать лет постсоветского периода (1989–2002 гг.) – почти в 1,5 раза, то есть на 14,17%¹⁶. Этот процесс наглядно демонстрирует межэтническое сближение украинцев с другими народами республики, в первую очередь с русским этносом, постепенную их этноязыковую ассимиляцию в русской среде. Этому способствовало не только родство языков украинцев и русских, но и высокая степень дисперсности расселения украинцев в республике, превалирование по численности русского населения и соответственно языка в общественной жизни Башкирии, высокий удельный вес межнациональных браков (более чем 90%). Наряду с другими факторами, значимо и отсутствие до недавнего времени украинских школ и классов, книг, газет, радио, телевидения, определенная изолированность от Украины, и как уже подчеркивалось, большое влияние оказывают политические факторы.

Влияет или не влияет образование на сохранение украинцами родного языка? Рассмотрим этот вопрос в разрезе районов, где функционируют школы с изучением украинского языка и литературы. Прямой ответ перепись 2002 г. не дает, потому что такие данные не обследо-

ваны. Вместе с тем, если посмотреть на динамику численности украинского населения в Альшеевском, Белебеевском, Давлекановском и других районах, где нет школ с изучением украинского языка, здесь количество украинцев с 1979 по 2002 гг. уменьшилось почти в 2 раза, тогда как в районах, где есть школы с преподаванием украинского, этот процент значительно ниже: в Аургазинском – на 32,96%, Благоварском – на 36,83%, Стерлитамакском – на 25,14%, Чишминском – на 37,28%.

Ответ простой: там, где есть школы, украинцы более ориентированы на сохранение этнокультурной самоидентичности, менее поддаются ассимиляции. Школа является тем фактором, который стабилизирует этнокультурные процессы, особенно когда в своей деятельности она объединяется с дополнительными образовательно-культурными учреждениями – библиотеками, музеями, детскими садами и т.д.

Исследования, которые проводились среди украинцев в Башкирии, показали, что литературным украинским языком владеют, как правило, так называемые «выходцы из Украины». То есть те, которые приехали сравнительно недавно на учебу или по направлению на работу по окончании высших или средне-специальных учебных заведений, и так называемые «заробітчани», которые закончили школу в Украине, а также потомки украинских переселенцев во втором, третьем и даже четвертом или пятом поколении, которые научились писать и читать самостоятельно. С учетом того, что в Башкортостане украинский язык как предмет уже в течение более двадцати лет преподается в школах в местах компактного проживания украинцев, значительная часть выпускников этих школ как украинцы, так и не украинцы, также владеют литературным украинским языком.

В селах разговаривают на местном диалекте украинского языка с очень сильным влиянием русского.

Украинский язык в Башкортостане никогда не был языком науки. Он неуклонно вытеснялся и продолжает вытесняться русским не только из общественной жизни, но и из сферы семейных отношений. На украинском языке продолжают говорить там, где есть члены семьи старшего возраста или патриотически настроенная интеллигенция. Молодежь, дети – будущее народа – украинского языка почти не знают.

Язык тюркоязычных соседей повлиял на язык украинцев меньше, чем русский. Заимствования сводятся к отдельным словам или высказываниям, которые вошли в язык украинцев вместе с включением в

обиход соответствующих вещей (предметов): орудия труда – *сабан*, напитки и блюда – *салма*, *беляш*, *учпочмак*, *буза*, *куллама*, *кумыс*, *чак-чак* и т.д., а также отдельные слова – *малай*, *айда*, *бабай* и др.; и некоторые высказывания – *алла бирса*, *фалян-туган* и т.п. Как подчеркивают исследователи, это связано с резкими отличиями синтаксических и лексических систем украинского от башкирского и татарского языков¹⁷.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что много слов тюркского происхождения органично вошли в состав украинского языка в результате контактов украинцев с тюрками с древнейших времен: *гарба*, *гайда*, *кабак*, *кавун*, *килим*, *майдан* и другие.

Отметим, что проникновение тюркской лексики в язык украинцев происходило не только непосредственно из языков этих народов, но и через русский язык, поскольку русские контактировали с коренным населением Урало-Поволжья значительно дольше по времени.

Религия

По вероисповеданию украинцы Башкирии в конце XIX – начале XX в. принадлежали к православию. Лишь единицы среди них были греко-католиками, поскольку западно-украинские земли, где было распространено униатство, в состав России на то время не входили. Только во время Первой мировой войны значительная часть беженцев, которые прибыли из Западной Украины, были адептами католической церкви восточного обряда, то есть греко-католиками. Незначительная часть принадлежала к разным христианским сектам, вместе с тем, последние на украинцев не оказывали большого влияния.

Уровень религиозности был достаточно высоким. В первое десятилетие своей жизни на чужбине украинцы пытались на собственные средства возводить культовые сооружения – церкви и часовни.

В домах в красном углу (*на покуті*), а также на стенах, как правило, висело много икон. Особенно ценились иконы, которые были привезены из Украины.

Религия органично была соединена с повседневной жизнью, тесно связана с сельскохозяйственным годовым циклом. Верующие отмечали все религиозные праздники, соблюдали посты и предписания, религиозные обычаи и обряды, осуществляли паломничество и т.д. Среди них был распространен культ Спасителя – Иисуса Христа, а также Божьей Матери – Девы Марии, Троицы. Наиболее почитали святых Ни-

колая Чудотворца Мирликийского (*Миколи Доброго*), апостолов Петра и Павла, Пантелеймона–Целителя, Георгия Победоносца, Иоанна Крестителя, Василия Великого и т.д. В новых условиях было распространено почитание чудотворных Казанской и Табынской икон Божьей Матери, которые особенно почитались на Урале и в Поволжье. Вместе с тем следует подчеркнуть отсутствие у верующих украинцев религиозного фанатизма.

В советскую эпоху из-за гонений на церковь и господство атеистической идеологии количество верующих значительно уменьшилось. По всем украинским селам, кроме с. Константино-Александровка Стерлитамакского района, церкви были или уничтожены, или приспособлены под разные хозяйственные потребности: хлебохранилища, склады, мастерские, клубы. В некоторых селам, например, в с. Верхний Кульчум Ермакеевского района был создан «Союз воинствующих безбожников». Вместе с тем происходило перераспределение верующих между разными течениями внутри христианства.

Сегодня наблюдается возвращение к религии. Несколько лет тому назад построили церковь в честь Антония Печерского в селе Антоновка Мелеузовского района. 21 сентября 2011 г. освятили новый храм в честь Рождества Богородицы и начались церковные службы в селе Золотоношка Стерлитамакского района. Храм был построен на средства мецената – выходца из этого села М.Ю. Кийко. Проводят службы и в молитвенном доме в с. Степановка Аургазинского района. Еще в 1990-е годы стал работать Троицкий храм – памятник архитектуры республиканского значения в селе Троицкое (Иваненково) Благоварского района. Рядом с украинскими поселениями Сердюки, Парафеевка и Малиновка Белебеевского района возрождается храм в честь Ильи Пророка, который также является памятником архитектуры республиканского значения. При нем основана женская монастырская обитель – подворье монастыря в честь Царственных страстотерпцев, который до недавнего времени возглавляла игуменья матушка Евтропия, украинка по происхождению. Следует отметить, что среди клира Уфимской епархии большое количество священников, иноков и инокинь являются украинцами.

Среди украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. была традиция ходить на богомолье по святым местам в Украину, а именно: в Киево-Печерскую и Почаевскую лавры, другие святые места.

Кроме того, на фоне ослабления позиций православия наблюдается некоторое укрепление влияния протестантских сект. Часть из них возглавили украинцы – Церковь Христа на реке Белая (г. Уфа), Евангельских христиан-баптистов (г. Уфа), Адвентистов седьмого дня (г. Сибай) и др.

Хозяйственные занятия

Украинские переселенцы принадлежали к разряду переселенцев-собственников. Среди них были и арендаторы государственных и частных земель. Проблемы, которые порождались переселением, вызывали необходимость объединяться в артели и общества. Этому способствовал и порядок приобретения земли, установленный Крестьянским поземельным банком, при котором создавалась гарантия возвращения платежа по ссудам.

Землю распределяли между членами общества в зависимости от внесенного пая. Владельцем земли считали главу семьи – мужчину, в виде исключения – жену. При отделении из родительского хозяйства сына ему, по взаимной договоренности, определяли часть наследства. В случае замужества дочери зажиточные родители могли выделить ей в приданое надел земли.

Право собственности на землю, приобретенную с помощью ссуды Крестьянского банка, было ограниченным, а сама земля, здания и даже имущество передавались в залог банку. Запрещалось передавать землю в оброчное и арендное пользование, отчуждать ее, рубить лес, передавать и сносить здания и т. д. Высокие платежи в банк разоряли крестьян. Они были вынуждены продавать хлеб, у половины семей хлеба не оставалось до урожая следующего года.

Арендная плата за землю была достаточно высокой и постоянно росла. Если в конце XIX в. за 1 дес. пахотной земли платили 1-3 руб., а за 1 дес. покосов – 1-2 руб.¹⁸, то в связи с ростом спроса на землю в начале XX в. арендная плата подскочила до 6 пудов зерна и 6 руб. за десятину. Не имея возможности вовремя вносить необходимые средства, бедняки были вынуждены распродавать часть своих земель, которые скупались зажиточными членами обществ или же вновь прибывшими переселенцами.

После октябрьского (1917 г.) переворота и гражданской войны в результате политики «социализации» конфискованные у дворян, купцов, монастырей земли распределяли между крестьянами по трудовой или

потребительской норме, что способствовало быстрому развитию аграрного сектора.

Однако коллективизация, которую начали в конце 1920-х годов, прервала эволюционное развитие крестьянского хозяйства, положив начало его разрушению.

Господствующей системой земледелия у украинцев было *трех- и четырехполье*, в передовых хозяйствах – *многополье*. Землю обрабатывали заводским, а также традиционным для украинцев двухколесным *деревянным плугом*. В лесной зоне использовали *косулю* или *соху*. Под влиянием местных земледельческих традиций постепенно распространяется более легкий плуг – *сабан*.

Перед посевом землю обрабатывали своеобразным *культиватором (драпак)*. Посев вели вручную из мешка, который перебрасывали через плечо (*узир*), реже из соломенной корзины (*кошика*), широкого ведра – *пудівки (площата пудівка)*.

В зажиточных хозяйствах перед Первой мировой войной появились *конные сошниковые* и даже *дисковые сеялки*, которые наиболее широкое распространение получили в 1920-е годы. Посев свеклы осуществляли с помощью *ручной сеялки*, а картофель сажали под *сабан, косулю, лопату*.

Для боронования применяли деревянные бороны, а после в конце 1910-х – начале 1920-х годов стали использовать металлические заводские «зиг-заг». Широко применялся послепосевной метод – прикатывание пашни деревянными или каменными *катками*. На целинных землях, а также при севе проса и льна использовался архаичный способ обработки – «*заволочування*» семян ветвями деревьев, которые прикреплялись к передней части телеги.

Основная земледельческая культура – рожь. Также выращивали пшеницу, ячмень, просо, овес, горох. Кроме зерновых возделывали технические и кормовые культуры: картофель, свеклу, подсолнух, коноплю, лен, табак и т.д. Занимались огородничеством и бахчеводством.

Украинские крестьяне заботились о посевном материале: перед севом замачивали семена, особенно бахчевых культур.

Прополку зерновых производили вручную, корнеплодов – *мотыгами*. Во время колошения злаковых во многих хозяйствах применяли принудительное опыление с помощью длинной *пеньковой веревки*, которую в ветреную погоду два человека таскали растянутой по полю.

Сроки высева различных культур были неодинаковы. Первым сеяли овес. Старики говорили: «*Жито сій хоч у золу, але у пору, а овес – у грязь – буде, як в'яз*». Последней сеяли гречиху. Срок посева пшеницы устанавливался так: крестьянин брал в руку почву и сжимал ее в ком, затем бросал его на землю. Если ком рассыпался, то можно было сеять, если не рассыпался, то сеять рано.

В конце XIX – начале XX в. урожай с полей собирали с помощью кос, реже серпов. К косам, как правило, крепились *грабки*, реже – *лучок* (приспособление для более аккуратной укладки колосков в покосах). В 1912–1913 гг. в зажиточных хозяйствах стали использоваться *жатки*, *сноповязалки*, *жнейки-самоскидки*, *лобогрейки*. Часто эти сельхозмашины приобретали вскладчину. К началу коллективизации машины почти полностью вытеснили уборку хлебов при помощи кос. Она сохранилась только в бедняцких хозяйствах.

Хлеб в снопах складывали в «*кресты*» (*хрести*) (15 снопов), «*полукопны*» (*півкопи*) (30 снопов), «*копны*» (*копи*) (60 снопов), а затем перевозили в крытое гумно (*клуня*), где его молотили *целами* (*ціпами*) или *молотилками*. Известны случаи обмолота зерна при помощи деревянных и каменных катков, телег и домашнего скота.

Для очистки зерна использовали большое кожаное решето (*грохит*). В ветреную погоду зерно веяли с помощью ведра и лопаты. Применяли ручные или конные *веялки*.

Животноводство

Животноводство в хозяйстве имело вспомогательное значение: с целью обеспечить семью хлебом все пригодные для земледелия земли пахали, тормозя развитие животноводства. Украинские переселенцы разводили лошадей, коров, овец, свиней, редко – коз. Внося огромные платежи за землю и становясь банкротами, крестьяне нередко оставались без лошадей. Так, в 1898 г. у переселенцев Белебеевского уезда Уфимской губернии без лошадей насчитывалось 15,4% крестьянских хозяйств, вообще без скота – 10,2%¹⁹. В неурожайные годы крестьянам приходилось постепенно «проедать» скот. В лучшие годы поголовье возобновлялось к следующему неурожаю.

Лошадей разводили преимущественно местной башкирской породы, коров – как местной, так и *бестужевской* и *симментальской* пород. В хозяйствах зажиточных крестьян нередко содержали *голланд-*

ские и датские породы коров. Из овец распространенными были романовские, шлёнки и полушлёнки.

Зимой скот находился в стойлах, летом его выгоняли на пастбища. Коров и овец пасли отдельно. Летом лошадей и крупный рогатый скот выгоняли на выпас в ночное время. На юго-востоке (теперь Хайбуллинский район РБ) под влиянием башкир распространилось отгонное овцеводство. В степи для овец делали *стойла-катоны*, копали колодцы, устанавливали колоды для питья. Пригоняли овец домой лишь поздней осенью.

Рабочим скотом были лошади и волы. Крупный и мелкий рогатый скот, свиней выкармливали на мясо. Из молока получали молочные продукты. Шкура овец – овчина – шла на изготовление зимней одежды, а крупного рогатого скота – обуви. Из шерсти овец производили валяную обувь, вязали носки, ткали грубую ткань для пошива одежды. Пух коз шел на изготовление шалей, носков, рукавиц. Из шерсти коров весной дети скатывали мячи.

У украинских переселенцев было развито птицеводство (куры, утки, гуси, реже – индейки). Для птицы строили специальные сараи и землянки. Кормили их зерном, вареным картофелем, свеклой, морковью с добавлением отрубей или дробленого зерна.

Украинцы были знакомы с пчеловодством с древних времен. Некоторые методы ухода за пчелами они переняли у местного населения – башкир, для которых пчеловодство было традиционным занятием. Они, как и башкиры, во время роения пчел вывешивали в окружающих лесах навощеные колоды и дуплянки для приманки «свободных» роев. Некоторые пчеловоды собирали мед у диких пчел. Однако в развитии пчеловодства украинцы стояли на более высоком уровне: они занимались уже пасечным содержанием пчел. Постепенно начали применять и рамочные улья, а в последнее время стали распространенными многокорпусные улья и улья-лежаки, что позволяет сократить естественное роение и обеспечить пчелиные семьи работой.

Места для пасек выбирались с учетом близкой медоносной растительности, а также защищенности ее от ветров и затенения от солнца. Часто пасеку специально обсаживали липами, акациями или плодово-ягодными растениями. Позже стали высаживать медоносные растения: гречиху, донник и т.д.

На зиму пчел убирали в *омшаник (темник)*, иногда улья оставляли под открытым небом, изначально утеплив одеждой и засыпав снегом.

При этом пчел старались обеспечить медом. Если пчелиная семья была сильной, а в гнезде было мало меда, то проводили зимнее подкармливание.

Подсобные занятия

Охота и рыболовство широкого распространения в жизни украинцев не имели. Ловля рыбы применялась на северо-востоке Башкирии, на берегах больших рек и озер. С помощью *капканов*, *силок* (*сильце*), *сеток*, *ям-западной* охотились на зайцев, лисиц, волков, водоплавающую и боровую птицу, с собаками – на волков и лисиц. Также при охоте использовали *ружья с накладными капсулями*.

Орудием ловли рыбы была *удочка с леской*, которую плели из конского волоса, а также *сети*, *мережи*, *бредни* (*волоки*), *саки*, *морды*. На удочку ловили голавлей, хариуса, форель, подлещика, налима и т.д. В качестве приманки использовали червей, кузнечиков, хлеб, вареную пшеницу, горох. Налима ловили на *рогульку* с мясной приманкой.

Домашние промыслы. Отходничество

Среди переселенцев-мужчин были бондари, гончары, кузнецы, шорники, специалисты по обработке шкур (*шкурники*, *кожем'яки*), портные, ткачи и др. Традиционно бытовало разделение труда по половому признаку. Бондарями, гончарами, кузнецами, шорниками работали мужчины. Женщины занимались ткачеством, вышивкой, плетением кружев. Пряли украинки на самопряхках и с помощью веретена на пряхках (*кужіль з дінцем*). Украинцы не умели валять валенки, позаимствовали это умение у русских. Украинцы также владели резьбой по дереву.

Торговлей украинские переселенцы занимались эпизодически. Их хозяйство имело полунатуральный характер. На базары, ярмарки возили зерно, муку, овощи, животных, птицу. На полученные деньги покупали плуги, жатки, веялки и другие машины, реже – материалы для шитья одежды, посуду, предметы домашнего потребления.

Почти повсеместно было распространено отходничество, более развитое в местностях, которые находились близко от городов и железных дорог, а также в районах со слабо развитым земледелием. Оно носило сезонный характер: летом шли на заработки в помещичьи экономии, к зажиточным крестьянам – косить сено, собирать и молотить

хлеб, заготавливать дрова; зимой были заняты на строительстве и ремонте железных дорог, шахт, заводов, фабрик и т.д.

Как уже отмечалось, украинцы – народ с давней земледельческой культурой. Переезжая в Башкирию, они принесли в регион более высокую культуру земледелия, более усовершенствованные орудия труда, передовые, по тем временам, агротехнические приемы. Это способствовало распространению в крае разных сельскохозяйственных культур: пшеницы, бахчевых, масляных и т.д. Будучи выходцами из разных районов Украины, крестьяне были носителями разного агротехнического опыта, который характеризовался локальными особенностями. В новых условиях проживания параллельно шло два процесса: первый – отбор более рациональных и прогрессивных приемов сельскохозяйственного производства, традиционных для украинцев, и другой – обогащение сельскохозяйственного опыта благодаря сближению и взаимодействию с местным населением. В результате этих процессов сохранились и развивались те приемы, которые более всего соответствовали новым экологическим условиям и социально-экономическим потребностям. В целом же хозяйственно-культурный тип украинских переселенцев в Башкирии не изменился. Основной набор сельскохозяйственных культур в подсобном хозяйстве состоит из картофеля, свеклы, лука, чеснока, капусты, огурцов, томатов, гороха, фасоли, новыми культурами являются патиссоны, кабачки, баклажаны, болгарский перец, петрушка и др. Повсеместно распространено садоводство. В то же время в подсобных хозяйствах уменьшилось поголовье скота. Уставом колхоза еще до недавнего прошлого разрешалось иметь одну-две головы крупного рогатого скота с молодым, четыре-пять овец с ягнятами или коз, одну-две свиньи, птицу, пчел. С переходом на рыночную экономику эти ограничения сняты, вновь возвращается на подворье лошадь. Новым является разведение в личном подсобном хозяйстве кроликов, нутрий, индеек и цесарок.

В связи с известными изменениями в образе жизни местных жителей резко сократились домашние ремесла.

Поселение и жилище

Украинские поселения на территории Башкирии возникали в разных природно-географических, социально-экономических и этноконтактных условиях. Это способствовало появлению своеобразных особенностей в их планировании и застройке. Не последняя роль отводи-

лась региональным традициям переселенцев – выходцев из разных историко-этнографических районов Украины.

Названные особенности влияли на формирование типов поселений украинцев Башкирии. Переселенцы расселялись, как правило, в низких, но не затопляемых во время весенних наводнений местностях: вблизи водоемов, в балках, которые защищали от ветров, особенно в зимний период, вблизи большаков (*битих шляхів*). Иногда поселялись на водоразделах, так как более удобные места были заселены другими народами.

В названиях поселений украинцы пытались сохранить память о своей родине. Вот почему в далеком от Украины Башкортостане можно встретить Нефорощанку, Санжаровку, Парафеевку, Шаровку, Золотоношку, Кахновку, Хотомлю, Днепровку, Новоукраинку, Терешковку, Харьковку, Киевку, Черниговку, Полтавку, Черкассы, Екатеринославку, Волинку, Тавричанку, Софиполь и т.д. Однако постоянные контакты с местным населением, в том числе тюркским, приводят к тому, что ряд украинских сел получают тюркское название: с. Антинган (башкирская форма – Атинган) Хайбуллинского, с. Чубукаран Белебеевского, с. Шайхали Благоварского районов и т.д. Так случилось и с названием села Верхний Кульчум Ермакеевского района. Сначала оно называлось Александровка и Золотоношка, потом его стали называть Верхний Кульчум, так как оно находилось у истока реки Кульчумки, а поселок Каменец-Подольского товарищества, который располагался около устья реки Кульчумки, назвали Нижним Кульчумом. В настоящий момент подобное явление происходит с селом Тавричанка – центром Кизильского сельского совета Альшеевского района, которое чаще называют Кизильским, чем Тавричанкой.

Обычно планирование поселений было *уличным* или *однорядным*, иногда – *квартальным* или *квартально-уличным*.

Последнее чаще встречается в тех селах, которые превратились в хозяйственные или административные центры. Внешний облик украинских сел долгое время сохранял традиционные национальные черты. Об этом свидетельствуют все источники. «Те же вербы зеленые, и те же беленькие в зелени хаты, и та же девочка в плахте и полевых цветах...», – писал Т. Шевченко²⁰. Ему вторит через 100 лет Е. Бусыгин: «Украинские селения... утопают в зелени, и часто не видно фасадов домов... Деревня Золотоношка – это просто сад...»²¹.

Разделение сел на перспективные и неперспективные привело к развитию традиционной планировки в первых и разрушению ее в последних. Если в перспективных происходит формирование культурно-административного центра (контора, сельский совет, клуб, библиотека, почта, медпункт, магазин, столовая, дом быта, школа, детский сад-ясли), жилой и производственной (фермы, зерноток, мельницы и т.д.) зоны, то в неперспективных царит разруха и запустение, брошенные усадьбы зарастают бурьяном. Идет процесс их тихого умирания. Вместе с тем жилые усадьбы остаются ухоженными. Почти у каждого дома разбит палисадник, в котором выращивают не только овощи, но и ягодные кустарники, а также плодовые деревья, преимущественно яблони. Обращает на себя внимание обилие цветов, часто растущих даже на грядках с луком, свеклой, морковью.

Усадьба, как правило, состояла из двух неравных частей – меньшая располагалась перед домом и выходила на улицу (*двір*). Здесь же размещали хозяйственные постройки. Большая часть усадьбы отводилась огороду (*город*), на котором выращивали овощи. Усадьбу, за исключением участка, где культивировался картофель, огораживали плетнем.

Традиционное жилье украинца-переселенца – дом (*хата*), который одновременно был центром двора. Жилище украинцев долгое время сохраняло этноспецифические черты. Помещения располагались по типу: хата+хата+сени; хата+сени+хата; хата+сени+комора; хата+хата+сени+комора; хата+сени. Наиболее распространенной была трехкамерная планировка.

Строительный материал для дома и хозяйственных построек – разнообразный. В лесных районах преимущественно использовали дерево, в лесостепных – дерево и глину, в степных – глину и камень. В настоящее время как основной строительный материал применяют дерево. С середины 1960-х годов получил распространение кирпич.

Пол в доме традиционно был земляным (*долівка*), хотя зажиточные крестьяне настилали деревянный (*підлога*). Окна делали небольшими, ставни (*віконниці*) навешивали в домах только зажиточные крестьяне. В наше время они распространены повсюду. Двери, как правило, одностворчатые. Печи преимущественно клали из сырца или обожженного кирпича, иногда делали глинобитными (*вальковими*). В настоящее время распространены комбинированные печи из обожженного кирпича с плитой.

Интерьер жилища украинского переселенца долгое время хранил традиционные черты. У входа справа или слева «челом» к окну располагалась печь с лежанкой. От лежанки к противоположной стене располагался специальный помост из досок – нары (*полик, піл*), на которых спали. Полатей украинцы не знали. В переднем углу, расположенном по диагонали от печи (*покуть*), висели иконы, украшенные вышитыми рушниками, и стоял стол, накрытый домотканой скатертью. Около стен наглухо крепились лавки. На стенах, над окнами, на зеркале развешивались расшитые рушники. У окна стоял сундук (*скриня*). Это была парадная часть жилья.

На стене у входа размещали все нужное для кухни: полки или шкаф для посуды (*судник*), у стены – скамья для ведер с водой.

По вечерам комнату освещали щепкой или примитивным светильником – *каганець*. Более зажиточные украинцы использовали свечи или керосиновые лампы.

Набор хозяйственных сооружений во дворе украинского переселенца зависел от их назначения и уровня зажиточности хозяина. Для содержания скота строили специальные хлева (*стайні*). Отдельно возводили хлева для свиней, птицы, пчельники – для пчел, а также бани.

Для переработки и хранения зерна строили *клучі* или *риги* – крытые *тока*, *амбары* (*коморы*), для хранения овощей – *погреба*, часто с дополнительным сооружением над лазом – *погребняком*.

Пища

Главный источник в системе питания – продукты растительного происхождения, продукты животного происхождения играли второстепенную роль.

Распространенным и повседневным блюдом были каши – пшенная, гречневая, ячменная, овсяная, гороховая, кисели, которые варили из овсяной крупы и крахмала, а также *кулага* (*кваша*) – из ячменного, ржаного и гречневого *солода*, иногда пшеничной муки. Любили также кашеобразное блюдо из муки (*затірку*). Готовили *галушки*, *клецки*, *вареники*. От местного населения переняли *пельмени*.

Основой питания украинцев был хлеб, который выпекали из квасного теста, из ржаной или пшеничной муки. На праздники к столу подавали *пироги* с сыром, капустой, яйцами и рисом, морковью, картофе-

лем, свеклой, ягодами, мясом и т.д. В каждом доме готовили *блины, драники (картопляники)*.

Из первых блюд наиболее известен украинский *борщ* из свежей зелени, свежей или кислой капусты, а также *капустяк*. Под влиянием русских украинцы научились готовить *щи, окрошку (холодник)*. Из других овощных блюд самая популярная – картошка: печеная, вареная, жареная, тушеная. Сейчас широкое распространение получили разнообразные овощные салаты, гарниры, соусы.

Мясные традиционные блюда – это колбасы, голубцы, фаршированные мясом и специями желудки поросят (*кендюх, сальтисон, ковбук*), холодец.

Яйца для еды использовали куриные; утиные – редко и только в тесто. Свежую рыбу потребляли жареной или варили *уху (юшку)*.

Из напитков готовили хлебный и свекольный квас (*сирівець*), компот из сухофруктов или сушеных ягод (*узвар*). Среди украинских переселенцев под влиянием традиции местных народов широкую популярность приобрел чай.

Одежда

Основным материалом для изготовления белья и летней верхней одежды в первой трети XX в. у украинцев было домотканое беленое полотно из конопли и льна. Для верхней зимней одежды использовалось сукно, а также смесовая домотканая ткань из шерстяных из конопляных, реже льняных ниток (*перечел*). Праздничная одежда бедных шилась из более тонкого материала домашнего производства и изредка из покупного. Зажиточные шили чаще из покупного материала, иногда импортного. На зимнюю одежду шли преимущественно шкуры домашних (чаще всего овчина), реже – диких животных. Наиболее распространенным материалом для изготовления обуви были сыромятная или дубленая кожа, лыко, позднее для зимы валяная шерсть.

Традиционный женский костюм состоял из *сорочки*, юбки (*спідниця, юпка*), реже – из поясной несшивной одежды (*плахта* или *запaska*), передника (*фартух, попередник*), пояса (*оправка, крайка*), безрукавки (*кірсетка*), верхней одежды, головного убора, обуви и украшений. Сорочка шилась из холщового отбеленного полотна традиционного туникообразного покроя или на кокетке. Большинство сорочек шили без воротника (*голошійка*) или со стоячим низким воротником. Переселен-

цы с Волыни, а также Киевщины иногда шили сорочки с отложным воротником. Разрез (*лазушка*) делали спереди.

Женские сорочки одновременно были нательной и верхней одеждой. Сорочка украшалась вышивкой или мережкой на рукавах выше локтя (*вуставок*), по манишке, воротнику, манжетам, реже по низу подола. Будничные сорочки украшали менее, праздничные более богато. Особенно пышно украшали вышивкой свадебные наряды.

Со временем полотно домашнего производства стало заменяться фабричными тканями. В связи с их высокой стоимостью в 1910 – 1920-х годах верх (*станочок*) шили из ситца, коленкора, батиста, низ (*підтичка*) оставался холщовым. Иногда в *станочок* на груди вставляли *вуставок* – вышивку от изношенной сорочки.

Поясной одеждой являлась юбка (*спідниця*), которую шили из домотканого материала: полотна, сукна или полусукна. Для окраски ткани использовали в основном растительные краски: отвары луковой шелухи, коры ольхи, дуба, бузины, других растений. Сорочки несколько выпускались из-под юбки. Длина сорочки у девушек и молодых женщин достигала середины голени (*у півлитки*), у пожилых – до щиколотки. Богатые девушки в праздник надевали кашемировые юбки, по низу которых нашивались мелкие кисти. Поверх юбки повязывали фартук. В будни фартуки носили из домотканого полотна, в праздники – из покупного материала. В отдельных селах поверх сорочки в праздники надевали *плахту* или *запаску*, которые подвязывались поясом (*оправка*, *крайка*) с кистями на концах. Под влиянием русской местной традиции получают распространение сарафаны (*сарафан*) на ляшках, которые носили в будни. Пожилые женщины надевали сарафаны и в праздник. Для дома обычно сарафаны шили из домотканого полотна и сукна, праздничные – из фабричного материала.

Плечевой одеждой являлась безрукавка (*кірсетка*) прямого покроя или приталенная, с отрезной спинкой и вставными клиньями. В прохладную погоду носили кофты (*кохти*) из домотканого сукна, ватные куртки (*ватянки*).

В 1920-е годы среди молодежи широкое распространение имели «парочки» – кофты и юбки из покупного материала. Кофты шили приталенными и носили как заправленными в юбку, так и навыпуск под лаковые пояса. Этот комплекс считался праздничным и престижным.

С 1930-х годов, наряду с «парочками» (костюм из однородной ткани), сначала девушки и молодые женщины, а позднее более пожилые

стали носить платья из покупного материала общераспространенных расцветок и фасонов.

Традиционным женским головным убором являлся *очипок* – своеобразная шапочка из ткани или сетки. Употреблялись и платки, которые были разнообразны по цвету и фактуре. Зимой голову покрывали большой «*козликовой*» (шерстяной) шалью. Под влиянием местной традиции постепенно распространяются большие вязаные платки из козьего пуха.

Замужние женщины волосы зачесывали вверх, собрав их на затылке в пучок, а также заплетали их в косу или закручивали в жгут и укладывали шишкой, фиксируя прическу при помощи шпилек или гребешка. Иногда косы укладывали вокруг головы (*у вінок, короной*).

Девушки заплетали одну, реже две косы, которые свободно лежали на спине. В праздники голову украшали венками и отдельными цветами, в косы заплетали атласные ленты, в будни – тряпочки (*кісники*).

Традиционными женскими украшениями являлись ожерелья: коралловые (*намисто*) и металлические из пластинок и колец (*дукачі*), серебряные кресты довольно больших размеров, разнообразные кольца (*персні*), серебряные и медные дутые серьги (*кульчики*).

Традиционный комплекс мужской одежды состоял из сорочки, штанов, безрукавки (*жильотка, піддьомка*) и пиджака (*пінжак*). Сорочку шили из полотна домашней выработки. Позднее на смену ему пришли ситец, сатин и другие фабричные ткани. Сорочки шили туникообразного покроя или на кокетке, со стоячим или отложным воротником, вшивным рукавом и застежкой на груди.

Под влиянием русских некоторое распространение получили косо-воротки. Рукава у мужских сорочек заканчивались манжетами (*чохлою*) или без них. Длина рукава достигала запястья. Манишка или воротник сорочки (при прямом разрезе и стоячем воротнике), а также низ свободного рукава расшивались или украшались мережкой.

У украинцев, особенно у молодежи, более распространенными были штаны с узким шагом из домотканого сукна или полотна. Были известны штаны и с широким шагом – *шаровари*. Праздничные брюки изготовлялись из более тонкого сукна или покупного шерстяного материала. Держались они на пояске (*очкур*).

Сорочку носили «у *заправку*» или «*навыпуск*». Если «навыпуск», то ее подвязывали ремешком (*попружка*), в праздник – *гарусовим* поясом, скрученным из цветных ниток (*зкітицями*). Концы пояса как завя-

зывались, так и подтыкались. В праздничной одежде концы нарядных поясов выпускали с одной или с двух сторон.

Поверх сорочки надевали безрукавку и пиджак. Молодые мужчины в 1920-е годы стали носить френчи – пиджаки полувоенного покроя из сукна темного цвета. В этот же период в крестьянскую среду проникает городской костюм-тройка, который прежде всего получает распространение в зажиточных слоях. В летнее время носили соломенные шляпы с широкими полями и невысокой тульей (*бриль* или *капелюх*), в 1920-е годы – фуражку военного образца (*картуз*), а с 1930-х годов – шести- и восьмиклинки. Пожилые мужчины наряду с фуражками продолжали носить шляпы. Зимой носили шапки-ушанки или традиционные конусообразные (*кучма*) и цилиндрические, со вставным дном из овчины (*мазниця*, *кубанка*), а также шапки с заломанным в виде рогов верхом (*рогаті шапки*). В 1920-е годы получили распространение *коммунарки*.

Пожилые мужчины стриглись «в скобку», «під макитру». Усы имели разнообразную форму, в зависимости от моды и личного вкуса. Бороды носили мужчины средних лет и пожилые, молодые – редко. Значительная часть мужчин брилась.

Основным видом рабочей обуви у украинских переселенцев стали покупные лыковые лапти (*личаки*). Вместе с тем украинцы продолжали носить *постоли* – обувь из сыромятной кожи со швом поверх носка и двумя швами на заднике.

На ноги надевали в теплое время полотняные, а в холодное – шерстяные чулки, сверху чулок ноги обматывали портянками (*онучи*). Их крепили при помощи двух шнурков или ремешков (*волоки*), которыми обвязывали голень, и только в праздники обували яловые сапоги (*чоботи*). Более зажиточные носили яловые сапоги в будни, а в праздники – хромовые. Праздничной женской обувью являлись хромовые высокие ботинки (*у півлїтки*) или полуботинки (*черевіки*) на каблуке средней высоты со шнурками. В сырую погоду поверх них надевали галоши. В будни носили сапоги. Под влиянием местной традиции с 1920–1930-х годов получили распространение валенки, а среди пожилых – резиновые глубокие галоши (*татарські калоші*). В сырую погоду носили *чесанки* – валенки с резиновыми галошами. Особенно престижными были «*романовские*» расписные валенки, которые надевали по праздникам.

Разнообразной у украинских переселенцев была верхняя одежда, которая подразделялась на будничную, рабочую и праздничную. Чет-

кой дифференциации на женскую и мужскую, демисезонную и зимнюю не прослеживалось.

Повседневной рабочей одеждой являлась *ватянка* – однобортная утепленная приталенная жакетка с карманами, сшитая из домотканого сукна. Мужчины носили ее редко, у них получил распространение прямой однобортный пиджак длиной до колен, с прямыми врезными карманами, с отложным воротником. Традиционной верхней одеждой считалась *свитка*, сшитая из домотканого сукна, преимущественно белого цвета, без воротника, приталенного покроя и присборенная сзади, а также *сачок* – короткая куртка. В условиях суровой зимы в Приуралье широкое распространение получили шубы, полушубки (*кожух, кожушина*), а также *тулупы*, сшитые из дубленой овчины или крытые тканью. В 1920-е годы под влиянием городской моды среди девушек получило распространение пальто, которое зажиточные шили из тонкого покупного, бедные – из домотканого сукна. В 1940-е годы в моду начали входить плюшевые жакетки – *манарки*. Для поездок осенью и зимой из домотканого сукна шили *чапан* (*кирея, опона, кобеняк, сіряк, сірячина*) – запашная одежда, расклешенная книзу с большим шалевым воротником.

Зимой для работы на руки надевали вязанные шерстяные варежки; «на выход» – перчатки.

В районах Зауралья под влиянием башкир варежки и перчатки вязали из козьего пуха.

Начавшийся процесс трансформации национальной одежды у украинцев в Башкирии в дореволюционную эпоху под влиянием социально-экономических и политических изменений активизировался в 1920–1930-е годы.

В этот период наряду с распространением городской одежды в результате усиливающихся связей с окружающим населением зарождается другая тенденция – влияние традиций местного населения на костюм украинцев.

Этот процесс ускорился заменой традиционных материалов домашнего производства покупными. Влияние местных народов на костюм украинцев не было односторонним: среди коренного населения получили распространение украинские вышитые сорочки, кофты, шапки-кубанки.

В настоящее время отдельные этнические элементы можно проследить в одежде и способах ее ношения только у пожилых женщин.

Костюм мужчин и более молодых женщин ничем не отличается от одежды окружающего населения, прежде всего русского. Национальный костюм в той или иной степени полноты используется, как правило, только для сценических выступлений и выставок.

Семья в новых условиях

Основной формой украинского семейного коллектива на прежней родине была так называемая *простая* или *малая* семья. Однако в новых условиях состоялось возрождение *неразделенных* семей, экономически более зажиточных. Такие семьи имели большее количество работающих, что позволяло вовремя выполнять хозяйственную работу, совмещать ее с другими занятиями, а также ремеслами, такими как рыболовство, охота и т.п.

По своей классификации неразделенная или большая семья представляла три типа: родительская (*батьківська*), *братская*, *сложная* или *смешанная*. В родственном отношении неразделенные семьи, как правило, объединяют членов по линии отца. Основой неразделенной семьи были патриархальные традиции. Во главе обычно стоял отец, при его отсутствии – старший брат, иногда второй или третий по старшинству. Главенство женщины имело место лишь в малых неполных семьях с несовершеннолетними детьми. Всем хозяйством руководили родители. Глава семьи был ее представителем перед обществом (*громадою*). Он не только был наделен представительскими полномочиями, но и нес ответственность за членов своей семьи.

Постепенно неразделенные семьи, улучшив свое материальное положение (накопив средства и приобретя землю), распались. Родители оставались на старом подворье (*обійстя*), сыновья строились на новом месте.

Вся собственность, которая принадлежала семье, состояла из двух частей: общесемейной (земля, скотина, дом, хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь, деньги, продукты питания и т.п.) и личной (одежда, обувь, украшения, некоторые вещи личного пользования и т.д.).

Преобладающее право на наследование общесемейной собственности имели сыновья. Младший оставался по традиции с родителями, поэтому он получал большую часть наследства.

Дочерям, кроме личного имущества, при браке выделяли *приданое* (*посаг*), куда, кроме всего, могли быть включены и земля, и скот, и сельскохозяйственные орудия труда.

Если в неразделенной семье главой был отец или один из братьев, то хозяйкой в доме была мать или жена главы такой семьи. Она руководила всей работой в доме, занималась приготовлением еды и т.п.

Особенный статус относительно главы семьи занимал, согласно порядку передачи наследства, старший сын – его заместитель и помощник. В отличие от сына, зять-«приймак» в семье был бесправный – «Собака у приймах був да хвіст одбув». Принятие в семью было не частым явлением. Часто в «приймаки» шли парни из бедных семей или сироты. Если в семье не было сыновей, в таком случае «приймачество» приобретало форму усыновления.

Положение снохи в семье мужа было тоже неоднозначным. Она была ограничена в своих правах и находилась в подчинении у свекра, свекрови, старших членов семьи. Однако невестка была помощницей хозяйки дома: она помогала в приготовлении пищи, а если свекровь была старой и больной, то выпекала хлеб. В отсутствие хозяйки дома или во время ее болезни невестка выполняла все ее функции.

Разводы семейных пар не практиковались.

Традиционно среди мужчин и женщин существовало разделение труда, но в отличие от татар, башкир или русских староверов, оно было не таким четким. Для украинских переселенцев в целом характерны эндогамные (в пределах этноса) браки. Вместе с тем, уже в первые десятилетия их обитания на новых землях, особенно там, где украинцы селились дисперсно, они вступали в брак с представителями других этносов – в первую очередь с русскими и белорусами. Реже их брачными партнерами были мордва, чуваша («Мордва и чуваша – люди наши»), то есть в брак пытались вступать с представителями своего вероисповедания. Представители других конфессий в качестве брачных партнеров не рассматривались. Первые браки с мусульманами зафиксированы лишь в конце 1930-х – начале 1940-х годов.

На современном этапе роль межнациональных браков в этнических процессах украинцев Башкортостана резко выросла. Сегодня межнациональные браки составляют более 90% от всех зарегистрированных. Следует отметить, что рост количества национально смешанных браков и семей является не только показателем культурно-бытового

сближения украинцев с народами региона, но становится активным фактором этого сближения.

Обряды, связанные с рождением ребенка

Украинская семья в прошлом была многодетна (в среднем 5-7 детей). Рождение ребенка воспринималось как большое счастье. Еще в свадебном обряде проводили разные действия, целью которых было обеспечить многодетность семьи: посадка молодым на колени детей, обсыпание зерном, хмелем, кормление молодых яичницей, приглашение «коровайницами» женщин, счастливых в браке, и тех, которые имели детей.

Обычно женщины в прошлом рожали дома – на печи. Достаточно часто детей рожали в поле во время жатвы или сенокоса, на току при молотье, в конюшне и тому подобное.

Роды принимала *баба-повитуха*, которую часто называли «баба-пупорізка». Если роды были тяжелыми, то повитуха прибегала к разнообразным действиям, которые должны были облегчить процесс рождения, а именно: женщине распускали косы, в доме развязывали все узлы, заставляли мужа переступить через ноги роженицы, вливать изо рта в рот жене воду. В особо сложном случае заказывали церковную службу, отворяли царские ворота в церкви. Считалось хорошим знаком, если ребенок рождался утром или в первой половине дня. Детей, которые рождались в «рубашке» (*сорочке*), считали отмеченными особым знаком судьбы. «Рубашку» хранили как оберег. Плаценту (*місце, місце*) закапывали в укромном месте: в сенях, во дворе, на огороде – «*Де люди не ходять*». Пуповину, которая отпадала, хранили в сундуке (*скриня*), иногда у икон. Когда ребенку исполнялось 4-6 лет, ему давали развязать на пуповине узел. Если ему это удавалось сразу, считали, что ребенок будет умным – «*Розум собі розв'язав*».

Через 1-2 дня в доме, где родился ребенок, собирались женщины «на зубок» или на «бабину кашу».

Младенцев пытались окрестить в церкви как можно быстрее. Верили, что некрещеный ребенок будет поддаваться разным болезням, что он «не чистый». Крещение сопровождалось семейным праздником – «хрестинами». В кумовья выбирали как ближайших родственников – братьев, сестер родителей, так и чужих – друзей, знакомых. По народным верованиям роженица до 40 дней после родов считалась «нечистой». По окончании этого срока она приходила в церковь, где при-

мала «очистительну» молитву. После этого она исповедовалась и причащалась – *«На сороковий день молитву у церкві приймала, шість поклонів була»*.

Когда у младенца появлялся первый зуб, тот, кто увидел это первым, одаривал ребенка подарком. До сих пор сохранились обрядовые действия, призванные защитить ребенка. Когда он делал первые шаги – ему «різали пута», то есть имитировали разрезание пут на ногах. Полагали, что малыш быстрее научится ходить. По достижении ребенком года со дня рождения в его честь устраивали праздник «пострижини», на который приглашали родственников, крестных родителей, друзей, бабу-повитуху, соседей. Все присутствующие ножницами состригали с головы ребенка прядь (*урізали волосся*) и одаривали его подарками.

При выпадении у ребенка молочных зубов тот зуб, который выпал, бросали в подпечек со словами: «Мышка, мышка, на тебе зуб простой – дай мне золотой» (*«Мишка, мишка, на тобі зуб простий – дай мені золотий»*).

Украинцы поддерживали традицию, а иногда и сегодня ее поддерживают, на запрет выбрасывать остриженные волосы и ногти не только детей, но и взрослых: *«Можуть наврочити», «Щоб злидні лиха не наробили», «Буде голова боліти»*.

Идеологический пресс в советское время привел к тому, что обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка, упрощались, трансформировались или совсем исчезали. Вместо крещения стали проводить торжественную регистрацию новорожденного в сельсовете, крестины были заменены на «октябрины».

Причиной исчезновения обычаев и обрядов, связанных с рождением ребенка, стали социально-экономические и политические трудности, те испытания, которые выпали на долю народа. Информаторы отмечают: «Нам было не до глупостей, мы с утра до вечера работали, детей не видели, чтобы кусок хлеба заработать и их накормить» (*«Нам було не до дурниць, ми зранку до вечора робили, дітей не бачили, щоб кусок хліба заробити та їх нагодувати»*).

Свадьба

Свадебный обряд украинцев представляет собой поэтический народный праздник и составляет сложный фольклорно-этнографический

комплекс, сложившийся в результате разнообразных внутри- и межэтнических контактов.

Свадебный обряд украинцев условно можно разделить на следующие составные части: сватовство, знакомство с хозяйством жениха (*оглядини*), предсвадебное время, девичник (*дівич-вечір*), переезд невесты в дом жениха, собственно свадьба, посещение молодыми участников свадьбы по их приглашению (*зазови*), послесвадебные обряды, которые в той или иной степени сохранены повсюду.

В конце XIX – первой трети XX вв. сватовство и свадьбы проводились с учетом религиозных праздников. Чаще они приурочивались к периоду от Покрова (14 октября) до Михайлова дня (21 ноября) и от Рождества до Великого поста. Летом свадьбы справляли очень редко, поскольку в этот период проводились основные сельскохозяйственные работы, лето – самое голодное время года. Время перед Новым годом, когда особенно часто сватали, даже называли «*миланки*». Бывает, что и сегодня родители молодых отказываются назначать свадьбу в пост, особенно Великий. Отказ устраивать свадьбу в мае связывался с поверьем, что молодожены всю жизнь будут маяться. Он был связан также со сложностями в обеспечении продуктами питания в так называемое межсезонье и множеством сельскохозяйственных работ – «Весенний день год кормит».

По традиции местом знакомства молодых были посиделки (*вечорниці*), которые устраивали по очереди у кого-то из молодежи, или в нанятом за определенную плату доме. В будни девушки приходили сюда с работой: вышивали, пряли, вязали кружева. Парни приносили лакомства, иногда спиртное. На посиделках девушки не столько работали, сколько развлекались с молодыми людьми, угощались, пели, танцевали.

Сватовство обычно проводили перед воскресеньем. Сватать девушку шли родители жениха и сват (*староста*). Сам жених часто оставался дома. Сегодня он вместе с родителями и сватом принимает участие в сватовстве.

По традиции сваты несли с собой специально выпеченный хлеб-каравай (*паляниця, калач*), который завязывали в платок или рушник. Если сватовство заканчивалось успешно, то в знак согласия на брак родители молодого и молодой обменивались хлебами.

После согласия девушки и ее родителей на брак начиналось обручение (*заручини*) – договаривались о самой свадьбе. Обручение могли

проводить сразу после сватовства в тот же день, а иногда назначали специально отдельную дату. Невеста в этом участия не принимала.

После обручения родителей невесты и ближайших ее родственников приглашали на смотрины (*оглядини*), во время которых решали все организационные вопросы, связанные со свадьбой.

На следующей неделе после смотрин староста, отец, мать, родственники жениха ехали к родителям невесты «на рушники», где договаривались окончательно о свадьбе. Девушка в знак своего согласия на брак повязывала старосту полотенцем.

В четверг перед свадьбой невеста приглашала к себе подруг и сестер готовить цветы для «бояр», жениха, печь медовики и шишки, с которыми она в сопровождении своих подруг (*дружок*) обходила своих родственников и приглашала их на свадьбу. В это время жених (со своими *боярами*) приглашал своих гостей.

Еще в конце XIX – первой половине XX вв. в свадебной обрядности украинцев бытовал девичник (*дівич-вечір*), который по традиции проходил в субботу. В наши дни в связи с тем, что выходные дни установлены на субботу и воскресенье, девичник перенесли с субботы на пятницу.

На девичнике дружки украшали *репей* (*квітку, репей*). В это время дома у жениха пекли обрядовый свадебный хлеб – *каравай* и *дивень*. Сегодня вместо них выпекают обычный хлеб или круглый пирог с начинкой из мяса и картошки – *курник*.

После девичника девушки несут репей к молодому, часто вместе с репьем несут рубашку, которую молодой надевает в первый день свадьбы. За репей и рубашку девушки требовали выкуп и угощение. Им платили мелкими деньгами, угощали водкой и курником, другими блюдами.

Утром на следующий день жених с родственниками и друзьями на украшенных телегах ехали к невесте, которая в свадебном наряде сидела за столом, накрытая вышитым полотенцем.

Свадебному поезду при въезде во двор устраивали заслон (*перейми*). Гости невесты, закрывая ворота и требуя у жениха выкуп, не впускали поезд во двор. Получив выкуп, ворота открывали. При входе в дом опять устраивали заслон. На просьбу сватов показать молодую им выводили «*ряженных*». Откупившись от них, гости («*поїзжани*») заходили в комнату, где за столом сидела девушка. Рядом с ней сидел брат или близкий родственник (в настоящий момент – подруга невесты) со

свадебной палкой в руках, украшенной цветами и свечой («світилка»). Брат «продавал» молодому «косу молодой» и место рядом с ней.

После выкупа все, прощаясь с молодой, выходили из-за стола. Жених открывал лицо невесты, целовал ее и садился рядом с ней.

Подруги молодой пришивали цветы на грудь молодому и боярам. Старшего боярина и старосту перевязывали двумя полотенцами крест-накрест, бояр – одним, через плечо. Всех гостей угощали.

В это время лошадям из свадебного поезда жениха заковывали ноги. Чтобы кузнецы отдали ключи от замка, их угощали. Перед выездом в церковь, а теперь в ЗАГС, родители невесты благословляли молодых иконой, хлебом и солью, теперь часто лишь хлебом и солью. При этом молодые становились на шубу – «Чтобы не было шума» («Щоб не було шуму»).

После венчания ехали к молодому. Под пение величальных песен молодую пару осыпали мелкими монетами, зерном, хмелем, конфетами. Их встречали и благословляли родители молодого. Вплоть до 1950-х годов молодежь и друзья жениха и невесты на свадьбе, за исключением ее начала, не гуляли.

Спустя некоторое время, вечером, с молодой снимали венок, выпускали косу, а затем по-женски закручивали и закапывали ее. Сверху на волосы надевали *очилки* и повязывали голову платком. Эти обрядовые действия символизировали переход ее из состояния девушки в категорию замужних женщин. В наши дни невесту платком не покрывают, а на следующий день она появляется без венка и с неповязанной головой.

По традиции, рано утром на следующий день приглашенные родственники молодого шли будить молодых – «шукати ярку», при этом били посуду. Обязательным утренним блюдом был борщ, в некоторых селах – лапша. От молодого гости возвращались к родителям молодой или «на блины» (*на млинці*). Потом (в прошлом) начинались *зазови*: участники свадьбы, прежде всего близкие родственники молодого и молодой, а также зажиточные гости приглашали к себе в дом всех участников свадьбы. Постепенно этот обряд исчезает.

В настоящее время одна часть традиционных обрядов и обычаев под влиянием новых условий забывается, другая – модифицируется, третья – сохраняется, четвертая – появляется благодаря постоянно возрастающим контактам с другими народами. Как уже отмечалось, очень редко выпекаются к свадьбе *дивень*, *медяники*, *шишки* (обрядо-

вая сдобная булочка), а если выпекаются, то они не отличаются ничем от обычных, только пекут их из более качественного теста. Сократилась средняя продолжительность свадьбы – до двух-трех дней, в связи с чем происходит перемещение и даже контаминация тех или иных свадебных обрядов. Под давлением атеизма почти полностью исчезли многие обряды, носящие религиозный характер. Например, венчание, благословение молодых иконами. Заключение брака повсеместно проводится в сельских советах.

В конце XX – начале XXI в., в связи с возрастанием роли религии, как в общественной, так и личной жизни, возрождением религиозных традиций, венчание возвращается. Однако обряд венчания не всегда проводится в день регистрации брака, а совершается зачастую даже через несколько лет после бракосочетания.

Если вплоть до середины XX в. свадьбы приурочивались к определенным религиозным праздникам, то теперь такая связь не наблюдается. Происходит трансформация названий свадебных чинов. Почти исчезло название свадебного чина *дружка*, *світилка*, *старший боярин* др. Эти участники свадебной обрядности в современной свадьбе отсутствуют. Вместо них появляются другие, например, свидетель и свидетельница, тамада. Традиционные украинские свадебные песни забываются. По разным причинам их знают не все участники торжества. Вместе с тем сохранился обряд преподношения жениху ветки дерева – *гільця*, обмен хлебом, символический выкуп косы невесты и места для жениха, усаживание молодых на шубу, поиски ярки, катание родителей жениха и т.п.

Особенно интенсивно процесс внедрения новаций и интернационализации свадебных обрядов протекает с 1930-х годов. Именно в этот период наблюдается активное разрушение этнических традиций в свадебной обрядности украинцев и проникновение в нее так называемых общесоветских и иноэтнических элементов.

Похоронный обряд

У украинцев-переселенцев существовал целый ряд примет, которые якобы предвещают приближение смерти близких. Считалось, что о возможном несчастье можно узнать по снам. Существовало мнение, что увиденные во сне пчелы, свежевскопанная земля, выпавший зуб предвещали смерть родных или знакомых. По поверьям, на несчастье указывали сыч, сова или филин, прилетевшие на подворье и т.д. В

настоящее время этих поверий придерживаются в основном люди старшего поколения. Родственники умирающего стремились в обязательном порядке выполнить все религиозные предписания по этому случаю: таинство исповеди, причастия и соборования. В настоящее время в силу известных причин эти предписания не соблюдаются.

В доме при покойнике украинцы-переселенцы завешивали тканью зеркало. Умершего обмывали на полу. Общепринято тело умерших мужчин обмывать мужчинам, женщин – женщинам, за это им раздавали платки, куски мыла, полотенца, носки. Независимо от родства, в обмывании позволялось принимать участие родственникам покойника. Выполнение всех других работ (изготовление гроба, копание могилы, участие в выносе тела) близким родственникам запрещалось.

Умершего одевали в новую одежду, предварительно приготовленную, в нынешнее время – купленную. Покойника укладывали на скамью головой к красному углу (*покуть*) под иконы, ногами к дверям. Руки, правую сверху левой, складывали на груди. В левую руку вкладывали незажженную свечу и крест, изготовленный из восковых свечей, «отходную» молитву (*проводник*), носовой платочек, медные деньги. На грудь также клали иконку, на лоб – «венчик». В изголовье у покойного ставили стол с хлебом, солью, горящей свечой, вставленной в стакан с солью или зерном. На столе или подоконнике в течение 40 дней стоял стакан с водой, на стене висело полотенце.

Гроб из дерева любой породы, кроме осины, изготавливали в первый день после смерти человека. Нежелательно было делать гроб большим по размеру. Считалось, что кто-то умрет из близких. Обрезки и особенно стружки от гроба старались не бросать в огонь («*Покойнику буде жарко там*»). Из них, а также березовых веников и чабреца устраивали «постель» для умершего.

У украинцев было принято посещение покойного – прощание с ним.

После похорон присутствующие устраивали небольшие поминки. Здесь же разрезали полотенца, на которых несли покойника, и раздавали тем, кто нес крест, гроб и крышку гроба.

По возвращении с кладбища, по традиции, все мыли руки. Поминальный обед устраивали в доме, в котором лежал умерший. На стол в строгой последовательности подавали определенный перечень поминальных блюд, хотя в разных селах блюда и их последовательность могли варьироваться. Первым на стол ставили кутью (*кутью*), ситу (*си-*

ту), блины (*млинці*), потом подавали *борщ, лапшу, кашу*, иногда тушеную картошку.

Заканчивали поминальный обед компотом (*узваром*) из сушеных или свежих ягод, в настоящее время – сухофруктов, и *молочным* или *фруктовым* киселем. Всех участников похорон ближайšie родственники умершего одаривали платками, полотенцами, мылом, носками, катушками ниток и т.п. Согласно этническим традициям по покойнику осуществляли обязательные поминки на девятый и сороковой день после смерти, на полгода, год и третью годовщину.

По православной традиции, кроме индивидуальных, украинские переселенцы отмечали дни общих поминовений умерших – *родительские дни*. Социально-экономические и политико-идеологические перемены не могли не отразиться на всем комплексе похоронно-поминальной обрядности. Прежде всего изменилось само отношение к нему и переосмысление значения многих обрядных действий. Доминирующая тенденция новой мотивации – замена религиозного обоснования моральным. Прослеживается его последующее упрощение, вместе с тем появляются новации, прежде всего в городах. Кроме того, длительные контакты с местным населением способствовали проникновению иноэтнических традиций даже в такую относительно консервативную сферу, как похоронно-поминальная обрядность.

Календарные праздники и обряды

Весь годовой цикл жизнедеятельности украинского крестьянина определялся его ведущей отраслью – земледелием. Поэтому каждый праздник был связан с конкретным этапом хозяйственных забот об урожае. Поскольку животноводство составляло второстепенную отрасль сельскохозяйственного производства, то среди календарных праздников почти нет таких, которые сопровождались бы определенными действиями по отношению к животным – исключением является лишь праздник Егория – 6 мая, когда скот выгоняли на пастбище веткой вербы, освященной в церкви в Вербное воскресенье.

Годовой календарный цикл начинался на рождественско-новогодние праздники. Перед *Рождеством Христовым*, 6 января, отмечали *Святую вечерю*. В доме накрывали скатертью стол, под скатерть стелили сено в память о рождении в яслях Иисуса Христа. На праздничный стол ставили 12 постных блюд, обязательными из которых были *кутья*

и блины, а также компот (*узвар*). На *покуть* ставили рождественский сноп – *дідух*.

Спиртное в этот вечер употреблять запрещалось. До восхода первой звезды не ели. Дети разносили праздничное угощение (*Свята вечеря*) по домам своим бабушкам и дедушкам, а также крестным родителям. Утром мальчики ходили «славить Христа». Их одаривали деньгами, угощали. Взрослые (*колядники*) начинали колядовать в рождественский вечер после восхода первой звезды. Они ходили из дома в дом с *колядками* – торжественными песнопениями, в которых прославляли Христа. В руках они носили *звізду*, которую делали из деревянного обруча и тоненьких дощечек.

Колядников, как и детей, одаривали, угощали. Особенно весело праздновали Новый год по старому стилю (*Новий рік, Святого Василя*). Накануне на *Маланку* ворожили. Девушки на *Маланку* бегали под окнами и прислушивались, кого из мужчин или ребят называли по имени, так, считали, будут звать будущего мужа.

Через дом или за ворота бросали валенки. В какую сторону валенок падал носком, туда девушка выйдет замуж. В темном сарае ловили овцу. Считалось, какого цвета будет пойманная овца, такого же цвета будут волосы у будущего мужа и т.п. На *Маланку* водили *Козу* или *Маланку* – переодетого козой или женщиной мужчину. Вождение *Маланки* сопровождалось пением, шутками.

На *Маланку* праздновали *Щедрий вечер (Щедрий вечір)* – по народной традиции эти оба праздника объединились в один праздник *Щедрий вечер*, или праздник *Маланки*. Утром мальчики ходили засеивать (*посівати*), осыпать дом зерном. Верили, если утром в дом войдет гость мужского пола, то год будет удачным. После обеда на Новый год или праздник Святого Василия запрягали наилучших лошадей, сбрую украшали рушниками, бумажными цветами и с песнями и возгласами ехали кататься (*на прогін*). Вечером (*нащадру*) ходили *щедрувальники* – взрослые-ряженые. Они пели песни – *щедрівки*. Традиционными персонажами *щадры* были *Коза, Цыган, Врач, Ведьма, Дед*.

19 января праздновали Крещение (*Водохрестя*), или Крещение Господне. Официально принятое название праздника – *Богоявление Господне*. Накануне праздника постничали, а вечером отмечали «Голодну кутю», то есть готовили постный стол, как и на «Святу вечерю».

Под утро после всенощной службы все люди шли на пруд или реку святить воду. Для этого на реке осторожно выпиливали прорубь в виде

восьмиконечного креста, которую называли *Йордань*. Ориентация Йордани – проруби-креста – восток-запад. Выпиленный из льда крест устанавливали около проруби с востока. Его поливали красным квасом (*сирівець*), от которого крест приобретал розово-красный цвет. Также крест украшали рушниками.

По окончании службы и освящения воды, когда хор заканчивал петь «Как на Йордане», дети и молодежь выпускали в воздух украшенных бумажными цветами голубей, парни и мужчины начинали стрелять из ружей. Крещением заканчивались рождественские праздники – особенно веселые: вертеп, колядки, забавы, гадания – они продолжались 12 дней.

Следующий праздник – *Сретение (Стрітення)*, который особыми обрядами не выделялся, но в этот день особенно наблюдали за погодой: считалось – весна встречается с зимой. Если погода была теплой и солнечной, то весна будет теплой и сухой, если же было морозно или шел снег, то весна ожидалась холодной и влажной.

Завершающим зимним праздником была *Масленица (Масляна)*, *сыропуст* или *сырное воскресенье*, которое праздновали за 8 недель до *Пасхи*.

Заканчивался мясоед, когда позволялось есть мясо и мясные блюда. Переход к посту был постепенным. На сырной неделе мясо уже не ели, но позволялось употреблять блюда из молочных продуктов. В отличие от русских, Масленицу украинцы отмечали менее пышно. В основном ходили друг к другу в гости, угощались варениками с сыром, щедро политыми маслом или хорошей сметаной, сырниками, сдобной выпечкой – *написниками*, блинами, галушками и т.п.

Такие обычаи, как катание на лошадях, прыгание через костер, получили распространение среди украинцев Башкортостана под воздействием русских традиций. Первый день Великого поста имеет название «жилистий», «жиляний» или «чистий» понедельник. В этот день было принято всем мыться: «*Потому что его нужно встречать чистыми*». С вечера в воскресенье вся семья собиралась дома, потому что по поверью, конец света должен будет наступить именно в ночь с воскресенья, последнего дня Масленицы, в «чистый» понедельник.

С «чистого понеделька» до Пасхи молодежь не собиралась на посиделки, а если собиралась, то не пела и не танцевала.

Утром женщины ничего не варили. Горшки выжигали от остатков жира в печах. Готовили только ржаные коржи – *жилянники*, которые и ели в этот день.

14 марта – праздник *Явдохи* (день Преподобной мученицы Евдокии). Согласно народному календарю – это первый день весны. Люди примечали, какая погода в этот день: если теплая, тает снег («*курица должна была напиться воды на дороге*») – лето будет теплое, если морозно или шел снег, то и лето будет холодное и влажное.

22 марта – день *Сорока святых мучеников Севастийских*, в народе «Жаворонки». Считалось, что в этот день жаворонки возвращались из теплых краев.

Хозяйки выпекали *жаворонков* (крендели в виде птичек) и угощали ими детей. Дети с «жаворонками» в руках влезали на сараи, конюшни и подбрасывая их на руках, «зазывали» весну.

30 марта – день *св. Алексея* – «Человека Божьего», или по-народному «Теплый Олексій», «Теплый Олекса». В этот день люди примечали – вода должна с гор пойти.

7 апреля праздновали *Благовещение Пресвятой Богородицы* (*Благовіщення*). В этот день запрещалось работать – «На Благовещение птичка гнездышко не вьет, девушка косу не плетет» («*На Благовіщення пташка гніздечко не в'є, дівка косу не плете*») – говорили в народе об этом празднике.

Великий пост, который длился в течение семи недель, делился на две равных части *крестопоклонной неделей*. В среду хозяйки пекли «кресты» (*хрести*) из ржи, других культур. Во время сева их раскладывали на пашне, разламывали и съедали.

За неделю до *Пасхи* праздновали *Вербное воскресенье* (*Вербна неділя*). Обязательно в церквах святили вербу в память о торжественном въезде Иисуса Христа в Иерусалим. Согласно преданию, по пути его приветствовали пальмовыми ветвями. Поскольку ни в Украине, ни в России пальма не растет, ее заменили вербой.

В *Вербное воскресенье* спящих будили ударами освященной вербы с пожеланием здоровья, долгих счастливых лет жизни.

В последнюю неделю перед Пасхой, особенно с четверга до субботы, надлежало строго поститься. К *Чистому четвергу* (*чистий четвер*) убирали в доме – мазали и белили, мыли окна и всю утварь, укрывали рушниками, застилали стол новой скатертью и т.п.

В *Страстную пятницу* (*страсна п'ятниця*) нельзя было ничего делать: ни шить, ни прясть, ни рубить дрова, ни тесать что-либо топором.

В субботу в канун *Пасхи* пекли куличи (*паску*), красили яйца. Хозяйки пытались выпечь самые вкусные куличи. Иногда в печи, чтобы вытянуть кулич, разбирали «челюсти». По народной традиции было принято выпекать несколько куличей, и один, иногда несколько, хранить до праздника *Отдания Пасхи*. Пасхальные яйца красили в разные цвета, преимущественно растительными красками. Самым распространенным был цвет отвара из луковой шелухи.

В церкви святили пасхальные угощения: куличи, пасхальные яйца, сало, колбасы, сыр, и т.п. – все, чем должны были угощаться за праздничным столом.

В Пасхальное утро примечали: во время восхода солнца «играло». Существовало поверье, что солнце «играет» еще только на Благовещенье. Утром дети шли *христосуватися* – в духовных торжественных песнопениях и стихотворениях прославляли Христа (*славили Христа*). Молодежь устраивала гуляние с играми, танцами, песнями, катаниями на качелях.

Дети и молодежь «бились» на пасхальных яйцах: чье пасхальное яйцо треснуло при ударе другого – тот проигрывал и должен был отдать свое пасхальное яйцо победителю.

На следующей неделе праздновали *Красную горку* (*Красна гірка*). В этот день дети и молодежь развлекались. После этого праздника начинался весенне-летний сезон свадеб.

На второй неделе после Пасхи в понедельник проводили *гробки*, или *проводи* – в эти поминальные дни посещали кладбища.

Было принято «христосоваться» (*христосуватися*) с умершими. Женщины «голосили» – оплакивали покойников с причитаниями.

Потом проводили богослужение, после которого накрывали общий стол. По обычаю на земле, если было сухо, расстилали скатерти и расставляли блюда, напитки, угощали друг друга.

На Троицу (*Зелені свята*) помещения украшали ветвями деревьев – как внутри жилища, так и извне. Пол укрывали травой, на окна и стол ставили букеты цветов. Молодежь устраивала на улице гуляние.

Через неделю начинался пост *Петрівка*, который длился до праздника св. первоверховных апостолов *Петра и Павла*.

Люди верили, что в ночь на 7 июля (Рождество Иоанна Предтечи) – на *Ивана Купала* (*Ивана Купайла*) происходят всевозможные чудеса – расцветает папоротник, вырастает *разрыв-трава*. В этот день молодежь выходила на берег реки, озера или пруда. Девушки водили хоросты, пели купальские песни, пускали на воду веночки. Завершали купальскую ночь разведением костров и прыжками через них, сжиганием чучела Марены.

На *Петра и Павла* – 12 июля – люди верили, что ягнята перестают сосать матку, а кукушка перестает куковать – «*Кукушка Петром подавилася*» («*Зозуля Петром подавилася*»).

Жатву начинали *зажинками* и угощением на поле. Из первого зерна выпекали хлеб и им угощались. Завершали жатву *обжинками*. Последний сноп торжественно везли с поля. Если был хороший урожай, то в доме накрывали столы, приглашали соседей, родственников.

По народным представлениям лето заканчивалось *Спасом* – «*Пришел Спас – рукавицы припас*» («*Пришов Спас – рукавички припас*»). Украинцы, как и все православные, праздновали три Спаса. Первый – *Маковей* (14 августа), второй – *яблочный* или *медовый* (19 августа). 28 августа отмечался праздник *Успения Пресвятой Богородицы* или *вторая Пречистая* (*Успіння Пресвятої Богородиці, друга Пречиста*).

На *Маковей* начинался *Успенский пост*. По традиции в этот день освящали мак, разные цветы и зелье.

19 августа – *Преображение Господне*, «яблочный Спас». Поскольку в суровых климатических условиях Башкирии до середины XX в. не выращивали ни яблок, ни груш, их на освящение не носили. Сегодня, когда садоводство в регионе – одна из приоритетных отраслей сельского хозяйства, традиция освящать яблоки и груши получила всеобщее распространение. Праздником *Успения Пресвятой Богородицы* заканчивается *Успенский пост*.

На 11 сентября приходится праздник *Усекновения главы Иоанна Предтечи*, или *Крестителя Господнего Иоанна – Ивана Крестителя*. В этот день верующие не брали в руки нож, топоры и другие режущие предметы, даже хлеб ломали руками. Независимо от дня недели строго придерживались поста.

Праздники – *Рождество Пресвятой Богородицы* (21 сентября) и *Покров Пресвятой Богородицы* (14 октября) праздновались как церковные праздники. Только считалось, что после Покрова нужно было

рубить капусту – *«Прийшла Покрова – рубай капусту»*. После праздника Покрова начиналась свадебная пора. Девушки, желая выйти замуж, обращались в своих молитвах к Богородице: *«Святая Покрова, покрой мою головку!»* (*«Свята Покровонько, покрой мою головоньку!»*).

После *Михайлова дня* (21 ноября) по народным приметам становился «санный путь».

Заканчивался год *Пилипівками* – *Филипповским* или *Рождественским постом*. Все религиозные праздники, которые приходились на этот период, праздновали как церковные. Никаких развлечений во время поста не допускалось. В отличие от Украины, праздники *Андрея Первозванного* и *Николы Зимнего* никак не выделялись – отмечались как церковные. То же самое можно сказать о днях *Саввы* и *Варвары*. Только примечали: *«Саввы-Варвары ночи драли – день наставляли»* (*«Сави-Варвари ночі драли – день наставляли»*), потому что от них уже начинал увеличиваться день и сокращаться ночь.

Следует отметить, что описываемые праздники на разных этапах проживания украинцев в Башкирии отмечали неодинаково. В первые десятилетия пребывания украинцев преобладали традиции, привезенные с Родины. Однако новые этнокультурные и этноязыковые условия не могли не повлиять на эту сферу: происходило проникновение в праздничную обрядность инонациональных компонентов, сокращение, упрощение и переосмысление многих обрядов, контаминация тех или других обрядовых действий.

Под давлением коммунистической идеологии многие праздники исчезли. Сегодня народные праздники возрождаются. Однако в них закладывается другое содержание. Они приобретают все более развлекательный характер.

Тенденции этнокультурного развития украинцев Башкортостана

«Перестройка» и «гласность», а также очередная «демократизация» общества способствовали росту национального самосознания всех народов страны, в том числе и украинцев Башкортостана. Это отразилось на их стремлении к национальным формам самоорганизации общественной жизни. 13 января 1990 г. было создано *Общество почитателей украинской культуры «Кобзарь»* (с 1992 г. – *Республиканский национально-культурный центр украинцев Башкортостана*

«Кобзарь»). I съезд украинцев Башкортостана, который прошел в г. Уфе 14 марта 1992 г., принял программу национально-культурного возрождения украинцев Башкортостана. II съезд, состоявшийся также в г. Уфе 21 января 1995 г., ее дополнил и уточнил. Всего состоялось шесть съездов.

В основе деятельности центра «Кобзарь» – идеология демократического национализма: приоритет общечеловеческих ценностей, равенство всех народов, признание национальных чувств каждого человека естественными и святыми.

Главной целью центра является возрождение, развитие, пропаганда украинского языка и культуры как в фольклорных, так и в профессиональных формах проявления.

Благодаря инициативе и активному непосредственному участию Центра «Кобзарь» в республике ежегодно проходят Шевченковские дни («*Шевченківський березень*»), День украинской письменности и языка, детско-юношеский фестиваль «*Червона калина*», фестиваль украинского народного искусства «*Ой, радуйся, Земле!*», на республиканском уровне отмечаются религиозные праздники, которые, в сущности, превратились в народные: *Рождество, Пасха, Ивана Купала*. В республике работает около двадцати самодеятельных коллективов, шесть из них имеют звание «народный» – хор «Кобзарь» (г. Уфа), ансамбль «*Барвинок*» (г. Стерлитамак), хор «*Дніпро*» (г. Мелеуз), фольклорные ансамбли «*Червона калина*» (с. Санжаровка Чишминского района), «*Вербиченька*» (с. Антоновка Мелеузовского района) и «*Чарівниці*» (с. Казанка Альшеевского района).

В музеях Уфы неоднократно организовывались выставки украинского декоративно-прикладного искусства. Так, в 1990–1991 гг. в Музее интернациональной дружбы на высоком уровне состоялась выставка «*І чужому научайтесь, і свого не цурайтесь!*», в 1992 г. в Художественном музее им. М.В. Нестерова была проведена выставка «*Українська писанка*», в 1993 г. – «*І рушник вишиваний...*», а в 1994 г. в Музее этнографии народов Башкортостана – «*Думи мої, думи мої...*». Выставка из фондов Киевского музея украинского изобразительного искусства «*Український натюрморт*» организована в мемориальном доме-музее С.Т. Аксакова.

29 августа 2012 г. в Генеральном консульстве Украины в Нижнем Новгороде состоялось открытие выставки украинских художников Башкортостана.

Постоянно действующие экспозиции, посвященные украинскому быту и культуре, открыты в Национальном музее Республики Башкортостан (г. Уфа), народном музее этнографии супругов С.А. и Н.С. Зыряновых в поселке Юматово Уфимского района, краеведческом музее с. Золотоношка Стерлитамакского района и районном музее Аургазинского района РБ. При Украинской национальной воскресной школе им. Т.Г. Шевченко и средней школе № 9 Кировского района г. Уфы действует единственный официально зарегистрированный в РФ школьный музей современного украинского изобразительного искусства. Также имеются украинские этнографические уголки в школах с украинским этнокультурным компонентом.

В Башкирии, в силу разных обстоятельств, никогда не было украинских школ. Изучение родного языка начали в 1993 г. в общеобразовательных школах с. Золотоношка Стерлитамакского и с. Санжаровка Чишминского районов. В 1994–1995 гг. был введен украинский язык как родной в учебные планы Троицкой школы Благоварского и Степановской школы Аургазинского района. Правда, еще в 1990 г. сначала субботняя, а впоследствии воскресная украинская школа стала действовать при Центре «Кобзарь». Первым учителем украинского языка стал Н.В. Чумало, уроженец Львовской области, инженер по специальности.

Сегодня в местах компактного проживания украинцев в трех школах украинский язык и литературу ввели как предмет, а в г. Уфа действуют две воскресные украинские школы – им. Т.Г. Шевченко и «Злагода–Согласие». Воскресная школа работает в г. Салават. Средняя школа № 9 Кировского района г. Уфа с изучением украинского языка приказом министра образования РБ получила статус Республиканской украинской базовой школы. В 2008 г. из 4115 учеников украинской национальности, которые учились в школах республики, 283 (6,9%) изучали украинский язык.

В школах республики с изучением украинского языка оборудованы три «украинских» кабинета. На базе Золотоношской СОШ создан учебно-воспитательный комплекс «школа – детский сад», который объединил общеобразовательную школу и сельское дошкольное образовательное заведение. Изучение украинского языка в детском садике начинается с трех лет по двухчасовой программе. В 1–4 и 10–11 классах родной язык ученики изучают по двухчасовой, а в 5–9 классах – трех-

часовой программе. Открыта украинская группа в детском саду г. Салават.

В октябре 1994 г. в Уфе впервые в восточной диаспоре создан Башкирский республиканский союз профессиональных украинских учителей, который одновременно является отделом Всемирного Союза профессиональных украинских учителей с центром в г. Лос-Анжелес (США). Главная цель Союза – объединение усилий профессиональных учителей-украинцев по созданию национальной украинской школы в диаспоре.

Опыт в организации изучения истории, языка и культуры в школах республики получил широкую известность и высокую оценку не только в Башкортостане, но и Украине, США, Канаде, Австралии, других странах. На базе образовательных заведений с украинским этнокультурным компонентом проведены четыре всероссийских учебных семинара по проблемам преподавания предметов украиноведческого цикла в школах Российской Федерации (1994, 1996, 2002, 2008 гг.).

Хорошей традицией стала организация поездок в дни каникул учеников школ и студентов вузов, которые изучают украинский язык, в Украину на отдых в Артек, Одесскую и Львовскую области; их участие в разных международных конкурсах *«Наша земля – Украина»* (Артек), *Международном конкурсе знатоков украинского языка им. П. Яцька*. Традиционно в этих конкурсах дети из Башкортостана занимают призовые места.

С 1993 по 1995 г. в Уфе выходила ежемесячная газета для украинцев Урало-Поволжья *«Криниця»*. С марта 1994 по май 1997 г. по республиканскому радио периодически выходила в эфир радиопрограмма *«Обрій»* («Горизонт») на украинском языке.

В 1993 г. в Уфе зарегистрирован Научный центр украинистики, который опубликовал ряд книг по истории, этнографии, фольклору, языку украинцев Башкортостана, о разнообразных связях между Украиной и Башкортостаном. И хотя в 1999 г. он был, к сожалению, закрыт, однако научные исследования по украинской тематике продолжаются. В 2010 г. в Уфе зарегистрирована *Межрегиональная общественная организация «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко»* (*Міжрегіональна громадська організація «Наукове товариство українців ім. Т.Г. Шевченка»*).

На сегодняшний день издано более пятнадцати наименований научных трудов, монографий и сборников, регулярно проводятся научные конференции по украиноведческой тематике.

В 1995 г. начал работу Союз украинок Башкортостана «*Берегиня*», который поставил своей целью активизировать роль женщин в национально-культурном развитии украинцев РБ, сохранении народных традиций, в воспитании в детях духовности, любви к своей культуре, своему языку, своей прародине – Украине и при этом, чтобы они были достойными гражданами страны, в которой живут.

Проводится работа над созданием детских и молодежных украинских организаций. 11 апреля 1998 г. состоялся *I-й съезд украинской молодежи Республики Башкортостан*, на котором принято решение о создании *Союза украинской молодежи РБ «Беркут»*. К сожалению, в 2002 г. этот союз прекратил свою деятельность. Сегодня работает *Союз украинской молодежи Башкортостана*, основанный в 2005 г.

Новый импульс сохранению и развитию украинского языка и культуры придало создание на базе с. Золотоношка Стерлитамакского района, в соответствии с указом Президента РБ, *Республиканского украинского историко-культурного центра*, в составе которого сегодня работает Сельский дом культуры, единственная в РФ *Базовая библиотека по обслуживанию украинского населения в РБ*, сельский краеведческий музей, общеобразовательная средняя школа, детский садик.

Своеобразным научным, образовательным и культурным центром по сохранению, развитию и пропаганде украинского языка и культуры стал в последние годы *Уфимский филиал Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова*.

Сегодня как никогда тесными являются контакты украинцев Башкортостана с украинцами как материковой Украины, так и диаспорами. Центр «*Кобзарь*» – коллективный член *Объединения украинцев России* (г. Москва) – также входит в *Украинский всемирный координационный совет* (г. Киев). Он является одной из самых авторитетных национальных украинских организаций не только в России, но и во всей восточной украинской диаспоре. О его деятельности знают на территории прежнего СССР и в дальнем зарубежье (США, Канада, Австралия, Бразилия, Аргентина, Польша, Румыния и др.).

Этническая самоидентификация

На разных этапах истории украинцев в Башкирии в их среде протекали разнонаправленные этнические процессы. В конце XIX – первой четверти XX в. в среде украинцев, переселившихся в Приуралье из разных губерний Украины и принесших с собой локальные особенности, большое значение приобретают процессы внутриэтнической консолидации. Они проявляются в нивелировке культурно-языковых различий. Близость языков и культуры украинцев и русских была очень мощным фактором, активизирующим их культурно-языковую интеграцию.

На следующем этапе превалировал процесс сближения украинцев с русскими и другими народами, населяющими республику, приведший к этнокультурной и языковой адаптации.

В селах с национально-смешанным населением эволюция этнической культуры украинцев проходила в двух направлениях – сближение локальных культур между собой и их слияние и одновременная интеграция с культурой местных народов. В послевоенный период четко проявляется постоянно усиливающийся процесс этнической аккультурации и естественной ассимиляции украинцев русскими.

Отмечая довольно высокую степень этнического самосознания украинцев Башкирии, важно отметить, что оно существует как бы на двух уровнях: во-первых, осознается принадлежность к украинцам вообще, во-вторых, длительная изолированность, отрыв от основного этноса привел к формированию нового понимания своей этнической принадлежности. *«Мы не чистые украинцы, – говорят респонденты, – мы хохлы»*. Так, старое, почти забытое этническое прозвище в сознании украинцев Башкирии, особенно у старшего поколения, превратилось в этноним, утратив свой первоначальный смысл. Подобное явление характерно для украинцев, проживающих в других регионах страны²². Однако в последние два десятилетия благодаря настойчивой и кропотливой работе Республиканского национально-культурного центра украинцев Башкортостана «Кобзарь», Союза женщин-украинок «Берегиня», воскресных школ – происходит укрепление украинского самосознания. Украинцы начинают понимать, что экзотоним «хохол» несет в себе уничижительный смысл. Постепенно в обиходе потомков переселенцев укрепляется эндоэтноним «украинец», возрастает чувство национального достоинства.

Все вышесказанное вселяет надежду на то, что ассимиляционные процессы среди украинцев удастся затормозить, однако отсутствие государственного финансирования, ограниченные возможности общественной организации, далеко зашедшие процессы денационализации и ассимиляции украинцев Башкортостана не позволяют смотреть в будущее с большим оптимизмом.

¹ Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. Уфа, 2006. С. 8.

² Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Электронный ресурс. <http://www.gks.ru>

³ *Ефремов В.* Из истории Уфимского края: Уфимский край в первой половине XVIII в. // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 7–8. С. 238.; *Никитин М.* Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. – 1928. № 6–7. С. 75.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 142–143.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. X. С. 870–871.

⁶ *Бабенко В.Я.* Украинцы Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтнической среде. Уфа, 1992. С. 22.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Национальный состав населения Башкирской АССР: По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа, 1989. С. 104.

¹⁰ Народное хозяйство Башкирской АССР: Статистический сборник. 1917–1967 гг. Уфа, 1967. С. 14.

¹¹ Население Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. Уфа, 2004. С. 95.

¹² Башкирия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. Уфа, 1995. С. 489.

¹³ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1. М., 1928. С. 96.

¹⁴ *Комиссаров Г.* Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении: Материалы общества по изучению Башкирии // Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1926. С. 28.

¹⁵ Национальный состав населения Башкирской АССР: По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года). Уфа, 1990. С. 20, 29.

¹⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей, национальных округов. М., 1973. С. 131; Национальный состав населения Башкирской АССР: По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа, 1989. С. 20; Вестник статистики. 1980. № 7. С. 45.

¹⁷ Научный архив рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рыльского Национальной академии наук Украины. Ф. 12. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 77.

¹⁸ *Абрютин В.А.* Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1897. С. 27.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Шевченко Т.Г.* Повести // Собр. соч.: в 4-х т. М., 1977. Т. 3. С. 254.

²¹ *Бусыгин Е.П.* Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник. Казань, 1967. Вып. 2. С. 113.

²² *Чижикова Л.Н.* Об этнических процессах в восточных районах Украины // Советская этнография. 1968. № 1. С. 24.

Раздел 2. Особенности формирования этнической идентичности украинцев в постсоветский период

И.А. Снежкова

Механизмы построения новой национальной идентичности в Украине*

С распадом СССР каждое вновь образованное государство стремилось к тому, чтобы его граждане обрели новую национальную идентичность, которая основывалась бы на новых государственных символах, новом понимании истории, появлении новых народных героев и ниспровержении старых кумиров.

Ученые, занимающиеся изучением процессов формирования и построения новых национальных государств, неоднократно упоминали о конструировании национальных сообществ. Э. Геллнер писал, что «нации – результат общественных движений, а не их основа» ... «Национализм использует существовавшие до этого культуры и культурные богатства...». «Мертвые языки могут быть оживлены, традиции изобретены, ... первоначальная чистота нравов восстановлена». «В будущем формы национализма смягчатся. Сгладится проблема коммуникации даже при различии языков, так как высокоразвитый индустриализм порождает глобальную культуру со взаимопонимаемыми смыслами»¹.

Б. Андерсен предложил в своем фундаментальном труде определение нации как воображаемого политического сообщества – «... оно воображаемое, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, ... в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»².

Э. Хобсбаум в своей книге отмечал, что «национальные феномены имеют двойственный характер: в главном они конструируются “сверху”, и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним “снизу”, с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека...»³.

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ, проекты 12-06-00932а; РГНФ 13-21-02003.

Если сравнить закат советского периода и начало существования независимого украинского государства, мы видим по статистическим источникам интенсивный рост числа украинцев и сокращение русского населения. По переписи 1989 г. в советский период в Украине проживало 37 419 тыс. украинцев и 11 355 тыс. русских; перепись 2001 г. показала 38 541 тыс. украинцев и 8334 тыс. русских. С образованием украинского государства начался процесс интенсивной десоветизации и дерусификации, который опирался на новые национальные приоритеты. Надо отметить, что близость языков русского и украинского, менталитета, религии, долгое проживание в составе Российской империи и СССР, безусловно, помогли адаптации нетитульного населения, прежде всего русских, к реалиям нового времени. Хотя для многих людей слом старого государства и его идеалов проходил довольно болезненно, ситуация в Украине была для русских менее сложной, чем, например в странах Балтии или в Молдове.

В данной статье сделана попытка рассмотреть некоторые принципы идеологического обоснования существования нового государства. Нами были выделены механизмы, которые должны были способствовать формированию новой государственной идентичности. К ним можно отнести следующие составляющие:

1. Создание государственного герба, флага, гимна, конституции;
2. Создание новых денежных купюр;
3. Сооружение новых памятников монументального искусства;
4. Формирование образов новых героев и как следствие запечатление их в недавних переименованиях городов, улиц, станций метро и др.;
5. Пересмотр и переоценка исторических событий;
6. Провозглашение приоритета одного языка над другим;
7. Новая конфессиональная палитра;
8. Создание новых общегражданских праздников;
9. Конструирование представлений о «чужом» как консолидирующим нацию факторе.

История создания новых государственных символов Украины

Государственный герб, флаг, гимн, конституция – четыре важнейших символа любого государства, и при изучении формирования новой государственности их необходимо рассмотреть в первую очередь.

Если обратиться к истории, нужно отметить, что первый герб украинского государства впервые появился в 1918 г. и использовался в

течение короткого периода установления Украинской Народной республики. На нем на синем фоне был изображен запорожский казак, фигура которого была выполнена золотым цветом. Украинский трезубец располагался сверху щита в качестве нашлемника. Проект герба был разработан Г. Нарбутом, известным художником, который создавал украинскую символику для молодого украинского государства. Г. Нарбут в 1917 г. переехал в Киев, где также занимался созданием украинских банкнот, почтовых марок, оформлением упаковок и этикеток для украинских товаров.

В дальнейшем Герб Украинской ССР, находившейся в составе СССР, был утвержден в 1919 г. и использовался до конца 1991 г. вплоть до распада Советского Союза. Он представлял собой изображенные на красном фоне желтые колосья пшеницы, перехваченные лентой с надписью на украинском языке «Украинская РСР», а по бокам лозунг на русском и украинском языках: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

После обретения Украиной независимости в 1991 г. официальным малым гербом Украины стал желтый трезубец на синем фоне.

Государственный герб в настоящее время присутствует на денежных купюрах и наградах, на флагах и почтовых марках, на паспортах и печатях, на зданиях учреждений и т.д. Можно сказать, что трезубец как государственный герб вошел в жизнь украинского общества и занял в ней важное место. Герб Украины предполагает наличие Малого и Большого гербов. Малый герб был утвержден 19 февраля 1992 г., Большой герб существует пока в виде законопроекта. Основной фигурой обоих гербов является трезубец Святого Равноапостольного князя Владимира, крестителя Руси.

Элементом Большого герба должен быть казак с мушкетом, как символ Войска Запорожского.

Вместе с тем научная трактовка значения трезубца очень противоречива.

Имеется несколько довольно причудливых теорий происхождения украинского герба. Существовали разные предположения о том, что именно означал трезубец (*трезуб*) – это стилизованное изображение слова «воля», пикирующий сокол, якорь, скипетр, топор, портал храма, корона, монограмма из греческих или скандинавских букв и, наконец, сам трезубец.

Историк Николай Карамзин был одним из первых, кто указал в «Истории Государства Российского» в 1816 г. на изображение на монетах князя Владимира знака, подобного трезубцу. Этот символ сохранился на монетах сыновей князя Владимира – Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого.

Относительно смысла этого символа уже в 1860–1862 гг. развернулась жаркая дискуссия.

Довольно убедительным для сегодняшней украинской науки остается мнение авторитетного нумизмата того времени, графа Алексея Сергеевича Уварова. Оно состоит в том, что трезубец (знак на монете) – это верхушка скипетра власти византийских императоров. А. Уваров рассматривал трезубец и крест над ним как единый общий символ.

Вывод А.С. Уварова относительно скипетра воспринял позднее Михаил Грушевский. В 1918 г. в своей работе, посвященной гербу, он писал: «я считаю наиболее верным то, что это вершок булавы, или как его называют французы, “начальницкой палки” – знака власти старшины. Такие палки вещь очень старая ... Из таких палок развились потом наши булавы, перначи, чеканы... Головку такого пернача представляет Володимиров знак»⁴. В своей работе М. Грушевский приводит рисунок золотой византийской монеты, современной монетам князя Владимира с изображением верхушки византийского скипетра.

Однако возникает вопрос, какое значение имело специфическое навершие в виде трезубца в Византии? На этот счет широкое распространение получила теория, рассматривающая герб как прототип якоря, состоящего из трех зубцов, а вместо петли, соединяющей якорь с веревкой, находится крест как символ христианской веры.

Это предположение нашло подтверждение благодаря находкам реальных византийских якорей. В XX в. их в большом количестве находили в Черном и Средиземном морях. Много таких якорей было обнаружено возле побережья Крыма. Украинские исследователи этой проблемы А. Белов и Г. Шаповалов отмечали: «Для нас наиболее интересными из них есть те, которые похожи на монетный знак князя Ярослава. Это корабельный якорь так называемого Т-образного типа, так как в перевернутом виде он напоминает соответствующую букву. Если изображение якоря на монете князя Ярослава сравнить, например, с византийским якорем V–VII вв., кстати, найденным в 1974 г. в Днепре возле Хортицы, то увидим их абсолютную идентичность. А наличие на среднем зубе трезубца на монете кольца для привязывания каната, и

такого же кольца на настоящем якоре убедит в их тождественности самого несговорчивого оппонента»⁵.

Государственный флаг Украины является официальным государственным символом, представляет собой прямоугольное полотнище из двух равновеликих горизонтальных полос: верхней – синего и нижней – желтого цвета. Отношение ширины флага к его длине 2:3. В новейшей трактовке эти цвета символизируют безоблачное небо как символ мира (синий цвет) и спелые пшеничные нивы как символ достатка (желтый цвет).

Традиция цветового символического отображения мира формировалась у каждого народа на протяжении продолжительного времени. Использование желтого и голубого цветов в украинской истории принято относить к середине XVII в., после присоединения к Российскому государству гетманщины, на полотнищах которой преобладали голубые (синие) цвета с золотыми или желтыми изображениями крестов и других знаков. Желто-голубое сочетание цветов постепенно начинает доминировать на хоругвях, флагах и клейнодах казачества.

После того, как прервалась традиция казацкой символики, длительное время в Украине, которая находилась в составе Российской империи, вопрос о национальных символах не поднимался.

Первую попытку создать желто-голубой флаг из двух горизонтальных полос приблизительно такой формы, как теперь, осуществила Главная Русская Рада (орган, который представлял национальное движение украинского населения Галичины). В июне 1848 г. на городской ратуше Львова впервые был поднят желто-голубой флаг.

Следующим толчком к распространению желто-голубой символики в пределах сегодняшней Украины стала Февральская революция 1917 г. в России.

22 марта 1918 г. Центральная Рада приняла Закон о Государственном флаге республики, утвердив желто-голубой флаг символом Украинской Народной Республики. 13 ноября 1918 г. сине-желтый флаг стал и государственным символом Западно-Украинской Народной Республики. Он был утвержден в Подкарпатской Руси, а в 1939 – в Карпатской Украине. В период 1917 – начала 1919 гг. сине-желтым флагом пользовались в Украине и большевики.

Сине-желтый (укр. *жовто-блакитний*) флаг в нынешнем варианте состоит из синей верхней половины и желтой нижней. Сочетание цветов окончательно оформилось как единое национальное в начале

XX в. 24 августа 1991 г. после провозглашения Акта о независимости Украины над зданием Верховной Рады поднят сине-желтый флаг. В августе 2004 г. президентом был подписан указ об установлении Дня государственного флага Украины, который празднуется 23 августа.

Указом президента Украины от 22.08.2002 г. утверждено Положение о Государственном Протоколе и Церемониале Украины. Отдельные положения этого документа относятся к правилам использования государственного флага во время визитов глав иностранных государств в Украину: описаны места вывешивания флагов на вокзале (в аэропорту), флажков по пути движения и на автомашины, флагов у Мариинского дворца, в Оперном театре. Положение устанавливает ритуал выноса и подъема государственного флага перед военным парадом.

Приведенные документы не дают общих указаний о правилах использования государственного флага Украины. Однако существует приказ Министерства образования и науки от 07.09.2000 г. «Об утверждении рекомендаций о порядке использования государственной символики в учебных заведениях Украины», в котором четко и однозначно записаны правила флажного этикета: «Государственный флаг ни перед кем не опускается вниз ... Нельзя его спускать перед какой-либо личностью или предметом... При вывешивании Государственный флаг не должен касаться земли...»

Иногда в законе о государственном флаге специально оговаривается право частных лиц вывешивать государственный флаг не только в дни официальных праздников, но и в дни семейных торжеств. Отступление от принятых правил использования государственного флага рассматривают как неуважение к нему. Одно из важнейших требований флажного этикета гласит: «Достоинство флага подлежит защите как внутри страны, так и за ее пределами».

Гимн Украины

Созданием первоначального текста украинского гимна мы обязаны известному этнографу и фольклористу Павлу Платоновичу Чубинскому, написавшему в 1862 г. стихотворение «Еще не умерла Украина» (*«Ще не вмерла Україна»*), которому в будущем суждено было стать национальным, а затем и государственным гимном Украины. На начальную строку стиха значительно повлиял хорошо известный «Марш

Домбровского» – польский гимн (его первая строчка такая же – польск. «*Jeszcze Polska nie zginęła*») и сербская хоровая песня.

Вот как описывает Л. Белецкий, который знал П. Чубинского с юношеских лет, историю создания песни в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Украинская жизнь» в 1914 г.: «В печати мне встречалось указание, что песня “Ще не вмерла Україна” – народная. Я могу засвидетельствовать, что это ошибочное мнение: она действительно сочинена Павлом Платоновичем при следующих обстоятельствах. На одной из вечеринок Киевской громады с сербами в том доме, где квартировал и Павел Платонович, пели хоровую сербскую песню, содержание которой не помню, но в ней были слова... “Серце біє и крєв лїє за свою слободу” (Сердце бьется и кровь льется за свою свободу). Чубинскому очень понравилась эта песня. Он вдруг исчез, а спустя некоторое время вышел из своей комнаты с написанной им песней “Ще не вмерла Україна” на мотив сербской песни. Тут же под руководством Павла Платоновича хор разучил эту новую песню при общем воодушевлении, и она пошла в ход. Таким образом, эту песню Павел Платонович сочинил экспромтом»⁶.

Распространение этого стиха среди украинофильских кружков, только что объединенных в украинскую «Громаду», произошло мгновенно. Следует отметить, что с точки зрения российской цензуры, текст стихотворения был политически острым. Вскоре поступает распоряжение царского правительства выслать П. Чубинского «за вредное влияние на умы простолюдинов» в Архангельскую губернию под присмотр полиции. Надо отметить, что в Архангельске П. Чубинский активно занимался сбором этнографических материалов, чем обогатил российскую этнологию.

После публикации стихотворения П. Чубинского композитор Михаил Вербицкий (укр. *Михайло Вербицький*), пишет музыку для него. Впервые стихотворение было напечатано в 1863 г., а с нотами – в 1865 г. В 1917 г. этот гимн наряду с другими стал использоваться как государственный. В 1939 г. именно «Ще не вмерла Україна» был утвержден гимном Карпатской Украины.

Когда в СССР было решено создавать отдельные гимны для каждой из республик в его составе, «Ще не вмерла Україна» по идеологическим причинам не мог быть рассмотрен в качестве гимна Украинской ССР. Для советской Украины текст гимна написал известный украинский поэт Павло Тычина, а музыку создал композитор А.Д. Лебединец.

После провозглашения независимости Украины в 1991 г. 15 января 1992 г. музыкальная редакция Государственного гимна была утверждена Верховной Радой Украины, что нашло свое отражение в Конституции Украины. Однако, только в 2003 г. Верховная Рада Украины приняла Закон о государственном гимне, предложенный президентом Леонидом Кучмой. Законодательным проектом предлагалось утвердить как государственный Национальный гимн на музыку М. Вербицкого со словами только первого куплета и припева песни Павла Чубинского «Ще не вмерла Україна». В то же время первая строфа гимна, согласно предложению президента, должна была звучать «Ще не вмерла України ні слава, ні воля». Остальной текст гимна был значительно переделан, так как не соответствовал времени.

Этот закон поддержало большинство народных депутатов. Не участвовали в голосовании фракции Соцпартии и Компартии. С принятием этого закона статья Конституции Украины приобрела законченный вид. Национальный гимн на музыку М. Вербицкого получил слова, отныне утвержденные законом.

Фрагмент текста официального Государственного Гимна Украины (перевод на рус. яз.):

Еще не умерла Украины ни слава, ни воля,
Еще нам, братья молодые, улыбнется судьба.
Сгинут наши враги, как роса на солнце,
Загосподствуем и мы, братья, в своем крае.
Душу и тело мы положим за нашу свободу
И покажем, что мы, братья, казацкого рода.

Украинская конституция

Первая конституция была принята в Украине в 1918 г. в период Украинской Народной Республики. Затем действовали три конституции в Украинской ССР – 1919, 1925 и 1937 годов, а в 1978 г. была принята союзная Конституция УССР.

Действующая Конституция независимой Украины была принята 28 июня 1996 г. на 5-й сессии Верховной Рады Украины 2-го созыва. Закон № 254/96-ВР, ратифицирующий новую Конституцию и аннулирующий предыдущие Конституцию и Конституционное соглашение, был официально подписан в торжественной обстановке в середине июля 1996 г. В соответствии с Конституцией 12 июля – день принятия Основного Закона является государственным праздником – Днем Кон-

ституции Украины. Конституция Украины 1996 года как высший законодательный акт определила базовые принципы организации высших органов государства и местного самоуправления, их отношения и компетенцию, а также права, свободы и обязанности граждан. Утверждение Основного Закона государства создало юридическую основу для рациональной перестройки политических структур, стабилизации экономики, формирования гражданского общества. С принятием Конституции были определены базовые координаты и ориентиры, совокупность общественных ценностей – все то, что формирует политико-экономическую систему любого государства. Очерчены отношения государства и гражданина, их права и взаимные обязанности. Установлены пределы вмешательства государства в жизнь общества и отдельной личности.

Денежные знаки Украины

Наряду с новым гербом и флагом, важным символом нового государства стали обновленные денежные купюры. Внешний вид банкнот всегда меняется с изменением государственного строя. Денежная реформа в Украине была проведена в сентябре 1996 г., в результате чего в обращении появилась национальная валюта Украины – гривна (укр. *гривня*). Буквенный код – UAH; Числовой код – 980; Сокращенное обозначение – грн.

Знак гривны представляет собой строчную кириллическую букву *г* в курсивном начертании (являющуюся одновременно зеркальным отображением латинской буквы *S*, лежащей в основе знака *доллара* и некоторых других валют), перечеркнутую посередине двумя горизонтальными линиями (перечеркивание соответствующей буквы одной или двумя линиями – традиция, установившаяся для обозначения многих валют) ₴.

Этот знак был утвержден Нацбанком Украины еще в марте 2004 г., однако пока не получил повсеместного распространения; в подавляющем большинстве случаев для обозначения гривны пользуются буквенным сокращением грн.

Название *гривна* восходит к денежно-весовой единице – гривне, использовавшейся на территории Киевской Руси еще с XI века. В Украине гривна как денежная единица была введена в обращение в 1918 г. правительством Украинской Народной Республики. Глава правительства, проф. М. Грушевский, будучи большим любителем и зна-

током истории Древней Руси, для государственной символики активно использовал древнерусскую атрибутику.

Изображения на денежных бумажных банкнотах подверглись идеологической ревизии.

Принцип оформления денежных купюр был подчинен формуле, базирующейся на том, что хронологически наиболее древние исторические личности занимали на банкнотах первые порядковые номера. Так, князь Владимир был изображен на банкноте номиналом 1 грн. С оборотной стороны имело место изображение Киева времени правления князя Владимира; князь Ярослав Мудрый изображен на банкноте в 2 грн. С оборотной стороны находилось изображение собора Софии Киевской. Гетман Богдан Хмельницкий венчает собой 5 грн; на обороте купюры – изображение Ильинской церкви в селе Субботове Черкасской обл., фамильной усыпальницы Хмельницких. Гетман Мазепа присутствует на банкнотах в 10 грн; на обороте – изображение Киево-Печерской Лавры. Писатель Иван Франко запечатлен на банкнотах в 20 грн; на обороте – Театр оперы и балета г. Львова. Михаил Грушевский удостоился быть изображенным на банкноте в 50 грн; на обороте – здание Верховной Рады Украины Поэт Тарас Шевченко, по причине особых национальных заслуг нарушает хронологию и венчает собой 100 грн; на обороте изображение Кобзаря и мальчика. Поэт и писатель Леся Украинка изображена на банкноте в 200 грн; на обороте – въездная башня Луцкого замка. Философ Григорий Сковорода был запечатлен несколько позже на купюре достоинством 500 грн; на обороте изображена Киево-Могилянская академия.

Первые деньги независимой Украины делались по эскизам известного украинского художника Василия Лопаты. Он же делал эскизы и для всех разменных монет.

После первой эмиссии 1992 г. гривневые банкноты различных номиналов неоднократно допечатывались: в 1994, 1995, 1997, 2000, 2001, 2003, 2004, 2005, 2006 гг. В результате на Украине сложилась интересная ситуация: для некоторых номиналов в обращении оказалось по 3-4 различных вариантов дензнаков (с отличающимися рисунками, разных цветов и размеров и т.п.), причем все они являются действительными платежными средствами и могут использоваться для денежных расчетов без каких-либо ограничений. В истории денежных трансформаций известны следующие периоды: 1992–1993; 1994–2002; 2003–2005; 2006–2007 гг.

1992–1993. Первые образцы новой украинской валюты были напечатаны в 1992 г. в Канаде.

Эти банкноты получились неудачными. Липкие, пахнущие краской, они мало подходили на роль денежных знаков. Это было настолько очевидно, что еще в ходе подготовки к денежной реформе в 1994–1995 гг. был выпущен другой тираж, с новым дизайном. Тем не менее, банкноты образца 1992 г. под нож не пустили, а все-таки задействовали в ходе реформы. Некоторое время они ходили достаточно активно, а затем, по мере износа, Нацбанк начал постепенно изымать их из обращения, заменяя на новые банкноты следующих тиражей.

1994–2002. Новая модель получилась вполне удачной, хотя графика практически не поменялась (эскизы делал тот же художник). Правда, появились изображения новых лиц на банкнотах больших номиналов. Такие деньги ходили до 2003 г., периодически допечатываясь различными тиражами и номиналами – вначале за границей, а затем, после ввода в действие банкнотно-монетной фабрики НБУ – на Украине. Их и сейчас немало на руках, хотя и они по мере износа изымаются из обращения, заменяясь на дензнаки очередного стиля.

2003–2005. Неизвестно почему, но в 2003 г. было решено радикально изменить дизайн украинских денежных знаков. Хотя персонажи, изображенные на них, остались вроде бы те же, но их внешний вид изменился самым решительным образом. В некоторых случаях поменялся и цвет. Ну, и совершенно неожиданно оказалось, что теперь банкноты разных номиналов будут иметь различные размеры (чем больше номинал – тем, разумеется, больше размер). Сейчас это самые ходовые дензнаки, они встречаются повсеместно. Хотя уже появились новые, на которых полностью сохранена графика, но с 2006 г. еще раз изменился цвет.

2006–2007. В 2006 г. вышел очередной тираж банкнот, рисунок которых полностью повторяет предыдущую модель, но поменялся цвет. Если раньше банкноты различных номиналов наделялись каким-либо преимущественным цветом, то сейчас они стали вовсе разноцветными.

Таких «перекрашенных» денег еще немного, но, очевидно, следует ожидать, что банкноты всех номиналов постигнет та же участь. В частности, в мае 2007 г. к ним уже добавилась новая 200-гривневая купюра. Впрочем, исполнительный директор по вопросам налично-денежного обращения НБУ Александр Толстой заявил, что введением

новой 200-гривневой банкноты завершится серия обновления бумажных денег в Украине, и ближайшие десять лет гривны изменять свой вид не будут.

Новые герои и памятники

Исторические памятники всегда служили одним из «кирпичиков» той основы, на которой формировалась национальная идентичность людей. В дореволюционный период в Украине доминировали памятники Святым князьям – князю Владимиру, княгине Ольге, апостолу Андрею Первозванному, гетману Богдану Хмельницкому, Российским императорам. В советское время площади и улицы всего Советского Союза наполнили памятники Ленину, героям революции, Великой Отечественной войны и передовикам социалистического труда. Довольно много было памятников, посвященных дружбе народов. Так, в Киеве появляется открытая в 1982 г. скульптурная композиция – Арка Дружбы народов, приуроченная к празднованию 1500-летия Киева, установленная в Хрещатом парке (автор А.П. Скобликов и др.). Первоначально на памятнике присутствовала надпись «Сооружено в год 60-летия образования СССР в ознаменование воссоединения Украины и России». После распада СССР с надписью происходили метаморфозы, сначала исчезло слово Россия, осталось «в ознаменование воссоединения Украины», затем от СССР отпали последние две буквы. В результате надпись убрали совсем, хотя отпечаток от нее можно прочесть.

То же можно сказать о непростой судьбе памятника Екатерине II в Одессе, который был сооружен еще в XIX в. После его реконструкции в 2007 г. против его установки выступили крымско-татарские активисты, недовольные тем, что Екатерина II уничтожила Крымское ханство. Они были поддержаны украинскими националистами, имеющими претензии к царице в связи с расформированием ею Запорожской Сечи. Только стараниями мэра города памятник был установлен и в настоящее время находится под особой охраной.

Что касается более позднего времени, основные противоречия в монументальном искусстве касаются частичного демонтажа памятников Ленину по всей территории Украины и переноса памятников советским солдатам, а также установки памятников воинам ОУН–УПА, Степану Бандере и гетману Мазепе преимущественно на Западе Украины. В свою очередь на Юге Украины (в Симферополе) поставили памятник

«Выстрел в спину», символизирующий неоднозначную деятельность воинов ОУН–УПА.

За годы перестройки в Украине появились новые памятники, которые символизировали ее независимость. Прежде всего – Монумент независимости на Майдане Незалежности (Площади независимости). Он был возведен в 2001 г. (автор Андрей Куц). Монумент представляет собой колонну в стиле украинского барокко, увенчанную женской фигурой, одетой в национальный костюм с распростертыми руками, в стиле Берегини – Оранты, держащей в руках ветвь калины. Этот памятник перекликается по стилистике с подобными памятниками, установленными в объединенной Германии, Венгрии и в Риге.

В Киеве на пересечении ул. Владимирской и бульвара Т. Шевченко появился памятник М. Грушевскому (автор Н. Кислый). Памятник расположен возле Дома учителя, бывшей Центральной Рады, на которой М. Грушевский был избран президентом УНР в 1918 г.

Заслуживает внимания памятник Казаку Мамаю в центре Киева на Майдане Незалежности, идеализирующий казацкое устройство Украины. Казак Мамай – это легендарный образ казака, борца за правду, защитника всех угнетенных, философа и весельчака. Авторы памятника – Валентин и Николай Зноба. Интересно, что в социалистический период В. Зноба был автором памятника героям Октябрьской революции, который находился на той же площади, ныне демонтированного.

С памятником казаку Мамаю перекликается памятник казаку-пограничнику в центре Киева недалеко от Золотых ворот, олицетворяющий независимость и охрану границ, открытый в 2004 г. (автор В. Медведев). На нем – надпись «Защитникам границ Отчизны всех поколений». На постаменте изображен казак с саблей на боевом коне. Он в типичной казацкой одежде с характерной казацкой прической. Трезубец на памятнике подчеркивает защиту территории Украины.

Новая большая композиция в Киеве посвящена Голодомору. На переднем плане находится фигура истощенной девочки. На заднем – часовня в виде большой каменной свечи. Безусловно, надо было увековечить массовый голод 1932–1933 гг. К сожалению, вокруг голодомора в СМИ велось очень много разговоров о спланированной акции против украинцев со стороны центрального руководства СССР, что в современных условиях стало отождествляться с русскими. На самом деле голод, спровоцированный политикой сталинской экспроприации продовольственных излишков, был общей бедой для всего населения СССР.

В годы независимости появилось много памятных знаков, связанных с государственными символами. Так, в городе Коростене Житомирской области в 2006 г. местный предприниматель соорудил на собственные деньги памятник трезубцу, что связано с тем, что именно Коростень является городом, в котором впервые утвердили трезубец национальным гербом. Не обошли памятным знаком гривну. В Донецке, рядом с банком, имеется памятный знак, посвященный гривне – национальной валюте нового государства.

Переименование улиц также является индикатором новых идеологических веяний, проявлением новой национальной идентичности. Процесс переименования улиц характерен для всего пространства бывшего СССР, в том числе и для России. В Украине наиболее активно он был проведен во Львове. Главной задачей комиссии по переименованиям было стереть советские названия, заменив их историческими, а также переименовать улицы, названные в честь людей, деятельность которых ущемляла бы национальные чувства украинцев или не имеющих отношения к Украине. В число последних попали русские писатели, поэты, ученые. Зато появились улицы Героев украинской повстанческой Армии, Дж. Вашингтона, Петлюры и Бандеры.

В Киеве переименования были также достаточно радикальными, но более взвешенными, они коснулись улиц и площадей, парков и станций метро. Были упразднены советские названия, связанные с Октябрьской революцией и ее многочисленными годовщинами, а также переименованы площади, улицы, станции метро, посвященные большевикам, героям революции, комсомольцам, пионерам. Так, центральная площадь «Октябрьской революции» была переименована в «Майдан Незалежности». Исчезли улицы Ленина, Дзержинского, Менжинского, пл. Урицкого и др. Станция метро «Ленинская» превратилась в «Театральную», «Комсомольская» – в «Черниговскую», «Завод Большевик» – в «Шулявскую».

Юго-Восток Украины в целом был не так активен в деле переименований, в том числе по финансовым причинам. В частности, в Днепропетровске наиболее крупные переименования коснулись Комсомольского острова, переименованного в Монастырский, а парк В. Чалова переименовали в парк Лазаря Глобы (запорожца, основавшего этот парк). Также были изменены названия улиц, связанных с деятелями революции и с советской символикой.

Появление новых праздников в Украине

Основным гражданским праздником новой Украины стал День независимости (День незалежності) 24 августа. Следующим праздником можно назвать День Конституции 28 июня. Стали нерабочими церковные праздники – Рождество, Пасха и Троица. С советских времен сохранилось празднование 1 и 9 мая, которые считаются выходными. С 2000 г. было решено не праздновать 7 ноября.

Трансформация религии в Украине

После распада СССР во всех республиках наблюдался беспрецедентный рост религиозных организаций. На сегодняшний день в Украине насчитывается более 30 тыс. религиозных объединений различного толка в сравнении с 4,5 тыс., которые были на ее территории в СССР. Религиозное поле Украины никогда не было моноконфессиональным. Религиозную конфигурацию в исторической ретроспективе постоянно изменяла активная деятельность католической церкви. Большую роль сыграла Брестская Уния 1696 г, разделившая украинцев на православных и греко-католиков. В советский период в Украине, как и во всей стране, была развернута антирелигиозная компания. Государственная политика воинствующего атеизма, особенно активная в первые годы советской власти и в хрущевский период, привела к сокращению количества верующих, уменьшению числа церквей. Оживление религиозной жизни наступило с началом горбачевских преобразований.

Подавляющее большинство населения Украины находится в лоне Православия – 54% от общего числа религиозных объединений, однако его разделенность на три течения порождает сложную ситуацию на конфессиональном поле страны. Три ветви православия конкурируют между собой – Украинская православная церковь Московского патриархата (далее УПЦ МП), Украинская православная церковь Киевского патриархата (далее УПЦ КП) и Украинская автокефальная православная церковь (далее УАПЦ).

Самой многочисленной является Украинская православная церковь Московского Патриархата, управление которой находится в Киево-Печерской Лавре. Предстоятелем церкви является митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан). Наибольшая концентрация общин УПЦ МП наблюдается на Востоке и Юге Украины, а также в г. Киеве и Киевской области. Она доминирует во всех областях, кроме

трех на Западе Украины – Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской. УПЦ МП является самоуправляемой церковью с широкими правами автономии в составе Московской Патриархии. Автономия была получена на Архиерейском соборе РПЦ в 1990 г. Положение УПЦ МП довольно уязвимое.

Несмотря на то, что в настоящее время в ней находится большинство приходов и прихожан, она довольно зависима от политики государственной власти Украины. Так, в период президентства В. Ющенко, руководитель государства активно поддерживал УПЦ Киевского патриархата, вплоть до проведения переговоров с Вселенским Патриархом Варфоломеем на предмет перехода Украины под его юрисдикцию. В настоящее время УПЦ МП поддерживается президентом, но никто не может предсказать ее будущее, в связи со политической сменой власти.

С появлением суверенного государства, в сознании большого числа украинцев стали доминировать национальные приоритеты, которые также распространяются на церковь, которая, по их мнению, должна быть независимой от Москвы.

Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата, как было сказано, концентрируется в Тернопольской, Волынской, Ивано-Франковской, Львовской, Ровенской и Киевской (с Киевом) областях. Возглавляет церковь Патриарх Киевский и всея Руси – Украины Филарет. Она не имеет официального признания со стороны мирового православия и не находится в евхаристическом общении ни с одной из канонических поместных православных церквей мира. Эта церковь возникла в результате объединения двух церковных групп, выступающих за полную независимость от Русской Православной Церкви (Московского Патриархата): части представителей Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата) и Украинской Автокефальной Православной Церкви. По мнению всех православных церквей мира, она является раскольнической (по мнению Патриарха Киевского Филарета – объединительной). Приверженцы УПЦ КП возводят ее историю к Киевской митрополии, находившейся в юрисдикции Константинопольской церкви, отрицая законность ее перехода под юрисдикцию Московского Патриархата в 1686 г. В 1992 г. митрополита Киевского и всей Украины Филарета (Денисенко) Архиерейский собор УПЦ сместил с должности, избрав нового предстоятеля Владимира Сабодана. После чего в 2007 г. Филарет Денисенко был отлучен от церкви за раскольническую деятельность и лишен сана. В связи с политической

поддержкой со стороны властей Украины он провозгласил себя Патриархом УПЦ КП.

Украинская Автокефальная православная церковь возродилась в 1991 г., она была создана в 1921 г. советской властью как инструмент противостояния РПЦ, но в 1930 г. той же властью была репрессирована. УАПЦ – канонически непризнанная православная церковь в Украине, также она является церковью украинской диаспоры Северной Америки и Западной Европы. Образовалась в 1990 г. на Всеукраинском соборе Автокефальной церкви. Патриархом был избран Митрополит Мстислав Скрипник, после его смерти – Дмитрий Ярема. Их лозунг – «Рим нам не батько, Москва – не мати. Хотим быть самостоятельными». Митрополитом Киевским и всея Украины в настоящее время является Мефодий. 80% прихожан приходится на Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области. Их деятельность проходит в русле национальной идеи и утверждения социально-культурных приоритетов Украинской государственности⁷.

В настоящее время активно растет Греко-католическая церковь, управление которой по политическим причинам перенесено в г. Киев, в связи с чем, произошло удаление от основной паствы, УГКЦ является все-таки Галицким, закарпатским феноменом. Если в центре идет противоборство УПЦ МП и УПЦ КП, то в Закарпатье однозначно доминирует Украинская Греко-католическая церковь.

Значительно возросло количество на Украине мусульманских организаций, что связано с возвращением татар в Крым. На сегодняшний день в Киеве действуют четыре зарегистрированных самостоятельных центра – это Духовное управление мусульман (ДУМУ), Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК), Духовный центр мусульман Украины (ДЦМУ) и Киевский муфтият.

В последние годы в Украине широкое распространение получило неоязычество, основанное на поклонении дохристианским славянским богам. В числе таких организаций можно назвать так называемые родноверские (родная вера) направления.

Трансформация истории

После распада СССР во всех постсоветских странах началось формирование новых исторических приоритетов. Как правило, в процессе конструирования истории присутствует ряд элементов, по которым моделируется историческое прошлое и настоящее.

В этом отношении интересна классификация В.А. Шнирельмана, охватывающая основные направления, по которым выстраивались новые модели, в том числе в исследуемых нами странах.

1. Утверждение о необычайной древности этнической культуры и языка (миф об автохтонности);

2. Стремление проецировать современные этнополитические границы, как можно глубже в прошлое, и как можно шире, расширять древнее расселение (миф о прародине);

3. Идентификация своей этнической группы с определенным языком, присущим ей изначально (миф о лингвистической преемственности);

4. Убеждение в том, что территория своего этноса была областью формирования не только его самого, но и родственных этнических групп (миф об этнической семье): тем самым свой этнос рассматривается по отношению к ним в качестве «старшего брата»;

5. Стремление идентифицировать своих этнических предков с каким-либо народом, хорошо известным по древним письменным или фольклорным источникам (миф о славных предках);

6. Претензии на исторический приоритет некоторых культурных (письменность) или политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов (миф о культуртрегерстве);

7. Конструирование образа иноземного врага, борьба с которым цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации (миф о заклётом враге);

8. Во имя единства государства или для усиления своей мощи нация примыкает к новой сильной общности (миф об этническом единстве)⁸.

Сразу после суверенизации в учебной исторической литературе Украине образовалась пустота, которую попытались заполнить переизданиями дореволюционных учебников 1920–1930-х годов. К примеру, популярными очерками М. Грушевского «Иллюстрированная история Украины», или историческими книгами, изданными украинской диаспорой за рубежом. Особую роль в концептуальном плане сыграл перевод Ореста Субтельного «Украина. История», вышедший в Торонто в 1988 г., а в 1992 в г. Киеве. Однако этого было недостаточно, надо было выработать собственные исторические концепции. В 1990-е годы выходят многочисленные пробные учебники украинских истори-

ков, в которых «удревнялось» и романтизировалось историческое прошлое, а старые идеологические антагонисты заменялись новыми. Так, классовую борьбу сменили на борьбу с «внешними иноэтничными врагами», ленинскую трактовку буржуазно-демократической революции на национально-освободительные движения. Сами историки видели эти перекосы и указывали на них... «Переполненная мифами романтизация прошлого в определенной степени уместна и нужна для школьного учебника. Но в академической исследовательской работе желательно опираться на принцип самоценности истории»⁹. К середине 1990-х годов в Украине уже были написаны учебники для каждого класса. Наиболее представительные из них изданы в издательстве «Генеза». Авторы этого комплекта учебников – профессиональные историки, профессора. Только вступительный учебник для 5 класса написан школьным учителем истории. Учебник для 7 класса подготовили профессора Донецкого университета, для 8 класса – Днепрпетровского, для 9 класса – сотрудники Института истории в Киеве. Для 10–11 классов – преподаватели Запорожского университета. Учебники по всеобщей истории были составлены профессорами-историками Запорожского, Волынского и Львовского университетов.

Книга для чтения в 5-м классе начинается с описания прошлого Украины. «Мы ниоткуда на свои земли не приходили», «хотя над нами на протяжении... истории издевались, унижали, грабили наши города и села ... но мы выжили и выстояли»¹⁰.

С первых страниц встает картина мирной сельской жизни славян, которых пытаются поработить со стороны. Общее славянское единство с русскими и белорусами в учебнике опущено. Киевская Русь – первое самостоятельное государство украинского народа. В тексте учебника много говорится о постоянном отражении нападений со стороны врагов – татар, поляков. Все это побудило украинцев соединиться с Московским царством в 1654 г., потому что оба народа – славяне и одной веры, «но не лежало сердце украинцев к московскому самодержавию, т.к. украинский народ был свободолюбивый, сам выбирал гетмана, а в Московии был царь-самодержец». Таким образом, этническое и религиозное родство русских и украинцев противопоставляется их разному отношению к демократическим свободам.

В 7 классе в учебниках вновь присутствует упоминание о борьбе украинского народа с многочисленными врагами: кочевниками, монголо-татарами, турецко-татарскими завоевателями. Также отмечается,

что нахождение Украины под властью Литвы, Польши, Венгрии, России и Австрии было трагично для украинцев, но, несмотря на это, украинский народ отстаивал право на свой язык, культуру, историю. Надо отметить, что история Северной Руси (Ростово-Суздальское, Московское, Новгородское княжества) помещена в раздел «неевропейский мир».

Большое место в конструировании украинской истории играл тезис об определяющем влиянии казачества как модели мироустройства. Казачество, как и ранние славяне, представляется в качестве сообщества, идеалами жизни которого являются «свобода, равенство и братство», противопоставляемые «крепостнической Польше и России».

После Переяславской Рады 1654 г. Украина находится в составе России на правах автономии. Начинается история гетманщины. На протяжении всего периода гетманы отстаивают независимость Украины, но происходит постепенная ассимиляция ее Россией.

Знаковое событие в борьбе за независимость – это выступление гетмана Мазепы. В учебнике отмечается, что независимо от исхода Северной войны Украине угрожала утрата автономии, поэтому поступок Мазепы рассматривается как «попытка борьбы за независимость» своего народа¹¹.

В учебниках по истории Россия часто предстает внешней силой, которая постоянно наступает на украинские свободы. Петр I – реформатор, но все реформы направлены на усиление феодально-абсолютистского строя. Екатерина II характеризуется как сторонница крайней государственной централизации, для которой «республиканское демократическое» устройство Запорожской Сечи было неприемлемым, поэтому она ее распустила.

Специфически подаются события, связанные с войной 1812 года. Этот раздел в учебниках называется «Украина в войне Французской и Российской империй».

В учебниках 10–11 классов описывается близкий к нам исторический период. Украинская революция 1917–1921 гг. и образование Украинской народной республики рассматривается как пик национально-освободительной борьбы. Авторы учебников считали, что поражение революции – это следствие интенсивной русификации, когда украинское общество еще не осознало необходимости независимости.

В разделе о Второй мировой войне речь идет о советских войсках и о националистическом подполье ОУН–УПА, сотрудничавших с немца-

ми, деятельность которого трактуется как борьба за независимую Украину. В учебниках понятие Великой Отечественной войны было заменено на «Вторую мировую войну и роль Украины в ней». Правда, в учебниках по истории, вышедших в последние годы, произошел возврат к пониманию ценности победы в Великой отечественной войне для Украины. Одна из идей отраженных в учебниках, была связана с особой ролью Галиции как территории преобладания украинского мировоззрения и языка. На этой почве возник галицийский автономизм, Галиция рассматривалась как территория, являющаяся наследием Австро-Венгерской империи, которая, по мнению украинских ученых, сохранила украинскую культуру и менталитет. Австрийский миф базировался на том, что наследие Габсбургов воспринималось как безопасное по отношению к современной украинской идентичности. Российская же империя и ее трансформация в СССР рассматривались как угроза украинскому государству.

В учебнике по всемирной истории для 10–11 классов русская революция трактуется как результат имперской политики Романовых и игнорирования ими интересов «порабощенных» наций. Эту политику порабощения перенял большевистский режим – создатель «новой империи».

Образ России как противоположной Украине силы, стал одним из факторов (наряду с Польшей) в формировании украинской культурной и политической идентичности. К сожалению, он по большей части отрицательный. Русские на страницах учебников – это всегда войско, цель которого уничтожение и попрание местных «демократических» традиций. Украинцы – это демократическое сообщество, которое становится жертвой жестокости русских. Так, даты, рекомендованные для запоминания – это даты различных российско-украинских конфликтов (1169, 1654, 1709, 1775)¹².

Как пишет украинский историк Г.В. Касьянов, «элемент отчужденности обязателен при создании национального нарратива, обязательно должен быть Чужой, которому противопоставляется Свой. В украинском нарративе – это Россия... Второй Чужой – это Польша. Ну, где-то в третьих, четвертых рядах могут быть татары, турки, евреи, но в любом случае такая конфронтация важна, без этого сформировать свой национальный нарратив практически невозможно»¹³.

Во всех постсоветских государствах на первых этапах их становления имел место образ «врага», но со временем страсти поутихли и ситуация стала меняться в лучшую сторону.

В 2002 г. была создана на правительственном уровне под руководством, с российской стороны, академика А.О. Чубарьяна, с украинской стороны академика В.А. Смолия российско-украинская комиссия по согласованию школьных учебников.

Историки России и Украины много работали в согласовании взглядов на одни и те же исторические события, в частности А. Миллер и Г. Касьянов выпустили совместную работу «Россия–Украина. Как пишется история», в которой они объективно с академических позиций рассматривают новую историю России и Украины в постсоветский период¹⁴.

Языковая политика и языковая ситуация в Украине

В настоящее время происхождение украинского языка по-разному освещается в украинской и российской лингвистических традициях. Наиболее распространенная точка зрения в России базируется на том, что три языка – русский, украинский, белорусский – произошли от общего древнерусского корня, а региональные языковые различия связаны с проживанием славянских племен на удаленном друг от друга расстоянии. По мнению российских ученых, в связи с продолжительным нахождением украинцев в составе Польши украинский язык включил в себя много польских слов, а подчас это делалось намеренно, чтобы избежать поглощения русским языком. В Украине, особенно в последнее время, принято считать, что украинский – это древнерусский язык, а в России присутствует его диалект, загрязненный тюркизмами и заимствованиями из церковнославянского языка.

В действительности, в период Древнерусского государства со столицей в Киеве доминировал древнерусский язык как языковый эталон, другие территории имели свои диалектные особенности. Монголо-татарское нашествие на Русь в XIII в. способствовало разрозненности и языковой изоляции отдельных княжеств. В XIV–XV вв. земли сегодняшней Украины оказались в составе разных государств: южные и западные области вошли в состав Великого княжества Литовского и Русского, крайне западные (прикарпатские) – Польши и Венгрии, северо-восточные находились под властью Московского княжества. После присоединения Украины (гетманщины) к русскому государству посте-

пенно польский язык заменился великорусским. В России первоначально украинский язык называли малороссийским наречием русского языка. Кроме того, в разное время употребляли следующие названия украинского языка – *проста мова*; *русинська мова*; *руська мова* (в Австро-Венгрии и в Польше); *карпаторуська мова* (в Венгрии); *козака мова*; *балачка*. Царское правительство неоднократно, заботясь о единстве страны, в том числе через усиление роли русского языка, контролировало распространение украинского языка, отводя ему роль простонародного языка. Петр I в 1720 г. выпустил указ о необходимости преподавать литературу только на великорусском языке. В 1863 г. был издан Валуевский циркуляр, который наложил запрет на печатание на украинском языке литературы за исключением художественной, что было обусловлено опасением появления политической литературы на украинском языке и усилению националистических настроений. Формированию современного украинского языка во многом способствовал Т.Г. Шевченко, который закрепил живой разговорный язык в своем поэтическом творчестве. На протяжении XIX и в начале XX в. статус малороссийского наречия в результате роста этнического самосознания постепенно изживает себя и получает название «украинский язык». Постепенно название «украинский язык», возникшее в Киеве, стало использоваться во всех украинских регионах и в России.

Короткий период Украинской Народной Республики 1918–1919 гг. способствовал росту этнического самосознания и усилению роли украинского языка.

Большевики, пришедшие к власти, декларировали принципы равенства и свободного развития всех национальных меньшинств России. После XII съезда ВКП(б) в 1923 г. началась замена русского на местные языки в администрации и в культуре. Однако с приходом И.В. Сталина вновь произошла смена национальной политики. Был осужден «буржуазный национализм» и наступил виток русификации. В СССР процесс урбанизации в течение XX в. усилил русификацию, т.к. украиноязычное сельское население прибывало в города, где в массе своей разговаривали по-русски. Смешанные браки, близость языков также способствовали замене украинского на русский язык. Надо отметить, что русский язык формально в СССР не имел статуса государственного языка, но он реально был языком межнационального общения.

После получения Украиной в 1991 г. независимости началась активная украинизация страны. В настоящее время в Украине государственным считается украинский язык, но по закону о языках в последней версии № 9073, если 10% населения какого-либо региона говорит на другом языке, допустимы региональные языки, в частности, русский в пределах Крымской автономии и ряде других областей. Законом разрешается работа на русском органов государственной власти, местных органов самоуправления, учебных заведений, судопроизводства и др.

С обретением Украиной независимости важнейшим компонентом дерусификации было расширение употребления украинского языка и одновременное его очищение от советизмов, чему должны были следовать все издательства. Проблема нормы украинского языка актуальна в Украине до сих пор.

В 1990-е годы формируются два основных подхода к языковой политике, которые можно назвать украинофонным и русофонным¹⁵. Украинофоны традиционно призывают власть проводить политику усиления украинского языка и обращать внимание на его дискриминацию, поскольку он и в независимой Украине остается не во всех регионах доминирующим. В частности, известный афоризм, тиражируемый со школьной скамьи, звучит так: «без украинского языка нет украинской нации».

Русофоны, в свою очередь считают, что власть дискриминирует русский язык. Их аргументы – это ссылки на международную практику языковой политики и европейские нормы, которые при большом количестве населения, говорящем на втором (русском) языке должны его признать не региональным, а вторым государственным. В настоящее время в городах и селах Западных областей доминирует украинский язык, в Юго-Восточном направлении ситуация полностью меняется, здесь преобладает русский язык. В Центре и на Севере Украины доминирует двуязычная среда. Взаимодействие двух языков привело к своеобразному билингвистическому явлению, именуемому *суржик*.

Само слово «суржик» означает зерновую смесь. Проявление суржика чаще всего заключается во включении русских слов в украинские грамматические конструкции. Письменные памятники суржика относятся еще к XVIII в., чаще встречаются на Левобережной Украине, где суржик распространен больше всего. Социологи считают, что на суржике в настоящее время общается 18% населения Украины.

Определенным шагом, направленным на укрепление национальной идентичности в языковой сфере явилось требование правительства в

1993 г. заменить написание конструкции «на Украине» на «в Украине». Общественность Украины усматривала в предлоге «на» уничижительный момент «на Украине, на окраине». В настоящее время в русском языке Украины преобладает предложно-падежная форма «в Украине». Украинские газеты, печатающиеся на русском языке, используют также сочетание «в Украине». В официальных российских документах употребляются обе формы. В российском языкознании считается, что конструкция «на Украине» аналогична конструкции «на Руси» и вовсе не носит уничижительного оттенка. Постепенно происходит более частое употребление «в Украине» в российских СМИ, из уважения к изменениям, произошедшим после распада СССР на территории Украины.

Завершая работу, хочется сказать, что становление украинского государства состоялось, несмотря на многочисленные разговоры о разделе государства на запад и юго-восток Украины. За двадцать лет ее существования сложилась новая общность – украинский народ. Если старшее поколение помнит СССР, знает его положительные и отрицательные стороны, то молодежь не знает этого прошлого и воспринимает себя жителями Украины. Молодые люди любят свою страну, болеют за ее политические, экономические и спортивные успехи. Наше исследование показало, что большинство украинцев предпочитают независимую Украину, без присоединения ее к Евросоюзу или к России. Конечно, хотелось бы, чтобы ушел в прошлое политический запал постперестроечного времени и два близких народа – русские и украинцы – относились друг к другу с уважением и доверием.

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 127.

² Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 32.

³ Хобебаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 20.

⁴ Грушевский М. Украинский герб «Народная воля». Электронный ресурс. <http://www.heraldicum.ru/ukraine/unr.htm>.

⁵ Белов А., Шаповалов Г. Герб Украины – символ надежды. Украинский трезубец: История исследования и исторические реконструкции. Запорожье, 2008. С. 264.

⁶ Украинская жизнь. 1914. Электронный ресурс. <http://www.chitalnya.ru/work/213850/>.

⁷ Снежкова И.А. Современная религиозная ситуация на Украине // Конфессиональная ситуация на Украине: история и современность. М., 2011. С. 125–128.

-
- ⁸ Шнирельман В.А. Ценности прошлого: этноцентрические мифы, идентичность и политика // Реальность этнических мифов / под ред. А.В. Малашенко. М., 2002. С. 8.
- ⁹ Рябчук М. Две України: реальні межі, віртуальні війни. К., 2003. С. 89; 35–37.
- ¹⁰ Мисан В. Оповідання з історії України. К., 1997. С. 48.
- ¹¹ Портнов А. Упражнения с историей по- украински. М., 2010. С. 144.
- ¹² Там же. С. 156.
- ¹³ Касьянов Г., Миллер А. Россия – Украина. Как пишется история. М., 2001. С. 221.
- ¹⁴ Там же. С. 7–10.
- ¹⁵ Кулик В. Языковая идеология в украинских политических дискуссиях // Отечественные записки. 2007. № 1. С. 299–313.

Трансформация этнической идентичности в Украине (Киев, Крым 2005–2011 гг.)*

После распада СССР в новых государствах, появившихся на базе бывших союзных республик, начался процесс конструирования новых национальных приоритетов, иных предпочтений во внешней и внутренней политике. Для Украины, ориентирующейся на Запад, стали менее значимыми такие понятия, как восточно-славянское единство, общая с Россией государственность, единое экономическое пространство. В свою очередь, Россия, будучи восприимчивой СССР, стремится сохранить свое влияние на постсоветском пространстве, включая в поле своих геополитических и экономических интересов Украину. В таких условиях выросло новое поколение молодежи, для которого жизнь в едином государстве, с единой идеологией, общими жизненными ценностями и моральными нормами – далекое и весьма неоднозначное прошлое. В связи с этим представлялось важным и актуальным изучить взгляды, ориентации, установки украинской молодежи, которые способствовали формированию новой национальной идентичности, сложившейся за годы государственной независимости.

Предлагаемая статья написана на материалах исследования, проведенного автором в 2011 г. в г. Киеве, а также в Крыму (г. Симферополь). Всего было опрошено около 200 человек, граждан Украины, написавших в графе «национальность» – «украинец». Кроме того, мы располагали материалами исследования, проводившегося в 2005–2006 гг. по теме – «Образ России и Украины в представлениях молодежи», которые также включали в себя отдельные сюжеты, касающиеся формирования этнической идентичности.

Объектом нашего исследования были студенты Национального лингвистического университета в г. Киеве и студенты исторического факультета Таврического университета (г. Симферополь). Средний возраст опрашиваемых – 17–21 год.

Основная цель исследования заключалась в сопоставлении взглядов украинской молодежи в вопросах связанных с этнической иден-

* Исследование проведено при поддержке РФФИ (№11-06-90409-ф-а) и РГНФ, проекты 13-21-02003-а и 12-06-00932-а.

тичностью двух регионов, а также сравнение полученных результатов с данными исследования 2005 г.

В процессе исследования изучались:

- особенности формирования этнической идентичности;
- проблемы толерантности украинской молодежи по отношению к представителям иных национальностей и жителям других регионов Украины;
- проблемы, связанные с территориальной целостностью страны;
- представления учащихся о патриотизме;
- влияние СМИ на формирование представлений молодежи об Украине и России.

Основным методом исследования этнической идентичности был анкетный опрос, а также модифицированный тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?», шкала социальной дистанции Э. Богардуса, анализ этнических стереотипов.

Этническая идентичность в представлениях украинской молодежи

Начало процесса суверенизации новых государственных образований связано со сменой этнической идентичности. С появлением Украинской государственности постепенно ушла «советская» идентификация, взамен ей сформировалась «украинская» идентичность.

Этническая идентичность – это ядро этнического самосознания. Она представляет собой не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценку, значимость членства в ней, разделяемые этнические чувства. В спокойной ситуации межнациональных отношений или в моноэтнической среде этническая идентичность в сознании людей чаще всего неактуализирована, однако, в случае переломных исторических моментов или межэтнических конфликтов, она может приобретать существенную значимость. Наиболее оптимальна та этническая идентичность, которая позитивна по отношению к себе и к другим этническим группам. Отклонения от нормы могут происходить по типу гиперидентичности (этнoэгоизм, национализм) или по типу этнической индифферентности (этнoнигилизм). Слишком актуализированная этническая или гражданская принадлежность свидетельствует о том, что процессы становления идентичности склады-

ваются в русле гиперэтничности, ведущей к этноцентризму. Неопределенная этническая идентичность, напротив, – показатель размытого чувства «мы» и тенденций этнонигилистического характера¹.

Для выявления места этнической идентичности в структуре самосознания личности студентам задавался вопрос «Кто я?». Нас интересовало, насколько часто украинская молодежь называет этническую – «я украинец» – или гражданскую самоидентификацию – «я гражданин Украины», каково место этничности в ряду иных форм самосознания, какие другие составляющие идентичности присутствуют в ответах респондентов. Соотношение этнической и гражданской идентичности – важный показатель формирования новой общности. Известно, что этническая идентичность преобладает над гражданской в периоды обострения национальных конфликтов, распада старых и формирования новых государственных образований. Гражданская идентичность постепенно формируется политической волей лидеров, элитой, гражданским обществом, осознающим общую государственную принадлежность. Ряд исследований, проводившихся под руководством этносоциолога Л.М. Дробижевой² с конца 1990-х годов до 2002 г., показали преобладание в России в первые годы после распада СССР этнической идентичности. Как следствие этого процесса вскоре начался интенсивный рост гражданского (государственного) самосознания. Подобный процесс произошел и в Украине, наши исследования подтвердили, что наибольший всплеск этнической идентичности был в период «Оранжевой революции», в настоящее время значительно увеличилось количество людей, считающими себя гражданами Украины как в Киеве, так и в Крыму.

Наиболее встречающееся понятие в ряду других форм идентичности – «человек», далее «мужчина (женщина)», «гражданин Украины», «украинец», «православный (мусульманин)», на последнем месте «европеец».

Исходя из задач нашего исследования, особенно важным было выяснить чувства, испытываемые молодежью двух регионов по отношению к своим этносам и по отношению к государству.

Таблица 1. Валентность чувств, связанных с этнической принадлежностью (в % к числу опрошенных)

Чувства, вызываемые принадлежностью к своему народу	Киев	Крым	Чувства, вызываемые принадлежностью к своему государству	Киев	Крым
Положительные (гордость, уважение)	60	60	Положительные	40	35
Никакие чувства	20	10	Никакие чувства	10	30
Ущемленность	20	30	Ущемленность	50	35

Результаты исследования показали, что, несмотря на рост гражданского самосознания, украинская молодежь испытывает положительные чувства, связанные с этнической принадлежностью в большей степени, чем с принадлежностью к украинской государственности, т.е. этническая идентичность оценивается выше, чем гражданская, по шкале позитивности. При этом в обоих регионах (Центр, Юг) наблюдается сходная картина с небольшими модификациями. Помимо конкретных ответов на вопрос, респонденты писали на полях много комментариев: «У нас замечательный народ, а за правительство стыдно и обидно»; «Правительство не вызывает уважения, поэтому слабое гражданское сознание в народе»; «Правительство должно уйти в отставку».

Как известно, этническая идентичность в значительной мере связана с языком. В настоящее время в Украине наблюдаются два полюса – с одной стороны, украиноязычные украинцы с чисто национальным менталитетом, с другой – русскоязычные русские с русской идентичностью. Самая большая группа находится посередине – украинцы с хорошим русским языком, русские, знающие украинский, тяготеющие к русской, украинской, советской идентичностям³. В связи с этой проблемой студентам был задан вопрос: «На каком языке Вы разговариваете дома, в школе, смотрите ТВ и читаете книги и газеты?»

Таблица 2. Языковые предпочтения украинских студентов г. Киева (в % к числу опрошенных) 2011 г.

Использование языка	Украинский	Русский	Два языка укр. и русск.
Разговариваю дома	45	27	28
Разговариваю в вузе	53	13	34

Смотрю телевидение	64	8	28
Читаю книги и газеты	13	13	74

Исследование, проведенное автором в 2011 г., свидетельствует о сокращении использования русского языка во всех сферах жизни в сравнении с аналогичным опросом 2005 г. Данные таблицы показывают, что употребление только одного русского языка во всех сферах жизни меньше, чем украинского. Постепенно он вытесняется в область бытового общения. Позиции русского языка остаются довольно сильными в сфере печати и других средств массовой информации. Иная ситуация наблюдается в Крыму, где подавляющее большинство респондентов предпочитает во многих сферах жизни пользоваться русским языком. На вопрос о том, какой язык предпочтительнее в качестве государственного языка в Украине, 86% студенческой молодежи г. Киева однозначно ответили в пользу украинского языка; 82% крымчан отдали свои голоса двуязычию.

Особое внимание в нашем исследовании было уделено вопросу о том, какой язык молодежь г. Киева и Крыма считает своим родным.

Таблица 3. Родной язык молодежи Центральной Украины и Крыма (в % к числу опрошенных)

Родной язык	Киев	Крым
Украинский	68	10
Русский	13	76
Оба языка	18	12
Затрудняюсь ответить	1	2

Как и следовало ожидать, большинство молодежи г. Киева родным считают украинский язык. Украинский язык в Киеве преобладает во всех учебных и госучреждениях. Ситуация в Крыму противоположная, больше половины опрошенных нами респондентов назвали родным русский язык.

Толерантность и этнические стереотипы

Результаты эмпирических исследований показывают, что негативная характеристика этнической группы может совпадать с осознанием межэтнической ситуации в регионе как конфликтной. В этом случае особое внимание следует уделить изучению межэтнических установок (стереотипов, убеждений, предрассудков). Межэтнические установки содержат эмоционально-оценочное отношение к различным этническим группам. Этнические образы выполняют ведущую роль в интер-

претации межэтнического взаимодействия. То, что реальные межэтнические отношения оказывают влияние на стереотипы, не требует особых доказательств. Именно от характера отношений – сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения – зависят основные «измерения» стереотипов: содержание, направленность, степень благоприятности, и в конечном итоге, степень их истинности. В случае конфликта между группами строятся их полярные образы, когда себе приписываются только позитивные качества, а противоположной стороне – негативные. В этом случае об истинности стереотипа говорить сложно, его источники надо искать, скорее всего, в сфере политического взаимодействия, обусловленного политическими причинами. Наиболее истинный этнический стереотип проявляется в том случае, когда автостереотип (характеристика своей группы) совпадает с гетеростереотипом (характеристикой иной группы).

В нашем исследовании анализ этнической толерантности происходил с помощью методов изучения этнических стереотипов. Преобладание положительной групповой оценки говорит о развитом чувстве «мы» и устойчивой идентичности. Значительное доминирование позитивных автостереотипов при почти полном отсутствии негативных свидетельствует об активизации механизмов социально-психологической защиты. Преобладание же негативного оценочного компонента служит показателем нарушения позитивной идентичности членов группы, размывания чувства «мы». Автостереотипы носят этноконсолидирующий характер, в то время как гетеростереотипы – этнодифференцирующий⁴.

Исследование показало, что автостереотипы украинцев преимущественно позитивные, с небольшой долей негативных показателей, что является нормой и говорит в целом о положительной идентичности опрашиваемых. Что касается гетеростереотипов, то их природа такова, что они, по большей части, имеют негативные характеристики. Поэтому мы обращали внимание на соотношение положительных и отрицательных показателей.

Автостереотипы украинцев: дружелюбные, трудолюбивые, щедрые, веселые, гостеприимные, простые, открытые, а также эгоистичные, вспыльчивые, хитрые.

Гетеростереотипы русских: открытые, прогрессивные, добрые, культурные, решительные, трудолюбивые, почти ничем не отличаются от украинцев, высокомерные, хитрые, себялюбивые.

Гетеростереотипы русских в 2011 г. преимущественно носили позитивный характер, в особенности в сравнении с 2005 г., когда количественно преобладали негативные оценки русских.

Помимо общей характеристики по национальности, респондентам городов Киева и Симферополя было предложено охарактеризовать украинцев, проживающих в различных регионах страны.

Региональные этнические стереотипы

Жители Центральной Украины: гостеприимные, трудолюбивые, образованные, уверенные, интеллигентные, сдержанные, высокомерные, амбициозные, гордые, расчетливые.

Жители Западной Украины: гостеприимные, трудолюбивые, патриоты Украины, традиционные, верующие, добрые, хозяйственные, щедрые, украиноязычные, националисты, тяготеют к Западу.

Жители Южной Украины: веселые, компанейские, расслабленные, предприимчивые, русскоязычные, толерантные, трудолюбивые, общительные, умеренные патриоты, щедрые.

Жители Восточной Украины: трудолюбивые, уверенные в себе, тяготеют к России, угрюмые, замкнутые, высокомерные, необщительные, самолюбивые, предубежденные, менее воспитанные.

Результаты исследования показали в целом позитивные характеристики жителей различных регионов Украины, за исключением Восточной Украины, что, скорее всего, связано не столько с реальным положением вещей, сколько с политическим противостоянием по отношению к президенту и его команде, сформированной во многом из жителей Восточной Украины.

Довольно много негативных характеристик приписывалось жителям Центральной Украины, ассоциирующихся прежде всего с киевлянами – столичными жителями. Подобные характеристики часто сопровождают обитателей крупных городов – прагматизм, большая замкнутость, меньшая задушевность.

Для исследования межэтнических отношений мы также использовали шкалу Э. Богардуса, предполагающую изучение социально-психологической близости между представителями различных этносов. Суть этого исследования заключалась в выявлении готовности украинской молодежи принимать русских и татар в качестве жителей одной страны, города, сокурсника, соседа по дому и члена семьи. В этом отношении студенты г. Киева и Крыма проявили высокую готовность к

взаимодействию; 92% из них готовы принять русских по всем параметрам теста (от проживания в одном городе, до возможного брачного партнера); по отношению к татарам 80% киевлян и крымчан готовы их рассматривать по всем параметрам, кроме брачного партнерства, по причине «разности религии и менталитета».

Однако на вопрос «Как вы относитесь к возвращению татар в Крым?» крымчане в два раза чаще, чем киевляне, выражали озабоченность и тревогу по этому поводу.

На вопросы «Что Вам нравится и не нравится в возвращении татар в Крым?» мы получили следующие ответы.

Нравится: «что татары возвращаются из депортации на историческую Родину», «они трудолюбивые», «общительные», «добрые».

Не нравится – «необоснованные захваты земель», «возможность беспорядков на этнической и религиозной почве», «возможность в будущем численного перевеса».

В целом можно констатировать, что в 2011 г., в сравнении с 2005 г., исследование показало больше позитивных характеристик русских, татар и представителей других регионов, что свидетельствует о сформированной украинской идентичности и как следствие, довольно толерантном отношении к другим.

Нам важно было проследить, ощущает ли украинская молодежь целостность страны. К сожалению, только 35% из числа опрошенных положительно ответили на этот вопрос, большинство респондентов не ощущает единства страны. Однако молодежь всей душой желает единства своей Родины: в своих комментариях на этот вопрос молодые люди постоянно отмечали, что «все регионы должны быть едины», «должно быть общее самосознание украинцев из всех уголков страны», «средства массовой информации смакуют разность регионов, вместо того, чтобы подчеркивать их единство».

По данным прошлого исследования 2005 г. угроза целостности для Украины, по мнению респондентов, заключалась во «вмешательстве во внутренние дела Украины других стран». С точки зрения молодежи Центра и Запада Украины – это вмешательство России, с точки зрения респондентов из Крыма – вмешательство Евросоюза и Америки, поделивших страну на два лагеря. В настоящее время основные претензии направлены к собственным политикам, которые «не могут консолидировать страну», «неэффективно управляют ее экономическим потенциалом», «устраивают внутривнутриполитические разборки». На вопрос, что

надо сделать президенту для консолидации общества Украины, наиболее повторяющиеся ответы – «создавать государство с общей национальной идеей», «улучшить качество жизни народа», «остановить коррупцию и вывоз капитала за рубеж», «прекратить борьбу по отношению к политическим противникам»⁵.

Межгосударственные отношения

Украина в настоящее время испытывает влияние Запада и России. Сама она также играет большую роль в отношениях между странами Запада и Российской Федерацией. Москва еще долго будет ревностно относиться к стремлению Украины в ЕС и НАТО. В свою очередь, Запад будет стараться постепенно расширять возможности для более широкого вовлечения Украины в зону своего влияния. Украина, тем самым, превращается из субъекта истории в объект, за расположение которого борются ведущие силы мира.

Направленность геополитических интересов, которые сформировались у молодежи двух стран, мы исследовали с помощью вопроса о наиболее целесообразной государственной форме для Украины. Большинство респондентов – 80% – и в Киеве, и в Крыму предпочитали видеть Украину независимым государством, в противовес каким-либо государственным объединениям – с Евросоюзом или с Россией. На вопрос о возможности объединения Украины, Белоруссии и России только 22% допускали подобное развитие ситуации. При этом уточнялось, что «объединение возможно только в качестве равноправных партнеров». Присоединение к Евросоюзу желательно для молодых украинцев, но в его реальность большинство респондентов не верит.

В контексте геополитических устремлений важно было проследить, как молодежь Украины оценивает направленность политики России, Евросоюза и США по отношению к их государству.

Таблица 4. Оценки украинской молодежью политики Евросоюза и США (в % к числу опрошенных)

	Россия	Евросоюз	США
Дружественная	20	28	16
Нейтральная	20	59	26
Недружественная	58	12	57
Другое	2	1	1

Результаты опроса показывают, что в целом большинство украинцев оценивают политику России как недружественную, однако крымча-

не в этом отношении отличаются от киевлян более позитивным видением политики России. 60% воспринимают ее как дружественную.

С помощью вопроса: «Какие народы украинцы считают наиболее близкими по отношению к себе?», мы исследовали социально-психологическую близость между русскими, украинцами и другими народами. Результаты исследования 2005 г. показали, что украинцы таковыми, прежде всего, считали поляков, а потом уже русских и белорусов.

В 2011 г. на первое место вышли русские и белорусы, поляки вообще не упоминались.

Отношение молодежи к своей и другим странам в определенной мере характеризуется миграционными установками молодых людей. Вопросы, направленные на изучение потенциальной миграции, показали, что молодежь остро реагирует на изменения, происходящие в общественной жизни. Хотя решение о миграции далеко не всегда реализуется молодежью, так как оказывается не по силам молодым людям, еще не имеющим твердой жизненной опоры, тем не менее, именно молодежь, не отягощенная семейными узами, инерцией покоя чаще задумывается о перспективах своей жизни. Миграционные настроения молодежи – это своеобразная проверка на качество проводимых страной социальных, политических и экономических программ. Каковы же миграционные настроения у украинской молодежи? В каких странах молодые люди желали бы жить?

Таблица 5. Распределение ответов респондентов о желании жить в другой стране, кроме Украины (% к числу опрошенных)

Готовы ли Вы уехать в другую страну	Украинские студенты
Да	20
Нет	60
Другое	17
Затрудняюсь ответить	3

Ориентация на отъезд из Украины присутствует у одной четвертой опрошенной молодежи. На вопрос о выборе страны в случае эмиграции ответы студентов были следующие: гражданином США хотели бы стать 9% украинцев, Европейский союз предпочли 54% украинцев, гражданином России хотели бы стать 20% украинцев-крымчан.

Важным аспектом нашего исследования было выявление доверия украинской молодежи к власти, ее мнение о президентах В. Ющенко и В. Януковиче.

Украинская молодежь г. Киева, характеризуя В. Ющенко, *отмечала следующие положительные и отрицательные черты его правления:*

– Положительные качества: поддержка свободы слова; эффективная внешняя политика, улучшение отношений с Евросоюзом; национальное возрождение.

– Отрицательные черты: неспособность решать экономические проблемы, борьба с политическими оппонентами, перебор с национальной политикой; ущемление прав русскоязычного населения.

Положительные и отрицательные черты правления В. Януковича:

– Положительные черты: последовательность действий; появилась некоторая стабильность; налаживание дружеских отношений с Россией; поддержка православия, повышение стипендий.

– Отрицательные черты: поднялись цены на продукты первой необходимости; выросли налоги; сказывается криминальное прошлое политика; есть факты нарушения правосудия; не выражает национальные интересы; борется с политическими оппонентами.

В целом можно сказать, что в Украине имеет место низкий уровень доверия к деятельности президентов.

По мнению молодых людей, действующему президенту необходимо решать следующие первоочередные проблемы:

1. Способствовать экономическому развитию наукоемких отраслей.
2. Поднять жизненный уровень населения.
3. Прекратить разборки с политическими оппонентами.
4. Проводить независимую внешнюю политику.

Представления о патриотизме

Для того, кто жил в советское время, идеологическая пропаганда патриотизма вызывала нередко чувство оскомины и формализма. Перестроечное время дискредитировало все понятия, связанные с патриотическими установками. Современное общество явно нуждается в чувстве разумного патриотизма. К сожалению, современная жизнь создает мало условий для формирования патриотических настроений. По большей части формируются патриотические символы без содержания, чье назначение сводится лишь к сиюминутной мобилизации, например, во время выборов.

Патриотические установки наших современников очень уязвимы, потому что нарушена взаимная ответственность между человеком, обществом и властью. В этом случае появляется либо нигилизм, либо индифферентность патриотических чувств.

В ответе на вопрос: «Что такое патриотизм?» – украинская молодежь отмечала прежде всего – «любовь к своей родине», «гордость за нее, преданность стране», «веру в государство».

На вопрос «Увеличилось ли количество патриотически настроенных людей в последнее время в стране?», украинские студенты ответили преимущественно отрицательно. Наибольший всплеск патриотизма, по мнению респондентов, пришелся на период «Оранжевой революции». Рост патриотических настроений в то время видели «в том, что народ показал свою силу», «объединился для отстаивания своих прав».

В какие же моменты молодые люди острее всего чувствуют себя патриотами своей страны? Обычно молодежь называла в этом случае события, связанные с успехами своих стран в области спорта, культуры, политической борьбы.

Студентам Украины был задан вопрос о том, «чем они могли бы гордиться за свою страну и за что им бывает стыдно?»

Украинские студенты гордятся своей «историей и культурой», «талантливым народом», «плодородной землей», «природными богатствами».

С точки зрения украинских учащихся, Украине должно быть неловко перед другими странами «за коррупцию в правительстве», «за действия неумных политиков», «за неиспользованные возможности» и «желание присоединиться к какой-либо стране».

Самыми патриотичными украинцы считают американцев, потом сами себя.

На вопрос о чувствах, которые возникают у молодых людей, когда они слушают гимн своей страны, 59% украинцев ответили, что испытывают гордость.

На вопрос о том, чувствует ли молодежь способность повлиять на судьбу своей страны, 48% украинцев ответили положительно.

Готовность терпеть неудобства и лишения, если это послужит на благо страны, продемонстрировали 32% украинцев.

На вопрос: «Что является для Вас Родиной?» 70% киевлян ответили – Украина в целом; пятая часть респондентов назвала родной город; треть крымчан ответила – Автономная Республика Крым.

Влияние учебников по истории на этническую идентичность украинской молодежи

После распада СССР и появления новых независимых государств в постсоветских странах началось формирование новых исторических приоритетов. Трансформация истории тесно связана с новой идеологией. Историки независимых государств выстраивают и конструируют прошлое под текущие задачи и под них же выстраивают будущие проекты. Подчас, апелляция к отдаленному прошлому, особому историческому пути и тесно связанная с этим концепция национального характера, позволяют действующим политикам и чиновникам отвести от себя обвинения в бессилии и неумении справиться с существующим положением дел.

В нашем исследовании первоначально мы попросили украинских респондентов описать, какими, по их мнению, предстают Украина и Россия в учебниках по истории.

Украина в украинских учебниках по истории представляется украинским респондентам как «территория, находящаяся под властью России», «находится в состоянии постоянного угнетения», «все время борется за независимость», «свободолюбивая держава», и, наконец, «независимая». Россия – «угнетатель и завоеватель».

Рассмотрим теперь отношение украинских студентов к ряду событий в истории России и Украины, отразившееся в результатах социологического опроса. Характеристики даны по числу наибольших выборов и расположены в порядке убывания.

Киевская Русь. Украинские учащиеся в Киевской Руси видят «Великое государство, давшее развитие всем славянам», «единство славян под именем русичи», «детство восточных славян», «зарождение украинской государственности».

Московское государство. Украинская молодежь г. Киева воспринимает Московское государство довольно негативно, отмечает его «отрицательное влияние на Украину», «появление в Киевской Руси второй силы», «образование соседней конкурирующей державы», «не учитывались национальные права украинцев».

Молодежь Крыма, наоборот, отмечала, что для Украины было полезно сотрудничество с Москвой, т.к. произошел «подъем государственного сознания», «Россия защищала от внешних врагов; «увеличилась территория за счет московских земель».

Переяславская Рада. Молодежь г. Киева, как правило, к этому событию относилась отрицательно, отмечая, что произошли: «утрата полной независимости Украины», «ущемление прав и свобод украинцев», «подчинение украинцев русским», «потеря самостоятельности», «Украина под протекторатом России».

Крымская молодежь, напротив, считала, что это был «хороший выход для того времени, Россия была сильнее», «вынужденная, но полезная мера»; «присутствовало некоторое ущемления прав Украины».

Битва под Полтавой. С точки зрения киевской молодежи, Полтавская битва – «взлет национальной идеи, хоть и закончившийся поражением»; «проигрыш Мазепы и потеря независимости».

Учащиеся Крыма, отмечали «обоснованный проигрыш Мазепы», «победу России»; «слабую национальную идею украинцев».

Образование Украинской Буржуазной республики – «торжество национальной украинской идеи»; «Украина не была до конца готова к созданию собственной государственности», «первая попытка по установлению украинской государственности».

Образование СССР, с точки зрения украинских респондентов – это «создание республик, которые имели собственные небольшие права» и они видят в этом положительный фактор.

«Ущемление прав людей», «сталинский режим», ГУЛАГ, аресты, репрессии, борьба с религией; «голодомор», «потеря идентичности», «Чернобыль».

Украинские студенты Крыма отмечали много положительного – «индустриализация и коллективизация», «жили лучше», «право простых людей на образование и бесплатную медицину».

Победа в Великой Отечественной войне. С точки зрения украинских студентов г. Киева – «победа над нацизмом совместными усилиями», однако в 2005 г. немало было ответов, отмечавших: «это не наша война», «слишком большая цена победы», «из двух зол выбирают меньшее».

В 2011 г. молодежь Киева и Крыма довольно высоко оценивают вклад украинского народа в Великую Отечественную войну, однако также видят в ней не столько патриотический подъем и победу над врагом, сколько страдания и разрушения в войне, а также разделение внутри украинского общества на тех, кто боролся на стороне русских и на стороне немцев.

Присоединение Западной Украины к СССР. Интересно, что на официальном уровне факт присоединения Западной Украины рассматривается как захват территории, оккупационный режим, а результаты социологического опроса свидетельствуют об обратном.

Украинские студенты в присоединении Западной Украины к СССР видят преимущественно положительные факторы – «возможность объединить все украинские земли», «укрепление целостности Украины», «лучше СССР, чем Польша», «свой к своему».

Присоединение Крыма к Украине. Что касается присоединения Крыма к Украине, киевляне отмечали этот факт как положительное явление, «курортная зона лишней не бывает», некоторые писали в духе содержания последних учебников – «возврат исконных украинских территорий»; однако многие отмечали, что крымчане – «другой, пророссийский народ», возможно «временная территория».

Мнения крымчан разделилось – 50% на 50%. Часть крымской молодежи писала, что присоединение к Украине – ошибка, лучше было бы жить в России», другая часть считала, что Крым территориально ближе Украине: они выросли в годы независимости Украины, и призывали к этой стране.

Независимая Украина. В 2005 г. независимость Украины воспринималась эмоционально позитивно. «Ура!», «Наконец-то!», «Долгожданная свобода!», «Украина столько выстрадала, имеет право на самостоятельность!».

В 2011 г. в ответах украинских респондентов присутствовал критический настрой, но не по поводу независимости в целом, а в связи с теми трудностями, которые пришлось перенести народу. «За годы независимости в политическом и экономическом планах минимум прогресса», «тяжелый период построения нашего государства», «страна в хаосе, плохие лидеры, низкие зарплаты».

Влияние средств массовой информации на представления россиян и украинцев друг о друге

Источники формирования образов России и Украины – это, прежде всего, средства массовой информации (СМИ) – телевидение и пресса. Именно они определяют то, какими видит друг друга молодежь двух стран. Как показал анализ, этническая информация передается по широкому кругу проблем – социально-культурное развитие этнических групп; межэтнические отношения на уровне государств и регионов

внутри одной страны; межрелигиозные проблемы; обсуждение национал-экстремизма; проблемы терроризма и межэтнических конфликтов. Исследователи СМИ, да и простые потребители информации прекрасно понимают, что распространение медиапродукции через СМИ осуществляется не только в целях информирования людей, но и с целью утверждения в обществе определенных идеологических взглядов. Направляя информационный поток СМИ, у людей формируют взгляды, нужные определенным политическим группировкам. В их число могут входить политические элиты, собственные и зарубежные, спонсоры телеканалов и прессы, отдельные партии и др. В теории коммуникаций известны виды манипуляций, которые используют убеждающую коммуникацию, основанную на фактах и аргументах, и внушающую информацию, воздействующую на эмоции и сферу бессознательного.

В настоящее время в СМИ России и Украины присутствует немалая доля деструктивной информации при передаче общечеловеческих ценностей и этнических образов. Самый простой способ дискредитации этнической группы – акцентировать внимание исключительно на негативе, замалчивая и игнорируя позитивную информацию. В массовом сознании закрепляются представления о симпатиях и враждебности, выстраивается рейтинг этнических групп, народов и стран.

Еще до недавнего времени в современной украинской прессе проблема отношений с Россией выступала как одна из центральных для общественного сознания в процессе формирования новой национально-государственной идентичности. К сожалению, в новой строящейся идентичности Россия преподносилась как главный источник потенциальной угрозы для существования Украины. Конструирование национальной идентичности включает многие компоненты, одним из которых является историческое прошлое, которое трактуется преимущественно с отрицательных позиций.

В российской прессе общее историческое прошлое, как правило, не затрагивается, а преобладают критические оценки современной политической ситуации в Украине по отношению к России. Кроме того, российская пресса сыграла негативную роль в подготовке российского общественного мнения к пониманию мотивации и эмоций сторонников украинской независимости. Вина за воинствующий тон в СМИ лежит на обеих сторонах, которые долго не могли найти верный тон для диалога двух когда-то дружественных славянских народов, имеющих общую многовековую историю. Однако в 2011 г. информационное простран-

во в описании образов Украины и России значительно улучшилось по сравнению с данными исследования 2005 г.

Важно отметить, что молодые респонденты довольно критически относятся к СМИ, доля респондентов ответивших, что они не доверяют никаким средствам информации, составила почти половину среди молодежи Украины.

Ответы на вопрос о том, «какую роль играет телевидение и пресса в создании образа Украины и России?» имели следующий вид:

С точки зрения украинских респондентов, образ Украины на украинском ТВ преподносится двояко – с одной стороны, «Украина – позитивная цветущая страна», с другой – «бедная, отсталая страна с нестабильной ситуацией».

Украинское ТВ, по мнению украинских студентов, Россию преподносит как «агрессора», «оплот тоталитаризма», и в то же время «как богатую, мощную страну» «с сильной властью».

В заключение опроса мы задали вопрос: «Что нужно сделать в информационном пространстве Украины и России, чтобы между ними улучшились отношения?»

Украинская молодежь отвечала, что «надо показывать реальные новости, а не политизированные», «с Россией надо дружить, поддерживать партнерские отношения, не относиться к ней как к угрозе».

В свою очередь, «России надо перестать относиться к Украине как к младшему брату», «показывать больше позитива об Украине: общие экономические успехи, взаимные уступки».

В целом исследование показало, что в последнее время в среде украинской молодежи наряду с этническим самосознанием наблюдается рост гражданской идентичности. Этническая и гражданская идентичность в целом носят позитивный характер, в особенности в сравнении с исследованием 2005 г., что способствует толерантному отношению к другим этносам, населяющим Украину. В Украине имеет место довольно сильная региональная идентичность, но при этом наблюдается устойчивый рост общегосударственной идентичности.

¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 106–107.

² Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / под ред. В.С. Могуна. М., 2006. С. 18.

³ Рябчук М. Дві України: реальні межі, віртуальні ігри. Київ, 2003.

⁴ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 18.

⁵ Снежкова И.А. Образ России и Украины в представлениях русской и украинской молодежи // Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия. М., 2007 С. 146–171.

Отражение национальной идентичности в монументальном искусстве Украины

Вопрос о соотношении понятий «национальное самосознание» и «национальная идентичность» до сих пор остается дискуссионным. Одни авторы рассматривают эти два понятия как синонимы; другие например В.Ю. Хотинец¹, считают идентичность составляющей самосознания; есть авторы, для которых эти понятия являются независимыми и не пересекающимися, например, П.И. Гнатенко²; нередко также встречаются варианты отказа от одного из понятий. Мы предлагаем под национальным самосознанием понимать результат процесса рефлексии национальным сообществом собственной жизнедеятельности, следствием которого является выделение системы признаков, отличающих его от других сообществ, формирующих и консолидирующих это сообщество, а также системы отношений к ним. Под национальной идентичностью предлагается понимать результат соотнесения себя как члена национального сообщества с данным сообществом, которое происходит на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях. Таким образом, указанные понятия принципиально отличны, прежде всего, тем, что субъект национальной рефлексии есть общество, и, соответственно, в основе национального самосознания лежит процесс сопоставления наций, в то время как субъектом идентификации является индивид, а в основе национальной идентичности – процесс соотнесения индивида как члена общества с обществом в целом. Вместе с тем, общей для обоих понятий может быть система критериев, по которым проводится соотнесение. Для процесса идентификации часто используются критерии, на которые уже обращали внимание исследователи национального самосознания – особенности территориальной локализации, языка, национальных эмблем, символов, институтов, обычаев, традиций, исторических событий и исторических фигур, которые символически репрезентируют нацию, представление о типичных чертах национального характера, стереотипы поведения и т.п., как отмечал, например, М. Barrett³.

Не простым является также вопрос относительно способов исследования национального самосознания и национальной идентичности. Наиболее популярны для достижения этой цели разнообразные опросники, анкетирование, шкалирование и т.п. Именно эти методы ис-

пользовались нами в предыдущих работах, в частности, при исследовании трансформации идентичности в посттоталитарном обществе⁴. Вместе с тем, хотелось бы показать, что эта проблема может изучаться и другими средствами, например, с помощью популярного в украинской психологии метода анализа продуктов деятельности.

Идея исследования национальных особенностей психики путем изучения продуктов деятельности народа, путем анализа образцов его материальной и духовной культуры не нова и идет от работ В. Вундта, К. Кавелина и других. Об этом много написано и сказано, в частности, Павленко и Таглиным⁵. Вместе с тем важно подчеркнуть, что внимание исследователей было направлено, за редким исключением, например, как у С. Wanner⁶, на анализ вербальных культурных форм, в то время как невербальные продукты жизнедеятельности народа оставались без надлежащего внимания. Поэтому целью данной работы стало изучение невербальной формы культуры – монументального искусства Украины – и отображения в ней особенностей национального самосознания в период формирования независимого государства⁷.

Сопоставление памятников и монументов нашего времени с памятниками советской эпохи дает, на наш взгляд, интересный материал для углубленного изучения особенностей украинского национального самосознания. Действительно, обратим внимание на то, что и общее количество памятников и памятных знаков было ранее сравнительно небольшим, и их ассортимент в советскую эпоху был весьма узок. Преимущественно это были памятники Ленину и другим героям революции, памятники погибшим солдатам и героям войны, памятники человеку труда (разнообразные аналоги знаменитых «рабочего и колхозницы»), памятные знаки, посвященные выдающимся ученым, деятелям литературы и искусства, образы которых прошли жесткую проверку советской цензуры и были одобрены руководством страны. Для памятников советской эпохи характерным является и то, что в них не использовалась и не могла использоваться любая этнонациональная символика, так как одна из главных идеологических догм той эпохи – «формирование новой исторической общности – советский народ», заранее исключала возможность напоминания о любых этнонациональных отличиях.

Едва ли не единственной возможностью обретения монументальными произведениями каких-либо этнонациональных признаков во времена советской власти могла стать ситуация создания памятников,

демонстрирующих дружбу украинского и русского народа. В частности, такая ситуация сложилась, когда нужно было отмечать годовщину Переяславской Рады. Это была удачная возможность еще раз продемонстрировать и навеки запечатлеть в камне единство двух братских республик. Поэтому в 1961 г. в городе Переяслав-Хмельницкий Киевской области, недалеко от того места, где состоялась историческая Переяславская Рада, был установлен памятник «Навеки вместе». На постаменте мы и сегодня видим двух женщин в традиционных – русском и украинском – национальных костюмах, которые, приветливо улыбаясь и обнимая друг друга, шагают в светлое коммунистическое будущее.

Обретение Украиной независимости, интенсификация процесса формирования национального самосознания и национальной идентичности отразились в определенных знаковых трансформациях в монументальном искусстве Украины. Рассмотрим подробнее некоторые основные направления, в которых происходили изменения традиционной советской монументалистики.

Памятники и памятные знаки, которые локализируют Украину во времени и пространстве

Учитывая то, что одним из наиболее осознаваемых народом этнодифференцирующих признаков является территория, на которой проживает определенный этнос, можно было предполагать, что с обретением Украиной независимости и началом формирования национального самосознания в стране должны появиться памятники, которые более или менее четко очерчивают территориальные границы Украины. И такие памятники появились. Одним из способов территориальной фиксации в монументальном искусстве Украины стали памятные знаки, которые определяют географический центр Украины. Так, согласно данным Государственного комитета природных ресурсов Украины, географический центр Украины имеет координаты 49°01'39" северной широты и 31°28'58" восточной долготы. Этот центр расположен на северной окраине села Марьяновка между райцентром Шпола и селом Матусив Черкасской области. Именно там, на окраине Шполы в 2004 г. и был сооружен памятный знак, который напоминает об этом факте.

Еще одним из способов территориальной фиксации может служить очерчивание территории Украины относительно каких-то других точек отсчета, например, через нахождение ее положения относительно Ев-

ропы. Такие памятные знаки тоже существуют в нашей стране. Так, за 20 км от райцентра Рахив, что в Закарпатье, расположилось село Деловое. Во второй половине XIX столетия эти земли принадлежали Австро-Венгрии. В 1885–1887 гг. географы Австро-Венгерской империи проводили геодезические исследования в Закарпатье. Тогда же было выяснено, что в Верхнетисянской котловине может находиться центр Европы. Ученые из Венского Императорского военно-географического института после тщательного изучения определили место предполагаемого географического центра Европы, и в 1887 г. там был установлен исторический знак с камнем. С созданием в 1992 г. Карпатского биосферного заповедника эта территория отошла к его Кузийскому филиалу. В начале нового тысячелетия здесь оборудовали небольшой паркинг, и появилось монументальное панно, которое каждого, кто едет в Закарпатье через Яблунецкий перевал, предупреждает о том, что он пересекает географический центр Европы.

Одним из способов определения территориальных параметров той или иной страны может служить также определение расстояния от центра ее столицы до центров столиц других государств. Этот способ также с обретением Украиной независимости нашел свое отражение в монументальном искусстве Украины. Так, в самом центре Киева, на площади Независимости, возле Главпочтамта, с 1996 г. возвышается Монументальный знак начала отсчета расстояний от центра Киева – мраморная колонна с фигурой Архангела Михаила – покровителя Киева (скульптор А.В. Куст). У ее подножия зафиксировано расстояние от этой точки до областных центров Украины, а также столиц всех держав – членов Всемирного почтового союза. Позднее, по просьбе мэра Донецка, к 70-летию Донецкого региона, фигуру Архангела подарили Донецку, а заменой ей на колонне стал символ «Всемирной почты». Таким и видят сегодня этот памятный знак все прохожие.

Для национального сознания любого народа важным является не только формальная фиксация границ своего государства, но и идея о непоколебимой целостности этих границ. Поэтому во многих странах можно видеть монументы, которые тем или иным способом отражают идею защиты Родины. Одним из вариантов подобных монументов являются памятники, в которых эта идея передается с помощью женского образа, олицетворяющего Родину-мать, с оружием в руках. Наверное, наиболее известным в Украине обобщенным образом «Родины-матери» такого типа является одноименный монумент, воздвигнутый в

Киеве на берегу Днепра и относящийся к «Национальному музею истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Этот комплекс был открыт ко дню Победы в 1981 г. Автором проекта был творец мемориала «Родина-Мать» в Волгограде Евгений Вучетич. Тем не менее, поскольку Вучетич преждевременно умер и не смог закончить этой работы, проект возглавил украинский скульптор Василий Бородай. Ему помогли скульпторы Ф. Сагоян, В. Винайкин, а также архитекторы В. Елизаров, Г. Кислый и М. Фещенко.

Скульптура, которую видно из многих точек Киева, представляет собой величественную женщину, которая в одной руке держит 16-метровый меч, а во второй – щит с гербом СССР. Во многих городах и селах Украины можно увидеть похожие монументы «Родины-матери», увековечивающие память о событиях Великой Отечественной войны. Как уже отмечалось, подобные памятники большей частью не имеют никаких этнонациональных признаков. А поскольку они создавались во времена Советской власти и зачастую одними и теми же авторами, в них нашли отражение общие советские атрибуты и символы (в частности, тот же герб СССР на щите Родины-матери в Киеве).

Понятно, что с обретением Украиной независимости подобные памятники должны были и оформляться по-иному. Например, таким вариантом, который увековечивает всех защитников границ Украины всех времен, выступает памятник «Защитникам границ Отчизны всех поколений», открытый 26 мая 2004 г. в Киеве. Его авторы – скульпторы Валерий Медведев, Александр Родионов, Юрий Багалик и архитектор Юрий Лосицкий. Памятник расположен неподалеку от Золотых ворот, на площадке возле здания Государственной пограничной службы Украины. Известно, что много столетий назад неподалеку от Софии и Золотых ворот был неприступный вал – граница старинного Киева. Здесь принимали удар врага защитники того времени, здесь закалялась их сила и мощь. Поэтому символично, что памятный знак установлен именно на этом месте. На постаменте – изготовленный из гранита и бронзы казак с пистолетом и саблей на боевом коне. С семиметровой высоты прадавний пограничник, поднявшись на стременах, сосредоточенно смотрит вдаль. О том, что это пограничник именно казацких времен, говорит специфическая одежда той эпохи и типичная казацкая прическа. Полосы на передней части постамента символически напоминают о пограничных полосах. Трезубец над ними лишний раз подчеркивает, что защищаются границы Украины.

В национальном сознании украинцев Украина определенным образом фиксируется не только в пространственном измерении, но и во времени. Это находит свое отражение и в монументальном искусстве. Тем не менее, если в пространственном измерении авторы стараются максимально точно определить и зафиксировать размеры страны, то установка относительно временного измерения несколько иная. Создается впечатление, что главная идея относительно временных координат Украины – это максимальное расширение времени ее существования, при том что последнее касается не только ее прошлого, но и будущего. О древности Украины должны напоминать такие памятники, как памятный знак в Переяславе-Хмельницком, посвященный первому упоминанию об Украине, памятные знаки, посвященные крещению Киевской Руси и т.п. Характерными являются и названия соответствующих памятников, скажем, «Вечный Киев». Автор этого произведения – выдающийся скульптор современности Франк Мейслер. Общая композиция скульптуры олицетворяет праздник высокой духовности и мира на Земле. Над вращающимся шаром, образом колыбели человечества, в обрамлении рельефов соборов и церквей Киева витает глубь – вечный символ добра и мира.

Не менее красноречивыми относительно временных установок являются и надписи на памятниках. Типичным примером является надпись на памятном знаке на острове Хортица – «Мы были, есть и будем, так как в нашем роду... (и дальше ряд имен известных украинцев. – В.П.)», которая лишней раз подчеркивает идею вечности украинского народа.

Памятники и памятные знаки, посвященные украинскому языку и литературе

Кроме территории одним из важнейших этнодифференцирующих признаков любого этноса является язык. Поэтому неудивительно, что осознание этого факта и формирование соответствующего отношения к украинской письменности и литературе должно было вызвать к жизни и соответствующие проекции в монументальном искусстве.

Так, в последние годы в Украине был открыт ряд памятных знаков, посвященных святым Кириллу и Мефодию, чья напряженная работа в давние времена стала предпосылкой возникновения украинского языка и литературы. Наиболее известен памятник родителям славянской азбуки (кириллицы) в Мукачево (скульптор И. Бровди, архитектор

А. Андялоши) – городе, где когда-то останавливались Кирилл и Мефодий по дороге из Болгарии в Чехию. Этот памятник в свое время был высоко оценен церковью, поэтому в апреле 2009 г. в Киеве на территории Киево-Печерской Лавры близ Дальних пещер установили его точную копию.

9 ноября в Украине каждый год отмечается праздник – День украинской письменности и языка. Согласно православному календарю, это день памяти Преподобного Нестора-летописца. Праздник установлен 9 ноября 1997 г., когда Президент Украины Леонид Кучма, поддерживая инициативу общественных организаций и учитывая важную роль украинского языка для консолидации украинского общества, издал Указ № 1241/97 «О Дне украинской письменности и языка». В Указе сказано: «Установить в Украине День украинской письменности и языка, который отмечать ежегодно 9 ноября в день памяти Преподобного Нестора-Летописца». Именно в этот день по традиции возлагают цветы к памятнику Нестора-летописца, который был открыт накануне формального оформления независимости – в 1988 г. в небольшом сквере около Киево-Печерской Лавры. Авторы памятника – скульптор Ф. Согоян и архитектор М. Кислый.

В Переяславе-Хмельницком недавно был открыт памятник неизвестному автору «Слова о полку Игореве». Скульптурная композиция состоит из фигуры мужчины, одетого по традиции тех времен, который сидит, держа на руках рукопись «Слова», и наиболее известных персонажей произведения – небольшой конной скульптуры князя Игоря и фигуры княгини Ярославны, изображенной, наверное, во время ее знаменитого «Плача». Этот памятник не единственный, напоминающий нам о неизвестном авторе «Слова» и самом произведении. Два памятных знака, посвященных «Слову о полку Игореве», можно увидеть и на Луганщине. Один из них – дань неизвестному автору «Слова» (автор И.М. Чумак), второй воссоздает картину похода Игоря. Его авторы – луганский скульптор, Заслуженный художник Украины М. Можаяев, архитектор М. Поздняков, художник В. Горбулин. Этот памятник был открыт в 2003 г. к 65-летию образования Луганской области. Сооружение этих памятников именно на Луганщине не случайно – считают, что именно на этих землях происходили в давние времена события, описанные в произведении.

30 ноября 2011 г. в закарпатском поселке Королево состоялось торжественное открытие памятника Королевскому Евангелию, которо-

му исполнилось 610 лет. Это Евангелие было создано Станиславом Грамматиком и считается сегодня древнейшей сохранившейся книгой, написанной кириллицей, созданной в Закарпатье. Королевское Евангелие на 160 лет старше знаменитого Пересопницкого Евангелия, на котором принимают присягу президенты Украины. Королевское Евангелие хранится в Закарпатском краеведческом музее в Ужгороде. В конце книги указано, что она переписана в 1401 г. Станиславом Грамматиком в Нелабском замке в Кральхазе (сегодня – пос. Королево Виноградовского района). Королевское Евангелие считают одной из наиболее интересных в художественном плане книг XI – начала XV вв. По мнению ученых, это Евангелие – не только ценный образец художественного обрамления, но и важный источник изучения истории языка в Закарпатье, ведь в нем отражены некоторые черты живого украинского языка конца XI – начала XV вв., в том числе и специфические закарпатские особенности.

В с. Пересопница Ровенской области в 2011 г. праздновали 450-летие Пересопницкого Евангелия, где не столь давно был сооружен памятник этой Первокниге. Данное Евангелие мало кто видел, а листал – и подавно. В свое время им увлекались Шевченко и Максимович, а ныне, положив руку именно на эту книгу, свою Присягу на верность украинскому народу приносит каждый новоизбранный президент Украины. Это делали Леонид Кравчук и Леонид Кучма, Виктор Ющенко и Виктор Янукович. Пересопницкое Евангелие – выдающийся рукописный памятник староукраинского литературного языка и искусства, перевод евангелия так называемым простым языком, довольно близким к народному. Как свидетельствует приписка к рукописи, перевели Евангелие 1556–1561 гг. сын протопопа М. Василевич и архимандрит православного монастыря Григорий в с. Пересопница.

Интенсивное формирование нового украинского языка исследователи относят ко второй половине XVIII–XIX вв., а основоположником современного украинского литературного языка считается И.П. Котляревский (1769–1838) – украинский писатель, поэт, драматург и общественный деятель, автор поэмы «Энеида» (1798), которая стала первым в украинской литературе произведением, написанным живым народным языком. Выдающаяся роль Котляревского в развитии украинского языка и литературы неоднократно подчеркивалась средствами отечественной монументалистики. Первый в истории памятник Ивану Котляревскому был сооружен в Полтаве, где он родился и прожил боль-

шую часть своей жизни. Этот монумент считается шедевром украинского скульптурного искусства. Он установлен еще в досоветскую эпоху – 30 августа (12 сентября) 1903 г. Памятник и сейчас можно увидеть на своем первоначальном месте, на бульваре, который назван именем писателя – бульваре Котляревского. Во времена независимости Котляревскому было установлено еще несколько памятников. В частности, в 2004 г. в Черновцах, на углу улиц Ивана Котляревского и Леси Украинки, была открыта памятная стела украинской письменности. Памятник (скульптор В. Гамаль) представляет собой колонну с барельефным изображением И.П. Котляревского и надписью «Энеида». Внизу надпись: «Летописцам Руси-Украины, подвижникам украинской письменности». Этот памятный знак открыт к 235-ой годовщине со дня рождения И.П. Котляревского и как дань уважения всем известным и безымянным сподвижникам летописания и украинской письменности, которые отдали свой талант, силу духа и жизнь нелегкому делу сохранения и обогащения того, что отличает украинцев от других народов мира – родного языка.

Если основоположником современного украинского языка и литературы считается И.П. Котляревский, то творцом литературной нормы – Т.Г. Шевченко. Образ Тараса Шевченко, как ни один другой образ национального сознания, символизирует идею украинства и украинскости. Именно поэтому памятники Тарасу Шевченко устанавливаются везде, где есть необходимость оказать почести Украине или украинцам. Вопреки безусловному уважению к Великому Кобзарю как к конкретной исторической личности, надо признать, что сейчас его образ приобрел исключительно символическое значение, фактически такое, которое имел, скажем, образ Ленина в советскую эпоху, или такое, которое имеют иные заидеологизированные символы других народов. Может, именно поэтому известны случаи, когда с обретением независимости в Украине снимали с постаментов фигуры вождя революции и устанавливали на те же постаменты бюст Шевченко, подтверждая тем самым старинную поговорку: «Свято место пусто не бывает».

Интересно исследовать, как сейчас сочетаются между собой в украинском национальном самосознании эти два образа-символа – Ленина и Шевченко. Надо сразу отметить, что общепринятого соотношения этих образов на сегодняшний день не существует, оно имеет выраженную региональную специфику. Так, если обратиться к их представленности в современном монументальном искусстве Украины, то

не трудно заметить, что в Западной Украине много монументов Ленину было уничтожено или повреждено, и при этом едва ли не в каждом селе или городке торжественно открывались памятники Шевченко. На востоке и юге Украины с подобными преобразованиями не спешили, поэтому памятники Ленину, как и в советские времена, существенно доминируют по количеству. Интересно наблюдать то, что творится в центральной Украине. Здесь нечасто услышишь об уничтожении памятников вождю революции, но, тем не менее, и монументов Шевченко с каждым днем становится все больше. Поэтому в центральных областях можно иногда наблюдать памятник Ленину, воздвигнутый в начале центральной улицы, а монумент Шевченко – в ее конце или наоборот. Если признать, что монументальное искусство действительно воссоздает особенности национального самосознания, то эта картинка является чрезвычайно выразительным отображением региональных особенностей современного мировоззрения украинцев.

В Украине установлены многочисленные памятники не только погибшим защитникам территориальной целостности Украины, современное монументальное искусство отдает дань уважения и защитникам свободы слова. Так, 22 декабря 2008 г. в Киеве был торжественно открыт памятник Георгию Гонгадзе и журналистам, которые погибли за свободу слова. Памятник сделан по проекту винницкого скульптора Юрия Козерацкого. Он состоит из двух частей: на гранитном пьедестале стоит бронзовое семиметровое «дерево жизни», на ветвях которого выгравированы портреты погибших журналистов, а посередине вместо ствола – отверстие в виде пера; перед деревом стоит мужчина в длинном пальто, который символизирует Георгия Гонгадзе – наиболее известного украинского борца за свободу слова.

Религиозная составляющая национального самосознания в монументальном искусстве

Украина – поликонфессиональная страна, в которой сосуществуют многочисленные религиозные течения. Поскольку большинство населения исповедует христианство, то понятно, что именно христианские образы наиболее распространены и в монументальном искусстве Украины. Таких памятников не очень много, так как они не могли сооружаться в советский, подчеркнуто атеистический, период существования украинской республики, тем не менее, во времена независимости начался процесс не только построения или восстановления соборов и

церквей, но и процесс сооружения соответствующих памятных знаков, которые посвящены Иисусу Христу или Богородице, святым и апостолам, воссоздают известные всем библейские истории.

Так, первый в СНГ памятник Иисусу Христу был установлен в Харькове 10 августа 2001 г. на территории Покровского монастыря к 2000-летию Рождества Христова. Автором идеи и эскизного проекта был митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим. Реализовали идею известный харьковский скульптор И. Ястребов и архитектор М. Ядченко. Скульптура Иисуса Христа в полный рост стоит на земном шаре, который расположен на гранитном постаменте. «Приидите все вернии, Воздадим хвалу Богови», – написано на памятнике.

В отличие от памятников, посвященных именно образу Иисуса Христа, в Украине встречаются памятные знаки, которые воссоздают определенные библейские сюжеты. Так, в 2002 г. на Трускавецком курорте, куда все курортники приезжают полечиться и попить знаменитой водички «Нафтуся», в честь 175-ой годовщины курорта был открыт памятник «Христос и самарянка». Скульптурная группа изображает знакомую всем, кто читал Библию, сцену встречи Иисуса с простой босой женщиной из Самарии – самарянкой, и напоминает их разговор об обычной воде и «живой воде» христового учения.

Наиболее распространенным в Украине женским образом религиозного направления является образ Божией матери, Богородицы, Пресвятой Девы Марии. Ей посвящены памятники, колонны со скульптурным изображением Богородицы, разнообразные часовенки и т.п. Особенно ощущается культ Божией матери в Западной Украине, где на центральных площадях городов и поселков, на въезде и выезде из населенных пунктов, вдоль центральных путей и дорог местного значения можно увидеть изысканный или весьма простой и скромный образ Пресвятой Девы Марии, которая успокаивает, защищает, вдохновляет и помогает в молитве. Интересно, что в последнее время можно наблюдать распространение памятных знаков Богородице и в Восточной Украине. Ярким примером последних может служить памятный знак Божией матери в Луганске. Этот памятный знак, посвященный 2000-ой годовщине Рождества Христова, называют в народе Луганской Богородицей. Скульптор, заслуженный художник Украины Е. Чумак, и архитекторы О. Довгополов и О. Поздняков воплотили в созданном ими образе Царицы Небесной наилучшие традиции православной церкви.

В Украине всегда уважали и почитали святого Николая Чудотворца. Может быть, поэтому именно этому святому в разных городах за годы независимости уже успели выстроить несколько памятников. Так, на Полтавщине недавно открыли памятник духовному покровителю города Комсомольск – Святому Николаю. Сам монумент представляет собой постамент с фигурой Св. Николая, который в одной руке держит Евангелие, а второй благословляет город и всех, кто приходит к памятнику. Его архитектором является полтавчанин Дмитрий Коршунов. Памятный знак Святому Николаю – покровителю Луцка – был торжественно открыт 23 апреля 2000 г. Автор памятника – скульптор Ярослав Скаун. В 2005 г., на 216-летие Николаева в этом областном центре также открыли памятник Святому Николаю Чудотворцу. Сооружение этого памятника в Николаеве не случайно, так как именно святой Николай дал свое имя городу корабелов. Авторы памятника – скульптор И. Булавицкий, архитекторы А. Павлов и А. Бондарь.

Кроме того, появился ряд памятников, посвященных монахам и подвижникам благочестия. Один из них недавно установлен в Святошинском районе Киева. Так, 17 февраля 2006 г. в Киеве открыли памятник Николаю Святоше. Именно в этот день 900 лет тому назад преподобный князь Святослав-Панкратий Давидович Черниговский принял постриг и монашеское имя Николай («Святоша» – сокращенное имя Святослава: так называли его родные).

Процесс духовного возрождения наблюдается сейчас в национальном самосознании украинского народа и сопровождается формированием определенного отношения к антирелигиозным действиям советской власти, которое отражается в монументальном искусстве в виде сооружения памятных знаков, увековечивающих память о священниках, погибших в советские времена, и память об уничтоженных религиозных святынях. Так, в июне 2004 г. в Соборном парке Черкасс был открыт Памятник разрушенным храмам и репрессированным священнослужителям. Памятник установлен возле мемориальной часовни в память о жертвах сталинских репрессий на территории комплекса Свято-Михайловского собора в Соборном парке. Он представляет собой бронзовую фигуру священника, который будто бы вышел из храма и в отчаянии склонился над сброшенным с его купола крестом и разбитым колоколом. Идея памятника как мемориала разрушенным храмам принадлежит владыке Софроню.

Памятники историческим личностям и историческим событиям

Поскольку история любого народа является также одним из наиболее характерных его признаков, разумеется, что трансформация национального самосознания и идентичности, которая усилилась после распада Советского Союза, не могла не сопровождаться появлением многочисленных памятников, посвященных украинским историческим личностям и историческим событиям.

Так, во времена независимости было установлено несколько памятников князьям эпохи Киевской Руси. В частности, в 1993 г. известный русский скульптор Вячеслав Клыков подарил одну из своих работ – памятник Святому равноапостольному Великому князю Владимиру – городу Севастополю. Сначала планировалось установить его на территории Херсонесского заповедника. Однако, учитывая роль князя Владимира в истории Херсонеса, памятник был установлен в 1994 г. не на территории заповедника, а на пути к нему. Еще один памятник князю Владимиру установлен в 2001 г. в женском монастыре Владимира-Волынского. Наиболее известный памятник Великому князю Ярославу Мудрому, за время правления которого Киевская Русь достигла небывалого расцвета, стоит в Киеве рядом с Золотыми Воротами. Авторы этого памятника – скульпторы М. Билык, О. Редька, В. Сивко, архитекторы Р. Кухаренко и Ю. Лосицкий. Установили скульптуру в сквере возле Золотых ворот в 1997 г. Князь изображен сидящим с макетом Софийского собора в руках.

В последние годы появились многочисленные памятники героям казацкой эпохи. Формируется обобщенный образ украинского рыцаря – Казак Мамай, один из известнейших памятников которому установлен в центре Киева. Казак Мамай, наверное, наиболее архаичный народный образ певца-воина, хранителя старинных знаний, защитника родной земли и будителя народной воли. Особой таинственностью окутано его *характерничество*, которое указывает на уникальные качества его характера. *Характерник* – казак, наделенный сверхъестественными способностями, волшебник, чародей, колдун, знахарь. Характерники могли останавливать кровь, снимать боль, лечить раны. Считалось, что характерники могут мгновенно преодолевать большие расстояния, превращаться в разные предметы или становиться невидимыми. Характерники были неуязвимы в бою и владели особыми

приемами военного искусства, которое обеспечивало победу казаков над врагами. Таким эпическим, полумифическим героем-характерником и выступает Казак Мамай.

Целый ряд памятников и памятных знаков был посвящен гетманам Украины. Так, один из известных памятников Дмитрию Вишневецкому (Байде) установлен перед Вишневецким дворцом. (Авторы памятника – скульптор Я. Лоза и архитектор В.И. Блюсюк). Здесь родился Дмитрий – Байда Вишневецкий, легендарный основатель казацкой дружины на Малой Хортице, которая стала первым прототипом Запорожской Сечи на Днепровских порогах. Второй известный памятник установлен недавно на территории национального культурно-исторического заповедника в Хортице Запорожской области.

Первый в Украине памятник гетману Петру Конашевичу Сагайдачному был открыт в год провозглашения независимости Украины – в 1991 г. Этот памятник, установленный в Хотине (скульптор И. Гамаль), увековечивал Сагайдачного как героя хотинской войны 1621 г. В те сложные времена возглавляемое Сагайдачным 40-тысячное войско сыграло решающую роль в разгроме 300-тысячной турецкой армии под Хотинном.

Знаменитый памятник Богдану Хмельницкому в Киеве был первым, но далеко не единственным в Украине. Позднее памятники Хмельницкому были установлены в городах Чигирин на Богдановой горе, в Хмельницком, Черкассах, Запорожье, Скалате и в селе Субботове. Существует также памятный знак Б. Хмельницкому на острове Хортица. На камне надпись: «В январе 1648 г. возле о. Хортица запорожские казаки во главе с Б. Хмельницким впервые разгромили отряд польских угнетателей».

В годы независимости появились памятники предводителям народных восстаний, в частности, предводителям Колиивщины – Максиму Железняку и Ивану Гонте. Так, в центре поселка Медведевка Черкасской области недавно установлен памятник руководителю восстания гайдамаков 1768–1769 гг., известного под названием Колиивщина, казацкому атаману Максиму Железняку. Инициаторами его создания стали учителя-пенсионеры Чигиринского района Черкасщины, которые ходили от дома к дому с подписными листами и собирали на памятник деньги. Недалеко от этого поселка, на родине Железняка в селе Ивовцы также установлен его бюст работы скульптора Ивана Гончара. А с недавних пор каждого, кто прибывает к городу Христиновка, встреча-

ет на въезде памятник Ивану Гонте. Это первый памятник в Украине одному из руководителей Коалиции (скульптор В. Сулима). Его открыли 24 октября 2009 г.

В последнее время появляются в Украине и памятники выдающимся историческим личностям XX в. Так, есть в Ивано-Франковской области город, который называется Долина. В центре города, рядом с домом райгосадминистрации в первые годы независимости Украины поставили первый в нашем государстве памятник Михаилу Грушевскому, чьим именем назвали и главную улицу города. После него памятники выдающемуся государственному и общественному деятелю прошлого столетия, украинскому историку М. Грушевскому были установлены во многих городах Украины. В частности, в 1994 г. памятник Грушевскому был открыт во Львове (скульпторы Д. Кривавич, М. Посикира, Л. Яремчук, архитектор В. Каменщик). Позднее памятник М. Грушевскому, первому президенту Украинской Республики, главе Центральной Рады был установлен и в Киеве – на углу улицы Владимирской и бульвара Тараса Шевченко, возле Дома учителя (бывшего дома Центральной Рады, которую возглавлял Грушевский). Символично, что памятник открыли 1 декабря 1998 г., в день 7-ой годовщины всеукраинского референдума, в котором большинство населения высказалось в пользу независимости Украины. Авторы проекта – скульптор В. Чепелик и архитектор М. Кислый.

В 1989 г. в городе Валки на Харьковщине появился первый памятник голодомору в Украине. С того времени сооружали их уже массово – и в селах, и в городках, и в больших городах. В 1990-е годы такие памятники мало отличались друг от друга – стела с большим православным крестом (как в селе Зарудье на Полтавщине) или пирамидка со столбами в виде свечек (как в селе Пустовиты на Киевщине). На Черниговщине – в с. Сокиринцы установлен памятник жертвам голодомора в виде креста, обвитого колючей проволокой. Простые памятники. Недаром говорят в народе: «Чем более простой памятник, тем большую печаль навеивает».

Первый всеукраинский мемориал, посвященный голодомору, появился в 1993 г. на Печаль-горе вблизи Мгарского монастыря на Полтавщине. Это 30 колоколов, под сводом одного большого колокола, увенчанного крестом. Он сооружен на средства Украинского фонда культуры Лубенщины. Архитектор памятника – А. Игнащенко, конструктор – И. Лебедич. Мемориал памяти жертв голодомора в Киеве был

открыт 22 ноября 2008 г., в День памяти жертв голодомора в Украине. Комплекс построен по проекту Народного художника Украины А. Гайдамаки, архитектор – Ю. Ковалев. Одним из последних своих указов на посту Президента Украины В. Ющенко 18 февраля 2010 г. предоставил мемориалу статус национального. Центр композиции мемориала – «Свеча памяти» – 32-х метровая бетонная часовня, выполненная в форме белой свечи с позолоченным ажурным пламенем. Грани свечи украшены орнаментом из окошек, напоминающим украинскую вышивку. Эти крестики-окошки символизируют души украинцев, которые погибли от голода.

Вячеслава Чорновила – литературного критика, публициста, главу Народного руха Украины (движения сопротивления против русификации и национальной дискриминации украинцев) – часто называли и называют совестью украинского народа, флагом независимости 1990-х годов. В декабре 2002 г. памятник трагически погибшему Вячеславу Чорновилу был сооружен во Львове (скульптор Иван Самотос), а 23 августа 2006 г. памятник выдающемуся государственному и общественному деятелю Вячеславу Чорновилу был открыт и в столице Украины. По замыслу авторов памятника – скульптора Богдана Мазура и архитектора Юрия Мельничука – бронзовый Чорновил «ломает стену», проходит сквозь нее и идет вперед строить украинскую государственность.

Государственная символика в монументальном искусстве Украины

С обретением независимости в Украине все чаще стали появляться памятники и памятные знаки с изображением трезубца как центрального элемента Малого герба Украины. На сегодняшний день в Украине существует два типа таких памятников: монументы, посвященные каким-то событиям или личностям, в которых трезубец играет лишь вспомогательную символическую роль, и памятные знаки, непосредственно посвященные трезубцу. Примером первых может служить монумент, посвященный увековечиванию памяти погибших в битве под Крутами, который представляет собой колонну, увенчанную трезубцем как символом независимости Украины, за которую и были отданы жизни погибших в этой битве. Примером памятников второго типа может служить памятный знак в честь утверждения трезубца как основы современного Малого герба Украины, открытый 3 марта 2006 г. в городе

Коростене Житомирской области. Этот памятник на собственные средства соорудил местный предприниматель В. Козаренко, который был и его автором. Город для установления памятника избрали не случайно: впервые трезубец утвердили национальным гербом Украины именно в Коростене.

В Харькове в День Государственного Флага Украины установили памятный знак, посвященный этому национальному символу. В центре города на проспекте Правды состоялась церемония поднятия Государственного Флага Украины. В честь праздника харьковчане установили самый высокий в Украине флагшток, высотой в 22 метра.

Одним из символов любого государства является его национальная валюта. Поэтому не удивительно, что в Украине после обретения ею независимости не только была введена собственная денежная единица, но и начали появляться памятные знаки в ее честь. Подобным примером может служить памятник гривне, установленный в мае 2005 г. в центре Донецка возле одного из отделений Проминвестбанка.

Обретение Украиной независимости поставило перед художниками задачи поиска новых форм олицетворения Родины. Этот процесс начался в конце XX в., а первые соответствующие памятники начали появляться на улицах и площадях городов в начале третьего тысячелетия. Событием, в честь которого были установлены первые монументы нового типа, было празднование 10-ой годовщины независимости Украины. Так, в Киеве, на площади Независимости, в 2001 г. был сооружен монумент Независимости – высокая колонна, увенчанная фигурой независимой Украины в виде женщины, одетой в традиционную праздничную украинскую одежду и держащую в руках один из национальных символов – ветвь калины.

Памятник, посвященный 10-ой годовщине независимости Украины, был установлен также в 2001 г. и в первой столице Украины – в Харькове. Его авторы – скульптор О. Ридный и архитектор Ю. Спасов – озаменовали годовщину независимости сооружением высокой 16-метровой колонны, на верхушке которой сидит сокол – символ воли, крылья которого сложены в форме трезубца. Весьма интересно, что в харьковском варианте воплотилась попытка художников переосмыслить традиционный скульптурный образ Украины и подать его не традиционно – в виде зрелой женщины, а как образ ребенка. Учитывая 10-летие независимости, авторы памятника символически изображают независимую Украину в виде десятилетней девочки, которая одета в

простое платье и стоит, протягивая в приветствии руки. Символично, что моделью для фигуры девочки, стоящей у подножия колонны, послужила 10-летняя Дарина Стрелец – первый ребенок, который родился в Харькове после провозглашения Независимости Украины 24 августа 1991 г. Памятник дополнен 10-ю флажками с государственными флагами. Весьма характерна для новейшей украинской монументалистики и надпись вокруг колонны: «Боже, Украину береги». Понятно, что ничего подобного не могло появиться в советские – подчеркнуто атеистические – времена.

Особенности национальной кухни в искусстве Украины

Символика народной материальной культуры была особенно насыщенной в сфере традиционной кулинарии, и это закономерно, поскольку украинцы – извечный земледельческий народ – оставались такими вплоть до конца XIX в. Соответственно и традиционно-бытовая культура основывалась на ценностях земледельческой работы, культе земли и плодородия, почитании главной ценности хлебопашества – хлеба. Украинский фольклор пестреет формулами, его возвеличивающими и подчеркивающими приоритет: «Хлеб – всему голова», «Без хлеба – нет обеда», «Хлеб и вода – нет голода». Наверное, именно поэтому в Украине существует специальный памятник хлебу, где воспроизведены хорошо знакомые каждому украинцу хлебобулочные изделия – каравай, батон, бублик, ломтики хлеба и т.п.

Образцами мировой народной кулинарии и, вместе с тем, маркером самобытной украинской культуры еще в XVII–XVIII в. стали такие кушанья, как борщ, галушки, вареники, взвар и т.п. Названия всех этих кушаний часто употреблялись в словосочетаниях: украинский борщ, украинские (полтавские) галушки, украинские вареники, украинское сало и т.д. Действительно, украинские вареники наряду с хлебом и борщом являются одним из известнейших символов Украины. Вареник был элементом обрядовой культуры Украины, начиная еще со времен Киевской Руси. Ни один более или менее серьезный праздник то ли в семье, то ли в общине не обходился без поедания этого блюда. Наверное, неслучайно, учитывая исключительное значение вареников в национальном сознании украинцев, их образ часто используется в искусстве, в том числе, и в монументальном. Так, еще до появления соответствующих образцов в Украине, памятник любимому кушанью – в

виде вареника на вилке – был сооружен в Канаде, в г. Торонто, где живет много мигрантов из Украины. В сентябре 2006 г. в Черкассах также открыли памятник украинскому варенику. Это был первый в Украине памятный знак любимому блюду. Проект памятника создал заслуженный художник Украины Иван Физер. В основе памятника – фигура казака Мамай, который ест вареники, а фоном ему служит огромный вареник в форме месяца.

В августе 2010 г. на Кировоградщине, на 235-м километре трассы Одесса – Киев возле ресторана «Сало» был открыт памятник «варенику, который победил кризис 2009 г.». Автором идеи и дизайна был владелец ресторана, ректор Киевского национального университета культуры и искусства Михаил Поплавский. На облицованном плиткой постаменте установлена трехметровая вилка. На ней – белый вареник, сделанный из полимерного материала. Ночью памятный знак, который выполняет еще и функцию дорожной рекламы, изнутри подсвечивается. На вилке – табличка «Памятник варенику, который в 2009 г. победил кризис». «Победа кризиса», вероятно, связана с относительной дешевизной блюда, т.е. его доступностью для всех слоев населения, даже во времена кризиса.

В 2006 г. в Полтаве был открыт памятник Полтавской галушке. Торжественное открытие памятника первого апреля было приурочено ко Дню рождения писателя Николая Гоголя, который прославлял в своих произведениях это национальное украинское блюдо. Памятник Галушке расположен в историческом месте Полтавы, возле музея украинского писателя И. Котляревского, в поэме которого («Энеида») также упоминается украинская кухня с полтавскими галушками. Авторами массивного памятника, сооруженного из камня, стали народный художник Украины Анатолий Чернощев и скульптор Николай Цись. Памятник, который символизирует благосостояние и благополучие семьи, сделан в виде большой глубокой тарелки с готовыми к употреблению 12-ю галушками и ложкой на специальном постаменте. Интересно, что после сооружения памятника галушка стала официальным символом Полтавы, а памятный знак галушке официально обрел статус символа города.

В 2008 г. на Киевщине в честь 40-летия Института картофелеводства Украинской академии аграрных наук был открыт памятник «Ее Величеству Картошке». Установили его во дворе института, в поселке Немишаево Бородянского района Киевской области. Автор памятника

– скульптор из Могилева-Подольского Николай Крыжанивский. Появление памятника картофелю в Украине неслучайно. Картофель в Украине – это второй хлеб, популярнейший продукт в настоящее время. В сентябре 2009 г. в городе Коростене на Житомирщине, которая славится своим картофелем, открыли памятник одному из любимейших картофельных блюд – дерунам. Автором памятника был коростенский художник В. Козыренко. Памятник сделан в виде корзины с дерунами, установленной на постаменте из серого и красного гранита, добытого в Коростенском районе.

Картофель – не единственная овощная культура, увековеченная в Украине. Уникальный памятник, сделанный в виде погребца и бочки с огурцами, был открыт в 2005 г. рядом с Нежинским консервным комбинатом, производителем известного далеко за пределами Украины продукта. Гранитный нежинский огурец весит свыше 50 кг, а глыбу, из которой он сделан, привезли из Италии. Идея памятника принадлежала Нежинскому горисполкому, а воплотить ее помог автор проекта – Леонид Воробьев.

Не только нежинские огурцы (как овощная культура, связанная с определенным регионом Украины) получили всеукраинское и не только украинское признание. Любят у нас и другие культуры, наиболее успешное выращивание которых ассоциируется в народном сознании с определенной областью страны. Примером последних могут служить херсонские арбузы. Именно поэтому недавно на трассе Днепропетровск–Херсон был установлен памятник этой любимой в народе огромной ягоде. Еще один памятник арбузу был установлен в августе 2008 г. ко дню Всеукраинского фестиваля «Сладкое чудо», традиционного проходящему в Голой Пристани на Херсонщине – арбузной столице Украины.

Говоря об украинской традиционной кухне, нельзя не вспомнить тех представителей животного мира, которые в национальном самосознании выступают едва ли не главнейшими маркерами украинской культуры. Наверное, важнейшая роль среди них принадлежит свинье и кушаньям из нее, а всем известные выражения типа «Какой же украинец не любит сала» являются еще одним свидетельством выдающейся роли и этих животных, и продуктов, которые из них вырабатываются, как для традиционной, так и для современной жизнедеятельности народа. Проявлением осознания этой роли стало создание нескольких памятников свинье в разных уголках Украины. Одним из первых был

установлен памятник свинье в Ромнах. Это случилось 1 апреля 2000 г. во время проведения первого всеукраинского юмористического фестиваля «Любителей сала». На постаменте – гранитная плита с надписью «От искренних украинцев». Памятник свинье вызывает улыбку у жителей и гостей города, является одним из наиболее любимых объектов для фотографирования.

В 2002 г. памятник свинье с двумя босоногими фигурами детей-пастухов установили в Полтаве по инициативе директора Украинского института свиноводства Валентина Рыбака – «так как, какие же полтавские галушки без жареного сала». «Извечной кормилицей украинского народа» названа свинья в надписи на этом памятнике. Памятник Свинье и Салу появился и в Луцке в 2009 г. Вырезанная из дуба 850-килограммовая свинка с куском сала попала в «Книгу рекордов Украины». Памятник представляет собой высеченную из дуба свинью, которая сидит на лавке, а в копытах держит огромный кусок сала.

Монументальное воспроизведение черт национального характера

В Тернополе на бульваре Тараса Шевченко был установлен второй в Украине и Европе 2,5-метровый памятник пчеле-труженице. Как извещил один из спонсоров сооружения памятника Василий Чубак, эта скульптурная композиция символизирует трудолюбие украинцев. Эскиз и проект памятника пчеле изготовил львовский скульптор и архитектор Вячеслав Матвеев.

Однако не только положительные характеристики украинского национального характера являются предметом отражения в монументальном искусстве. Так, 17 октября 2007 г. в городе Бердянске был открыт памятник «украинской жабе». Жаба с сигарой, двумя мобильными телефонами, пачкой банкнот и массивной золотой цепью сидит на головах четырех людей: мужчины, женщины, старика и ребенка. Она служит наглядным олицетворением фразы «жаба давит», символизируя тот факт, что такие недостатки, как зависть и жадность, проявления которых в нашей жизни хотелось бы уменьшить, в последнее время являются актуальными среди представителей всех слоев общества и всех возрастных групп⁸.

Интересно, что через год аналогичный памятник «украинской жабе» установили в городе Голая Пристань Херсонской области. Идея украсить этой скульптурой набережную Гопры (так сокращенно называют

свой город его жители) возникла накануне 299-летия города. Необычна предыстория появления этого памятника. Организаторы его создания объявили конкурс среди местного населения на лучшее воплощение украинского порока. В результате народного голосования было установлено, что наибольшая беда украинцев – это жадность и зависть. Поэтому именно эти отрицательные черты украинского характера и решили воссоздать. Автором композиции выступил херсонский художник Александр Тепляков. 200-килограммовую скульптуру «украинской жабы» установили в любимом месте горожан – на набережной. За полгода до открытия памятника был объявлен народный конкурс на лучшую подпись для композиции. Победили в конкурсе строки, которые и высечены сейчас на постаменте:

«Якби нас Жаба не давила,
І щоб була у нас ще сила,
І ще щоб мудрості додати –
Яку б могли країну мати!»

К сожалению, объем публикации не позволяет не только представить в ней фотографии памятных знаков, о которых идет речь в статье, но и рассмотреть другие компоненты национального самосознания, которые воссоздает современная монументалистика. Более того, без внимания остается множество других проблем, в частности, проблема конфликтных зон в современном национальном самосознании, одним из выразительных проявлений которой выступает так называемая «война памятников». (Особенно часто она касается представлений разных слоев украинского общества относительно роли и значения в истории Украины тех или иных личностей – Сталина, Екатерины II, Бандеры, Мазепы и других, и необходимости их увековечивать). Тем не менее, приведенный материал, на наш взгляд, подтверждает идею о том, что произведения монументального искусства могут служить важным материалом для этнопсихологии, в частности, того ее направления, которое изучает национальное самосознание и национальную идентичность в разные исторические эпохи.

¹ Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.

² Гнатенко П.И. Национальная психология. Днепрпетровск, 2000.

-
- ³ *Barrett M.* Children's knowledge, beliefs and feelings about nations and national groups. Psychology Press. 2007.
- ⁴ *Павленко В.Н., Корж Н.Н.* Трансформация социальной идентичности в Украине и России // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 75–88.
- ⁵ *Павленко В.Н., Таглин С.А.* Общая и прикладная этнопсихология: Учебное пособие. М., 2005.
- ⁶ *Wanner C.* Urban Landscape // *Wanner C.* Burden of Dreams: history and identity in post-Soviet Ukraine. The Penn State University Press. 1998. Pp. 171–201.
- ⁷ *Павленко В.М.* Проекції національної свідомості в монументальному мистецтві України. Навчальний посібник. Х., 2010; *Она же.* Понятия «национальное самосознание» и «национальная идентичность» и их проекции в монументальном искусстве Украины // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии. Вторая междунар. науч. конф. (26–27 мая 2010 г., г. Смоленск). Смоленск, 2010. С.194–197.
- ⁸ *Левіч В.* Пам'ятник жабі, або Національна ідея як втілення національного характеру. Електронний ресурс. <http://dere.com.ua/library/reshta/zhaba.shtml>.

Выбор украинскими студентами языка общения как индикатор трансформации этнической идентичности

Отношение студентов к украиноязычному общению, психологические предпосылки повышения его престижности в студенческой среде как показатель трансформации этносоциальной идентичности учащейся молодежи в Украине изучались на протяжении 2006–2010 гг. в рамках Государственной программы развития и функционирования украинского языка на 2004–2010 гг.

Среди главных задач исследования было определение эмпирических критериев, выработка инструментария, отработка технологии и практическое осуществление социально-психологического мониторинга использования украинского языка в студенческой среде, определение уровня психологической готовности студентов к расширению сферы употребления украинского языка в частной и общественной жизни, выяснение социально-психологических предпосылок подобного расширения в связи с трансформацией этносоциальной идентичности молодежи.

Методика и процедура исследования. В основу разработанного и осуществляемого мониторинга были положены ежегодные (осенью) опросы 1800 студентов высших учебных заведений III–IV уровней аккредитации в девяти городах Украины. Это были студенты из Винницы (Винницкий государственный педагогический университет им. Михаила Коцюбинского, Винницкий филиал Университета современных знаний), Запорожья (Запорожский национальный университет, Запорожский государственный медицинский университет, Запорожская государственная инженерная академия), Киева (Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киевский национальный торгово-экономический университет, Киевский славистический университет), Луганска (Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко), Луцка (Волынский национальный университет им. Леси Украинки, Луцкий институт развития человека университета «Украина»), Львова (Львовский национальный университет им. Ивана Франко, Львовский национальный университет «Львовская политехника», Львовский национальный медицинский университет им. Данилы Галицкого, Львовский государственный университет внутренних дел), Одессы (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Южноукраинский

национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского), Симферополя (Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Национальная академия природоохранного и курортного строительства, Крымский государственный медицинский университет им. С.И. Георгиевского, Крымский индустриально-педагогический университет, Крымский гуманитарный университет, Крымский филиал Европейского университета), Чернигова (Черниговский национальный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко) – по 200 чел. в каждом из этих городов.

Каждый город представлял один из девяти политико-идеологических регионов современной Украины, определенных на основании результатов изучения массового политического сознания, проводившегося Институтом социальной и политической психологии НАПН Украины с 1994 г.¹ Для дальнейшей обработки они были объединены в три региона: Запад (Луцк и Львов), Центр (Винница, Киев, Чернигов), Восток (Запорожье, Луганск, Одесса, Симферополь). Для респондентов Запада и Центра предлагались опросники на украинском, а Востока – на русском языке.

Опрашивались студенты преимущественно 2–4 курсов – как наиболее типичные представители студенчества (первокурсники в первые месяцы обучения еще не совсем перестроились на новый образ жизни, а студенты старших курсов в большой степени настроены на дальнейшие – уже не студенческие – реалии).

Доля лиц мужского пола среди опрошенных в разные годы колебалась от 32 до 44%, а женской, соответственно, – от 56 до 68%. Следует отметить, что принципиальные различия между оценками языка общения студентами обоих полов не были зафиксированы.

Выбор языка общения. Опросники, которые предлагались студентам на протяжении пяти лет, содержали общую – инвариантную – часть, представлявшую собой перечень из 20 типичных ситуаций выбора языка современным украинским студентом. Они были получены по результатам первого опроса 2006 г., в котором студенты изначально оценивали 40 подобных ситуаций. Из 40 отобраны 20 – те, на которые выпала самая большая нагрузка в пределах ведущих выделившихся факторов: «общаться с родителями», «писать заявление в государственную администрацию», «смотреть французскую кинокомедию», «общаться с любимой девушкой/парнем», «слушать комментарий к выступлениям по фигурному катанию», «слушать лекции в вузе», «ответить незнако-

мому человеку, обратившемуся по-русски», «смотреть документальный фильм об истории Украины», «смотреть мексиканскую мелодраму», «слушать репортаж о боксе», «общаться с друзьями», «смотреть американский боевик», «отвечать на семинарах», «рассказывать анекдоты», «слушать современные эстрадные песни», «петь вместе с друзьями на вечеринке», «ответить незнакомому человеку, обратившемуся по-украински», «писать курсовую работу», «смотреть рекламу», «сдавать экзамен».

Для оценки данных ситуаций предлагалась 5-балльная шкала, по которой полное предпочтение русского языка оценивалось в 1 балл, преобладающий выбор русского, частично украинского – 2, выбор в одинаковой степени украинского и русского – 3, преимущественно украинского, частично русского – 4, только украинского – в 5 баллов.

Факторный анализ в пределах пространства данных 20 признаков показал очень стабильную структуру языковых предпочтений студентов: ежегодно выделялись по три значимых фактора, содержание которых отражало выбор языка в трех сферах: *официального общения, восприятия информации, личного общения*. Включенные в опросник ситуации устойчиво делились на три соответствующие группы.

Динамика полученных оценок приобрела следующий вид (табл. 1).

Таблица 1. Оценка выбора языка общения студентами на протяжении 2006–2010 гг. (средние баллы)

№п/п	Ситуации выбора языка общения	Годы				
		2006	2007	2008	2009	2010
<i>Сфера официального общения</i>						
1	Писать курсовую работу	3,3	3,5	3,5	3,5	3,5
2	Сдавать экзамен	3,2	3,5	3,4	3,3	3,3
3	Писать заявление в госадминистрацию	3,6	3,8	3,7	3,7	3,8
4	Слушать лекции в вузе	3,2	3,4	3,3	3,4	3,3
5	Отвечать на семинарах	3,1	3,4	3,3	3,3	3,3
6	Смотреть документальный фильм об истории Украины	3,8	3,8	3,8	3,8	3,8
7	Ответить незнакомому человеку, об-	3,9	3,9	3,8	3,9	4,0

	ратившемуся по-украински					
Средний балл по сфере		3,4	3,6	3,5	3,6	3,6
<i>Сфера восприятия информации</i>						
8	Смотреть мексиканскую мелодраму	2,5	2,6	2,4	2,6	2,5
9	Смотреть американский боевик	2,3	2,4	2,4	2,6	2,4
10	Смотреть французскую кинокомедию	2,3	2,5	2,4	2,6	2,4
11	Слушать репортаж о боксе	2,7	2,8	2,7	2,9	2,8
12	Слушать комментарий к выступлениям по фигурному катанию	2,8	2,9	2,7	2,9	2,9
13	Слушать современные эстрадные песни	2,6	2,7	2,5	2,7	2,6
14	Смотреть рекламу	2,9	3,1	3,0	3,1	3,1
15	Петь вместе с друзьями на вечеринке	2,5	2,7	2,6	2,7	2,6
Средний балл по сфере		2,6	2,7	2,6	2,8	2,7
<i>Сфера личного общения</i>						
16	Ответить незнакомому человеку, обратившемуся по-русски	1,9	2,2	2,1	2,2	2,0
17	Общаться с любимой девушкой/парнем	2,5	2,8	2,7	2,7	2,7
18	Общаться с друзьями	2,5	2,8	2,7	2,7	2,7
19	Общаться с родителями	2,7	3,0	2,9	2,9	2,9
20	Рассказывать анекдоты	2,3	2,6	2,5	2,6	2,6

<i>Средний балл по сфере</i>		2,4	2,7	2,6	2,6	2,6
Средний балл по всем сферам		2,8	3,0	2,9	3,0	3,0

По представленным показателям балл 3 означает среднюю позицию между обоими языками, превышение 3 баллов является свидетельством большей благосклонности к украинскому языку, а показатель ниже 3 – к русскому.

Получается, что приверженность студентов украинскому или русскому языку вполне симметрична. Наиболее «украиноязычной» оказалась сфера официального общения, которая прежде всего ассоциируется с учебным процессом в вузе. В двух других сферах преобладает тяготение к русскому языку, отчетливее – в личном общении.

Более подробный анализ содержания индикаторов, распределившихся по трем группам, привлекает внимание к следующим двум обстоятельствам. Первое – это стабильное вхождение в разные факторы признаков, характеризующих выбор языка в ответ на обращение незнакомого человека на украинском или русском языке. Эти вроде бы аналогичные (но противоположные – в контексте выбора между двумя языками) признаки должны были бы войти в один фактор с разными знаками. Однако они четко и устойчиво входили в разные факторы: ответ на обращение по-украински – в фактор, отражающий сферу официального общения, а по-русски – личного. Видимо, подобное распределение отражает довольно распространенное, хотя и не всегда сознательно оформившееся мнение о том, что украинский язык больше подходит и должен употребляться в официальных ситуациях, в то время как русский более пригоден для межличностного общения.

Второе обстоятельство – то, что пение с друзьями на вечеринке попало в сферу восприятия информации, а не личного общения. Вероятно, в данном случае сказалось влияние на выбор языка со стороны современной эстрады, которая звучит главным образом в СМИ, является преимущественно русскоязычной, а следовательно, предлагает молодежи соответствующий материал.

Динамика полученных оценок отражает небольшие (но статистически значимые) колебания на протяжении 2006–2008 гг. и относительную стабилизацию показателей в 2009–2010 гг.

Ответы студентов вполне согласовываются с традиционными для Украины региональными различиями: на протяжении всех лет, в т. ч. и в 2010 г., на Западе поддержка украинского языка является самой высокой, а на Востоке – наиболее низкой (табл. 2).

Таблица 2. Оценка выбора языка общения студентами в различных регионах в 2010 г. (средние баллы)

№ n/n	Ситуации выбора языка общения	Регионы			В целом по Украине
		Запад	Центр	Восток	
<i>Сфера официального общения</i>					
1	Писать курсовую работу	4,9	4,7	1,8	3,5
2	Сдавать экзамен	4,9	4,6	1,6	3,3
3	Писать заявление в госадминистрацию	4,9	4,8	2,4	3,8
4	Слушать лекции в вузе	4,9	4,5	1,6	3,3
5	Отвечать на семинарах	4,9	4,4	1,6	3,3
6	Смотреть документальный фильм об истории Украины	4,8	4,5	2,8	3,8
7	Ответить незнакомому человеку, обратившемуся по-украински	5,0	4,5	3,2	4,0
<i>Сфера восприятия информации</i>					
8	Смотреть мексиканскую мелодраму	3,5	2,7	1,8	2,5
9	Смотреть американский боевик	3,4	2,7	1,7	2,4
10	Смотреть французскую кинокомедию	3,5	2,7	1,7	2,4
11	Слушать репортаж о боксе	4,1	3,1	1,9	2,8
12	Слушать комментарий к выступлениям по фигурному катанию	4,1	3,3	1,9	2,9
13	Слушать современные эстрадные песни	4,2	2,7	2,1	2,6
14	Смотреть рекламу	4,3	3,6	2,3	3,1
15	Петь вместе с друзьями на	3,7	2,8	1,9	2,6

	вечеринке				
<i>Сфера личного общения</i>					
16	Ответить незнакомому человеку, обратившемуся по-русски	3,6	2,0	1,3	2,0
17	Общаться с любимой девушкой/парнем	4,7	3,0	1,5	2,7
18	Общаться с друзьями	4,7	3,0	1,5	2,7
19	Общаться с родителями	4,8	3,3	1,6	2,9
20	Рассказывать анекдоты	4,2	2,8	1,6	2,6

Как видно из представленных данных, студенты на Западе почти полностью предпочитают украинский язык в сфере официального общения и, несколько меньше, в личном общении. В то же время в сфере восприятия информации в определенной степени допускается и русский язык.

Симметрично противоположную позицию занимают студенты на Востоке, которые почти во всех сферах и ситуациях явно предпочитают русский язык и лишь частично поступают этим в пользу украинского (менее всего – в сфере личного общения). Только в одном случае – ответа на украиноязычное обращение – декларируется небольшое преимущество в пользу украинского языка.

Все показатели студентов из центральноукраинских городов занимают место между оценками их западных и восточных коллег. Однако в сфере официального общения студенты из Центра намного ближе к ровесникам из Запада, тогда как в сфере восприятия информации и в личном общении их позиции располагаются где-то посередине на приблизительно одинаковом расстоянии от двух остальных групп.

Причины избегания украинского языка на Востоке. Еще одним показателем, оценка которого приобрела характер мониторинга, стал перечень причин, которые удерживают молодежь Востока Украины от более активного пользования украинским языком.

В ходе предварительной экспертной оценки были определены десять возможных причин: «не знают должным образом украинского языка», «на Востоке украинский язык непрестижен», «не испытывают потребности, так как все понимают русский», «украинский язык не нравится», «боятся быть белыми воронами в русскоязычном окружении», «отсутствует украиноязычная среда», «опасаются, что это изменит их личность», «это противоречит их идеологическим взглядам», «не хотят поддаваться официальному давлению», «не думают, что это важно».

Приведенные причины были включены в опросник в исследованиях 2006, 2007 и 2010 гг. Респонденты определяли их важность по 5-балльной шкале: 1 балл – причина совершенно не важная, 2 – маловажная, 3 – в определенной мере важная, 4 – достаточно важная, 5 баллов – очень важная.

В результате факторного анализа стабильно (с незначительными вариациями содержания) выделялись четыре фактора, совокупность которых объясняла от 60 до 62% суммарной дисперсии.

Первый фактор был интерпретирован как *«подчинение влиянию окружения»*. Его образовывали следующие признаки: «отсутствует украиноязычная среда», «боятся быть белыми воронами в русскоязычном окружении», «не знают должным образом украинского языка».

Второй фактор был определен как *«стремление сохранить психоидеологическое постоянство»*. В него входили такие признаки: «не хотят поддаваться официальному давлению», «опасаются, что это изменит их личность», «это противоречит их идеологическим взглядам».

Третьему фактору дано название *«пренебрежительное отношение к украинскому языку»*. Он состоит из следующих признаков: «украинский язык не нравится», «на Востоке украинский язык непрестижен».

Четвертый фактор определен как *«обесценивающая позиция по отношению к проблеме»*. Данный фактор образован такими признаками: «не думают, что это важно», «не испытывают потребности, так как все понимают русский».

Было получено следующее распределение оценок (табл. 3).

Таблица 3. Оценка причин избегания украинского языка молодежью в Восточной Украине (средние баллы)

№ п/п	Причины избегания	Годы		
		2006	2007	2010
<i>Подчинение влиянию окружения</i>				
1	Боятся быть белыми воронами в русскоязычном окружении	3,2	3,2	3,5
2	Отсутствует украиноязычная среда	3,7	3,5	3,5
3	Не знают должным образом украинского языка	3,3	3,2	2,7
<i>Стремление сохранить психоидеологическое постоянство</i>				
4	Это противоречит их идеологическим взглядам	2,8	2,9	2,6

5	Не хотят поддаваться официальному давлению	2,9	2,9	2,6
6	Опасаются, что это изменит их личность	2,5	2,6	2,3
<i>Пренебрежительное отношение к украинскому языку</i>				
7	Украинский язык не нравится	3,1	3,1	2,8
8	На Востоке украинский язык непрестижен	3,1	3,2	2,4
<i>Обесценивающая позиция по отношению к проблеме</i>				
9	Не думают, что это важно	3,3	3,4	3,2
10	Не испытывают потребности, так как все понимают русский	3,5	3,5	2,9

Среди оцениваемых причин самое большое значение придается влиянию окружения, далее идут основания для обесценивания проблемы, признаки пренебрежительного отношения к украинскому языку, стремление сохранить психоидеологическое постоянство.

На протяжении четырех лет усилилось значение лишь одного индикатора – нежелание «быть белыми воронами». В то же время важность остальных девяти причин снизилась, а наиболее существенно – такие объяснения причин избегания украинского языка, как его непрестижность, незнание и отсутствие потребности говорить по-украински, поскольку «все понимают русский».

Региональные различия оценок причин избегания восточноукраинской молодежью украиноязычного общения приобрели следующий вид (табл. 4).

Таблица 4. Оценка причин избегания украинского языка молодежью в Восточной Украине респондентами из различных регионов в 2010 г. (средние баллы)

№ п/п	Причины избегания	Регионы			В целом по Украине
		Запад	Центр	Восток	
<i>Подчинение влиянию окружения</i>					
1	Боятся быть белыми воронами в русскоязычном окружении	3,3	3,5	3,6	3,5
2	Отсутствует украиноязычная среда	3,6	3,5	3,4	3,5
3	Не знают должным образом украинского языка	3,3	3,0	2,3	2,7

<i>Стремление сохранить психоидеологическое постоянство</i>					
4	Это противоречит их идеологическим взглядам	2,9	2,6	2,5	2,6
5	Не хотят поддаваться официальному давлению	2,7	2,6	2,5	2,6
6	Опасаются, что это изменит их личность	2,6	2,4	2,0	2,3
<i>Пренебрежительное отношение к украинскому языку</i>					
7	Украинский язык не нравится	2,7	2,8	2,9	2,8
8	На Востоке украинский язык непрестижен	2,4	2,4	2,3	2,4
<i>Обесценивающая позиция по отношению к проблеме</i>					
9	Не думают, что это важно	3,5	3,3	3,1	3,2
10	Не испытывают потребности, так как все понимают русский	3,4	3,1	2,5	2,9

Приблизительно в половине случаев оценки студентов из разных регионов принципиально не различаются. Западноукраинские студенты несколько большее значение придают влиянию идеологических взглядов. В то же время студенты с Востока склонны ниже оценивать важность приведенных причин по сравнению со студентами из Центра и Запада. Особенно преуменьшают они значение таких признаков, как незнание украинского языка, недостаток потребности разговаривать на нем из-за распространенности русского языка, боязнь перед изменением личности. Получается, во-первых, что стереотип, якобы молодежь Востока Украины не знает украинского языка, расходится с автостереотипом этой молодежи, во-вторых, что восточноукраинские студенты, которые, как показано выше, выявляют намного меньшую предрасположенность к украиноязычному общению, вместе с тем стараются не предоставлять данному факту и его возможным причинам существенного значения.

Оценка принципиально одноязычных лиц. В ежегодных исследованиях ставились дополнительные задачи, выходящие за пределы собственно мониторинговой части и имевшие целью дополнять мониторинг материалами сугубо психологического содержания. В 2006 г.

определялись, в частности, особенности отношения студентов к поведению лиц, которые активно пользуются одним языком – украинским или русским – и принципиально игнорируют другой.

В опроснике студентам предлагалось оценить по методу семантического дифференциала (35 двухполюсных 5-балльных шкал) человека, который разговаривает только на украинском языке, не переходя на русский, и, аналогично, человека, разговаривающего только на русском языке, не переходя на украинский.

Центральным признаком, в котором наиболее весомо воплощается восприятие принципиально одноязычных лиц, оказалась такая черта, как «дружелюбие – недружелюбие». Распределение ее оценок составило, соответственно, 23% – 22 – 39 – 9 – 7% относительно украиноязычных лиц и 19% – 19 – 45 – 12 – 5% – русскоязычных. Как видим, оценки почти аналогичные, разве что русскоязычным приписывается несколько более низкий уровень дружелюбия. Следовательно, принципиально украино- или русскоязычные лица оцениваются студентами по приблизительно одинаковым критериям, главным из которых является уровень положительной или отрицательной готовности к коммуникативному взаимодействию с другими людьми.

Вместе с тем проявилась другая тенденция, отрицающая подобное социально-психологическое сходство: в факторном анализе оценки граждан, принципиально общающихся на каком-то одном из двух языков, разошлись по двум отдельным факторам. Не имеют места, следовательно, ни существенное совпадение таких оценок, ни более или менее выраженная зеркальность их на основе приписывания украино- и русскоязычным лицам противоположных черт.

Впрочем, общим для оценок граждан, представляющих обе языково-коммуникативные позиции, оказалось их отношение к проблеме власти. Именно индикаторы данного типа вошли с наибольшей нагрузкой в один из факторов и касаются украино- и русскоязычных лиц одновременно. По шкале «хочет власти – не хочет власти» оценки распределились таким образом: 19% – 21% – 52% – 4% – 4% относительно украиноязычных лиц и 20% – 20% – 51% – 6% – 3% – русскоязычных. Почти идентичное распределение показывает, что принципиальное одноязычие – все равно, украинское или русское – существенным образом воспринимается как проявление посягательства на доминирующую позицию в общении.

Наблюдалась и такая интересная зависимость: оценка лица, разговаривающего на одном с большинством респондентов языке (украинском на Западе и в Центре, русском на Востоке), оказывается психологически более напряженной, чем оценка носителя другого языка. Возможно, возникновение подобного различия вызывается невольным сравнением себя с оцениваемым образцом и более или менее неосознанным «примериванием» на себя такого же поведения. В то же время поведение носителя другого языка воспринимается как более внешний фактор и является для респондента субъективно менее щепетильным.

Своеобразным психологическим средоточием оценки украиноязычных лиц стал комплекс следующих признаков (образовавших первый фактор): «надежность», «духовность», «искренность», а русскоязычных – «энергичность», «общительность», «открытость». Обоим этим перечням присуще содержание, отражающее личностную готовность и способность к коммуникативным актам. Однако можно предположить, что по поводу украиноязычного лица в большей степени речь идет о несколько более пассивной способности поддерживать отношения с другими людьми, а по поводу русскоязычного – об относительно более активной готовности их устанавливать.

В целом описанные характеристики коррелируют с довольно распространенными стереотипами, согласно которым русские и русскоязычные граждане отличаются большей социальной активностью и межличностной экстернальностью, в то время как украинцам и украиноязычным лицам свойственно вести себя более сдержанно и интернально.

Сравнительная оценка украинского, русского и английского языков. В 2007 г. часть опросника составили индикаторы (в виде семантического дифференциала с 5-балльной шкалой) оценки впечатлений студентов об украинском, русском и английском языке – по 25 одинаковых индикаторов на каждый из них.

По результатам факторного анализа в первый фактор вошли показатели с оценкой украинского языка. Самая большая нагрузка здесь пришлась на шкалу «привлекательный – непривлекательный», ответы по которой распределились следующим образом: 47% – 20 – 18 – 9 – 6%, соответственно.

Второй фактор составили оценки русского языка. Наиболее нагруженной относительно этого языка оказалась шкала «интересный – неинтересный»: 35% – 24 – 22 – 9 – 10%.

Индикаторы, отражающие впечатление респондентов об английском языке, вошли в третий фактор. Самую большую нагрузку получил показатель «приятный – неприятный» с распределением оценок 28% – 21 – 31 – 9 – 11%.

Факторный анализ данных отдельно по региональным группам показал интересные, хотя и незначительные различия в содержании оценок. В основном факторная структура данных по регионам оказалась аналогичной. Однако в массиве оценок, полученных на Западе (в отличие от Центра и Востока), первый и второй фактор поменялись местами. Это может свидетельствовать о том, что отношение западноукраинских студентов к русскому языку психологически более напряженно, чем их же отношение к украинскому языку и чем отношение к русскому языку студентов из других регионов.

Факторный анализ оценок впечатлений отдельно о каждом из трех языков показал, что оценки украинского и русского довольно целостны, сосредоточиваются преимущественно вокруг одного ведущего фактора. В отношении к украинскому языку на первый план (в первом факторе) выходят оценки его привлекательности, психологической близости, удобства для общения. Второй фактор составили признаки женственности, ласковости, красоты украинского языка.

В оценке русского языка доминируют признаки развитости, перспективности, направленности в будущее (первый фактор). Во втором факторе преобладают оценки его близости-удаленности. Именно по признакам «близкий – удаленный» и «родной – чужой» фиксируется определенная асимметрия ответов: если один из двух языков оценивается как близкий и родной, то оценки другого языка по данным шкалам значимо противоположны.

Факторная структура оценок английского языка оказалась более сложной. Здесь выделились три значимых фактора. В первый вошли признаки перспективности, направленности в будущее, развитости (подобно оценкам русского языка), во второй – удобства-неудобства для общения, пригодности-непригодности для глубоких мыслей, понятности-непонятности (что, видимо, отражает проблему недостаточного владения английским языком), в третий – признаки красоты, привлекательности, приятности (подобно оценкам украинского языка).

Оценка общественного и личного будущего. В исследовании 2008 г. в содержание опросника были включены признаки, характеризующие взгляды студентов на будущее – собственное, личное и всего общества. Респондентам предлагалось оценить вероятность каждой из 40 возможных тенденций общественного развития на протяжении следующих пяти лет по 5-балльной шкале: от 1 (означает, что данная перспектива развития невозможна) до 5 (она неременна). По такой же шкале студенты оценивали свои собственные жизненные перспективы согласно 30 возможным тенденциям.

Отчетливая положительная связь с выбором языка общения зафиксирована лишь относительно тех характеристик личного будущего, которые касаются предпочтения украинского или русского языка, а именно: (в будущем) «буду разговаривать преимущественно на украинском языке» и «буду разговаривать преимущественно на русском языке».

С предпочтением украинского языка слегка коррелирует такой индикатор видения общественного будущего, как «Украина вступит в НАТО», а с благосклонностью к русскому языку – показатели: «русский язык станет вторым государственным языком», «уюду в Россию», «стану материально зажиточным».

Итак, предпочтение студентами того или иного языка оказывает умеренно выраженное влияние на направленность их прогностических оценок: студенты склонны выше оценивать вероятность реализации тех тенденций общественно-политического развития или личной жизни, которые сильнее поддерживаются представителями соответствующей языковой общности. Особый смысл представляет различие в предсказывании своего материального положения, что является отражением не столько политико-идеологических ориентаций, сколько ментально-отношенческих сторон общей жизненной позиции и социальной идентичности: русскоязычным студентам в данном вопросе присущ относительно больший оптимизм.

Зафиксированы небольшие региональные отличия. В результатах студентов из Центральной Украины проявилась такая значимая связь между прогнозом личной и социальной жизни, которая может интерпретироваться как возможное изменение местожительства в случае обострения общественных отношений. В ответах западноукраинских студентов проблема выбора языка сравнительно менее напряжена, а

относительно более важными оказались показатели, касающиеся прогноза общественного будущего.

Оценка выбора языка в зависимости от функций речи. В опросник вошли 14 ситуаций выбора языка, в которых предпочтение украинского или русского языка отражало зависимость от характера речи – внутренней или внешней, устной или письменной, активной или пассивной: «читать про себя», «выступать с текстом перед слушателями», «спокойно разговаривать с другим человеком», «делать текущие записи», «читать вслух», «выступать без бумажки перед слушателями», «думать, размышлять», «слушать собеседника», «писать письма», «слушать выступление оратора», «разговаривать вслух с самим собой», «конспектировать лекцию», «спорить с другим человеком», «слушать радио».

По результатам факторного анализа выделились три значимых фактора с суммарным вкладом в дисперсию 87%. Однако здесь однозначно доминирует первый фактор (80%), содержание которого отражает способность (или неспособность) респондентов быть субъектами активной устной украиноязычной речи. Самая большая нагрузка в этом факторе пришлось на признак «разговаривать вслух с самим собой», что делать по-украински предпочитают 32%, преимущественно по-украински, частично по-русски – 5, в одинаковой мере по-украински и по-русски – 17, преимущественно по-русски, частично по-украински – 4, по-русски – 42%.

Этот и ряд других признаков, а также результаты нескольких предыдущих исследований показывают, что главная проблема овладения украиноязычным общением сосредоточивается вокруг свободного *активного говорения* на украинском языке. Все другие аспекты общения порождают меньшее эмоциональное напряжение и психологические барьеры.

Второй фактор объединил признаки, которые касаются различных ситуаций более или менее *пассивного слушания*, а наиболее показательной оказалась ситуация «слушать радио», где ответы распределились таким образом: 21%, 4, 42, 4, 29% соответственно. Здесь относительное большинство респондентов избрало средний вариант.

В третьем факторе сочетались признаки, характеризующие *оперативное использование* украинского языка на основе подготовленных или кем-то другим произносимых текстов: конспектировать лекцию (45%, 3, 21, 4, 27%), выступать с текстом перед слушателями (43%, 3,

20, 4, 30%) и т. п., где украиноязычие оказывается наименее проблемным для респондентов.

Психологическая структура отрицательного отношения к украинскому языку. На основе прежде проведенных опросов и фокус-групп было отобрано и включено в опросник 21 высказывание, большинство которых отражает неуверенное поведение в сфере выбора языка общения или отрицательно-скептические оценки украинского языка, которые давались частью респондентов. (Следует заметить, что данные высказывания были рассчитаны прежде всего на русскоязычных студентов и часть тех украиноязычных, которые низко оценивают престижность украинского языка. Из-за этого во время опроса возникали определенные трудности в западном и центральном регионах, где некоторые респонденты возражали против «антиукраинского» содержания анкеты).

Высказывания оценивались по 3-балльной шкале: «согласен» (3 балла), «затрудняюсь ответить» (2), «не согласен» (1 балл). В результате факторного анализа выделились три значимых фактора (суммарный вклад в дисперсию – 50%).

Подавляющее большинство признаков вошло в первый фактор, где соединились утверждения о *ненужности* украинского языка (большей частью из-за того, что все необходимые функции вполне хорошо выполняет русский язык) и оценке украинского языка как *недостаточно совершенного* (опять же в сравнении с русским). Распределение соответствующих отношений отражают оценки следующих высказываний: «Нет надобности говорить по-украински, ведь все понимают русский язык» (согласились с подобным мнением 26% опрошенных, 15% – не определились, а не согласились – 59%); «Украинский язык плохо приспособлен для интеллектуального общения» (16, 14 и 70%, соответственно).

Второй фактор воплотил позицию *обесценивания* проблемы, когда выбор языка ставится в зависимость не от отношения к нему, а от окружения и условий общения: «Вовсе не важно, на каком языке говорит человек», «Мне удобнее общаться с окружением по-русски», «Я говорил бы по-украински, если бы находился в украиноязычной среде». Именно на последнее высказывание пришлось наибольшая нагрузка, а его оценки распределились следующим образом: согласились 53% респондентов, не определились – 13, не согласились – 34%.

В третьем факторе констатируется *недостаточная языково-коммуникативная компетентность* самих респондентов («Мне бывает неудобно первым начинать разговор на украинском языке», «Я не владею украинским языком в достаточной мере») и оценивается один из стереотипов относительно украиноязычных граждан: «На украинском языке разговаривают преимущественно лица с традиционным мышлением» (распределение ответов – 19, 28 и 53%, соответственно).

Возложение ответственности за состояние украинского языка в обществе. Взгляды студентов на проблему ответственности за состояние украинского языка анализировались на основе определения ими субъектов, наиболее обязанных заботиться об украинском языке в обществе.

Полученные ответы распределились следующим образом: сами граждане – 61%; общественные деятели, политики – 37; органы государственной власти – 35; средства массовой информации – 35; школа – 26; высшие учебные заведения – 20; писатели, языковеды – 18; учителя украинского языка – 16; заведения культуры – 16; интеллигенция – 11; представители шоу-бизнеса – 4% (сумма процентов превышает 100, поскольку респондентам предлагалось выбирать от одного до трех возможных ответов из приведенного перечня). Пожалуй, наиболее примечательным в данном распределении оказалось то, что самая большая ответственность за языковое поведение возлагалась на самих граждан. Еще 10% опрошенных отметили, что такой необходимости не существует.

Для того, чтобы выяснить психологическую структуру описанных взглядов респондентов, данные ими оценки были подвергнуты процедуре факторного анализа. Выделились пять значимых факторов, которые совокупно охватывают 54% общей дисперсии.

Интересно, что во всех пяти факторах признак «такой необходимости не существует» значимо противопоставлялся остальным нагруженным в их пределах признакам.

В содержании первого фактора противостояли, с одной стороны, отрицание необходимости заботиться об украинском языке, а с другой – возложение ответственности за ее состояние на самих граждан. Центральным, следовательно, оказался вопрос о *наличии у граждан обязанности* беречь и развивать украинский язык.

Второй фактор отразил возложение ответственности на общественных деятелей и политиков, интеллигенцию, заведения культуры, с

одной стороны, и отрицание самой такой потребности – в другой. Очевидно, речь идет о *наделении соответствующими обязанностями представителей общественной элиты*.

В третьем факторе на противоположном к отрицающему признаку полюсе оказались оценки *субъектов образования* – высших учебных заведений, школы, учителей украинского языка.

В четвертом факторе подчеркнута роль *органов государственной власти*, а в пятом – представителей шоу-бизнеса и средств массовой информации как, очевидно, вдохновителей *массовой культуры*.

Возложение ответственности за состояние украинского языка в ближайшем окружении. Фиксировались мысли студентов о том, кто, на их взгляд, более всего обязан заботиться о защите украинского языка в их ближайшем окружении.

Оценки агентов создания украиноязычной среды в ближайшем окружении респондентов распределились следующим образом: я сам – 59%; преподаватели – 30; друзья, знакомые – 19; члены моей семьи – 15; студенты-однокурсники – 9%. О том, что этого им не нужно, заявили 26% респондентов. Значит, что и в подобном личном контексте наиболее отчетливо проявилось осознание своей собственной ответственности за предоставление общению украиноязычного характера.

В двух факторах, которые выделились по оценкам перечисленных признаков (суммарный вклад в дисперсию составляет 51%), диспозиция «мне это не нужно» получила значимую факторную нагрузку и последовательно противопоставилась другим индикаторам.

В первом факторе данному признаку противостоит выбор респондентом его самого, друзей и знакомых, членов семьи. Здесь явно акцентирован сугубо *частный* характер выбора языка общения в соответствующих сферах.

По второму фактору противоположным к отрицанию потребности беречь и развивать украинский язык явилось приписывание ответственности преподавателям и студентам-однокурсникам. Можно полагать, что данное обстоятельство отражает значение выбора студентами языка общения в их *учебной среде*.

Уровень субъективного контроля как детерминанта выбора языка общения. Студенты оценивали 44 утверждения из методики диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера. В отличие от оригинальной методики, в нашем опросе респондентам предлагалось

оценить каждое высказывание по 3-балльной шкале: «согласен» (3 балла), «затрудняюсь ответить» (2), «не согласен» (1 балл).

По результатам диагностики уровня субъективного контроля были выделены группы респондентов с более явным тяготением к *интернальному* (520 чел.) либо *экстернальному* (250 чел.) полюсу контроля. Сравнение показателей этих двух групп показало, что по большинству индикаторов отношения к украинскому языку интерналы оценивают его положительнее, чем экстерналы.

Такое соотношение могло бы не удивлять, если бы не результаты оценивания значимых ситуаций выбора языка общения: в восьми случаях из двадцати респонденты с интернальным локусом контроля чаще предпочитают русский язык. В остальных ситуациях значимые различия не выявлены. Аналогичные зависимости наблюдались и в ситуациях, отражающих предпочтение определенного языка в зависимости от способа речи: здесь в десяти случаях из четырнадцати имеет место большая привязанность интерналов к русскому языку по сравнению с экстерналами.

Имеется, следовательно, парадоксальный результат: лица, которые в решении жизненных вопросов в первую очередь возлагают ответственность на себя самих, более склонны к русскоязычному общению, но вместе с тем лучше относятся к украинскому языку.

В то же время значимые различия между интерналами и экстерналами не проявились в приписывании ответственности за создание украиноязычной среды в обществе в целом и в ближайшем окружении самих респондентов.

Смысложизненные ориентации как детерминанта выбора языка общения. Были использованы 20 утверждений из теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева², они отбирались по одному индикатору из каждой пары высказываний. Как и в предыдущей методике, высказывания оценивались по 3-балльной шкале.

По показателям теста выделились группы респондентов с *высоким* (638 лиц) и *низким* (379 лиц) уровнем осмысленности жизни. Соотношение между показателями этих групп респондентов оказалось подобным соотношению между экстерналами и интерналами. Наиболее отчетлива здесь следующая связь: высокий уровень осмысленности жизни коррелирует с предпочтением русского языка и положительной оценкой украинского.

В частности, почти по всем суждениям с оценкой украинского языка лица с высоким показателем смысложизненных ориентаций оказали значительно большее расположение к нему, в то время как респонденты с низким уровнем – отнеслись к украинскому языку критичнее.

Напротив, в восьми из двадцати ситуаций выбора языка общения студенты, имеющие более высокий уровень осмысленности жизни, отдали предпочтение русскому языку, в остальных ситуациях различия оказались незначимыми.

Еще более отчетливая картина сложилась в оценке ситуаций выбора языка по способу речи: в двенадцати из четырнадцати лица с высоким уровнем смысложизненных ориентаций предпочли русский язык.

Что касается возложения ответственности за сохранение украинского языка в общественной и личной среде, то здесь обнаружено только одно значимое отличие: респонденты с высоким уровнем осмысленности жизни чаще возлагали подобную ответственность на органы государственной власти.

Реализация потребностей в саморазвитии как детерминанта выбора языка общения. Методика диагностики реализации потребностей в саморазвитии содержит 15 индикаторов³. Выделены группы студентов, отличающиеся по уровню реализации потребностей в саморазвитии: тех, кому присущ высокий уровень, оказалось 517 чел., а низкий – 566.

Сравнение показателей этих двух групп показало иные зависимости, нежели проявившиеся в результатах по двум предыдущим методикам. Подобно им респонденты с высоким уровнем реализации потребностей в саморазвитии оценили украинский язык гораздо положительнее, чем те, кому присущ низкий уровень. В то же время зафиксировано намного меньше различий между обеими группами относительно предпочтения украинского или русского языка в ситуациях их значимого выбора: в трех случаях из двадцати преимущество отдавалось украинскому языку, в одном – русскому. То есть можно утверждать, что по параметру реализации потребностей в саморазвитии различия в выборе языка общения не являются существенными.

Не обнаружено различий по выбору определенного языка и в зависимости от характера речи.

В то же время проявилось несколько различий в возложении ответственности за сохранение украинского языка. Если речь идет об обще-

стве в целом, то лица с высоким уровнем реализации потребностей в саморазвитии чаще возлагали ее на органы государственной власти, но реже – на школу. Если же оценивалось языковое поведение в личной среде, то они чаще признавали для себя данную потребность и наделяли ответственностью самих себя. Но реже, чем респонденты с низким уровнем реализации приписывали подобную ответственность членам своей семьи.

Личностные позиции и выбор языка общения. Выявленные зависимости побудили осуществить дополнительные вычисления для объяснения парадоксальных соотношений между привязанностью к украинскому языку на уровне сознательных оценок и реальной склонностью к его практическому употреблению.

На основе оценок признаков «смотреть американский боевик» и «нет надобности говорить по-украински, ведь все понимают русский язык» (как наиболее нагруженных в первых факторах по соответствующим наборам индикаторов) были выделены четыре группы респондентов: «русскоязычные/русскоязычные» – это те, кто в обоих случаях предпочитает русский язык (их оказалось 355 чел.); «русскоязычные/украиноязычные» – на практике выбирающие русский язык, но положительно относящиеся к украинскому (эту группу составили 332 чел.); «украиноязычные/русскоязычные» – они чаще пользуются украинским языком, но оценивают его ниже, чем русский (таких оказалось лишь 28 чел.); «украиноязычные/украиноязычные» – всегда предпочитающие украинский язык (399 чел.).

Сравнивались показатели этих четырех групп по примененным личностным методикам. По тесту смысложизненных ориентаций статистически значимые различия между группами не обнаружены.

В то же время оказалось, что по уровню интернальности представители третьей группы («украиноязычные/русскоязычные») уступают респондентам из всех остальных групп. Возможно, подобное специфическое поведение, когда человек якобы предпочитает украиноязычное общение, но при этом украинский язык недолюбливает, опираясь на существующие в социуме отрицательные стереотипы относительно данного языка.

По уровню реализации потребностей в саморазвитии представители второй («русскоязычные/украиноязычные») и четвертой («украиноязычные/украиноязычные») групп значительно превышают первую и третью группы. Следует, видимо, сделать вывод, что стремление к

саморазвитию в современном языковом контексте служит причиной положительного отношения к украинскому языку.

Нуждается в ответе еще и такой вопрос: декларируемая приверженность русскоязычных студентов украинскому языку – это их истинная установка в сфере языкового поведения или лишь притворная любезность, некий реверанс в сторону актуальных патриотических лозунгов? Отчасти ответить на него помогло сравнение выборов того или иного языка, сделанных представителями групп «русскоязычные/русскоязычные» и «русскоязычные/украиноязычные» в конкретных ситуациях выбора языка, в частности «ответить незнакомому человеку, обратившемуся по-русски» и «ответить незнакомому человеку, обратившемуся по-украински». В некотором смысле именно эти ситуации проблематизируют процесс выбора языка для тех респондентов, которым по тем или иным причинам трудно переходить на другой язык, в данном случае – на украинский.

Оказалось, что в обоих случаях, особенно во втором, благосклонные к украинскому языку русскоязычные респонденты значительно чаще выбирали для ответа именно украинский язык. То же самое касается и большинства других приведенных в опроснике ситуаций. Итак, декларируемая приверженность украинскому языку существенным образом воплощается и в реальном языковом поведении многих русскоязычных студентов. Посему можно полагать, что подобные проявления – это не просто добрые, но праздные пожелания, а весьма действенные тенденции самоопределения в сфере выбора языка общения.

Поиск общего и различного. В исследовании 2010 г. сделана попытка обобщить предыдущие результаты и определить «болевы точки» взаимодействия и основания для согласия между студентами – носителями украинского и русского языков. Опросник содержал основные индикаторы, на которые в опросах 2006–2009 гг. пришлась самая большая смысловая нагрузка по данным одномерных распределений и факторного анализа.

К описанному выше перечню 20 типичных ситуаций выбора между украинским и русским языками, который представлял инвариантную часть во всех предыдущих опросниках, были добавлены две ситуации оценки студентами удобства выполнения определенных умственных или коммуникативных функций на украинском или русском языке в исследовании 2009 г.

Остальным 58 индикаторам была придана форма суждений, относительно содержания которых респонденты высказывали (также по 5-балльной шкале) степень своего согласия-несогласия.

В содержании данных суждений были отражены показатели, на которые выпала наибольшая нагрузка в первых трех факторах, выделенных в результате факторного анализа данных по методикам диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера⁴, диагностики реализации потребностей в саморазвитии Н.П. Фетискина, теста смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, использованным в исследовании 2009 г., по оценкам принципиально одноязычных (украино- или русскоязычных) лиц (2006 г.), оценкам украинского и русского языков (2007 г.), оценкам перспектив общественного развития и собственных перспектив (2008 г.). Часть показателей составили чаще всего выбираемые особенности самоопределения в сфере языка общения (2009 г.), характеристики субъектов, наделяемых ответственностью за сохранение украинского языка (2009 г.), перечень причин избегания молодежью Восточной Украины украиноязычного общения (2006 и 2007 гг.). В опросник был также включен ряд обобщенных выводов, сделанных по результатам предыдущих исследований (2006–2009 гг.).

Для более подробного анализа были отобраны показатели, по которым более и менее всего различались ответы студентов из Запада и Востока. Самое большое различие между ними (свыше 1 балла, $p \leq 0,01$) было зафиксировано в 16 случаях из 60.

Индикаторы, относительно которых существенным образом преобладали положительные оценки на Западе, это (в порядке уменьшения различий): «Разговаривать вслух с самим собой» (по-украински), «На протяжении нескольких последующих лет я буду разговаривать преимущественно на украинском языке», «Украинский язык мне ближе русского», «Слушать радио» (по-украински), «Я готов к более широкому использованию украинского языка в сфере моего личного общения», «Я сам должен позаботиться об украинском языке в своем окружении, а не полагаться на других», «Распространение украинского языка должно происходить на основе высококачественного и профессионального исполнения украиноязычных текстов», «Человек, разговаривающий только на украинском языке, обычно кажется мне добрее того, который разговаривает только по-русски», «Молодежь на Восточной Украине не разговаривает на украинском языке, потому что не знает его».

Восточнoукраинские студенты относительно выше оценили следующие высказывания: «Нет надобности говорить по-украински, ведь все понимают русский язык», «Русский язык на Украине необходимо сберечь», «Русский язык привлекательнее украинского», «Знание русского языка важно для моего профессионального развития», «Украинским языком следует пользоваться в официальных ситуациях, а русским – в личном общении», «Мне труднее активно и вслух говорить по-украински, нежели слушать или читать», «Русский язык более развит, чем украинский».

Структура основных различий и потенциальных разногласий вокруг вопроса языка была определена на основании данных факторного анализа в пространстве 16 представленных признаков. Выделились три значимых фактора с совокупной дисперсией 54,3%. В пределах первого фактора (вклад в дисперсию 39,4%) объединились индикаторы, содержание которых показывает готовность к употреблению определенного языка. Второй фактор (7,8%) показывает оценку пригодности того или иного языка к использованию. Составляющие третьего фактора (7,1%) отражают личное отношение к языку общения.

Показатели центральноукраинских студентов по большинству шкал оказались между показателями двух других региональных групп. Только в 16 случаях из 60 они были либо выше, либо ниже средних оценок их коллег. И лишь по одному показателю данное различие было существенно – среднее на 0,4 балла выше ($p \leq 0,01$) – по сравнению с западноукраинскими студентами: «Выбор языка общения часто бывает для меня сложным». Подобное высказывание отражает определенную проблемность выбора между украинским и русским языками, которая обычно наиболее актуальна именно для молодежи Центральной Украины.

В то же время в трех случаях студенты из центральноукраинских городов значительно выше ($p \leq 0,01$) восточнoукраинских ровесников оценили следующие высказывания: «Украинскому языку следует отдавать предпочтение перед русским в официальной и общественной жизни» (на 0,9 балла), «Приверженность украинскому языку возрастает постепенно, но неуклонно во всех регионах Украины» (0,6), «Я осознаю то влияние, которое оказывают на меня окружающие люди» (0,4). Здесь привлекает внимание последнее суждение, касающееся реализации потребностей в саморазвитии и отражающее, очевидно, описанный выше феномен положительной связи между активной позицией

человека по данному вопросу и его переориентацией на украинский язык.

Индикаторов, по которым разница между оценками студентов из всех трех регионов была минимальной (различие средних не превышало 0,2 балла), оказалось 10. В пределах этих признаков был проведен факторный анализ, в результате которого выделились четыре значимых фактора с совокупной дисперсией 50,4%.

Первый фактор (15,2% дисперсии) составили высказывания «Молодежь на Восточной Украине не разговаривает на украинском языке, потому что украинский язык непрестижен», «Молодежь на Восточной Украине не разговаривает на украинском языке, потому что он ей не нравится», «На протяжении нескольких последующих лет ничего особенного в моей жизни не случится». Здесь можно говорить о проекции частью студентов собственных негативных установок относительно возможных изменений в жизни на перспективы утверждения украинского языка: изменения не имеют смысла, на них не нужно тратить усилий.

Во второй фактор (13,1%) вошли такие суждения: «На протяжении нескольких последующих лет я стану более спокойным и уверенным в себе», «Я оставляю время для развития, как бы ни был занят делами», «Молодежь на Восточной Украине не разговаривает на украинском языке, потому что отсутствует украиноязычная среда». Подобное сочетание может быть проявлением стремления к саморазвитию, в контексте которого отсутствие украиноязычного окружения воспринимается как препятствие на пути к овладению украинским языком.

Третий фактор (11,4%) образовали индикаторы «Распространение украинского языка должно осуществляться путем постепенной, “нешумливой” украинизации» и «Зацикленность на проблемах любого языка – то ли украинского, то ли русского – ограничивает мировоззрение человека». Эти высказывания отражают стремление не драматизировать языковые вопросы и искать пути их уравновешенного и умеренного решения. Выявленная связь особенно примечательна ввиду того, что во всех трех регионах преобладают положительные оценки содержания приведенных суждений. Итак, данное содержание может быть веским основанием сближения позиций молодежи из различных регионов в сфере выбора языка общения.

В пределах четвертого фактора (10,7%) объединились признаки «На протяжении нескольких последующих лет я уеду в Европу или

Америку» и «Мои оценки в школе зависели от случайных обстоятельств больше, чем от моих собственных усилий». Похоже, что здесь речь идет о нехватке устойчивой саморегуляции. А утешает то обстоятельство, что во всех трех региональных группах средние оценки данных суждений оказались относительно невысокими.

Таким образом, общий вывод по показателям мониторинга украиноязычного общения в студенческой среде, уровня психологической готовности студентов к использованию украинского языка в связи с трансформацией этносоциальной идентичности молодежи состоит в констатации определенного замедления соответствующих процессов в изучаемый период. За подобным состоянием, вероятнее всего, скрывается глубинное вызревание новых вариантов идентичности, привнесением которых в общество молодежь будет выполнять возложенную на нее социальную миссию.

¹ Психологія масової політичної свідомості та поведінки / відп. ред. В.О. Васютинський. К., 1997.

² Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2006.

³ Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.

⁴ Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара, 1998.

Влияние Чемпионата Европы по футболу 2012 г. на трансформацию национальной идентичности граждан Украины

Активизация глобализационных процессов, которые разворачиваются в мире, приводит не только к свободному перемещению финансов, товаров, рабочей силы и различных ресурсов, но и к разрушению локальных культур, традиционных практик, устоявшихся представлений и базовых ценностей. Для национальных культур эти процессы становятся серьезным испытанием, поскольку затрагивают фундаментальные идентификационные основы наций и государств. Именно поэтому проблема коллективной идентичности в глобализирующемся мире становится одной из основных научных проблем. Известный британский социолог З. Бауман справедливо заметил, что «впечатляющее возрастание интереса к “обсуждению идентичности” может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления»¹. В глобализирующемся мире идентичность становится доминирующим дискурсом и науки, и повседневной жизни, ведь глобализация осуществляет кардинальное влияние на духовную сферу любого общества, деформируя традиционные системы ценностей и трансформируя коллективные идентичности. При этом идентичность выступает своеобразной «призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни»². В таких условиях особую остроту и актуальность приобретает проблема формирования коллективной идентичности граждан стран СНГ. В связи с этим актуальность изучения процесса формирования коллективной идентичности граждан Украины не вызывает сомнений.

Известно, что идентификационная проблематика была актуализирована в XX в., различные аспекты данной проблемы исследовались в рамках психологии, социологии, философии, истории, этнологии, политологии, антропологии, педагогики и т.д. Первые концепции идентичности были представлены в работах З. Фрейда, Э. Эриксона, К.-Г. Юнга, Г. Тэджфела, Дж. Тернера и других ученых. Новые подходы к изучению идентичности с разных теоретико-методологических позиций презентировали Х. Абельс, Ф. Барт, З. Бауман, М. Мид, С. Московичи, Т. Парсонс, Э. Смит, С. Страйкер, Ч. Тейлор, Э. Фромм, Ю. Хабермас,

С. Хантингтон, А. Шюц и др.). Известные российские и украинские ученые (В. Агеева, Г. Андреева, Ю. Арутюнян, М. Бобнева, А. Бороноев, Ю. Бромлей, П. Гнатенко, Я. Грицак, М. Губогло, Е. Данилова, Л. Дробижева, А. Здравомыслов, Н. Иванова, Л. Ионин, К. Касьянова, И. Клямкин, В. Козлов, И. Кон, Н. Лебедева, Д. Лихачев, В. Мавродин, О. Мачинский, И. Надточий, Л. Науменко, В. Павленко, С. Рыжова, Н. Рябчук, С. Савоскул, И. Снежкова, Г. Солдатова, Т. Стефаненко, В. Тишков, П. Федотова, В. Хотинец, С. Чешко, Ю. Шабаев, В. Шапиро, П. Шматко, Н. Шульга, В. Ядов и др.) изучали этническую, религиозную, региональную, гражданскую и национальную идентичность, этническое и национальное самосознание.

Феномен коллективной идентичности одним из первых начал исследовать А. Мелуччи (1980-е – 1990-е годы), позже к нему присоединились Р. Дженкинс, П. Бергер, Т. Лукман, В. Хесле, И. Штрауб, Ю. Асман, В. Тишков, В. Малахов и др. Как подчеркивает А. Мелуччи, коллективная идентичность формируется в результате совместного интерактивного процесса самоопределения определенного количества индивидов (или групп), связанного с конкретными ориентациями их действий и полем возможностей и ограничений, в котором совершается их совместная деятельность. Становление и развитие коллективной идентичности опосредуется обращением к универсальным феноменам культуры и актуализацией базовых смысловых процессов. Концепт «коллективная идентичность» охватывает определенное коллективное «Мы» конкретного сообщества (регионального, религиозного, этнического, национального, цивилизационного и т.п.), на этой основе выделяются различные формы коллективной идентичности (региональная, религиозная, этническая, национальная, цивилизационная и др.). Таким образом, коллективная идентичность (как общее чувство принадлежности к определенной общности или обществу) отражает наиболее существенные связи между людьми.

Поскольку Ф. Барт подчеркивал, что коллективности порождаются именно через взаимодействие индивидов³, то нужно иметь в виду, что идентичность коллективных субъектов всегда зависит от самоидентификации индивидов, которые являются членами данного коллектива. Индивиды могут быть членами разных сообществ, они также могут входить в эти коллективы и выходить из них в любое время. Именно поэтому в процессе формирования коллективной идентичности может конструироваться определенный коллективный образ данного сооб-

щества, с которым его члены могут идентифицировать себя. К коллективной идентичности любой индивид идет, как правило, «снизу», от реальных коллективных действий, в контексте которых происходит его собственное самоопределение и конструируется общее «Мы». Коллективная идентичность всегда укоренена в реальных социальных практиках и отношениях.

Таким образом, коллективная идентичность связана с вопросом о совместной идентификации индивидов, которые являются членами данного коллектива. Именно поэтому коллективные идентичности рассматривают как коммуникативные конструкты, дискурсивные факты, которые необходимо интерпретировать, проявляя те социокультурные, этнонациональные и цивилизационные горизонты, которые за ними скрыты. Кризис коллективной идентичности всегда связан с нивелированием традиций, распадом общей культурной памяти, отвержением аутентичных знаково-символических систем культуры, разрушением системы коллективно-исторического опыта и общих представлений и т.д. Учитывая интегративный и междисциплинарный характер современных исследований коллективной идентичности, данный феномен нужно изучать в тесной связи с вопросами глобализации, межкультурной коммуникации, международных отношений, взаимодействия между цивилизациями, ведь именно устойчивая коллективная идентичность является одним из важнейших факторов цивилизационного развития любой страны.

Поскольку большинство современных исследователей считают, что идентичность является результатом процесса идентификации (которая рассматривается как процесс уподобления, отождествления себя или своей референтной группы с кем-нибудь или чем-нибудь), то этот феномен необходимо рассматривать как динамическую структуру, которая развивается на протяжении всей человеческой жизни, причем ее развитие является нелинейным и неравномерным, может разворачиваться как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении, проходя этапы преодоления кризисов идентичности. Следовательно, идентификация должна рассматриваться как процесс, включенный в целостную жизнедеятельность субъекта; неразрывно связанный с когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферой личности; обусловленный ее потребностями, мотивами, целями и установками; опосредованный знаково-символическими, идейно-образными и ценностно-смысловыми системами культуры.

Проблема коллективной идентичности в работах российских и украинских авторов рассматривается преимущественно фрагментарно, комплексные исследования коллективной идентичности отсутствуют. Поэтому наша попытка системного изучения процессов формирования и трансформации этнической, метаэтнической, национальной, религиозной, региональной, гендерной, цивилизационной и других видов коллективной идентичности граждан Украины на протяжении 1991–2012 гг. была одной из первых.

Процесс формирования коллективной идентичности граждан Украины исследовался нами в рамках нескольких международных научных проектов Центра украиноведения Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, в которых активное участие принимали студенты и аспиранты факультетов психологии и социологии («Украинская национальная идея: теоретико-эмпирические аспекты»⁴; «Социально-психологические и региональные аспекты формирования национального самосознания граждан Украины как фактора государственного строительства»⁵; «Трансформация национальной идентичности: историософские, культурологические и социально-психологические аспекты»⁶ и др.). Эти проекты были поддержаны Фондом «Возрождение», Фондом Фридриха Эберта, Фондом фундаментальных исследований Министерства образования и науки Украины, а также Ассоциацией украинских банков.

В этих проектах на протяжении 1991 – 2012 гг. были исследованы разные виды коллективной идентичности (этническая, национальная, европейская и др.) граждан Украины, проживающих в разных регионах страны. Всего было изучено 41 500 респондентов от 18 до 87 лет (в 1991 г. было опрошено 300 респондентов; в 1992 г. – 400, в 1993 г. – 1200, в 1994 г. – 1250, в 1995 г. – 1250, в 1996 г. – 1500, в 1997 г. – 1500, в 1998 г. – 1500, в 1999 г. – 1500, в 2000 г. – 2500, в 2001 г. – 2500, в 2002 г. – 2000, в 2003 г. – 2000, в 2004 г. – 2500, в 2005 г. – 2500, в 2006 г. – 2500, в 2007 г. – 2500, в 2008 г. – 2500, в 2009 г. – 2500, в 2010 г. – 2500, в 2011 г. – 2500, в 2012 г. – 2100).

Для изучения трансформации разных видов коллективной идентичности мы использовали методику М. Куна – Т. Макпартленда «Кто Я?», адаптированную методику «Шкала измерения идентичности» М. Синереллы и другие методы. Надежность результатов проведенного исследования обеспечивалась методологическим обоснованием его исходных позиций; использованием совокупности диагностических мето-

дик, адекватных цели и заданиям исследования; объединением количественного и качественного анализа эмпирических данных; использованием методов математической статистики с привлечением современных программ обработки данных, репрезентативностью выборки.

В 2012 г. мы изучали влияние Чемпионата Европы по футболу 2012 г. (далее – Евро-2012) на трансформации коллективной идентичности граждан Украины. Известно, что финальную часть футбольного турнира среди европейских стран, проводимого раз в четыре года под эгидой УЕФА, принимали Украина и Польша. Матчи начались игрой открытия 8 июня 2012 г. в Варшаве и завершились 1 июля 2012 г. финальной игрой в Киеве. Чемпионат прошел под лозунгом «Создаем историю вместе», девизом сборной Украины было мотто «Украинцы, наше время пришло!» Мы предполагали, что чемпионат Евро-2012 сможет позитивно повлиять на развитие наиболее важных форм коллективной идентичности (национальной и европейской). О результатах нашего исследования речь пойдет немного ниже, сначала мы рассмотрим результаты других опросов.

В июне (еще во время чемпионата) и в июле (уже после Евро-2012) многие организации (например, социологическая компания «Research & Branding Group», Институт Горшенина и др.) проводили самые разнообразные опросы. Результаты всеукраинского исследования общественного мнения (проведенного социологической компанией «Research & Branding Group» с 26 июня по 12 июля 2012 г. во всех регионах Украины, объем выборочной совокупности составил 3101 человек) показывает, что: 1) 65% опрошенных считают, что проведение Евро-2012 принесло стране больше позитива, 11% – что принесло больше негатива, 24% – затруднились ответить; 2) 20% респондентов считают, что позитив от Евро-2012 для Украины заключается, прежде всего, в «признании Европой, имидже и престиже», 5% видят его в развитии туризма, и столько же – в увеличении доходов населения, экономической прибыли и инвестициях; 4% отметили позитив в проявлении гостеприимства и доброжелательности, еще 4% – в успешной организации чемпионата и выполнении обязательств перед УЕФА, и еще 4% – в улучшении дорожной инфраструктуры; 3% – увидели плюсы в строительстве стадионов и в развитии спорта, при этом 17% украинцев увидели позитив в чем-то другом, 13% респондентов не увидели никакого позитива от Евро-2012, а 30% – затруднились ответить; 3) 65% респондентов полагают, что проведенный чемпионат Европы по футболу

улучшил международный имидж Украины, 27% – колеблются, а 8% – с этим не согласны; 4) 66% украинцев считают, что организация Евро-2012 показала способность страны принимать масштабные спортивные мероприятия, 26% – колеблются в оценках и 8% так не считают; 5) 60% жителей Украины считают, что звучащие в ряде стран Европы призывы бойкотировать Евро-2012 и не посещать матчи в Украине в целом не достигли своей цели, 15% – думают, что достигли, 25% – не смогли ответить. При этом известный социолог Е. Копатько (руководитель данной социологической компании) с удовлетворением отметил, что 73% украинцев считают, что страна в целом смогла достойно провести чемпионат Европы по футболу 2012 г. Так, он писал: «Для страны это крайне позитивные результаты. А как власть сможет ими распорядиться – это зависит от них» (по материалам www.interfax.com.ua).

Результаты телефонного опроса, проведенного Институтом Горшеня с 21 по 25 июля 2012 г. (согласно случайной выборке было опрошено 2000 респондентов в возрасте от 18 лет), свидетельствуют, что: а) 75% респондентов убеждены, что имидж Украины после Чемпионата Европы по футболу улучшился; противоположное мнение высказали 7,6% респондентов; затруднились ответить на данный вопрос 17,4% опрошенных; б) 56,3% респондентов считают Евро-2012 успехом Украины во внешней политике, противоположное мнение высказали 25,0% респондентов, затруднились ответить на этот вопрос 18,7% опрошенных.

Результаты социологического исследования «Первый Евро-экзит-пол», проведенного компанией «GfK Ukraine» с 4 июня по 1 июля 2012 г. во всех городах, принимающих Евро-2012 в Украине, по заказу Института мировой политики (всего было опрошено 1048 европейских болельщиков на выходах из стадионов) показали, что: 1) 17% иностранных болельщиков, приехавших в Украину, уверены, что Украина уже является членом ЕС; 2) 12% респондентов полагают, что Украина уже вступила в НАТО; 3) 49% болельщиков считают, что Украина не является членом НАТО, ЕС, ОБСЕ и Совета Европы. При этом 46% болельщиков имеют высшее образование, а 26% – окончили колледж (источник: news.zn.ua). Большинству иностранных болельщиков очень понравилась Украина (ее природа, климат, спокойствие на улицах, радушие, гостеприимство и доброжелательность людей, довольно низкие цены, вкусная еда, хорошее пиво и др.). Они убедились, какой неправдивой была целенаправленная антиукраинская кампания перед

началом Евро-2012, когда некоторые высокопоставленные политики из нескольких стран мира говорили: «не надо ехать в Украину – это страна проституток, страна расизма и хулиганов».

Изучая влияние Евро-2012 на трансформацию коллективной идентичности граждан Украины, мы провели первый опрос **до начала Евро-2012** (с 28 мая до 8 июня), а второй – **после завершения чемпионата** (с 1 по 12 июля). Всего было опрошено 2100 респондентов во всех регионах Украины (из них 1050 респондентов – в городах (Донецк, Киев, Львов, Харьков), где проходил чемпионат (и в соответствующих областях), а также 1050 респондентов – в других регионах Украины). Гипотеза исследования: чемпионат Европы по футболу 2012 г. сможет оказать позитивное влияние на динамику как цивилизационной европейской, так и национальной идентичности граждан Украины.

Результаты данного исследования (см. таблицу 1) показали, что позитивное влияние Евро-2012 на формирование цивилизационной европейской и национальной идентичности граждан Украины было наиболее сильным в городах, где проводились футбольные матчи, но и в других регионах Украины это позитивное влияние также было довольно существенным. Если сравнить **общие показатели** этих видов коллективной идентичности за 2010 г., 2011 г. и 2012 г., то мы можем видеть, что гипотеза данного исследования подтвердилась.

Таблица 1.

Годы	2010 г.		2011 г.		2012 г.	
Уровни развития коллективной идентичности	Национальная идентичность	Европейская идентичность	Национальная идентичность	Европейская идентичность	Национальная идентичность	Европейская идентичность
Высокий	23%	28%	21%	27%	26%	35%
Средний	41%	39%	40%	38%	46%	44%
Низкий	36%	33%	39%	35%	28%	21%

Но результаты могли бы быть более позитивными, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что 3 июля 2012 г. Верховный Совет Украины принял закон № 9073 «Об основах государственной языковой политики» во втором чтении (за это «проголосовали» 248 депутатских карточек). О неконституционности и нелегитимности данного голосования сразу же заявили депутаты-оппозиционеры, эксперты и многие общественные организации, которые подчеркнули, что закон не только не соответствует Европейской Хартии языков, Конституции Украины,

но и был принят с нарушением процедуры голосования (например, председательствующий на данном заседании первый вице-спикер Адам Мартынюк забыл поставить на голосование вопрос о внесении законопроекта № 9073 в повестку дня, а в зале парламента не было даже половины тех 248 депутатов, карточки которых «голосовали» за этот закон).

Поскольку мы проводили второй опрос (после окончания Евро-2012) с 1 по 12 июля, то очень хорошо смогли увидеть резкие изменения в общественных настроениях: 1–3 июля и даже 4 июля (уже после принятия закона № 9073) мы получали очень оптимистические данные, которые показывали позитивное влияние Евро-2012 на формирование коллективной идентичности граждан Украины. Но, начиная с 5–6 июля, после скандальной антиукраинской пропаганды во многих СМИ и после организации антиукраинских митингов на Юге и Востоке Украины (то есть **во время активной фазы языкового противостояния**, когда под Украинским домом началось голодание группы людей против принятого закона, а спикер Владимир Литвин заявил о своей отставке), мы начали получать практически противоположные результаты (особенно в Донецке), которые свидетельствовали о резком падении интереса респондентов к Евро-2012 (в первую очередь, в Донецкой и Луганской областях), о нивелировании их позитивных впечатлений от футбольного чемпионата (и связанных с этим патриотических чувств), так как доминантой новых интересов и переживаний граждан Украины стал закон № 9073 и организованное некоторыми партиями «лингвистически окрашенное» противостояние разных регионов страны.

Математико-статистические методы позволили нам выявить «размер» тех **идентификационных потерь** Украины, которых бы не было, если бы не был принят названный закон: 1) данные по национальной идентичности (первая цифра отображает реальные результаты, вторая – возможные) – высший уровень (26% и 29%), средний уровень (46% и 50%), низкий уровень (28% и 21%); 2) данные по цивилизационной европейской идентичности (первая цифра отображает реальные результаты, вторая – возможные) – высший уровень (35% и 38%), средний уровень (44% и 46%), низкий уровень (21% и 16%). При этом была выявлена динамика коллективной идентичности в тех областях, где проводились матчи чемпионата (Донецкая, Киевская, Львовская и Харьковская), а также в других регионах Украины (средние арифмети-

ческие: 8% и 4% соответственно). Таким образом, было доказано, что позитивное влияние Евро-2012 на формирование цивилизационной европейской и национальной идентичности граждан Украины было наиболее сильным в городах (и соответствующих областях), где проводились футбольные матчи. В Львовской области был зафиксирован наибольший подъем уровня исследуемых нами видов коллективной идентичности (в среднем до +17%, при этом после принятия закона № 9073 прослеживался рост коллективной идентичности). В Киевской области был выявлен второй по значимости уровень подъема коллективной идентичности (в среднем до +14%, после принятия закона № 9073 здесь также прослеживался рост коллективной идентичности). В Харьковской области был выявлен третий по значимости уровень подъема коллективной идентичности (в среднем до +3%, учитывая некоторое падение коллективной идентичности после принятия закона № 9073). В Донецкой области было выявлено значительное падение коллективной идентичности (в среднем на -2%), при этом рост коллективной идентичности прослеживался только до принятия закона № 9073 (в среднем на 12%), а после принятия закона № 9073 наблюдалось резкое падение коллективной идентичности (в среднем на 14%).

Таким образом, наиболее ощутимый удар был нанесен по национальной идентичности украинских граждан. Проведенные нами исследования (которые были обнародованы частично – 7 июля и полностью – 17 июля 2012 г.) показывают, что депутаты, которые голосовали за закон № 9073, сделали чрезвычайно плохую услугу собственной стране, так как в июле 2012 г. позитивная национальная идентичность многих жителей Юго-Востока Украины была нивелирована и опустилась до уровня 2003 г. При этом необходимо отметить, что все события, произошедшие уже после принятия данного закона, довольно заметно мобилизовали население Запада, Севера и Центра Украины, представители этих регионов показали в опросе 2012 г. намного лучшие результаты, чем в предыдущие годы (что значительно компенсировало окончательные результаты исследования 2012 г.).

Наше исследование показало, что национальное единство страны абсолютно не ценится многими представителями нынешней власти в Украине, поэтому эти люди продолжают делать все возможное для новых расколов, действуя по принципу «разделяй и властвуй», единственной положительной тенденцией в этом плане является постоянный «дрейф» на восток линии искусственно созданных расколов Ук-

раины (например, в Интернете уже появились группы с названиями «Западный Донбасс» и т.п.).

Подобные оценки прозвучали также из уст многих политиков и журналистов. В частности, главный редактор издания «Футбол» Артем Франков заявил, что «тема Евро» резко отошла на задний план из-за закона о языках, но позитив от Евро-2012 ни в коем случае нельзя терять. Политолог Александр Сушко выразил мнение, что каждый гражданин после прочтения стенограммы заседания Верховного Совета Украины может легко убедиться в нелегитимности закона № 9073, который уничтожил весь позитив от Евро-2012. Харьковский правозащитник Евгений Захаров заявил, что «языковой» закон основан на ложном толковании Европейской хартии языков и будет использован для игнорирования государственного украинского языка. Известный журналист Виталий Портников отметил, что новый закон – это не стремление помочь развитию русского языка, а попытка доказать ненужность украинского. Он подчеркнул, что у Партии регионов была одна цель – проголосовав, вызвать в обществе напряжение, столкнуть украинцев лбами. Большинство журналистов считают, что закон № 9073 был принят с целью получения провластным большинством политических дивидендов перед парламентскими выборами. Журналист Михаил Дубинянский констатировал, что общество вновь расколото надвое, людей вновь сталкивают лбами, важнейшие экономические проблемы вновь оттеснены на задний план. Июльское расследование «Украинской правды» показало, что представители Партии регионов признали сами, что названный закон является избирательной технологией. Известный российский политолог Андрей Окара заявил, что после принятия языкового закона Верховным Советом политический режим в Украине (как считают многие политические эксперты) стал нелегитимным, включая президента Украины, подписавшего этот закон. По его мнению, языковой закон поставил под сомнение легитимность всего конституционного строя и всей политической системы нынешней Украины, ведь в любом цивилизованном государстве законы подобным образом не принимают. Некоторые журналисты также цитировали высказывания народных депутатов (которые остались неназванными) о том, что украинское единство продержалось буквально несколько часов после окончания Евро-2012, так как при помощи языкового закона был нивелирован прекрасный шанс на общенациональную консолидацию.

30 июля 2012 г. социологическая группа «Рейтинг» обнародовала результаты опроса, который проводился 14–27 июля (было опрошено 2000 респондентов от 18-ти лет и старше). Результаты этого исследования показали, что если на протяжении двух последних лет количество сторонников и противников русско-украинского двуязычия в Украине было почти равное, то в июле 2012 г. разрыв между сторонниками и противниками двуязычия впервые увеличился до 10% в пользу последних. Среди наибольших сторонников двуязычия – жители Донбасса, но при этом количество сторонников двуязычия на Востоке Украины в целом сократилось. Социологи подчеркнули, что в июне–июле 2012 г. произошла настоящая революция в общественном сознании в отношении второго государственного языка.

По данным нескольких репрезентативных опросов Центра имени Разумкова, проведенных в мае и июле, за месяцы (которые прошли под знаком языковых пристрастий) Партия регионов потеряла 5% поддержки. Спровоцированное языковое противостояние негативно повлияло не только на рейтинг партии (которая электорально самоустранилась из Запада, Севера и Центра Украины), но и на рейтинг Президента Украины (причем закон № 9073 не остановил, а ускорил такое падение рейтингов). Сегодня Запад, Север и Центр все больше солидаризируются относительно защиты украинского языка, в то время, как Юго-Восток в языковом вопросе интенсивно распадается (как в 2004 г. после второго тура президентских выборов), поскольку наиболее существенно изменились языковые приоритеты на Востоке (в Днепропетровской, Запорожской, Харьковской областях), а «серединой» языкового противостояния является уже не Центр Украины, а Восток.

Политолог, Президент центра «Открытая политика» Игорь Жданов подытожил результаты многих исследований: «Антиукраинский языковой закон, с помощью которого Партия регионов рассчитывала поднять свой рейтинг и отвлечь внимание общества от социально-экономических проблем, сыграл против нее. ... Наш народ мудрый и понимает, где настоящая забота об избирателях, а где банальный пиар. Абсолютное большинство опрошенных (74%) считает, что политики используют вопросы языка только для получения дополнительных голосов избирателей. В этом утверждении объединились жители всех регионов Украины» (по материалам <http://censor.net.ua/news/213236>).

Основные тенденции, которые были выявлены в процессе опросов 2012 г., хорошо согласуются с наиболее важными результатами наших

многолетних исследований коллективной идентичности граждан Украины: 1) в 1991–1994 гг. постсоветская идентичность занимала первые места (с 1-го по 5-е), но ее отрыв от других форм идентичности стабильно уменьшался; 2) на протяжении 1994–2004 гг. значимость постсоветской идентичности стремительно уменьшалась (хотя в группе этнических русских и русскоязычных украинцев, которые проживают на Юге и Востоке Украины, постсоветская идентичность и сейчас занимает довольно высокие позиции, хотя уже не доминирует); 3) этническая идентичность постепенно возрастала во всех группах (наиболее активный ее рост наблюдался в группах русских, украинцев, крымских татар, евреев); 4) религиозная идентичность начала стремительно возрастать во второй половине 2001 г. (после визита Папы Римского Иоанна Павла II в Украину), а начиная с 2004–2005 гг., респонденты все чаще используют идентификацию «христианин» и «христианка»; 5) планетарная идентичность за эти годы практически не изменилась; 6) европейская идентичность сначала занимала предпоследние места, но, начиная с 1998–1999 гг., ее значимость начала возрастать (особенно в группе этнических украинцев, поляков, венгров, словаков, румын, крымских татар); 7) наиболее стремительно возрастает европейская идентичность у жителей больших городов; 8) национальная (или гражданско-политическая) идентичность была законсервирована на протяжении 1991–1993 гг. во всех группах, но в 1994–1995 гг. она начала падать в группе этнических русских, белорусов, евреев; постепенное возрастание этой формы идентичности в группе этнических украинцев и в некоторых группах национальных меньшинств (прежде всего, в группе этнических поляков и крымских татар) прослеживается в 1997–1999 гг. и в 2004–2005 гг.; 9) престижность национальной (или гражданско-политической) идентичности более медленно возрастает на Востоке и Юге Украины, в отличие от Севера, Центра и Запада Украины; 10) наиболее заметные трансформации характерны для этнической и национальной (или гражданско-политической) идентичности, но разрыв между этими формами идентичности на Востоке и Юге гораздо больший, чем на Севере, Западе и в Центре Украины; 11) до 2010 г. у этнических украинцев на Юге и Востоке Украины наблюдалась тенденция к возрастанию европейской и национальной идентичности (в 2010–2011 гг. этот процесс приостановился); 12) у этнических украинцев, армян и молдаван, которые проживают на Востоке и Юге Украины, более выражены ностальгические настроения в отношении

СССР, но у этих же этнических групп, которые проживают на Севере, в Центре и на Западе Украины, на первое место выходит желание ощущать себя европейцами; 13) в 2004–2008 гг. стабилизировались эмпирические показатели этнической идентичности (как в группе этнических украинцев, так и в группе национальных меньшинств); 14) в группе национальных меньшинств в 2006–2007 гг. возросло значение региональной идентичности (при грамотной региональной политике этот тип идентичности мог бы стать базовым основанием для укрепления общеукраинской идентичности, ведь в развитых странах мира региональная идентичность рассматривается как субнациональная); 15) высокий уровень национальной идентичности в 1991 г. имели 26% респондентов, в 2001 г. – 25%, а в 2011 г. – только 21% респондентов; низкий уровень национальной идентичности в 1991 г. имели 18%, в 2001 г. – 27%, а в 2011 г. – 39% респондентов, что свидетельствует о полном отсутствии взвешенной политики национальной идентичности в Украине; 16) национальная и европейская идентичность достигли самого высокого уровня развития в 2004–2005 гг. (в 2005 г. высокий уровень национальной идентичности имели 28% респондентов, а низкий уровень национальной идентичности был характерен только для 22% респондентов, в этом же году высокий уровень европейской идентичности имели 37% респондентов, а низкий уровень – 18%); 17) стала заметной тенденция к увеличению показателей европейской идентичности (как в группе этнических украинцев, так и в группе национальных меньшинств); европейская идентичность до 2012 г. не теряла своей значимости для граждан Украины потому, что запрос на европейскость является очень сильным в украинском обществе.

Таким образом, наше многолетнее исследование⁷ показало, что наиболее приемлемой для граждан Украины является национальная идентичность гражданско-политического типа, которая может соединяться с другими разновидностями идентичностей – религиозной, региональной, этнической и т.п. Национальная идентичность гражданско-политического типа по самой своей сути многомерна, ведь она **охватывает, но не отменяет** этническую, религиозную, региональную, профессиональную, возрастную и другие виды идентичности.

В контексте исследуемой проблемы необходимо хотя бы кратко рассмотреть современные тенденции разработки и реализации политики идентичности в некоторых европейских странах. После того, как многие страны Европы столкнулись с серьезными вызовами (связан-

ними с проблемами коллективной безопасности, активизацией миграционных процессов, террористических действий, кардинальными социально-экономическими и общественно-политическими трансформациями) и угрозами постепенного размывания национальных культур, деформации представлений об общей идентичности, были инициированы междисциплинарные дискуссии относительно укрепления и поддержки коллективной идентичности граждан европейских стран. Было заявлено, что для преодоления этого кризиса идентичности необходима общая «референтная канва» (Ф. Ван Остром). И наилучшей в этом контексте будет именно та «канва», которая соединит национальный и европейский идентификационные модусы в единую систему⁸. Таким образом, сегодня, в связи с тем «культурным поворотом», о котором пишут Я. Асман, Ф. Ван Остром и другие ученые, необходимо говорить о политике идентичности как о комплексной, междисциплинарной проблеме. Поэтому разработка в Голландии, Дании и Латвии национальных Культурных Канонов, которые могут стать базой для согласованного и сбалансированного развития национальной и европейской идентичности граждан многих стран, является примером конструктивного использования интегративного потенциала современной науки.

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 176.

² Там же.

³ Barth F. Models of Social Organisation. London, 1996.

⁴ Гідність, розвиток, свобода: національна ідея для України // Україна молода. 12 липня 2001 р.; Воропаєва Т. Сучасна українська національна ідея: теоретико-емпіричне дослідження // Українознавство. Календар-щорічник 2004. К., 2003. С. 127–134.

⁵ Воропаєва Т. Мовна ідентичність та національна самосвідомість громадян України // Календар-щорічник «Українознавство – 2003». К., 2002. С. 128–133.

⁶ Воропаєва Т., Бойко С. Трансформація національної ідентичності громадян України (1991–2001 рр.) // Вісник КНУ ім. Тараса Шевченка. Серія «Українознавство». Вип. 6. К., 2002. С. 12–17; Сергійчук В., Воропаєва Т. Трансформація національної ідентичності: історіософські, культурологічні та соціально-психологічні аспекти // Фундаментальні орієнтири науки. К., 2005. С. 24–53; Воропаєва Т.С. Специфика самоидентификации этнических украинцев и русских в Украине: социально-психологические аспекты // Личность в межкультурном пространстве. Ч. 1. М., 2008. С. 23–28; Воропаєва Т.С. Самоидентификация украинцев и русских на юге России и Украины: комплексный

анализ // Юг России и Украины в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 2009. С. 193–196.

⁷ В сентябре 2011 г. наш проект был отмечен как один из лучших среди исследовательских работ в области социогуманитаристики, а коллектив был награжден Дипломом «In the forefront of science» («В авангарде науки») за научную аналитику в рамках конкурса «World Championship, continental, national and regional research analytics championships». Диплом был вручен Директором Департамента международных проектов IASHE (International Academy of Sciences and Higher Education) Томасом Морганом (London, Great Britain). А в 2012 г. мы получили Диплом «SOPHIST» (№ DS – 012/0086) за одну из лучших научно-исследовательских работ в области культурологии в рамках Международного научно-исследовательского чемпионата по аналитике, который состоялся в Лондоне в июне 2012 г.

⁸ *Рыжакова С.И.* Каноны национальных культур: опыты Голландии, Дании и Латвии 2000-х годов // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 76–88.

К вопросу идентичности населения Слободской Украины (по материалам свадебной обрядности украинских и русских сел Луганской области)

В процессах сохранения этнической, национальной идентичности народа одним из важных факторов является его этнокультурное наследие, в частности празднично-обрядовая культура. Насколько роль этих явлений, часто выступающих маркером этнического своеобразия, сохраняется и значима на современном этапе, рассмотрим на примере обрядов жизненного цикла. Для этого нами проведено сравнительное исследование свадебных обрядов украинцев и русских в этноконтактной зоне Слободской Украины.

При заселении и освоении территории Слобожанщины возникло значительное количество русских поселений, расположенных либо компактно, либо по два-три села между селами украинцев и других народов.

Основная масса русских поселений в восточных районах Украины сформировалась в XVII–XVIII вв. Среди поселенцев преобладали выходцы из черноземного центра России – Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской губерний. Вместе с тем сюда переводились крепостные крестьяне и из более северных губерний – из Ярославской, Костромской, Владимирской, Московской, Нижегородской¹. Экономическое развитие районов также стимулировало приток населения, поэтому русские села постоянно пополнялись переселенцами из разных не только русских, но и украинских губерний. Возникали также села, которые заселялись практически одновременно и украинцами, и русскими. Таким образом, постоянное миграционное движение на территории Украины, в частности на Слобожанщине, и длительное общее проживание способствовали сближению разных по происхождению этнических групп, а, следовательно, и возникновению тесных этнокультурных взаимосвязей.

Однако, как показали собранные полевые материалы, русские, в отличие от украинцев, на протяжении длительного исторического периода, в том числе и в постсоветское время, продолжают сохранять свою идентичность. Местное население признает себя русскими. Единственно бытующим среди него остается русский язык; украинский используется только при оформлении государственной документации.

Вместе с тем, вследствие украинско-русских культурных взаимодействий большинство элементов культуры региона приобрело много общих характеристик. Не является исключением и свадебная обрядность украинских и русских сел Луганщины, которая демонстрирует не только локальную специфику пограничной территории, но и указывает на особенности самоидентификации украинского населения.

Научными сотрудниками Института этнографии АН СССР в 1970-е годы было обследовано около сорока русских сел, в частности, в пределах Луганской области (с. Гречишкино Новоайдарского р-на, с. Тимоново Троицкого р-на, с. Чугинка Станично-Луганского р-на и др.). Исследование свадебных обрядов русского населения Украины позволило ученым прийти к выводу, что в его традиционно-бытовой культуре прослеживаются сложные наслоения, predeterminedные специфическим характером жизни в интернациональном окружении, своеобразием формирования этнического состава населения, непосредственным взаимовлиянием культур в районах смешанного расселения народов². Привлечение новых этнографических данных позволяет продолжить анализ общих и отличных черт в свадебной традиции украинцев и русских Слобожанщины.

Основу данного исследования составляют полевые материалы автора (ПМА), полученные в 2010 г. в селах Луганской области. Нам удалось обследовать в числе других украинские села – Танюшевка Новопсковского р-на, Бондарёвка Марковского р-на, Калмыковка Меловского р-на и русские – с. Тополи Троицкого р-на, с. Чугинка Станично-Луганского р-на, хутор Вольный Станично-Луганского р-на.

В статье сделана попытка на основе анализа свадебной обрядности раскрыть специфику самоидентификации украинского населения Слобожанщины; выявить общие и отличные черты свадьбы в украинских и русских селах Луганской области; определить терминологические особенности в названиях обрядовых акций и свадебной атрибутики. Хронологически полевые материалы охватывают первую половину XX в. и включают информацию, записанную от женщин среднего и преклонного возраста, которые либо сами выходили замуж в указанное время, либо знают об особенностях традиционной свадьбы со слов родителей. Представленные в работе районы в географическом плане граничат друг с другом и в целом составляют северо-восточную часть Луганской области.

Свадебный обряд в местной традиции украинцев и русских носил одинаковое название – «свадьба». Зафиксировано несколько народных объяснений украинцами использования именно этого определения: 1) «Ми ж не чисто хохли, ми ж перевертні»³; 2) «Та ми ж ото як перевертні – і по-руські, і по-українські»⁴; 3) «Кажуть “свадьба”, бо хохли ж ми»⁵. Приведенные выше нарративы указывают не только на особенности свадебной терминологии, но и на отсутствие среди украинского населения пограничной территории четкого осознания своей идентичности.

Свадебный сценарий на Луганщине начинался с договора о браке, который у украинцев называли *сватанням*, а у русских – «смотринами». Традиционными на украинском *сватанні* были метафорические тексты, в которых фигурировали такие персонажи как *куниця* и *мисливець* (охотник – С.М.), *голуб* и *голубка*. В русских же селах «смотрины» сопровождалась словесными формулами о «купце» и «товаре».

В украинских селах бытовали три варианта обычая относительно договоренности о браке: 1) простой обмен хлебом⁶, 2) разрезание хлеба или пополам⁷, или на четыре части⁸, 3) разламывание хлеба⁹. У русских хлебом преимущественно обменивались – мать невесты приносила свой хлеб и отдавала его сватам¹⁰.

Следующим предсвадебным этапом были *оглядини*, по содержанию и терминологии характерные и для украинских, и для русских сел. Родители *молодої* (укр.) («невесты») (рус.) шли к сватам знакомиться с имуществом *молодого* (укр.) («жениха») (рус.), с домом, в котором будет жить их дочь после замужества. На *оглядинах* обычно они договаривались о дне свадьбы. *Оглядини* не проводили лишь в том случае, если парень был местным.

Предсвадебную вечеринку в украинских селах называли *підвесілок*, а в русских – «вечерушки». Смысловое наполнение обряда характеризуется общими признаками, а форма проведения имеет ряд отличительных черт. В частности отличными являются: 1) место проведения обряда: хата *дружки* – в украинских селах¹¹, хата «жениха» или «невесты» – в русских селах¹²; 2) время проведения: у украинцев – накануне свадьбы¹³, у русских – за неделю до свадьбы¹⁴ или в последний вторник перед свадьбой¹⁵; 3) состав участников: присутствие или отсутствие парней, людей старшего возраста и др.

У украинцев имел место обычай специально приглашать на *підвесілок* девушек, парней и старших людей (мужчин и женщин). К каж-

дому из гостей *молода* несла *шішку* – главный атрибут приглашения на *підвесілок*. Девушки садились за стол в доме *молодої*, ожидая приезда *молодого* с друзьями, а старшие люди специально становились на *пiл* (место для сна), с целью получить своеобразный *выкуп* за освобождение для новобрачных их будущего «спального ложа». По приезде *молодого* старших гостей угощали рюмкой водки и *шишкой*, после чего те оставляли хату, давая возможность молодежи проводить девушку замуж¹⁶.

В отличие от украинской традиции, у русских «вечерушки» устраивались ежедневно, начиная со вторника на свадебной неделе. Для этого невеста просила родителей подружек отпустить их к себе «перья драть». Собравшись, девушки готовили перо для подушек на приданое, вышивали, пели песни. Парней на «вечерушки» не пускали, и они ходили под окнами, ожидая конца вечера, чтобы проводить девушек домой.

В украинских селах *свашки* в субботу *їхали за приданім*, в связи с чем их называли «*приданки*». Кровать вместе с постелью выносили на улицу, красиво застилали, после чего *свашки* с другими соседскими женщинами смотрели, хорошее приданое у *молодої* или нет. Они подбрасывали подушки вверх, проверяя, насколько те легкие, и при этом громко *хіхкали*¹⁷. В русских селах за несколько дней до венчания было заведено «покупать постель» (подушки, перины, полотенца и т.п.) За приданным приезжали «свашки» (старшие женщины из семьи жениха) и «бояре» (друзья жениха). Чтобы взять выкуп за приданое, младшего брата или сестру невесты сажали на подушки. Откупившись сладостями от «маленького купца», приданое отвозили к жениху¹⁸.

В обеих этнических средах для выпечки свадебного хлеба мать невесты накануне свадьбы приглашала к себе домой счастливых в браке женщин, которые умели хорошо готовить. Технология приготовления свадебного хлеба у украинцев и русских Луганщины была приблизительно одинаковой. Отличия наблюдались в названии: русскому «калачу» соответствовал украинский *коровай*. Сначала выпекалась его основа – *лежень*. В лежень втыкали ветки, которые у украинцев назывались *різкі*, а у русских – «сосенки». Их изготавливали из нарезанных зубчатых кусочков теста, которыми обматывали специально приготовленные ветки вишни (у украинцев) или сосны (у русских). Все это выпекалось в печи. *Коровай*, как и «калач», украшали конфетами, калиной, цветами и лентами. В некоторых украинских селах на свадьбе

были два свадебных хлеба: *лежнем* называли каравай, который выпекали у *молодого*, а у *молодої* свадебный хлеб назывался непосредственно *короваєм*¹⁹.

Среди другой свадебной выпечки на территории Луганской области встречались также «*ежики*», которые символизировали целомудрие невесты. Когда *молодий* приезжал забирать *молоду*, «*дружко*» (друг жениха у украинцев) или «*боярин*» (друг жениха у русских) пытался украсть «*ежик*», а «*дружки*» (подруги невесты в обеих этнических средах) всячески старались этого не допустить. Если девушка потеряла девственность до свадьбы, то в середину «*ежика*» клали повидло, а если шла замуж «честной» – «*ежик*» был без начинки. Съедали этот свадебный хлеб на второй день свадьбы после первой брачной ночи²⁰.

Выразительным в предсвадебном цикле был момент украшения свадебного деревца как символа начала новой семьи. У украинцев оно называлось *гільце*²¹, *теремок*²², у русских – «елки»²³. У обоих народов деревцо могли делать как у невесты, так и у жениха во время проведения молодежного вечера или в любой другой день накануне свадьбы. Кроме того, в русской традиции изготовление свадебного деревца могло происходить во время выпекания обрядового хлеба. Пока старшие женщины готовили «калач» с «сбсенками», девушки, одетые в праздничный наряд, украшали цветами ветку елки или сосны, ходили с ней по улице и пели песни.

Обычно венчались в воскресенье. В этот день утром, пока две ближайших подруги невесты готовили ее к венцу, у жениха украшали экипаж для свадебного «поезда» – запрягали лошадьми *тачанку*, *лінійку* или *бричку*. В отдельных украинских селах для обозначения свадебного «поезда» использовали понятие *бесіда*²⁴. Сначала *молодий* и *поїжджани* (укр.) («поезжане» (рус.) угощались за столом, после чего родители благословляли сына, и «поезд» отправлялся за невестой.

С приездом свадебного «поезда» осуществлялся ритуал «выкупа» невесты, который бытовал во всех исследуемых селах и проходил в несколько этапов. «Поезжане» торговались до трех раз. На первые два предложения выкупа свашки не соглашались, и только в третий раз принимали «откупное» (водку, деньги и тому подобное) и пропускали прибывших во двор. В русской традиции, получив разрешение от хозяев, «*дружка*» заходил в сени, брал невесту за руку и вел ее в «*комору*», где сажал на самое высокое место – скамью или стол, на котором лежал кожух или кусок овчины. После этого «*дружка*» выводил невесту

с «посада», подводил к жениху и, связав их руки платком, обводил трижды вокруг стола. Здесь же стояли родители невесты, которым сначала кланялась невеста, затем жених. «Дружка» снимал с «посада» кожух, стелил его перед молодоженами, и они становились на него на колени. В этот момент родители благословляли детей иконой Божьей матери. После благословения свадебный экипаж отправлялся в церковь²⁵.

У украинцев бытовал несколько иной обычай. Приехав за невестой, *поїжджани* давали *выкуп* на воротах (торги проходили, как и у русских, до трех раз), после чего следовали за *молодою*. Не найдя девушки дома, *бесіда* направлялась в хату *дружки*, куда по обыкновению прятали невесту перед приездом жениха. Отдав еще один выкуп, *молодій* с *бесідою* возвращался к дому избранницы, где их обоих сажали на кожух на *посад*²⁶.

Приблизительно одинаково у украинцев и русских проходила после венчания встреча молодых в доме невесты. Родители девушки выходили на порог и иконой Спасителя благословляли детей. В то же время *свашки* осыпали молодых хмелем, зерном, конфетами и мелкими монетами, после чего всех ожидало угощение. На столе перед молодыми стоял *коровай* невесты и *коровай* жениха с *різками* (у русских два «калача» с «сосенками»), а также две бутылки водки и две деревянных ложки, перевязанные красной лентой, которые у русских назывались «быки»²⁷. В украинских селах водка или вино, перевязанные красной лентой, носили название *покраса*²⁸. Пить молодым в этот день запрещалось.

Одаривание молодых у украинцев происходило в первый день свадьбы после третьей рюмки. Каждому гостю подносили круглую булочку – *шишку* и рюмку водки. При этом *дружко* обходил гостей с выпивкой, а *свашки* раздавали *шишки*. В русских селах это преимущественно делали на второй свадебный день.

Ближе к вечеру переходили к обряду, который звался у украинцев *покриванням*, а у русских – «повиваньем». Две *сваішки* или замужние женщины (одна – со стороны невесты, другая – со стороны жениха) вели *молоду* в отдаленный угол, где за растянутым большим платком или покрывалом быстро расплетали девичью косу, заплетали две косы с ленточками и укладывали особенным образом на макушке. *Покривальниці* завязывали *молодій* платок и трижды целовались. С этого момента девушка считалась молодой женщиной²⁹.

В конце дня *свашки* готовили постель, после чего «дружко́» вел молодых «на покой». Иногда, чтобы подбодрить молодоженов, которые стесняются нового статуса, «дружко́» со «свашкой», шуточно имитируя близость, «грели постель»³⁰.

На следующее утро родные жениха шли звать сватов *снідати*. В русских селах у каждого из них к одежде были прикреплены красные ленты, или цветы, в знак того, что молодая оказалась «без изъяна», сохранила девичью честь³¹. В украинских селах, чтобы засвидетельствовать честность невесты, вывешивали красное знамя на крыше дома.

В обеих этнических средах в конце свадьбы бытовал обычай *забивати чіп* или *прикорень*, если выдавали замуж последнюю дочь или женили последнего сына. Для этого ритуала загодя вытесывали длинный кол, который мужчины должны были полностью забить в землю во дворе молодого или молодой. В последний день свадьбы «на воротах» выкапывали глубокую яму для «чопы», наливали в нее воду, и каждый по очереди наносил по одному удару, выпивая рюмку водки. Забитый полностью *чіп* свидетельствовал, что в этом дворе свадьбы больше не будет³².

Конец свадьбы фиксировался обрядом, который у русских носил название «выкуривание сватов», а у украинцев – *гоніння зозулі*. Обряд «выкуривания сватов» осуществлялся следующим образом: после последнего застолья посреди двора или даже комнаты поджигали полынь, и густой дым заставлял гостей оставить двор³³. У украинцев вместо этого «*виганяли зозулю*». Как сообщалось: «Сходяться ті люди, шо на свадьбі були. Одна з жінок вбирається, кожух навиворот вивертає, рушником і платком підперезується. У миску наливають води, становлять на стіл. Люди заходять, обдарять молодих, вип'ють усе. Тоді “зозуля” як начне у воді отак хлюпостаться, руками б'є, а вода ж, розприскується. А ті ж, гості, геть із-за столу вилазять, вилазять. Всіх “зозуля вигнала” – кінець свадьбі!»³⁴.

Изложенные выше материалы позволяют сделать вывод, что в свадебной традиции украинских и русских сел Луганской области наблюдаются этнические отличия: а) в форме, характере проведения отдельных равноценных по значению обрядовых акций (напр., договора о браке, украшении свадебного деревца, выкупа приданого молодой, «посада» молодых, демонстрации целомудрия девушки, подготовки к первой брачной ночи); б) в своеобразии отдельных ритуалов, атрибутов, которые были характерны или только для украинцев, или

только для русских (напр., обычай выпекать свадебные «ежики», обычай «перья драть», обычай «греть постель» – у русских; обычай «виганяти зозулю», обычай приглашать старших людей на «підвесілок», обычай прятать невесту перед приездом жениха в хате «дружки» – у украинцев и др.). Сравнительно больше отличий демонстрирует терминология свадебных обычаев и атрибутов (напр., «сватання» (у украинцев) – «смотрины» (у русских), «підвесілок» (у украинцев) – «вечерушки» (у русских), «їхати за приданим» (у украинцев) – «покупать постель» (у русских), «коровай» (у украинцев) – «калач» (у русских), «різки» (у украинцев) – «сósенки» (у русских), «покраса» (у украинцев) – «быки» (у русских), «покривання» (у украинцев) – «повиванье» (у русских) и т. д.). Кроме того, существуют расхождения в метафорических текстах, которые сопровождали отдельные этапы свадьбы, в количественном составе персонажей, во времени и месте проведения ритуальных действий. Прослеживается также и определенная сравнительно-географическая закономерность, в частности, больше подобия в местной свадьбе там, где русские и украинские села расположены ближе (напр., с. Тóполи Троицкого р-на и с. Танюшевка Новопсковского р-на, с. Чугинка Станично-Луганского р-на и с. Калмыковка Меловского р-на). С другой стороны, отдельные структурно-функциональные расхождения имеют место и между самими украинскими селами.

Вместе с тем, в свадебном обряде украинских и русских сел Луганщины, как и во многих других элементах культуры, прослеживается много общего. Это объясняется в первую очередь тем, что в традиционной свадьбе украинцев, равно как и русских, сохранилось много черт, которые известны еще со времен существования древнерусской народности и присущи всем восточным славянам. В свою очередь культурные наслоения, предопределенные особенностями формирования этнического состава населения и взаимовлиянием культур в районах украинско-русского пограничья, объясняют отсутствие среди украинского населения Слободской Украины четкого осознания своей идентичности.

¹ Чижикова Л.Н. Свадебные обряды русского населения Украины // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 160.

² Там же. С. 178.

-
- ³ ПМА 1. Полуни Дмитрий Федорович, 1930 г. р., с. Танюшевка, Новопокровский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ⁴ ПМА 2. Белокобыльская Анна Игнатьевна, 1917 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ⁵ ПМА 3. Хрыпко Нина Максимовна, 1940 г. р., с. Калмыковка, Меловской район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ⁶ ПМА 1. Полуни Дмитрий Федорович, 1930 г. р., с. Танюшевка, Новопокровский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.; ПМА 6. Репка Наталия Михайловна, 1955 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ⁷ ПМА 2. Белокобыльская Анна Игнатьевна, 1917 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ⁸ ПМА 3. Хрыпко Нина Максимовна, 1940 г. р., с. Калмыковка, Меловской район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ⁹ ПМА 8. Кваша Александра Ивановна, 1925 г. р., с. Танюшевка, Новопокровский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ¹⁰ ПМА 5. Украинская Лиза Степановна, 1930 г. р., с. Чугинка, Станично-Луганский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.; ПМА 7. Попова Ульяна Макаровна, 1924 г. р., с. Тóполи, Троицкий район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ¹¹ ПМА 3. Хрыпко Нина Максимовна, 1940 г. р., с. Калмыковка, Меловской район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.; ПМА 6. Репка Наталия Михайловна, 1955 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ¹² ПМА 4. Сидяченко Мария Яковна, 1925 г. р., х. Вольный, Станично-Луганский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.; ПМА 7. Попова Ульяна Макаровна, 1924 г. р., с. Тóполи, Троицкий район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ¹³ ПМА 3. Хрыпко Нина Максимовна, 1940 г. р., с. Калмыковка, Меловской район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.; ПМА 6. Репка Наталия Михайловна, 1955 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ¹⁴ ПМА 7. Попова Ульяна Макаровна, 1924 г. р., с. Тóполи, Троицкий район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ¹⁵ ПМА 5. Украинская Лиза Степановна, 1930 г. р., с. Чугинка, Станично-Луганский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ¹⁶ ПМА 2. Белокобыльская Анна Игнатьевна, 1917 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ¹⁷ ПМА 3. Хрыпко Нина Максимовна, 1940 г. р., с. Калмыковка, Меловской район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.

-
- ¹⁸ ПМА 7. Попова Ульяна Макаровна, 1924 г. р., с. Тóполи, Троицкий район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ¹⁹ ПМА 3. Хрыпко Нина Максимовна, 1940 г. р., с. Калмыковка, Меловской район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²⁰ ПМА 4. Сидяченко Мария Яковна, 1925 г. р., х. Вольный, Станично-Луганский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²¹ ПМА 1. Полунин Дмитрий Федорович, 1930 г. р., с. Танюшевка, Новопсковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.; ПМА 3. Хрыпко Нина Максимовна, 1940 г. р., с. Калмыковка, Меловской район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²² ПМА 6. Репка Наталия Михайловна, 1955 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²³ ПМА 4. Сидяченко Мария Яковна, 1925 г. р., х. Вольный, Станично-Луганский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²⁴ ПМА 6. Репка Наталия Михайловна, 1955 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²⁵ ПМА 5. Украинская Лиза Степановна, 1930 г. р., с. Чугинка, Станично-Луганский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²⁶ ПМА 6. Репка Наталия Михайловна, 1955 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²⁷ ПМА 5. Украинская Лиза Степановна, 1930 г. р., с. Чугинка, Станично-Луганский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²⁸ ПМА 6. Репка Наталия Михайловна, 1955 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ²⁹ ПМА 1. Полунин Дмитрий Фёдорович, 1930 г. р., с. Танюшевка, Новопсковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ³⁰ ПМА 7. Попова Ульяна Макаровна, 1924 г. р., с. Тóполи, Троицкий район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ³¹ ПМА 4. Сидяченко Мария Яковна, 1925 г. р., х. Вольный, Станично-Луганский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ³² ПМА 2. Белокобыльская Анна Игнатьевна, 1917 г. р., с. Бондарёвка, Марковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ³³ ПМА 4. Сидяченко Мария Яковна, 1925 г. р., х. Вольный, Станично-Луганский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.
- ³⁴ ПМА 8. Кваша Александра Ивановна, 1925 г. р., с. Танюшевка, Новопсковский район, Луганская область; зап. С. Маховская в 2010 г.

Украинские политические идентичности в контексте нациестроительства: от партикуляризма к соборности

Генезис различных идентичностей на территории украинских этнических земель был вызван многими политическими и социально-экономическими причинами. Исторический процесс в «длинном XIX в.» (понятие Э. Хобсбаума) обозначен формированием наций как «воображаемых сообществ», для которых характерно развитие национальной и региональных идентичностей. Актуальность исследования этой проблемы обусловлена пониманием популярности в современной общественной жизни Украины явления «раскола», а также спецификой развития украинских типов региональной идентичности. Историография вопроса является достаточно широкой, если учитывать контекст истории национально-освободительного движения Украины¹.

Новые интерпретации формирования современных наций определяют переход к исследованиям локальной истории и исторической регионалистики. Эта трансформация в постсоветской историографии связана с изменением представления об исторических перспективах и пониманием региональных идентичностей в процессе составления нации. В начале XXI в. в Украине проблематика исторической регионалистики стала очень популярной, о чем свидетельствует появление интересных исследований², функционирование в структуре Института истории Украины Академии наук Украины отдела региональной истории, а также издание под его эгидой ежегодника «Регіональна історія України»³. Стоит подчеркнуть, что большинство исследований включают в современный научный дискурс широкий историографический контекст. Такая взаимосвязь сформировала условия принятия позиций и выводов современников XIX – начала XX вв., что в свою очередь привело к появлению многих стереотипов и мифов об украинской истории. Показательным является пример с оценкой роли Галиции и Западной Украины в целом, которые всегда находились в поле зрения украинских интеллектуалов и представителей освободительного движения как своеобразный эталон в генезисе современной нации. А дискурс Михаила Грушевского о Галиции, как «Украинском Пьемонте», до сих пор является основной интерпретацией, что воспринимается как аксиома, на базе которой конструируются национальные символы и

мифы для обеспечения современных идеологий в постсоветской Украине.

Современная историографическая ситуация характеризуется отсутствием общего языка переосмысления старых мифов (в частности этническая концепция нации) и очень высокой степенью политизированности истории в Украине, что обеспечивает воспроизводство исторического нарратива как единого государственнического проекта «не-исторической» нации. Попытки критики этого нарратива нередко приводят к обвинениям в непрофессионализме. Тем не менее, сегодня можно говорить о принципиальной гетерогенности исторического дискурса, в котором одновременно присутствуют оригинальные методологии и клише старой историографии.

XIX век характеризуется двумя взаимосвязанными сторонами исторического процесса – формированием национальных проектов и целенаправленной политикой империй в Восточной Европе на создание единого политического сообщества. Именно эта дуальная сущность украинской истории детерминировала возникновение специфического социокультурного и политического пространства, где ассимиляционные меры со стороны монархий Романовых и Габсбургов проводились в отношении украинского народа как национальной общности. При этом дискриминация украинцев отсутствовала на индивидуальном уровне, позволяя занимать высокие посты в обществе и проявлять себя в любых сферах деятельности⁴. Следует признать, что большая часть украинского общества, особенно интеллигенция, имела множественную лояльность – они не отказывались от своего этнического происхождения, параллельно признавая империю как легитимную власть⁵.

Именно это явление в развитии социального и политического сознания сформировало основу для дифференцированного процесса в становлении национальной и региональных идентичностей, а также свидетельствовало о зарождении различных идеологий освободительного движения. В условиях постоянного ассимиляционного давления со стороны российского самодержавия и австрийской монархии наиболее консолидирующими идеологическими ценностями социальных групп и классов были ценности мобилизационного характера, а именно этнические и материальные. Идеологические и духовные воззвания воспринимались без установки на отторжение и получали последующее развитие, тогда как социальные и материальные – почти

всегда получали ответ. Такие процессы обуславливали возникновение гражданской концепции нации, где рядом с этническим принципом особое значение отводилось демократизму.

Роль Восточной Галиции под скипетром Габсбургов в представлениях тогдашнего общества лежала в плоскости конструирования собственной национальной идентичности. Галицийские деятели вопрос объединения обеих Украин рассматривали в контексте борьбы империй в Центрально-Восточной Европе. Существование глубоких партикуляристских убеждений в их среде, а также политика «примирения», которая проводилась австрийским правительством, способствовала интеграции галицийского общества с конституционной монархией. Общий политический строй Австрии обеспечивал за ее народами по закону равные права и давал почву для свободной работы, для культурного развития, для политической борьбы за права человека⁶.

Место Восточной Галиции в истории «длинного» XIX в. было простым и однозначным. Эпоха определила некоторые особенности, затрудняющие сравнение и обобщение исторических явлений на этих территориях. В современной историографии господствующей является позиция, согласно которой тогдашнее галицийское общество отличалось более высоким уровнем национального сознания, культурным развитием и восточно-христианской религиозностью в сочетании с Апостольским престолом. Причины таких различий, отмечал И. Лысяк-Рудницкий, «лежат не в самой народной субвенции, которая идентична вдоль Збруча, а в отличной политической и (частично) культурной формации, вытекает из другого исторического развития, обстоятельств, воспитания»⁷.

Поэтому некоторые исследователи слишком возвеличивают роль Галиции в украинской истории, указывая на особенности галицийской идентичности и роли Украинской греко-католической церкви. Не случайно известный ученый Стефан Томашивский писал, что «разница в национально-политическом положении украинцев по ту и другую стороны австрийско-русской границы такова, что небольшой части украинского народа в Галиции, чье национальное самосознание было развито лучше, выпала роль (не первый раз в истории) рассадника политической мысли и национального сознания среди одного из самых больших народов Европы. Идеи, распространявшиеся из Галиции, должны были способствовать политическому и хозяйственному росту всей Украины»⁸. Аналогичной позиции придерживался украинский ис-

торик Иван Кревецкий, который считал, что Киевщина на Востоке и Галиция и Волынь на Западе претендуют на роль центра, который творил украинскую историю в контексте Европы.

Известно, что галичане, находясь под властью конституционной монархии Австро-Венгрии, получили большой опыт легальной политической и экономической самоорганизации, чем их братья за Збручем. Остается фактом, что украинский язык и культура имели возможность в регионе более свободно развиваться. В целом лояльное отношение к «украинскому вопросу» со стороны империи Габсбургов привело к усилению антиукраинского движения польских сил в Восточной Галиции. В этом случае польский вызов региона получил ответ в форме освободительного движения, которое провозглашало своей целью борьбу за «возвращение Галиции» к Украине.

Канадский историк украинского происхождения Иван Лысяк-Рудницкий в такой ситуации видит несколько позитивных факторов⁹. Анализируя вклад Галиции в освободительное движение, он выделял целый ряд факторов, и прежде всего, религиозную ситуацию в регионе, которая укрепляла в западных украинцах чувство национальной особенности. Почти все галицийские украинцы, за незначительными исключениями, принадлежали к греко-католической церкви. Восточный обряд четко отличал их от поляков, а подчиненность Риму защищала от влияния Русской православной церкви. Другим преимуществом освободительного движения в Галиции было то, что оно действовало в условиях габсбургской конституционной монархии и имело политический опыт и политиков, искушенных в парламентской борьбе. Третьим фактором стала помощь, которую галицийское движение получало из Надднепрянской Украины¹⁰. Эти контакты меняли мировоззрение его представителей, способствовали преодолению узкого провинциализма и превращали национальную идеологию во всеукраинскую¹¹. Эти аргументы широко использовались представителями консервативного («государственнического») лагеря во время дискуссии по поводу причин поражения Украинской революции 1917–1921 гг., до того как были синтезированы Лисяком-Рудницким.

Политические реалии империй Романовых и Габсбургов в контексте концепции модернизации свидетельствуют о том, что в общественных системах обеих монархий происходили принципиально похожие кардинальные сдвиги, которые были связаны с трансформациями в экономической сфере – переходом обществ от аграрного к индустри-

альному производству и формированием новых политических идей, которые начали проявляться еще со времен Английской буржуазной революции 1640–1660 гг.¹² Известно, что эти процессы способствовали формированию гегемонии Запада в мире, в противовес деструктивным процессам в Китае и восточной цивилизации. Начатые в Британской империи явления получили продолжение в эпоху Просвещения, войне за независимость США и Великой Французской буржуазной революции 1789–1794 гг. Европа становилась Западом, который кардинально отличался от других частей света материальной цивилизацией и новой светской моралью. С того времени берет начало географическое разделение европейского континента на Западную и Восточную части¹³.

Мифическая «Восточная Европа» становится «Другим миром» с противоположными закономерностями и моделями общественного развития. Характерно, что даже расширение ее пространства базировалось на «изобретении» европейского, которое было критерием цивилизованности и прогрессивности определенного общества. События, которые охватывали тогдашнюю Украину, были отмечены модернизационными воздействиями, сильно влиявшими и менявшими жизнь общества. Политические позиции представителей украинского движения обосновываются трансформацией сакрального образа Украины в национальный проект в контексте эпохи наций и капитализма.

Миф о Переяславской раде 1654 г. был питательной формой для развития автономистского видения Украины в составе Российской империи. Для большинства интеллектуалов именно это событие было главным ориентиром в легитимности будущего федеративного союза между двумя восточнославянскими народами на основе совместного вероисповедания¹⁴. Миф о Люблинской унии 1569 г. как равноправной федерации/конфедерации Речи Посполитой пленил мнения народолюбивой партии и привел к ополячиванию украинской шляхты в Галиции. Но, в тоже время, опирался на принцип равноправного сосуществования наций, что способствовало его позитивному восприятию в галицийской среде в противовес идее возрождения «исторической Польши»¹⁵.

Интеллектуальный синтез обоих мифов на украинской почве получил развитие в федеративной концепции Николая Костомарова о славянском союзе с центром в Киеве. В будущем это привело Михаила Драгоманова к мысли о «историческом водовороте»¹⁶. А Михаил Гру-

шевский на основе этой идеи пытался развить проект черноморской федерации, которую впоследствии осмысливали украинские геополитики Степан Рудницкий и Юрий Липа. Сущность «кооперации народов Черного моря» заключалась в гегемонии Украины на территории Восточной Европы. В этом измерении особое значение приобретало осознание общей судьбы, истории и миссии, материализованное в песнях, преданиях и мифах. Недаром американский ученый Джон Армстронг писал, что «скорее символические, чем материальные аспекты общей судьбы являются решающими для идентичности»¹⁷.

Развитие капитализма и нацистроительство способствовали появлению различных моделей формирования украинской государственности. Первая – это видение автономии Украины в составе России, которой способствует наличие общих исторических корней восточнославянских народов. Вторая – это рассмотрение Украины как геополитической целостности и части западной цивилизации. Такие представления базировались на позиции о принадлежности большей части украинских этнических земель к Центральной Европе¹⁸. В основе этой модели сегодня лежит представление о неравном соотношении Российской и Австрийской империи в историографии, что является «своеобразным отзвуком дрейфа современных интеллектуалов между “Востоком” и “Западом” и следствием оксидентальных мотивов в современной политической мифологии»¹⁹. Поэтому Западная Украина всегда считалась географическим посредником между Центральной (Серединной) и Восточной Европой²⁰. Габсбурги все-таки ближе к «более цивилизованному Западу», чем к «архаичному Востоку», который отождествляется, прежде всего, с Россией²¹.

Наиболее полно существо украинской идентичности на Надднепрянщине объясняет понятие «Большой Украины», получившее теоретическое обоснование в творческом наследии Михаила Грушевского. В понимании ученого «Большая Украина» должна стать «палладиумом демократических вольностей», «забралом социализма», «ареной национального согласия». Рядом с украинской на правах, в частности, национально-персональной автономии в ней строили бы свою жизнь представители других наций. Основой государства и нации должна была стать армия, главным же «основанием» – крестьянство²².

«Большая Украина» характеризовала украинскую историю как органическую часть поствизантийского и русского пространства. Содержание этой дефиниции имело идеологический характер и обозначено

важностью общей национальной идентичности. Общеполитический дискурс «Большой Украины» был направлен в будущее государственные перспективы в измерении «морально-этических» ценностей, которые распространялась с целью обеспечения консолидационных убеждений в среде новообразованной политической элиты и современной нации²³.

Углубление модернизации в Российской и Австро-Венгерской империях характеризовалось некоторой либерализацией общественной жизни. Но если в Восточной Галиции она имела долгосрочные последствия (отмена барщины в 1848 г., доступность образования, развитие «русского» языка)²⁴, то на территории под скипетром Романовых проявления либерализации были кратковременными. Социально-экономическое развитие Галиции в то время практически полностью перешло на капиталистические рельсы, и она, тем самым, становилась периферийной (сырьевой) экономикой империи Габсбургов. Такая тенденция объясняет дисбаланс в экономическом развитии региона.

Развитие Большой Украины в рамках российской колониальной модели отношений между центром и периферией делало ее органической частью Российской империи. Интенсификация промышленного и аграрного производства свидетельствует о том, что на украинских землях при определенных условиях успешно проходила модернизация. Такое социально-экономическое развитие Большой Украины позволяет утверждать, что это была модернизация мобилизационной модели, характерная для всей империи. Предпосылками такой модернизации стали: резкая социальная дифференциация, значительный уровень отчуждения народа от власти, активность радикально-экстремистских сил, сохранение преобладания деревни над городом, сельского хозяйства над индустрией. Происходил процесс, как это ни парадоксально звучит, внутреннего усиления феодализма путем бюрократизации государственного аппарата²⁵. Однако на территории Большой Украины веками формировался индивидуализм. Здесь в большей степени, чем на территории России, культивировалась частная собственность, крепостничество было менее угнетающим и существовало не так долго²⁶. В Поднепровье, в отличие от России, имел место не столько синтез и эффект синергии, сколько конформизм, который компенсировался культом благоустройства²⁷.

Исторический смысл Большой Украины заключался в создании новых принципов, которые определили историческое развитие страны.

Фактически это понятие давало украинской политической традиции преемственность, а также актуализировало ее особенность, которая заключалась в идее соборности.

Следовательно, анализ общественной жизни в Восточной Галиции говорит о существовании более благоприятной ситуации для национальной мобилизации, чем в Большой Украине, что имело свои причины. Во-первых, наличие большей, по сравнению с подросийской Украиной, компактности территории, что значительно облегчало задачи национального движения; во-вторых, мощный интеллектуальный и политический импорт именно из Надднепрянщины; в-третьих, культурно-религиозный фактор, то есть отчуждение в этой области украинцев от основных конкурентов – поляков или же «нейтральных» немцев, что больше способствовало национальной мобилизации украинцев, чем религиозная общность или культурно-языковая приближенность к официальной имперской религии и культуре в подросийской Украине²⁸. Восточная Галиция сыграла весомую роль в формировании основ национального сознания. Как известно, по историческим причинам этот процесс, главным образом, имел место в интеллектуальных социальных группах. Собственно, генезис идеи «украинского Пьемонта» объясняет его особенности.

Восточная Галиция в «длинном XIX в.» была территорией сохранения основ традиционной цивилизации, исторической памяти о принадлежности к «русько-украинскому» народу, регионом пересечения многих культур. Три черты развития Восточной Галиции в эпоху национальных проектов определяли ее специфику. Это – многоконфессиональный характер галицийского общества, синкретичность русинского села, поликультурные процессы в городах. Отмеченные черты способствовали утверждению особого цивилизационного видения региона в среде галицийского общества.

Конструирование национального федерализма в украинской политической мысли получило форму мощного регионального проекта со времен автономии Гетманщины XVIII в., что базировалось на единой идентичности населения подросийской Украины. На другом полюсе государственного проекта лежал национальный партикуляризм, получивший популярность в Восточной Галиции. Большинство украинских мыслителей осознавали, что партикуляризм был результатом развития «неисторической» нации, и при сильных внешних влияниях он стал угрозой для единства. В эпоху нациестроительства партикуляризм как

явление потерял смысл, способствуя появлению региональной идентичности населения Восточной Галиции. Фактически лидеры галицийского движения тем самым теряли особую роль в борьбе за соборность Украины.

В разрезе украинской истории выделяется существование наиболее длительного разъединения этнических земель между западно-украинскими землями и Большой Украиной. Причины этого пытались осмыслить многие историки, а общественные деятели направляли свои усилия в сторону консолидации обеих частей Украины. Наибольших, как успехов, так и противоречий в этом достигли писатель Иван Франко и историк Михаил Грушевский.

Отношения между писателем и ученым иллюстрируют перипетии развития украинского освободительного движения XIX – начала XX вв. Поэтому обратимся только к существу их общественно-политических и идеологических взаимоотношений. При этом стоит выделить наличие общего знаменателя политического мировоззрения Франко и Грушевского – оба находились в плену федералистской идеи, особенно в разработке варианта Михаила Драгоманова. Под влиянием последнего Франко и Грушевский прошли путь от политического романтизма к созданию реального национального проекта. Они удачно переосмыслили положение его федералистской концепции, конкретизировав ее рационализмом, который на Надднепрянщине появился как выдвигание требования национально-территориальной автономии Украины, а в Восточной Галиции – в праве автономии «коронного края», а в перспективе – идеи самостоятельности. С конца XIX в. Франко разделял идеологическую концепцию Грушевского относительно направлений развития украинского общественно-политического движения²⁹.

Для них синтез национального и социального освобождения был не только отзвуком популярных тогда идей, а составлял содержание их мировоззрения, став базовой формулировкой в политической публицистике обоих мыслителей. Статья Франко «Поэза межами можливого», опубликованная в «Літературно-науковому вістнику» в 1900 г.³⁰, и активное участие Грушевского в деятельности Национально-демократической партии были явлениями переосмысления идеи государственности. Состоялось определенное смещение приоритетов в сторону ее рассмотрения в широком контексте и в пределах легитимных путей достижения автономии. Для украинской Галиции – как отдельного коронного края, а для Большой Украины – в форме национально-терри-

ториального образования. Закономерно, что идея самостоятельности неотделимо развивалась от федерализма. Период Первой российской революции 1905–1907 гг. позволил Грушевскому утвердиться в своих федералистских взглядах³¹. Франко и дальше продолжал считать, что федерализм не отрицает самостоятельности: «Политическая самостоятельность возможна и в связи с Россией, при федеральном ее укладе»³².

Можно утверждать, что федерализм занимал доминирующее идейное место в среде национального движения. Он был общественно-политической парадигмой, отразился на стиле мышления деятелей и современников нацистроительства, наполнял прагматичным смыслом идеологические доктрины. На рубеже XIX–XX вв. историческая перспектива, как это ни парадоксально звучит, была тесно связана с русским общественно-политическим контекстом.

Синтезом политических идентичностей стали идеи Грушевского о Восточной Галиции как «украинском Пьемонте» и Надднепрянщине как «Большой Украине». Прагматичный ученый знал, о чем писал. Опыт партийной и научной деятельности, полученный во Львове, убедил его в важной роли украинской Галиции как культурного и духовного (не религиозного) центра в борьбе за соборность³³. Такая мировоззренческая позиция Грушевского иллюстрирует сложные процессы представления Украины как государственного организма. При этом историк решающую роль в происхождении новой государственности отводил именно Большой Украине, где распространение западных идей приобретало рациональные формы и совмещалось с оптимальными внутренними ресурсами.

Разработка идеи «украинского Пьемонта» происходила в русле идеологии федерализма и соборности. Впервые Михаилом Грушевским как принципиальная цель была поддержана идея объединения всех украинских земель при полном разрыве с той государственностью, в которую была интегрирована большая их часть. Правда, ученый предусматривал постепенное приближение к этому идеалу через ряд промежуточных стадий, включая реформирование государственной системы России³⁴.

Идея «украинского Пьемонта» содержала две составляющие – территориальную (определение региона, который положит начало «собиранию» украинских земель) и идеологическую (сосредоточение «духовной энергии», национально-культурного труда)³⁵. Идея соборности

в то время появлялась как форма этнического создания государства в ответ на «неисторичность» нации. Если федерализм был категорией западной политической мысли, то соборность стала отображением украинского понимания модели формирования государственности. Проблема соборности была достаточно дискуссионной, учитывая ее генезис и использование интеллектуалами в XIX в. Соборность имела православную семантику, в которой религиозное единство заменяется на национальное единство в этническом измерении. Такое содержание в полной мере отвечало тогдашним представлениям об исторических перспективах.

Рецепция идей федерализма и соборности в среде интеллигенции появлялась как позиция поиска легитимных путей возрождения государственности. В их сознании последние были концепциями поступательного и эволюционного развития украинской истории, свидетельством распространения демократических идей в обществе, признаком углубления процессов модернизации. Разработка идей федерализма и соборности способствовала консолидации политических требований интеллигенции и побуждала украинские партии к идеологической институционализации.

Для украинского движения на рубеже XIX–XX вв. реалистичным проектом стало обеспечение единства Восточной Галиции и Надднепрянщины. В этом контексте популярное в историографии и политической риторике понятие «украинского Пьемонта» имело несколько иной смысл, в первую очередь, как центра культурного развития, а не политической консолидации народа, которую Франко и Грушевский связывали с Большой Украиной. Последняя лишь должна была перенять общественный и культурный опыт Восточной Галиции, чтобы реализовать идею соборности.

Грушевский считал, что угрозу отделения украинской Галиции от Большой Украины несет не австро-венгерская власть, а польский фактор, который доминировал на всех уровнях общественной жизни (бюрократия, администрация, экономика). Именно в начале XX в. он выразительно высказался по поводу существования исторически обусловленного «раскола» между Восточной Галицией и Большой Украиной, подчеркивая, что религиозный фактор играл в этом одну из решающих ролей. Такой цивилизационный подход стал интеллектуальным достижением ученого, который приложил все свои усилия ради единства и консолидации украинцев по обе стороны Збруча.

Итак, формирование украинского национального проекта было тесно связано с развитием различных политических идентичностей в Восточной Галиции и Надднепрянщине, среди которых особую роль играло конструирование общенациональной идентичности. Именно взаимовлияние между галицийской идентичностью и надднепрянской множественной лояльностью послужило углублению представлений об украинской нации как едином «воображаемом сообществе». Фактически галицийский партикуляризм и федеративные сентенции надднепрянцев стали основой для конструирования «этнографического детерминизма» в нациестроительстве, где решающая роль отводилась этническим, а не гражданским или общечеловеческим факторам. Закономерно, что проект украинской нации появился как ответ на идею создания великорусского государства, вследствие поражения всероссийской модели национального развития империи Романовых. В монархии Габсбургов идея украинской нации рассматривалась только через включение в широкое многоэтническое политическое пространство, ставя освободительное движение в условия нерадикальной интеграции в общественную жизнь.

¹ Кармазіна М. Ідея державності в українській політичній думці (кінець ХІХ – початок ХХ ст.). К., 1998; Політична історія України ХХ ст. У 6 т. Т. 1: На зламі століть (кінець ХІХ – 1917). К., 2002; Левенець Ю.А. Теоретико-методологічні засади української суспільно-політичної думки: проблеми становлення та розвитку (друга половина ХІХ – початок ХХ ст.). К., 2001; Потульницький В.А. Теорія української політології. Курс лекцій. К., 1993; Лисяк-Рудницький І. Четвертий Універсал та його ідеологічні попередники // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 2. К., 1994. С. 1–27; Його ж. Інтелектуальні початки нової України // Історичні есе. Т. 1. К., 1994. С. 173–193; Український вибір: політичні системи ХХ століття і пошук власної моделі суспільного розвитку / ред. В.Ф. Солдатенко (керівник) та ін. К., 2007; Нагорна Л. Федеративна ідея в Україні: традиції, сучасне бачення, перспективи // Історичний журнал. 2006. № 5. С. 3–12; Політична система для України: історичний досвід і виклики сучасності / О.Г. Аркуша, С.О. Біла, В.Ф. Верстюк та ін. К., 2008; Грицак Я. Від федеративності до самостійництва: до еволюції української політичної думки ХІХ – на початку ХХ ст. // Другий Міжнародний конгрес українців, Львів, 22–28 серпня 1993 р.: Доп. і повід. Історія Ч. 1. Львів, 1994. С. 248–257; Єкельчик С. Пробудження нації: До концепції історії українського національного руху другої половини ХІХ ст. Мельбурн, 1994; Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців (1848–1914). Львів, 1926; Охрімович Ю. Розвиток української

національно-політичної думки: Від початку XIX ст. до Михайла Драгоманова. Львів; К., 1922.

² *Верменич Я.* Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні. К., 2003; *Його ж.* Локальна історія як науковий напрям: традиції й інновації / Інститут історії України, Сектор теоретико-методологічних проблем історичної регіоналістики. К., 2012.

³ На сайті Інститута історії України НАНУ розміщені все випуски збірника наукових статей «Регіональна історія Україна». Електронний ресурс. <http://www.history.org.ua/?litera&askAbout=region>.

⁴ Михутина І. Український вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны // Електронний ресурс. <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz16.htm>. Дата посещения: 10.03.2012.

⁵ Там же.

⁶ *Стебницький П.* Українська справа // Вибрані твори. К., 2009. С. 83.

⁷ *Лисяк-Рудницький І.* Вклад Галичини в українські визвольні змагання // Історичні есе. Т. 2. К., 1996. С. 56.

⁸ *Томашівський С.* Галичина. Політично-історичний нарис з приводу світової війни. Б.м.в., 1915. С. 6.

⁹ *Лисяк-Рудницький І.* Вклад Галичини в українські визвольні змагання. С. 56.

¹⁰ Наддніпрянщина или Надднепрянская Украина – историко-географическая часть Украины с центром в Киеве, которая включала большинство украинских этнических земель (Воынь, Среднее Поднепровье, Слобожанщина, Таврия, Полесье и др.), входящих в состав Российской империи.

¹¹ *Лисяк-Рудницький І.* Вклад Галичини в українські визвольні змагання. С. 56.

¹² Український вибір: політичні системи XX століття і пошук власної моделі суспільного розвитку... С. 11.

¹³ *Вулф Л.* Винайдення Східної Європи. Мапа цивілізації в свідомості епохи Просвітництва. К., 2009. С. 495–497.

¹⁴ *Лащенко Р.* До питання про юридичні засади приєднання України до Москви // Центральный государственный исторический архив Украины во Львове. Ф. 370. Оп. 1. Д. 15. Л. 12–54.

¹⁵ Понятие, широко использованное Михаилом Грушевским в его публицистических и научных трудах: *Грушевский М.* Из польско-украинских отношений Галиции. СПб., 1907.

¹⁶ *Драгоманов М.* Чудацькі думки про українську національну справу // Драгоманов М. Вибране. К., 1990. С. 461–559.

¹⁷ *Армстронг Дж.А.* Нації до націоналізму // Націоналізм. Антологія. К., 2000. С. 526.

¹⁸ Термин «Центральня Европа» я использую в географическом и политическом смысле, ориентируясь на позицию российского историка Алексея Миллера относительно особенностей генезиса этого понятия в интеллектуальном

пространстве Восточной Европы. См.: *Миллер А.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Электронный ресурс. <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html>. Дата посещения: 01.10.2011.

¹⁹ *Касьянов Г.* «Пикник на обочине»: осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 89.

²⁰ *Рудницький С.* Західна Україна. Географічний нарис // Інститут рукописи Національної бібліотеки України імені В. Вернадського. Ф. 10. № 4744. Л. 4.

²¹ *Касьянов Г.* Указ. соч. С. 89.

²² *Грушевський М.* Велика Україна // Хто такі українці і чого вони хочуть? К., 1991. С. 157–162.

²³ *Кармазіна М.* Ідея державності в українській політичній думці (кінець XIX – початок XX ст.). К., 1998. С. 336.

²⁴ См.: *Ан. Яринович [Ніковський А.В.]* Галичина в ее прошлом и настоящем. Очерк истории национальной жизни русин в Австро-Венгрии. М., 1915 // Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. Вернадского. Ф. 226. №. 4.

²⁵ *Решет О.П.* Більшовизм і українська революція 1917–1921 рр. Спроба визначення характеру і динаміка соціальних процесів // *Решет О.П.* Перечитуючи написане. К., 2005. С. 10.

²⁶ *Пахомов Ю.Н.* Мировые цивилизации: проблемы и перспективы // Сучасна цивілізація: гуманітарний аспект. К., 2004. С. 28.

²⁷ Там же.

²⁸ *Касьянов Г.* Указ. соч. С. 93–94.

²⁹ *Гирич І. М.* Грушевський і І. Франко: до історії взаємин // Укр. іст. журн. 2006. № 5. С. 45.

³⁰ *Франко І.* Поза межами можливого // Франко І. Зібрання творів: У 50 т. Т. 45. К., 1986. С. 276–285.

³¹ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. СПб., 1907.

³² Цит. за: *Гирич І. М.* Грушевський і І. Франко: до історії взаємин // Укр. іст. журн. 2006. № 5. С. 46.

³³ *Грушевський М.* Український П'ємонт // *Грушевський М.* Твори: У 50 т. Т. 1. Львів, 2002. С. 444.

³⁴ *Михутина И.* Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны. Электронный ресурс. <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz16.htm>. Дата посещения: 10.03.2012.

³⁵ Там же.

Проблема национальной идентичности Украины в контексте ее глобализации

Говоря о проблемах Украины в свете ее будущих перспектив, в каком бы контексте они ни звучали, неизбежно мы наталкиваемся на одну, возможно, главную проблему мировоззренческого порядка – проблему смысла: кто мы? откуда? куда идем? И как следствие этих вопросов: какова человеческая миссия Украины? в чем ее историческое предназначение?

Озадаченное этими вопросами украинское общество ищет опору в идентичности, которая характеризуется общей исторической территорией, историей и культурой. Благодаря идентичности происходит отождествление на образно-символическом уровне, кристаллизующемся в форме национального самосознания и воплощающем для народа символ веры. И поскольку основными сферами национального бытия являются язык, общая память и основанное на вере мировоззрение, в процессе формирования национальной идентичности исходными основами выступают представления об общем происхождении и общих предках. Но без выработки единых представлений об общенациональных интересах и идеях этот процесс будет незавершенным, ибо прошлое дает основу движению, но заданность его определяет цель.

И здесь, чтобы не допустить стратегической ошибки и понять происходящее во времени, надо делать свой выбор с учетом общего состояния мира и положения интересующих нас стран, стремясь оценивать процессы в перспективе. Иными словами, состояние и развитие Украины следует спроецировать на развернувшиеся глобальные процессы. И тогда общая картина может показаться неоднозначной. С одной стороны – пребывающая не в лучшем экономическом состоянии Украина. С другой – мир, находящийся в состоянии динамичного перехода к новой эпохе глобализации и формирования информационного общества, возможно, в рамках нового мирового порядка. Контур его пока еще не ясны, но общая социодинамика такова, что за годы независимости вклад Украины только в мировое производство уменьшился в 50 раз¹. Что касается общей тенденции мирового развития, то уже сейчас понятно, что ближайшие десятилетия приведут к существенной активизации межцивилизационного взаимодействия и обострению борьбы за оставшиеся мировые ресурсы. При этом надо учесть, что

Украина находится не просто в зоне пересечения геополитических интересов ключевых мировых игроков, что признается всеми, но и в зоне пришедшего в движение межцивилизационного разлома, характеризующегося присутствием трех ведущих в Причерноморье цивилизационно оформленных конфессий: католичества, православия и ислама.

Жизнь на разломе, характерная для Украины, таит огромную потенциальную опасность оказаться растянутой между пришедшими в движение цивилизациями. Правда, эта потенциальная опасность, в случае грамотного учета имеющейся социодинамики, может быть не только минимизирована, но даже проявиться со знаком «плюс». И в самом деле, весь мир живет сейчас на разломе и в условиях глобальных перемен. Но любой разлом, равно как и процессы «распада» и «перелома» таят в себе колоссальную энергию, которая может стать источником новой силы и поступательного развития, как это было в свое время в Элладе. Вопрос в том, как сделать эту энергию позитивно направленной? И тогда в этом разломе родится новое качество, делающее реальным настоящий украинский прорыв.

В этих условиях стране в первую очередь следует сохранить и укрепить внутреннюю целостность. И качество идентичности, безусловно, будет играть здесь очень важную роль. Связано это с тем, что главное требование позитивного развития Украины – чтобы общая идентичность была органичной и вместе с тем позволяла гармонизировать непростые отношения в стране в рамках разных региональных и этноконфессиональных идентичностей, когда есть общая основа для конструктивного взаимодействия на основе прошлого и во имя будущего Украины.

Как же через идентичность формируется целостность? В основе идентификации лежит установка: познай самого себя. Решая проблему самопознания, идентичность определяет поведение любого существа, делая его естественным выражением внутренней сути. В связи с этим весьма любопытно одно признание Л.Д. Кучмы, когда, процитировав известное высказывание итальянского премьер-министра: «Италию мы создали, теперь наша задача – создать итальянцев», он пишет: «перед сегодняшней Украиной стоит схожая... задача»². Значит, проблема все-таки не в поиске своей идентичности, а в ее формировании. Не в этом ли заключается современная национальная идея? «Создать украинца»³. Но тогда уточним, что эта задача стоит не «перед Украиной», а перед ее «элитой», которая будет пытаться теперь переделать

народ под себя и под свой «цивилизационный» выбор. Ответ на вопрос, насколько далеко могут пойти в реформаторстве «передельватели», во многом зависит от того, какой образ украинца они сформировали для себя в качестве идеала. Каким же должен быть украинский народ с точки зрения новых «отцов нации»? Ответ известен: в первую очередь, единым. И мы с этим согласны. Но качество этого единства может быть разным. И украинская «элита» в этом вопросе уже определилась – монолитное единство нации обеспечит реализация принципа: «один народ, один язык, одна вера», где задача «думать для Украины» заменяется установкой «думать по-украински».

Такой подход в принципе объясняется тем, что будущее страны зависит от выбора и качества идентичности, которая строится на общей истории, понимаемой как общая судьба во времени. Правда, если с народом и языком в данном случае более или менее все понятно, то как быть с верой? Логично предположить, что вера будет – униатская. Правда, для современных создателей украинской нации это будет самая сложная задача – сложнее украинизации, поскольку в вопросе религиозной принадлежности даже среди молодежи очевидно доминирование (до 80%) православия⁴. Но трудности нашу власть не пугают. Просто эту задачу планируется реализовывать в два этапа: сначала надо сделать православную церковь (УПЦ МП) поместной, то есть отделить ее от Московского Патриархата, а затем, когда это будет осуществлено – переподчинить униатской, что, собственно, будет означать полное уничтожение православия в Украине. Тогда и будет достигнут желаемый результат.

Безусловно, задачи перед страной в этом вопросе поставлены глобальные. В них, собственно, и заключается вся т.н. «внутренняя геополитика». Естественно, больше всего придется повозиться с православием. Но ради единой Украины реформаторы готовы на любые жертвы. Вот только будет ли достигнута при этом поставленная цель?

Сомнения в принципиальной достижимости поставленной цели вытекают из того, что выбор идентичности означает выбор судьбы, ведь с нами будет то, что мы есть. Нельзя выбрать ложное, чужое без серьезных последствий для страны. Нельзя это чужое навязать всем, не нарушив столь важную для будущего Украины гармонию.

Естественно, то, что сложилось во времени, во времени будет и реализовываться, возможно, в перспективе обретая новое качество. Но искать свою идентичность и формировать новую – совершенно

разные задачи. Познать – не значит переделать. Сущностное может не совпадать с желаемым. И одно с другим путать нельзя, поскольку любая кардинальная трансформация может быть губительной для страны: и для тех, кто выбрал и навязал, и для тех, кто принял как свое, отбросив настоящее и для него естественное.

Идентичность по своей природе структурна и не является однолинейной, включая в себя национальный, региональный, этнический, культурный, конфессиональный и прочие уровни и компоненты, каждый из которых является естественной и необходимой частью целого, формируя сложный образ единства множеств и наполняя его своей силой. Значит, процесс самоидентификации гораздо сложнее программ, разрабатываемых в украинском институте Памяти, и включает в себя различные аспекты сознания, которые в условиях украинского культурного и политического своеобразия нельзя свести к какому-то общему знаменателю. И не нужно.

Следовательно, в данном случае любое упрощение ситуации через попытку решить все одним махом, используя не культурный и социально-экономический, а лишь административно-политический ресурс, ведет не к решению, а к усугублению проблемы с переходом ее в иную, более глубинную, затяжную и запущенную стадию кризиса.

Уже сегодня процессы глобализации привели к активизации межнациональных взаимодействий, и как следствие, к возникновению и обострению межнациональных конфликтов во многих странах и регионах. Вместе с тем очевидно также, что идея мультикультурности и мирного сосуществования наций, конфессий и различных этнических групп становится доминирующей в мире, требуя существенной корректировки государственной политики и конкретных изменений в законодательстве там, где это необходимо. В этих условиях «формирование единых, безболезненных для всего общества межэтнических отношений и общегражданского самосознания» для Украины становится одной из важнейших задач. И не только потому, что провозгласившая курс на «евроинтеграцию» Украина в вопросах соблюдения гарантий гражданских прав и свобод должна соответствовать европейским стандартам, но и потому, что от этого напрямую зависит качество ответа Украины на вызов истории. Но достойна ли Украина вызова? Готова ли дать свой ответ? Пока не ясно. Ведь, к сожалению, украинская «элита» пошла по другому, и как ей показалось, наиболее простому пути, когда общий смысл стал определяться идеологией этноцентризм-

ма, заимствованной в преимущественно сельской и униатской Галичине. Но подобная исходная установка свидетельствует не просто о непонимании стоящих перед страной проблем и задач, но и о принципиальной несовместимости заявленных при образовании Украины целей и используемых для ее развития методов. Давая некое правдоподобное объяснение обретению украинской независимости, «селянская» этноцентристская доктрина не позволяет Украине обрести столь важную для нее целостность в сочетании с инновационно оформленной социодинамикой, делая исторические перспективы Украины крайне неопределенными.

Дабы состояние этой проблемы не выглядело столь удручающе, диктующий политику закрытого общества этноцентризм был дополнен совершенно не согласующимся с ним «евровыбором», требующим соответствовать демократическим ценностям и стандартам.

Иначе говоря, провозглашенная в Украине приверженность европейским ценностям сочетается с этноцентристской доктриной реализуемой внутри страны, где отвечающие за гуманитарную политику этно-националисты навязывают идею исключительности «титового» украинского этноса и настаивают на признании за ним особых прав, выходящих за пределы общегражданских, что дает государству основание приписывать любому гражданину без его согласия культурно-языковые предпочтения, которые он должен принимать в качестве ценностей.

Что касается России, то партнерство с ней сохраняется не по причине ценностного выбора, а исключительно по необходимости и связана с зависимостью от энергоресурсов.

Почему же из возможных сценариев выстраивания межэтнических взаимодействий украинской властью был выбран не вариант, учитывающий современные тенденции и права граждан, а курс на этническую ассимиляцию, неизбежно приводящую к ответной маргинализации меньшинств и, как следствие, росту сепаратизации?

Согласно господствующей в национальной «элите» идеологии евровыбор рассматривается как следствие «общенациональной онтологии, на базе которой оформлялась национальная идея, дающая возможность стране формировать внутреннюю идентичность. И эта задача уже выполнена», – считает В. Карасев⁵.

Смысл ее в том, чтобы признать свою европейскую идентичность, поскольку в основу евроатлантического «партнерства» официально

были положены евроатлантические ценности и гуманитарные приоритеты. Но в самой Украине дальше риторики о «построении гражданского общества» и «формировании и укреплении стандартов демократии» дело не пошло. Вместо этого налицо романтизм в отношениях с Западом и целенаправленные попытки «доказать» европейские основы своей политической и социальной культуры, без каких-либо конкретных шагов в этом направлении.

В результате создается впечатление, что украинская альтернатива носит исключительно внешний характер, сводясь к вопросу не «каким быть?», а «с кем?» В образно-исторической форме этот выбор звучит: Остап или Андрий?⁶ Хмельницкий или Мазепа? Но за каждым выбором стоит образ, а за образом – суть. В связи с этим хочется спросить: а Григорий Сковорода не вдохновляет? «Мир ловил меня и не поймал». Быть со всеми и ни с кем. У Украины нет постоянных союзников, а есть постоянные интересы – играть на международных противоречиях и противовесах на пользу своей стране. Но украинские «элитарии» пока этим вопросом не задаются, заранее сдавая свою страну тем, кто больше может заплатить, и совсем не понимая, что порожденные этим выбором вызовы, представляющие угрозу для самой Украины, могут упразднить их самих.

Им не понятна онтология глобальных взаимодействий в условиях нарастающего хаоса, который, скорее всего, представляет собой другую, пока нами не познанную, в ином режиме выстроенную и взаимодействующую на разных уровнях структуру. И значит, на порождаемые ею вызовы-проблемы они ответить не могут, потому что их даже не видят.

В этих условиях, когда исходным и доминирующим критерием становится фактор экономической успешности нации на мировых рынках, проблема размывания языковых, религиозных, этнических и культурных особенностей становится не такой заметной, но от этого не менее важной. И совсем не потому, что глобализация ведет к разрушению стереотипов мышления, устоев морали, национальных традиций. Для Украины этот вопрос стоит жестче и трагичнее, так как «для нас сегодня главный вызов – хотим ли мы ассимилироваться без идентичности, которую мы так и не обрели, пытаясь обмануть историю, или все же сделаем попытку обрести свое национальное лицо»⁷. Ведь в мире «везде идут трансформации, но во всех этих трансформациях участ-

вуют субъекты, которые имеют уже историческое лицо, самоидентичность»⁸.

В результате, устроив «геополитические блуждания в трех соснах», мы совершенно не учли того, что «проект единения с большой Европой и проект независимой Украины – это два противоположных по содержанию проекта. И может так получиться, что в скором будущем, кроме школьных учителей истории, в стране не останется желающих реализовать проект независимой Украины образца 1991–1993 годов»⁹.

Идти в Европу, одновременно формируя новую идентичность? Насколько это реально? В какой степени Украина готова к этому? Насколько готова к этому Европа? Не означает ли подобная безответственность, что Украина не собирается давать какие-либо обязательства Европе при вхождении? Кем мы мыслим себя? В качестве кого нас воспринимает мир? Кто и что мы для мира?

Даже для самых сильных государств глобализация несет угрозу потери лица. Это – реальный вызов для многих народов. А для нас? Есть ли нам что терять? Чем мы заплатим за обретение идентичности? Чем готовы заплатить за присоединение к европейскому проекту, и на какие готовы условия? Что для нас сейчас важнее? Или предпримем попытку пристроиться к чужим проектам и ресурсам, ничем за это не заплатив? Судя по всему, надеемся на последнее. Но разве так бывает?

Возможно, поэтому поиск своего лица в Украине сопровождается весьма своеобразной внешней политикой, опирающейся на следующие постулаты:

- особое геополитическое транзитное положение;
- внутренние экологические проблемы (угроза их распространения на европейские страны);
- исторические обиды (попытка в рамках большой политики разыграть карту «голодомора» как «украинского холокоста»).

Но при любом раскладе проблему идентичности обойти не удастся. Ведь характер и темпы развития Украины напрямую зависят от осознания собственной сути, воплощенной в определенных жизнесмыслах и реализуемой через конкретные политические и культурные доктрины. Значит, нашедший идентичность обретает судьбу.

Возможно, поэтому в Украине столь жестко и целенаправленно проводится политика по формированию новой идентичности путем мифологизации своей истории. «Национальная идентичность, которая

формируется при отрицании реальной истории (т.е. отрицается вообще наличие такой истории, даже безотносительно к оценкам), так сказать, почти с чистого листа, всегда будет наполняться конъюнктурным политическим содержанием, продиктованным из-за рубежа»¹⁰, – написал по этому поводу в одной из своих работ политолог С. Пироженко.

Значит, нам в первую очередь надо определиться, не куда мы хотим идти, а хотим ли мы получить свою собственную идентичность. Иначе говоря, проблема сочетания полноценной евроинтеграции с обретением новой национальной идентичности может оказаться столь же нерешаемой, а потому для страны губительной, как проблема сочетания «перестройки» с «ускорением» для СССР. Следовательно, нынешняя ситуация требует воздержаться от резких политических решений, ведущих к расколу общества. Иначе говоря, чтобы не совершить непоправимой стратегической ошибки, Украина нуждается во внешне-политической паузе¹¹.

Но украинскую «элиту» пауза не устраивает. Она хочет действовать, закрепив свою власть, но не в форме гармонизации общества и инновационного прорыва, а через присоединение к ЕС и НАТО.

В результате внутренняя политика «элиты» все более приобретает характер «внутренней геополитики» по принципу «война всех против всех». Тихая гражданская война в культуре, образовании, в структурах управления, в СМИ, цель которой – создать полное информационное и культурное единообразие не на принципах соблюдения демократических норм и гражданских прав и свобод, но на основе культурного и политического этноцентризма.

Эту «геополитику» в первую очередь отличает стремление исключить из процесса формирования украинской национальной идентичности общее с Россией историко-культурное наследие или дать ему принципиально негативные оценки, противопоставив ее цивилизованной Европе, в которой Украина якобы в свое время играла немаловажную роль. Особенно – в культуре.

Примером такого обоснования могут служить украинские учебники истории, призванные вложить в сознание молодого поколения украинцев ту информацию в форме исторической памяти, которая сможет придать политическим решениям власти нужный вес и обоснование. Так, в одном из них, начав с того, что Украина «играла роль культурного центра Литовского государства»¹², автор учебника подает Украину уже как «...географическое обозначение границы между западной ци-

визацией и восточным “варварством” Русского православия»¹³, играющую «мессианскую роль связующего звена между западноевропейской цивилизацией и Россией»¹⁴.

Несколько позже «украинский ренессанс, взламывая все барьеры московского культурного своеобразия, покори́л духовный мир России»¹⁵, став задолго до реформ Петра I окном «в цивилизованную Западную Европу»¹⁶, «той отдушиной, через которую Московское общество знакоми́лось с духовными достижениями западноевропейской цивилизации, уже адаптированной к православной почве деятельностью украинских просветителей»¹⁷.

Потом, благодаря благотворному влиянию украинской культуры, «Россия в XVIII в. стала способной непосредственно воспринимать все европейские новшества»¹⁸. Но, к сожалению, «несмотря на все усилия украинских миссионеров, им так и не удалось преодолеть вековую отсталость России и чудовищную жестокость ее правителей», в результате «к началу XIX в. украинские земли Российской империи, сохранив православную конфессию, постепенно теряют свою культурно-этническую самобытность». А «западноукраинское общество, которое после разделов Речи Посполитой оказалось под властью австрийских императоров, реформировав конфессию, в жесткой борьбе с польской культурой сохранило свою культурно-этническую самобытность»¹⁹.

Обращаем внимание на то, что даже эта небольшая подборка материала наглядно показывает:

- сколь многим обязана была отсталая Россия передовой Украине, но даже эта помощь не сделала Россию лучше и не была ею оценена;
- что православная конфессия, в отличие от униатской, не способна ни защитить верующих, ни сохранить «культурно-этническую самобытность», выступая слепым орудием «Москвы».

В свою очередь, такие выводы наслаиваются на оценку современной политики, подводя молодежь к тем решениям, которые власти необходимы. В том числе, и в отношении православия.

Впрочем, когда идентичность Украины определяется в сравнении с Россией, понятно. Но если в этом вопросе быть последовательным, то придется признать, что определение «Украина – не Россия» не прибавляет ясности в понимании Украины как целого. А что? И внятного ответа на вопрос пока не последовало. Значит, еще не определились, несмотря на украинизацию. И мы можем сейчас лишь констатировать,

что, если воспринимать Украину как проект, то называться он должен «анти-Россия».

В принципе ничего криминального в этом нет. В конце концов, идентификация легче всего осуществляется от противного. Но в этом варианте смущает одна деталь: подобная оценка не несет в себе позитива. Не говоря уж о том, что она травмирует нацию, демонстрируя ее неизжитые комплексы, вынуждая говорить о создании СМИ и школой болезненного образа украинского народа как безответной жертвы и пассивного объекта игры мировых сил зла.

И с образованием украинского государства ситуация не изменилась. Свобода и независимость не привели к возрождению и расцвету, несмотря на постоянные обещания. Скорее, наоборот. Конечно, при оптимистическом подходе можно предположить, что кризис будет преодолен. Просто для этого надо больше времени. Ведь расхождения между различными регионами связаны с их природно-климатическими, религиозными, этническими, языковыми и историческими особенностями. Они носят принципиальный характер и не могут быть разрешены быстро. Вполне возможно, кого-то подобная аргументация убеждает, но лишь при условии, что исходные принципы и методы идущих в Украине «преобразований» не подвергаются сомнению. А сомнения есть, и весьма серьезные, дающие право аналитикам утверждать, что в Украине ее «элитой» проводится не спланированная, но от этого не менее целенаправленная политика с целью испытания государства и страны на прочность. Эту политику характеризует «шоковая украинизация Юга и Юго-Востока Украины», одним из результатов которой стало «превращение средней школы в инструмент разрыва духовной связи между поколениями»²⁰.

К сожалению, интеграционные процессы в рамках Украины сопровождаются усилением деструктивных тенденций на всех уровнях. Политический кризис становится перманентным, демонстрируя неспособность власти сделать хоть какое-нибудь интеллектуальное усилие без принуждения кризисом. Значит, состояние системной дестабилизации, когда риски и угрозы качественно усиливаются, становится характерной чертой Украины. И поскольку «центру» в этой ситуации осуществлять успешную политику правовыми методами не получается, налицо явный крен в пользу популизма, формирующий более благоприятные условия для доминирования харизматичных лидеров. Но смогут ли они решить стоящие перед страной проблемы? Каков их

ресурс, если учесть, что «украинский прорыв» может быть только инновационным? В свою очередь кризис центральной власти создает благоприятные условия и для активизации региональных лидеров и роста популярности федералистских идей, а в случае продолжения конфронтации, даже к «Беловежью по-украински» – сговору региональных элит против киевской власти как таковой»²¹. В результате складывается ситуация, когда затянувшийся конфликт внутри украинских элит перерастает в кризис всей украинской государственности и становится системообразующим фактором дестабилизации, усиливая вероятность формирования локальных идентичностей на базе кристаллизации регионального самосознания.

Одним из его проявлений выступает неспособность «элиты» поставить и сформулировать задачи на онтологическом уровне, и как следствие – размытость понятий, представлений, смысла. Сумбурность и сумятица понятий позволяет власти играть в концептуальном поле и манипулировать сознанием граждан, но не позволяет сформулировать общую для всех, ясную и привлекательную цель, вынуждая страну топтаться на месте, истощая интеллектуальные и физические ресурсы бесплодными политическими, культурными, этноконфессиональными и социально-экономическими «разборками» внутри страны.

Стабильное развитие страны в современных условиях обеспечивается способностью гармонизировать социодинамику, где ритмы глобального уровня схлестываются с импульсами внутри страны. Но наша «элита» не только не может справиться с отрицательной динамикой, но, судя по всему, сама порождает ее. Она несет в себе хаос. А ведь ее ждут вызовы и задачи совсем иного уровня.

Именно поэтому заверения, что Украина уже состоялась, удовлетворяют только наивных или заинтересованных. В этих кризисных условиях страна ясно ощущает острую потребность в консенсусной демократии, чтобы «явить миру принципиально новый концепт того, как постоянно находить динамическое согласие между двумя столь различными реальностями внутри одной и той же страны. У нас есть выбор – либо страна расколется на части, либо мы найдем способ постоянно эти разные реальности согласовывать, не доводя ситуацию до кризиса»²². Но консенсусная демократия есть следствие общего состояния общества и, как минимум, политической культуры элит.

К тому же, чтобы такая демократия состоялась, необходимо осуществить переход от ситуативного компромисса интересов к принци-

пиальному соглашению, основанному на гражданских правах и учитывающему интересы всех. Но у нас, к сожалению, компромисс как реальная политика, когда приходится понимать соперника и уступать в частностях во имя единства и общего дела, политическими элитами изначально не рассматривается. Значит, модель гармонии и равновесия при невозможности общей тотальной национальной идентичности в условиях открытого информационного пространства ни спланирована, ни организована не будет.

Именно поэтому Украина не воспринимается как целостность. И в этом едва ли не главная причина всех ее проблем. Но вместо того, чтобы гармонизировать внутренние противоречия, современная политика власти придает им характер неразрешимых антагонизмов. А ведь главная задача в данном случае – не снять антагонизмы путем уничтожения одного из них, а обеспечить их гармонизацию путем перевода в иное качество, где противоречия становятся взаимодополняющими и начинают работать на общее дело.

Единство страны будет гарантировано, если ее объединить смыслом. И он не в том, с кем быть, но – каким быть. Смысл развитию страны может придать только общее дело. Только тогда в Украине может появиться не «электорат», а народ.

Будет общее дело – будут и общие идеи. Будет и народ. «Общества у нас нет, потому что нет производства. Есть “труба” и система, которая ее обслуживает. Есть островки, где кто-то еще что-то делает. Вокруг “трубы” расселись финансисты, вокруг них – торговцы. Все они создают рынок услуги: бухгалтеров, охранников, представителей СМИ и т.п. Ну, и еще кучки демократическо-творческой интеллигенции, мечущейся от одного хозяина-спонсора к другому. Получается подобное “общество”, в основе которого – все та же “труба”. Но общество таким быть не может, потому что оно – не “труба”...»²³. Так написал М. Калашников по поводу России, а ощущение такое, что написано про нас с тем отличием, что наша ситуация не лучше, а хуже, потому что в этой трубе – не наш газ и не наша нефть.

Чтобы Украина состоялась, ей надо породить свой мир. Но как породить его? Чтобы это была не галицкая модель и не российская. Чтобы она равнялась на лучшее в других и в себе. Чтобы она не отнимала и разделяла, а складывала и множила. Чтобы она вела к гармонии. Чтобы нашлось в Украине место для всех. Достойное место для людей и страны, объединенных общим делом. Лишь тогда в развитии Украи-

ны будет ясность и позитив, когда в основу поиска и формирования идентичности будет положен принцип этой позитивно оформленной и функционально направленной целостности, означающий, что страна в своем разнообразии единая. И эта целостность Украины будет гарантироваться всеми через гарантии сохранения ее внутреннего построенного на взаимном уважении многообразия.

Вот почему одной из важных идеологических проблем является задача переключения внимания общества с прошлого на настоящее и будущее – от этого зависит инновационный климат в стране. Почему? Прошлое крыльев не дает. Прошлое в лучшем случае дает опору. И мы видим, что попытки объединить страну историческими событиями сомнительного свойства ее не окрыляют и не объединяют. Окрыляет только будущее. И только им можно объединить Украину. Объединить общим проектом. Главное в нем: проблема динамизации с позитивным смыслом, основанная на внутренней гармонии, чтобы в результате модернизационного перехода страна не пошла вразнос.

Вот почему сейчас главный смысл – в гармонизации. Ведь потенциал одной, пусть и доминирующей, половины Украины не может компенсировать и заменить целое. И потому гармония важнее победы. Точнее, победа Украины – во внутренней гармонии. Чтобы сделать из двух крайностей синтез, позволяющий выбрать и реализовать успешный путь, проявив волю не как таковую, а волю к высокому.

Значит, нам пора бы уже понять, что свой проект для Украины в условиях современной социодинамики может быть только наднациональным, так как перед ней стоят задачи, выходящие за рамки цивилизационных проектов, вынуждающие мыслить глобально, будущим, масштабами не племени, не этноса, а вселенной, мультиверсума. В рамках этого проекта надо стать центром (одним из центров) интеллектуального и духовного общения, обмена идей, инноваций; плавильным тиглем творчества, а не жесткого «украинства», где лидерство определяется не узконациональными амбициями или экономическим потенциалом, а способностью к геодинамике и качественным преобразованиям. В этом проекте «окраина» должна попытаться стать осью, источником, «лоном» нового, новым центром инновационного взлета, «полем возможностей». И тогда Украина состоится.

-
- ¹ Пахомов Ю. Украина: парадоксы роста и развития. Электронный ресурс. <http://ukraine.fondsk.ru/article.php?id=1019>.
- ² Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М., 2004. С. 28.
- ³ Там же. С. 17.
- ⁴ Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия: Сборник статей. М., 2007. С. 198.
- ⁵ Карасев В. Кто получит глобализационный дивиденд? Электронный ресурс. http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=10&op_id=250#250.
- ⁶ На фоне оранжевой революции: Украина между Востоком и Западом: Вчера, сегодня, завтра / под ред. К.Ф. Затулина. М., 2005.
- ⁷ Богословская И. Глобализация для Украины: проникающий нейтралитет и смена элит. Электронный ресурс. http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=10&op_id=268#268.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Мартюшев А. Украина: между жизнью и смертью. Электронный ресурс. Режим доступа: http://dialogs.org.ua/project_ua_full.php?m_id=3926; Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.; СПб., 2004.
- ¹⁰ Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия. М., 2007. С. 90.
- ¹¹ Юрченко С.В. Festinalente или необходимость паузы во внешней политике Украине. Электронный ресурс. <http://rusprostranstvo.com/?p=44>.
- ¹² Бирюлев И.М. Всемирная история. Часть первая. Новое время (XVI — конец XVIII в.): Учебник для 8 класса средней общеобразовательной школы. Запорожье, 2002. С. 30.
- ¹³ Там же. С. 32.
- ¹⁴ Там же. С. 12.
- ¹⁵ Там же. С. 12.
- ¹⁶ Там же. С. 169.
- ¹⁷ Там же. С. 77.
- ¹⁸ Там же. С. 77.
- ¹⁹ Там же. С. 78.
- ²⁰ Мартюшев А. Украина: между жизнью и смертью. Электронный ресурс. http://dialogs.org.ua/project_ua_full.php?m_id=3926.
- ²¹ Минченко Е., Ермолаев А. Борьба кланов или конфликт стратегий: Сценарии развития политико-экономической системы Украины. Меморандум. Электронный ресурс. <http://www.stratagema.org/issledovaniya.php?n>.
- ²² Червоненко В. Обреченные на кризис. Электронный ресурс. http://dialogs.org.ua/club_ua_full.php?m_id=10388.
- ²³ Калашников М. Третий проект. Спецназ Всевышнего: книга-расследование. М., 2006.

Сведения об авторах

Бабенко Василий Яковлевич – к.и.н., директор Уфимского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, г. Уфа

Васютинский Вадим Александрович – д.психол.н., профессор Института социальной и политической психологии Национальной академии педагогических наук Украины, г. Киев

Воропаева Татьяна Сергеевна – к.психол.н., доцент, ст.н.с. Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко, г. Киев

Калиниченко Ольга Вячеславовна – к.психол.н., доцент Уссурийского филиала Дальневосточного Федерального университета, г. Уссурийск

Королев Геннадий Александрович – к.и.н., н.с. Института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев

Коростелев Александр Дмитриевич – к.и.н., в.н.с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва

Маховская Светлана Леонидовна – м.н.с. Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рылского Национальной академии наук Украины, г. Киев

Павленко Валентина Николаевна – д.психол.н., профессор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, г. Харьков

Рыбакова Людмила Александровна – аспирантка Уральского государственного педагогического университета, г. Нижний Тагил

Рыжова Светлана Валентиновна – к.соц.н., в.н.с. Института социологии Российской академии наук, г. Москва

Скоробогатая Андрианна Анатольевна – к.и.н., ст.н.с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва

Снежкова Ирина Анатольевна – к.и.н., ст.н.с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва

Ставицкий Андрей Владимирович – к.ф.н., доцент Севастопольского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Севастополь

Черниенко Денис Аркадьевич – к.и.н., доцент Уфимского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, г. Уфа

Ярлыкапов Ахмет Аминович – к.и.н., ст.н.с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва

Научное издание

**Трансформация этнической идентичности в России
и в Украине в постсоветский период**

Ответственный редактор
Ирина Анатольевна Снежкова

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Компьютерная верстка: Е.А. Юрина
Редактор: О.Л. Милова
Художник: Е.В. Орлова

Подписано к печати 27.12.2013
Формат 60x84 1/16, Усл.-печ.л. 21,8
Тираж 200 экз. Заказ № 44.

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991, Москва, Ленинский проспект 32а